№ 6. 1848

ПАНТЕОНЪ

издаваемый

О. КОШ.

Санктпетербургъ.

Хмельницкій.—Воскресенскій.—Крешевъ.—Кольцовъ.—Андреевъ.—Сементовскій.—

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ѲЕДОРОМЪ КОНИ.

ТОМЪ III.

ИЮНЬ. — КНИЖКА ШЕСТАЯ.

1848.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 іюля, 1848 года.

Цензоры *А. Никитенко*, *С. Куторга*, *В. Лангеръ*.

Въ типографіи штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

—

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИНОВІЙ-ВОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ или ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ. Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. *Н. И. Хмѣльницкаго.*

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ТРИНАДЦАТЫЙ КАРТУЗЪ. Разсказъ *М. И. Воскресенскаго* (автора «Тринадцатаго гостя.»)

БАРОНЕССА ФЛАГСБЕРГЪ. Романъ *Н. Сементовскаго.* (Часть третья и послѣдняя).

III. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изъ *Виктора Гюго.... И. П. Крешева.*
Облака..... *В. Р. Зотова.*
Баяну / Измѣна } Двѣ русскія пѣсни.... *Кольцова.*
Цвѣтокъ..... *И. П. Крешева.*
Ты помнишь ли часъ тотъ! — *И. И. Голубина.*

IV. БІОГРАФІЯ.

ИРОНЪ. *Статья Арсенія Гуссе.*

V. МЕМУАРЫ.

ПИСКИ АКТРИСЫ ФЛОРЫ О НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНАХЪ. (Окончаніе).

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Русскій театръ въ Петербургѣ.

Чудная дѣвушка или Рѣдкость XIX вѣка! Драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго *С. Соловьева.*

Барыня-служанка или страсть къ горничнымъ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Альбини,* переводъ съ нѣмецкаго.

Отъ желанья угодить можно хлопоты нажить. Водевиль въ 1 дѣйствіи. (*Бенефисъ г. помощника режиссера Алекина.*)

Обыкновенные люди. Сцены изъ провинціальной жизни, въ 4 дѣйствіяхъ. Соч. *П. И. Григорьева 2-го.*

Старый математикъ или комета въ уѣздномъ городѣ. Шутка-водевиль, передѣланная съ нѣмецкаго *Н. Андреевымъ и П. Григорьевымъ.*

Кузнеческій сынокъ. Русская интермедія въ двухъ отдѣленіяхъ. Соч. *П. Григорьева 2-го.*

(*Бенефисъ г. Григорьева 2-го.*)

Статья Ѳ. А. *Кони.*

VII. ПАНОРАМА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція. Парижъ. Критическое положеніе Парижскихъ театровъ. Драматическій конгресъ. — Новыя пьесы: Мачиха — *Бальзака.* — Семейство Тюро — *Лорансa.* — Улица Кемкампуа — *Ансло.* — Веронская пасха — *Арно и Жюдисиса.* — Маршалъ Ней — *Анисе-Буржуа.* — Сынъ Фермера — *Фабіена.* — Эрикъ или привидѣніе — *Фурнье.* — Гильомъ-бурлакъ — *Дюмерсана.* — Орасъ и Каролина — *Балра.* — Часъ въ Бретани — *Ламбера.* — И проч.

Англія. Лондонъ. Лордъ Эллингамъ — *Спейсера.* — Примѣты и встрѣчи — *Бекстока.* — Дебюты Віардо-Гарсіи. — Дебюты Тадолини. Директоръ Гостей и его наленіе.

Германія. Вѣна. Воспитанники Карловой школы — *Лаубе.* — Магдалина — *Фридриха Геббеля.* — Валентина — *Фрейтага.* — Нѣтъ болѣе езуитовъ — *Шубара.* — Тайный агентъ. — Милые родные — *Нестроя.* Штутгардъ. — *Обрученный* — трагед. *Гартмана.*

(Смотри на оборотѣ обверткн)

VIII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Сигналы общественной жизни, литературные и музыкальные:

Физіологія Петербургскихъ дачъ. — *Весенняя эмиграція дачниковъ.* — *Удобства и наслажденія на лонѣ природы.* — *Ловкость сообщенія.* — *Полюстровскіе дилижансы.* — *Загородные оркестры и ихъ концерты: Гунгль, Гильманъ и Шиндлеръ.* — *Новый пароходъ «Сильфида».* — *Проѣздъ (пассажъ) гр. Фермора-Штенбока.* — *Новости литературныя:* «Обозрѣніе Кіевскихъ могилъ, валовъ и городищъ,» соч. *Фундуклея;* — *книга г. Классовскаго «о Помпеѣ»; книга Кн. Вяземскаго о «Фонъ-Визинѣ.»* — *Новый русскій композиторъ Н. В. Лазаревъ и его первыя произведенія.* — *Некрологи:* В. М. Бѣлицкій; — Н. Ѳ. Линдфорсъ; — М. П. Сорокинъ.

IX. СМѢСЬ.

1. Знакомство Шекспира съ Елисаветою. (Разсказъ *Тика.*) — 2. Историческія клавикорды. — 3. Астрономъ Араго. (Біографическій очеркъ.) — 4. Самый миролюбивый изъ Бонапартовъ. — 5. Артистическіе очерки: *Новый талантъ на русской сценѣ. М. В-го.* — 6. Мехиканское правосудіе. (*Изъ записокъ путешественника*)

X. КАЛЕЙДОСКОПЪ.

1. Русскій Геликонъ. — *2. Химическое открытіе Клоеса.* — *3. Германскіе театры гибнутъ совершенно!* — *4. Новая ода-симфонія Фелисьена Давида.* — *5. Некрологъ Батиста.*—*6. Новый композиторъ Бенуа.*—*7. Національный театръ въ Туринѣ.*— *8. Приключеніе изъ жизни Жуи.* — *9. Торговля дѣтьми въ Парижѣ и Лондонѣ.* — *10. Письмо Мейербера къ Парижскому обществу артистовъ.* — *11. Г-жа Віардо-Гарсія.* — *12. Новое изданіе сочиненій Фридриха Великаго.* — *13. Странный юридическій вопросъ.* — *14. Новѣйшія нѣмецкія оперы.*—*15. Мысли короля Фридриха Вильгельма III о театрѣ.* — *17. Драма въ Египтѣ.*

XI. БАЛАГУРЪ.

Двадцать анекдотовъ, остроумныхъ изрѣченій, забавныхъ случаевъ, куплетовъ и проч.

XII. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ № 6.

СТАТЬЯ 213 ИЛИ МУЖЪ ОБЯЗАНЪ ЗАЩИЩАТЬ..... Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *Деннери* и *Гюстава Лемуана.* Перев. съ Франц. *А. Андреева.*

Пароходъ, съ тюкомъ картинокъ, пересланныхъ изъ за границы для редакціи Пантеона, до сихъ поръ еще не прибылъ; поэтому къ этой книжкѣ картинки не прилагается. Она будетъ приложена къ послѣдующимъ.

Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ, желающихъ видѣть статьи свои напечатанными *въ Пантеонѣ* съ *псевдонимами* или вовсе *безъ подписи*, все-таки сообщать редакціи имена свои и точные адресы, на случай какихъ-нибудь сношеній. Только на такихъ условіяхъ статьи безъименныя могутъ входить въ составъ журнала.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція должна принести передъ своими почтенными подписчиками двоякое извиненіе: въ несвоевременномъ выходѣ двухъ послѣднихъ книжекъ и въ томъ, что къ этой не приложено картинки.

Съ самой доброй волей, съ величайшимъ усердіемъ, человѣкъ не въ силахъ бороться съ обстоятельствами, непредвидѣнными и ни чѣмъ неустранимыми. Ихъ власти онъ долженъ покориться, какъ бы горестно и тяжко для него ни было ихъ иго. Редакція Пантеона испытала это въ самой полной мѣрѣ: все, зависящее отъ нея, она исполнила со всевозможной добросовѣстностію и по крайнему своему разумѣнію и вѣроятно никто, изъ прилежно слѣдящихъ за ходомъ журнала, не рѣшится поставить ей въ вину замедленія выхода. Холера похитила четырехъ лучшихъ наборщиковъ журнала, другіе покинули и работу, и городъ, самъ редакторъ пострадалъ въ этой жестокой болѣзни три недѣли..... вотъ причины, которыхъ устранить не было никакой возможности, не говоримъ уже о другихъ. Редакція для ускоренія работъ рѣшилась даже печатать этотъ № въ трехъ типографіяхъ разомъ, но и это мало подвинуло ее впередъ—и такъ она предпочла лучше дать читателямъ книжку полную, добросовѣстно составленную, хотя нѣсколько позднѣе срока, чѣмъ выпустить что-нибудь и какъ-нибудь.

При слѣдующей книжкѣ будутъ приложены двѣ картинки, вмѣсто одной.

—

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЗИНОВІЙ БОГДАНЪ ХМЪЛЬНИЦКІЙ

или

ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ.

Историческая драма въ 5-ти картинахъ (*).

Соч. Николая Хмыльницкаго.

Картина I:
КАЗАЦКАЯ РАДА.

Картина II:
ЗАРУЧЕНЬЕ.

Картина III:
ЗАПОРОЖСКАЯ СѢЧЬ.

Картина IV:
ГАЙДАМАКИ.

Картина V:
ОСВОБОЖДЕННАЯ МАЛОРОССІЯ.

(*) Источниками были: Исторія Малой-Россіи — *Бантышъ-Каменскаго* и въ особенности Запорожская Старина — *Г. Зрезневскаго*; также описаніе Украины — *Боблана* и Собраніе Малороссійскихъ Пѣсень — *Г. Максимовича*.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Барабашъ, наказный гетманъ казацкій.
Полежай, войсковой судья.

Зиновій Богданъ (*) Хмѣльницкій.
Дженджелей.
Туча.
Нечай.
Небаба.
Бѣда.
} Старшины кошевые и Куренные атаманы.

Русскій бояринъ Бутурлинъ.
Панъ Даніилъ Чаплицкій, подстароста Чигиринскій
Панна Ольга, невѣста Зиновія.
Маруся, малороссійская Сафо.
Гаркуша.
Чура, бандуристъ.
Оксана.
Подруги Ольги.
Продіусъ.
Бурсакъ.
Шляхтичи городской стражи.
Украинскіе поселяне.

Женихъ.
Невѣста.
Отецъ.
Мать.
} Свадебный поѣздъ.

Хорунжій.
Ватага.
Мушкетъ.
Кукуруза.
Скурай.
} Казаки.

Гайдамаки.
Казаки и казачки.
Поляки и польки.
Татарскіе Мурзы и татары.

Хайло.
Мовша.
Израиль.
} Евреи.

(*) Зиновій Хмѣльницкій при крещеніи получилъ другое имя Богданъ, данное ему, по обычаю католиковъ отъ воспріемнаго отца, князя Сунгушка. Зиновій съ молодыхъ лѣтъ обучался въ Кіевѣ, а потомъ въ польскомъ Ярославцѣ у Іезуитовъ, — онъ пріобрѣлъ обширныя познанія въ латинскомъ языкѣ, что было, по словамъ пастора, рѣдкостью въ грубомъ народѣ. Отецъ Хмѣльницкаго, былъ Михаилъ, сотникъ Чигиринскій, а мать Анастасія, дочь перваго казацкаго Гетмана князя Богдана Рожинскаго.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Казацкая рада (*).

Театръ представляетъ Чигиринскую дубраву, подъ самымъ городомъ, на рѣкѣ Тясминѣ.

I.

КАЗАКИ, ВАТАГА И МУШКЕТЪ, ЗА НИМИ НѢСКОЛЬКО УКРАИНСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ.

1. УКРАИНЕЦЪ. Гей, гей! Панове, запорожцы!... а що, туде ли мы йдемъ!

ВАТАГА. Экіе деревенщины! незнаютъ Чигиринской дубравы, подъ самымъ городомъ.

1 УКРАИН. Хтожъ ее знае.

2 УКРАИН. Языкъ довете до Кіева, панове.

МУШКЕТЪ. Да что за нелегкая несетъ васъ въ Кіевъ?

1 УКРАИН. Щожъ робить, коли панъ пуславъ.

ВАТАГА. А кто вашъ панъ?

1 УКРАИН. Але хто его знаé... Польскій панъ, живе въ Варшавѣ.

ВАТАГА. Такъ у васъ управитель?

1 УКРАИН. И арендаторъ, и жиды, и старосты, и подстаросты.

МУШКЕТЪ. Тѣмъ лучше.

1 УКРАИН. Эхъ, эхъ! панове, панове! *Пустывъ Бигъ мыкіту на волокиту!...*

МУШКЕТЪ. А, а! Вѣрно тяжела панщина?

1 УКРАИН. А тобъ ничего: трыи дня на пана, трый дня на собе.

ВАТАГА. Стало, вы днями то чередуетесь?

1 УКРАИН. А якъ же:

ВАТАГА. Вотъ что.

1 УКРАИН. Да тобъ ничéго... якъ бы не возка дровъ и панскаго жита на кирмаши.

(*) Совѣтъ изъ старѣйшинъ казацкихъ, имѣвшій право ограничивать власть Гетмана.

МУШКЕТЪ. Воловъ жалѣть нечего — у васъ ихъ много.

1 **УКРАИН.** А якъ же много, кеды чрезъ трый года отдаешь пану трыйтьяго.

ВАТАГА. А, а!

1 **УКРАИН.** И етобъ ничего....

ВАТАГА. И это ничего?... Понимаю! вѣрно жиды для панскихъ доходовъ споили васъ съ круга?

1 **УКРАИН.** Эхъ! панове и етобъ ничего... кеды бы не панская десятина (*).

ВАТАГА. Какая жъ десятина?

1 **УКРАИН.** Якъ же какая?... и съ овецъ, и съ свиней, и съ курчатъ, и съ утятъ, и съ гусятъ, и съ яицъ, и съ жита, и съ міду, и съ холста, и съ талекъ, и съ грибовъ и со всякой всячины!

МУШКЕТЪ. Полно, полно, быть не можетъ.

1 **УКРАИН.** Якъ Бигъ свять!

ВАТАГА. Полно, брешешь, брешешь, дидько.

1 **УКРАИН.** А коли я брешу... такъ нехай мене... а що бы Богъ знащо... от-що, а не только-що!

ВАТАГА. Да этакъ вы безъ жупана останетесь.

1 **УКРАИН.** А якъ видишъ панъ... да и это-бъ ничего... кебы на полгода не пусылали насъ въ Кіевъ въ крѣпостную работу.

ВАТАГА. По моему, ужъ лучше прямо на галеры.

1 **УКРАИН.** Якъ не лучше, да нильзя! що-жъ робить.

ВАТАГА. Ахъ вы горемычные, горемычные! Добро, однакожъ, мы заболтались (*товарищу*) Пойдемъ, Мушкетъ! а не то и къ обѣднѣ опоздаемъ.

1 **УКРАИН.** (*своимъ*). Гей, Дмитрусь! Андрійко! Охримко! пойдемъ, пойдемъ.

2 **УКРАИН.** Идь, идь (*своимъ, указывая на передоваго*). Эге! и съ заду видно, что Парховіемъ!

II.

Тѣже и панъ **ДАНИЛЪ ЧАПЛИЦКІЙ** со свитою; впереди его два жида; при немъ бандуристъ **ЧУРА**, а сзади польская стража изъ шляхты.

ЖИДЫ. Място, място пану подстаростѣ. (*Шляхта толкаетъ и бьетъ проходящихъ*)

1 **УКРАИН.** Взмилуйся! взмилуйся! за що біе, панове!

(*) Описаніе Украйны Боплана, въ половинѣ XVII вѣка.

I ШЛЯХТ. (*грозя нагайкою*). Я тебѣ хохолъ — недовѣрокъ!

ЧУРА. Панъ Чаплицкій! не вели обижать беззащитныхъ.

ЧАПЛИЦКІЙ (*съ важностію поглаживая и крутя усы.*) Ничего, ничего, пусть боятся. Ну! славный нашъ запѣвало и бандуристъ панъ Чура! Правда ли есть, что сегодня собирается здѣсь Запорожская Рада?

ЧАРА. Какъ же панъ подстароста; гетманъ Барабашъ получилъ позывъ и также будетъ на Радѣ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Дивлюсь, что гетманъ допускаетъ такія собранья!

ЧУРА. Такъ ужъ ведется изстари; то право и вольность казацкая.

ЧАПЛИЦКІЙ. Эхъ! еслибъ я былъ гетманомъ, я бъ умѣлъ вскрутить хвосты и проштурмовать дурней запорожцевъ. А что, Чура, не слыхалъ ли чего... ты знаешь... понимаешь...

ЧУРА. О Зиновіи Хмельницкомъ? какъ же: его съ часу на часъ ожидаютъ изъ Варшавы (*въ полголоса*) Вѣдь онъ отправился туда съ жалобою на тебя, панъ подстароста.

ЧАПЛИЦКІЙ. Знаю, знаю, я ужъ писалъ къ панамъ-добродѣямъ и надѣюсь, что дѣло обдѣлается.

ЧУРА. Разумѣется, гдѣ жъ казаку тягаться съ магнатомъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Такъ есть! одно худо: что этотъ казакъ опаснѣе многихъ.

ЧУРА. Правда, правда! воспитанный у іезуитовъ, онъ при умѣ, познаніяхъ и отвагѣ, далеко опередилъ дикарей Запорожья.

ЧАПЛИЦКІЙ. То-то и есть, не даромъ великій кастеланъ Краковскій, гетманъ Конецпольскій и сынъ его горевали, что оставили въ живыхъ буйную голову и что этотъ казакъ *на бѣду* ускользнулъ изъ рукъ нашихъ.

ЧУРА. За то честь и слава! ты его доѣхалъ, панъ Чаплицкій.

ЧАПЛИЦКІЙ (*съ торжественнымъ видомъ*). Такъ есть: *трафила коса на камень*! Ну, Чура, сегодня ты мой. У мене зарученье, женихованье съ панной Ольгой, твоей ученицей. Мы бендземъ спивать и танчитць! и я иду на позывъ гетмана Барабаша.

ЧУРА. Панъ подстароста, какъ видно, съ нимъ большой пріятель?

ЧАПЛИЦКІЙ (*сухо*). Пріятель? такъ есть, ранговый пріятель, якъ вси магнаты межъ собе. Але какъ инче и робить, кеды и круль и рѣчь посполитная велятъ быть съ нимъ пріятелемъ.

ЧУРА. А для чего жъ?

ЧАПЛИЦКІЙ (*насмѣшливо*). А для того, что съ такимъ гетманомъ въ сѣчѣ казаки уйдутъ не далече.

ЧУРА. И то правда.

ЧАПЛИЦКІЙ (*стражѣ*). До гетмана!

III.

Тѣже и цѣлый свадебный поѣздъ: ЖЕНИХЪ съ НЕВѢСТОЮ, ОТЕЦЪ, МАТЬ, ПРОВОЖАТЫЕ и ЕВРЕЙ ХАЙЛО.

ЖЕНИХЪ. Помилуй! панъ подстароста: то моя зарученная, а жиды не пускаютъ въ церковь.

ОТЕЦЪ. Вотъ до чего дожили! лишаютъ креста спасенія!

МАТЬ. Іуда не пускаетъ въ церковь Божію!

ЧАПЛИЦКІЙ. Кто не пускаетъ?

ХАЙЛО (*Чаплицкому*). Але прошу уважить, ясневельможный: я самъ арендаторъ, господарь естемъ того русскаго костела. Панъ знаé, цо значе аренда, кварта, англаги, лецибы, шарварки, люстрація, вакенбухи, гвалтовые дни (*тихо*). Панъ знае другія респонціи. Яжъ муссивъ заквитать ихъ съ рѣштою и самъ дали бугъ жадный интересъ маю. За поручанье прошу всего единъ дукатъ (*показывая на жениха*), а онъ ни ...

СТАРИКЪ. Мы рады бъ заплатить, да гдѣ жъ взять бѣднымъ людямъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Нѣтъ грошей и о свадьбѣ думать нечего.

ЖЕНИХЪ. Это просто грабежъ, панъ подстароста, за что платить дукатъ!

ХАЙЛО (*Чаплицкому*). Але прошу уважить: имъ бендзе дать панотца, а іонъ у мене оре. Але каждый батракъ чего либо коштуе.

ЧАПЛИЦКІЙ. Такъ есть.

ЖЕНИХЪ. А коли такъ есть, то я не спущу и буду жаловаться, панъ подстароста.

ЧАПЛИЦКІЙ. Что! какъ, на кого, кому жаловаться?

ЖЕНИХЪ. И всѣмъ, и каждому, и первому пану гетману.

ЧАПЛИЦКІЙ (*насмѣшливо*). Пану гетману!

ЖЕНИХЪ. Не то побѣгу на Раду....

ЧАПЛИЦКІЙ. На Раду! на Раду! (*стражъ*) Гей, въ тюрьму его.

ОТЕЦЪ и МАТЬ (*бросаясь на колѣна*). То сыненько нашъ! взмилуйся, панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ (*не слушая*). Въ тюрьму!

ОТЕЦЪ. Взмилуйся! взмилуйся! онъ у насъ одинъ, нашъ кормилецъ — нашъ защитникъ, не то мы пойдемъ дальше Рады, пойдемъ до Варшавы!!

ЧАПЛИЦКІЙ. До Варшавы! Ахъ вы схизмитики! (*стражъ*) Въ тюрьму!

ЧУРА (*въ сторону*). Теряю послѣднее терпѣнье!

НЕВѢСТА. Панъ Чаплицкій! ради Бога сжалься! отпусти ихъ; не то берегись, за насъ вступятся: мой братъ-запорожецъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Запорожецъ! (*стражу*) Гей! въ тюрьму ее.

ШЛЯХТИЧЬ (*тихо Чаплицкому*). Вмѣсто тюрьмы, не лучше ли схопать ее, панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ. Якъ схопать...

ШЛЯХТИЧЬ. Якъ самъ схопалъ панну Ольгу.

ЧАПЛИЦКІЙ. Эхъ! эхъ! ну схопать, такъ схопать. (*шляхты насильно схватываютъ невѣсту*).

ЧУРА (*останавливая*). Нѣтъ, я не допущу до такого насильства; это моя крестница, панъ Чаплицкій! ради сегодняшняго зарученья, ради панны Ольги, ради моей вѣрной службы, вели отпустить бѣдную дѣвушку.

ЧАПЛИЦКІЙ (*шляхтичамъ*). Гей, гей! панове, панове! за нехайте ее, возьмите иншую.

НЕВѢСТА (*падая къ ногамъ Чуры*). Добрый человѣкъ! спаси нашихъ.

ЧУРА (*въ полголоса*). Тише, беги домой и молись Богу (*Чаплицкому*). Спасибо, панъ Чаплицкій! за то ужъ и я тебѣ удружу въ свою очередь.

ЧАПЛИЦКІЙ. Добрже, добрже. Ухъ! Чура, усталъ до смерти!

ЧУРА. Какъ не устать — такова служба.

ЧАПЛИЦКІЙ. Какъ видишь: всякій день тоже и тоже.

ЧУРА. Ужасно!

ЧАПЛИЦКІЙ. Какъ не ужасно! и всякій хочетъ оправдываться.

ЧУРА. Что ихъ слушать.

ЧАПЛИЦКІЙ. Я такъ и роблю (*глядя на рѣку*). Взгляни Чура... что это тянется по Тясминѣ?

ЧУРА. Бѣрно запорожцы съѣзжаются на Раду.

ЧАПЛИЦКІЙ. Не могу видѣть этихъ дурней.

ЧУРА. Народъ буйный.

ЧАПЛИЦКІЙ. Брыдкій!...

ЧУРА. Своевольный!

ЧАПЛИЦКІЙ. Не даромъ говорится: *що жидъ, а що дидъ, а що и казакъ запорожскій*! (*стражъ*). Гей! до гетмана! (*отправляются прежнимъ порядкомъ*).

IV.

ПОЛЕЖАЙ, ДЖЕНДЖЕЛЕЙ, ТУХА, НЕЧАЙ, НЕБАБА, БѢДА и нѣсколько козаковъ.

ПОЛЕЖАЙ. Товарищи! я созвалъ васъ на Раду и нарочно назначилъ ее здѣсь, чтобъ залучить гетмана.

ДЖЕНЗЕЛЕЙ. Несчастная совѣсть давно его отъ насъ отталкиваетъ.

НЕБАБА (*Разглаживая усы*). Побѣй — Богъ, правда.

ТУХА. Барабашъ, продалъ себя ляхамъ и вмѣсто защиты угнѣтаетъ только бѣдную отчизну.

ПОЛЕЖАЙ. И долго ли друзья мы будемъ игралищемъ прихотей, крамолъ и козней? Поляки, жиды, уніаты завладѣли нами. Православіе съ каждымъ годомъ угнѣтается болѣе и болѣе. Города и селенія заняты поляками. Они грабятъ, мучатъ, убиваютъ. Одни мы — Кравчина Запорожская, казаки, цвѣтъ народа Украинскаго, кой-какъ сохраняемъ независимость въ лѣсахъ и стѣнахъ поддѣпровскихъ. Но и тутъ въ Никитинскую сѣчь засѣлъ гарнизонъ польскій. Я созвалъ васъ для спасенья отчизны. — Признаюсь, я поджидалъ изъ Варшавы нашего Зиновія, но время летитъ, опасность увеличивается... скажите, что намъ дѣлать?

НЕБАБА. Треба рубиться!

ДЖЕНЗЕЛЕЙ. Мы не прочь, храбрый Небаба, но прежде надобно дождаться разрѣшенія на посланную отъ насъ жалобу.

БѢДА. Неужели, Полежай, по сіе время нѣтъ на нее королевскаго отвѣта.

ПОЛЕЖАЙ. Барабашъ увѣряетъ, что нѣтъ; но мнѣ сомнительно.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Слухи, что онъ скрываетъ этотъ отвѣтъ, подтверждаются болѣе и болѣе.

ТУХА. Надобно настоять и узнать всю правду.

ПОЛЕЖАЙ. Вотъ и Гетманъ! спросите сами.

V.

ТѢЖЕ И ГЕТМАНЪ БАРАБАШЪ СЪ СВОИМИ КАЗАКАМИ.

БАРАБАШЪ. Здорово, здорово, братеньки, казаченьки.

КАЗАКИ. Доброй день, панъ гетманъ.

БАРАБАШЪ (*садясь*). Ну, чтожъ?... къ чему собрались, къ чему эта Рада? Эхъ, эхъ! въ Варшавѣ этого не любятъ.

ПОЛЕЖАЙ. То вольность законная, панъ гетманъ.

БАРАБАШЪ. Оно и такъ... но здѣсь Рады, а тамъ не рады.

ПОЛЕЖАЙ. Поводъ къ нынѣшней — бѣдствіе отчизны, панъ гетманъ; предметъ совѣщанья — спасти Украйну; послѣдствія: смерть или слава, панъ гетманъ!

БАРАБАШЪ. Эхъ! эхъ! братеньки, братеньки! дачи мы не даемъ, въ польское войско нейдемъ — чего-жъ лучше?

ТУХА. Отнимаютъ землю и воду; отнимаютъ все, чего самъ Богъ даже не лишаетъ ни злыхъ, ни добрыхъ... а ты говоришь: чего-жъ лучше?

ДЖЕНДЗЕЛЕЙ. Развѣ панъ гетманъ не читалъ послѣдней нашей жалобы?

БАРАБАШЪ. Читалъ, читалъ: тамъ все ясно.

ПОЛЕЖАЙ. И рѣзко: она написана слезами и кровью казацкою.

НЕЧАЙ. Неужели на нее, панъ гетманъ, по сіе время нѣтъ отвѣта?

БАРАБАШЪ (*смѣшавшись*). А, а! отвѣта?... вѣдомо, нѣтъ, а то-бъ вы знали.

БѢДА. Носятся слухи, однако-жъ, панъ гетманъ, что ты многое отъ насъ скрываешь.

БАРАБАШЪ. Э! э!

ТУХА. Говорятъ даже, что панъ гетманъ передался полякамъ.

НЕБАБА. Побей Богъ!

БАРАБАШЪ. О! о!

ПОЛЕЖАЙ. Увѣряютъ, что ты хочешь поруйновать казаковъ до изводу.

БАРАБАШЪ. И! И! не вѣрьте, не вѣрьте, братеньки.

ПОЛЕЖАЙ. Мало того, мы слышали, что ты писалъ полякамъ: придите и мстите, а на меня будьте надежны.

БАРАБАШЪ. Брешатъ, брешатъ, братеньки.

ПОЛЕЖАЙ. Однако-жъ, гетманъ, ты отъ насъ отстаешь; съ полака-

ми дружишься; жалобы наши остаются безъ отвѣта и мы, вмѣсто защиты, угнѣтаемся болѣе и болѣе. Такое поведеніе подтверждаетъ слышанное и мы требуемъ отвѣта.

БАРАБАШЪ (*вскакивая*). Отвѣта? какъ отвѣта? я обязанъ отвѣтомъ одному королю!

ПОЛЕЖАЙ. Ты обязанъ отвѣчать и намъ, тебя избравшимъ; не то — Рада будетъ судить тебя, какъ измѣнника!

БАРАБАШЪ (*потерявшись*). Судить! меня судить? за что? братеньки, казаченьки... да я готовъ на все... скажите, велите, прикажите...

ПОЛЕЖАЙ. Если такъ, ты долженъ испросить отвѣтъ на нашу жалобу.

БАРАБАШЪ. Ладно, ладно.

ПОЛЕЖАЙ. Настоять, чтобъ гарнизонъ польскій былъ немедленно выведенъ изъ Никитинской Сѣчи.

БАРАБАШЪ. Эхъ, эхъ! вотъ это напрасно, братеньки.

ПОЛЕЖАЙ. Это первое условіе: взявъ одну сѣчь, поляки возьмутъ другую, возьмутъ третью — это явно посягать на наши вольности.

БАРАБАШЪ. Добро, добро, буду писать, буду стараться, потерпите.

ПОЛЕЖАЙ. Терпѣнью конецъ, панъ гетманъ: ты долженъ самъ ѣхать въ Варшаву и исполнить обѣщанное.

БАРАБАШЪ. Эхъ, эхъ! но дѣлать нечего: быть тому, что положила Рада (*подавая руку Полежаю*). Ну миръ, такъ миръ! знай Барабаша!

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Кто-то идетъ?....

БАРАБАШЪ. Ба! панъ Чаплицкій, другъ и пріятель!

VI.

ТѢЖЕ и **ЧАПЛИЦКІЙ** съ своею стражею.

ЧАПЛИЦКІЙ (*Барабашу*). Падамъ до ногъ, падамъ до ногъ.

ПОЛЕЖАЙ. Панъ Чаплицкій! постороннимъ не мѣсто на казацкой Радѣ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Я самъ ординаторъ порядка. Мнѣ нужно только сказать два слова пану гетману.

БАРАБАШЪ. Чтожъ скажешь, почтеннѣйшій?

ЧАПЛИЦКІЙ. У меня сегодня вечерница и зарученье съ панной Ольгой.

БАРАБАШЪ. А, а!

ЧАПЛИЦКІЙ. Не заставъ пана гетмана дома, я нарочно пришелъ до сюда просить его на мою колацію.

БАРАБАШЪ. Твой гость! съ радостью, съ величайшею, панъ Чаплицкій.

ЧАПЛИЦКІЙ. Паненьки будутъ намъ спиватіць и танчитіць.

БАРАБАШЪ. На радости я самъ, пожалуй, тряхну стариною; (*въ полголоса*) не жалѣй только венгерскаго.

ЧАПЛИЦКІЙ. Яжъ маю самое лучшее!

БАРАБАШЪ. Славно! сегодня зарученье, тамъ веселье, а чрезъ годъ крестины.

ЧАПЛИЦКІЙ. Барзо-контентъ, барзо-контентъ!

НЕЧАЙ (*вглядывался*). Ба! кто-то изъ нашихъ...

БѢДА. Такъ точно! это онъ! другъ и товарищь.

ДЖЕНЖЕЛЕЙ. Это Зиновій!

КАЗАКИ. Зиновій (*бросаются къ нему на встрѣчу*).

ЧАПЛИЦКІЙ (*про себя*). Зиновій!

БАРАБАШЪ. О! о! о!

ЧАПЛИЦКІЙ (*съ принужденною веселостью*). Панъ гетманъ, слово дано, такъ есть, кончено, до забаченья.

БАРАБАШЪ (*удерживая Чаплицкаго*). Нѣтъ, нѣтъ, постой, постой, мы вмѣстѣ отправимся.

VII.

ТѢЖЕ и ЗИНОВІЙ.

ЗИНОВІЙ. Здравствуйте, братья родные! храбрые товарищи, казаки запорожскіе. Здравствуй, панъ гетманъ, (*увидя Чаплицкаго*) Кого я вижу! вѣрить ли глазамъ! Чаплицкій на Радѣ! (*хватается за саблю*).

ПОЛЕЖАЙ (*удерживая Зиновія*). Здѣсь не мѣсто.

БАРАБАШЪ (*заслоняя Чаплицкаго*). На Радѣ и при гетманѣ!...

ЧАПЛИЦКІЙ (*тихо Барабашу*). Такъ есть, такъ есть.

ЗИНОВІЙ. Друзья! вы не знаете этого грабителя. Онъ злѣйшій врагъ мой! мало того, что разорилъ, онъ хотѣлъ умертвить меня измѣннически, онъ отнялъ у меня послѣднюю отчину, сельцо Субботово, похитилъ мою невѣсту, обобралъ скарбницу и наругался даже надъ малолѣтнымъ сыномъ моимъ, Тимофеемъ. Между нами нѣтъ мира: я или Чаплицкій долженъ погибнуть.

Чаплицкій (*храбрясь*). Я самъ гоноръ и саблю маю.

Зиновій. Я готовъ. Увидимъ на дѣлѣ (*Барабашу*) и ты, гетманъ, не стыдишся дружиться съ нашимъ гонителемъ.

Барабашъ. А что жъ.... мы сосѣди, мы.... сослуживцы.

Зиновій. Панъ гетманъ! я былъ войсковымъ писаремъ, правителемъ дѣлъ всей гетманщины и знаю многое. Знаю твои происки, знаю желанье рушить самобытность войска запорожскаго и поддаться полякамъ.

Барабашъ. А я знаю твои происки и желанье поддаться русскимъ.

Полежай. Это не тайна, объ этомъ знаютъ всѣ старѣйшины

Туха (*тихо Полежаю*). Не всѣ, Полежай; я не давалъ моего согласья.

Полежай (*Тухѣ*). Узнаешь послѣ. (*вслухъ*). Русскіе, наши единовѣрцы, не довели бы насъ до того, что терпимъ отъ ляховъ!

Барабашъ. А чтожъ мы терпимъ?...

Чаплицкій (*тихо дергая Барабаша*). Эхъ, панъ гетманъ!

Зиновій (*Барабашу*). Стыдись объ этомъ спрашивать! Взгляни на Украйну: она разхищена и одни нищіе остались безопасны. Отчизна наша стала притономъ разбойниковъ; нивы не засѣяны и пастбища пусты. Православная вѣра попрана, рабами жидовъ стали служители церкви; на откупѣ у жидовъ храмы Господни! и гласъ митрополита Петра Могилы теряется въ пустынѣ!... Если мало: вспомни о Варнавскомъ пиръ; вспомни объ участи отцевъ и братій нашихъ: они вопіютъ изъ гробовъ и требуютъ мщенья! Гетманъ Остряница, полковники Павлюкъ и Рындачъ — колесованы. Гайдаровскій, Сутримъ, Запаллій пробиты желѣзомъ насквозь и подняты живые на сваи. Гарунъ, Сутыга, Подобай — прибиты гвоздями къ доскамъ, облитымъ смолою и сожжены медленнымъ огнемъ.... «Пусть чувствуютъ, что умираютъ» говорили ляхи-египтяне. Загреба, Скрѣбило, Потурай—разтерзаны желѣзными когтями, Тургай четвертованъ. Женъ ихъ перерубили до одной и оставшихся дѣтей пережгли въ виду отцовъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ. Да, гетманъ, да, Чаплицкій; такъ тѣшились поляки: подъ эти рѣшетки, подъ этихъ младенцевъ они подкладывали уголья и раздували ихъ лапками!

Чаплицкій (*Барабашу*). Рухованье не въ поминанье.

Барабашъ (*Чаплицкому*). И вѣдомо, то минувшее.

Зиновій. Правосудіе Божіе, назидающее надъ дѣлами человѣческими, устало терпѣть такія неистовства!... тою же мѣрою, ею же мѣ-

рили, возмѣрится и полякамъ.

ЧАПЛИЦКІЙ (*тихо Барабашу*). Посполитое рушенье!

БАРАБАШЪ (*тихо Чаплицкому*). Молчи, мы его доѣдемъ.

ЗИНОВІЙ. Въ Варшавѣ, гдѣ король Владиславъ носитъ одно только имя обладателя Польши, а магнаты управляютъ королевствомъ, они, по моимъ жалобамъ, согласились на королевскіе универсалы. Но гдѣ жъ они? Ты ихъ скрываешь, гетманъ, и мы ничего не знаемъ.

БАРАБАШЪ. Вы все знаете, кромѣ однихъ секретовъ.

ЗИНОВІЙ. Гнѣвъ или милость, права или лишенья, не могутъ быть тайной для старѣйшинъ; но кончимъ; я вижу—здѣсь не Рада, здѣсь предатели — здѣсь Чаплицкій.

ЧАПЛИЦКІЙ (*выступая*). Але цожъ!... я самъ....

БАРАБАШЪ (*удерживая*). Ахъ, вы, рубаки!

ЧАПЛИЦКІЙ (*тихо Барабашу*). Чтобъ избѣжать кровопролитья, лучше уйти, панъ гетманъ.

БАРАБАШЪ. Постой, постой! и мнѣ здѣсь дѣлать нечего. (*Казакамъ*). Рада кончилась; что положено на ней, то будетъ сдѣлано. Прощайте, братеньки-казаченьки! (*Зиновію съ угрозой*). Прощай, панъ Зиновій.

ЗИНОВІЙ. Прощай, гетманъ-Іуда!

(*Гетманъ и Чаплицкій съ своею свитою уходятъ*).

VIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ **БАРАБАША** И **ЧАПЛИЦКАГО.**

ПОЛЕЖАЙ. Онъ обѣщалъ, однако жъ, за насъ ходатайствовать.

ЗИНОВІЙ. Не вѣрьте.

ПОЛЕЖАЙ. Обѣщалъ изъ Никитинской Сѣчи вывесть гарнизонъ польскій.

ЗИНОВІЙ. Ложь.

ПОЛЕЖАЙ. Обѣщалъ даже испросить отвѣтъ на послѣднюю нашу жалобу.

ЗИНОВІЙ. Онъ полученъ.

МНОГІЕ. Полученъ?

НЕБАБА. Побей-Богъ!

ЗИНОВІЙ. Да, самъ король сказалъ мнѣ это: онъ меня выслушалъ

и отвѣчалъ, что изъ послѣдняго универсала его къ казакамъ, они знаютъ, что имъ остается дѣлать по подобнымъ жалобамъ.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ (*съ угрозою*). Барабанъ его покажетъ!

ПОЛЕЖАЙ. Если не добрымъ словомъ, такъ доброю саблею.

ЗИНОВІЙ. Я берусь за это.

ТУХА. И это запорожецъ!

ЗИНОВІЙ. Запорожскія ребра его давно заросли польскимъ мясомъ.

ПОЛЕЖАЙ. Король къ намъ милостивъ. Для войны съ турками и для острастки магнатовъ, съ которыми враждуетъ, онъ видимо насъ ласкаетъ; говорятъ даже, что онъ хочетъ употребить насъ орудіемъ для распространенія своей власти... но что жъ магнаты?

ЗИНОВІЙ. Они насъ ненавидятъ. Къ уничиженью нашему, они объявили мнѣ, что казакъ не имѣетъ права селить слободы, и велѣли быть въ полномъ повиновеніи даже у подстаросты Чигиринскаго! Украйна плачетъ! казаки гибнутъ въ неволѣ и некому защитить ихъ, некому сломить ярмо египтянъ. *Будетъ, что будетъ! а будетъ то, что Богъ дастъ* (*). Еще не умерла казацкая мать; Чаплицкій и ляхи не все еще отняли, еще мы владѣемъ саблей!

ПОЛЕЖАЙ. Добудь королевскій универсалъ, и мы увидимъ, что дѣлать. Между тѣмъ, товарищи, солнце на полуднѣ, время плыть, чтобъ къ вечеру добраться до сѣчи.

БѢДА И НЕЧАЙ. Мы остаемся здѣсь до завтра.

ЗИНОВІЙ. Я также, чтобъ увидѣться съ Чаплицкимъ.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Прощай, Зиновій.

ЗИНОВІЙ (*Тухѣ*). Прощай, Туха.... ты мраченъ, какъ туча.

ТУХА. Она пройдетъ, или разразится.

ЗИНОВІЙ. Что это значитъ?

(*Казаки уходятъ*).

IX.

ЗИНОВІЙ и потомъ ЧУРА.

ЧУРА. Панъ Зиновій! къ счастью, я улучилъ минуту, съ тобой увидѣться.

ЗИНОВІЙ. Объяснись, Чура?

ЧУРА. Вѣрь постоянной моей преданности; я все тотъ же, я на-

(*) Любимая поговорка Богдана Хмѣльницкаго.

рочно предался злодѣю Чаплицкому. Эта хитрость была необходима, чтобъ въ твое отсутствіе спасти панну Ольгу, которая любитъ тебя по-прежнему.

ЗИНОВІЙ. Чура, ты возвращаешь мнѣ жизнь.

ЧУРА. По совѣту моему, она притворно соглашается выйти за Чаплицкаго и сегодня сговоръ.

ЗИНОВІЙ. Сговоръ!

ЧУРА. Сговоръ—не свадьба. Сегодня Барабашъ пируетъ у Чаплицкаго, и я ихъ употчую!

ЗИНОВІЙ. Спасемъ Ольгу!... какая мысль! Чура! ты можешь оказать мнѣ двойную услугу: Барабашъ скрываетъ отъ насъ одно важное королевское письмо и вѣрно хранитъ его подъ ключемъ, который всегда носитъ на поясѣ. Чура, воспользуйся случаемъ....

ЧУРА (*оскорбясь*). Зиновій!...

ЗИНОВІЙ. Это ключь къ спасенью Украйны!

ЧУРА. Если такъ.... увидимъ. Между тѣмъ, будь остороженъ; ты здѣсь въ опасности.

ЗИНОВІЙ. Въ опасности?

ЧУРА. Да, да, Чаплицкій съ Барабашемъ шепчутся и что-то умышляютъ недоброе. Я посланъ даже слѣдить за тобою.

(Въ это самое время со всѣхъ сторонъ набѣгаютъ казаки-Барабашцы и по приказанію Чаплицкаго схватываютъ Зиновія).

X.

ТѢЖЕ, **ЧАПЛИЦКІЙ.**

ЗИНОВІЙ. За что? измѣна! предательство!

ЧАПЛИЦКІЙ (*повелительно, обнажая саблю*). За посполитное рушенье!

ЗИНОВІЙ. Пусть спросятъ....

ЧАПЛИЦКІЙ. Эге! (*казакамъ*). До мяста! до мяста!

ЗИНОВІЙ (*казакамъ*). И казаки подымаютъ руки на украинца?

1 КАЗАКЪ. Мы клялись въ вѣчной покорности гетману.

ЗИНОВІЙ. Во зло употребленная клятва падаетъ на главу притѣснителя.

ЧАПЛИЦКІЙ. Что тутъ репетовать! (*казакамъ*). До мяста! до мяста! утикайте!

ЗИНОВІЙ. Чаплицкій! я бѣдствую, но не унываю! странись, злодѣй: насилія ведутъ къ свободѣ!

(*Зиновія уводятъ*).

ЧУРА. Ай да панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ (*ударяя Чуру по плечу*). То мой фортель есть! удалось до рукъ прибрать, какъ бы нашимъ отдать.

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Зарученье.

(Въ домѣ Чаплицкаго).

I.

ПАННА ОЛЬГА (*сидитъ у окна съ бандурою*).

Въ огородѣ хмѣлиненька
Грядки устилае;
Промежъ людьми дѣвчинонька
О, горько рыдае.

Щожъ хмѣлина зелененька?
Що не вьешься въ гору?
Щожъ дѣвчина молоденька
Проклинаешь долю?

Якъ хмѣлинѣ въ гору виться,
Подпоры не мае!
Якъ дѣвчинѣ не журиться:
Казакъ покидае.

II.

ОЛЬГА И ЕЯ ПОДРУГИ (*) (*къ которымъ она бѣжитъ на встрѣчу*).

ОЛЬГА. Спасибо, подружки, что собрались на вечерницу.

(*) Щеголеватый нарядъ малороссійской дѣвушки состоялъ въ слѣдующемъ: косы заплетались *въ дрибушки* (мелкія косы или перевивались разноцвѣтными *скандячками* (лентами), радушная *плахта* (юбка или передникъ) штофный, или парчевой корсетъ, едва застегивался подъ грудью *гаплицами*, а обувались въ сафьянныя красныя чоботы съ золочеными скобками.

ОКСАНА. Скажи лучше, панна Ольга, на зарученье.

ОЛЬГА (*печально*). Да.

ОКСАНА. Это да хуже чѣмъ нѣтъ.

1 **ПОДРУГА.** То-то и есть, мы знаемъ... что знаемъ.

ОЛЬГА. Чтожъ вы знаете?

1 **ПОДРУГА.** Да то, что всѣ знаютъ, кромѣ пана Чаплицкаго.

ОКСАНА. Что ты хитришь: заручаешься съ однимъ, а поджидаешь другаго.

ОЛЬГА. Душечки! ради Бога! чтобы не услышали ...

1 **ПОДРУГА.** Не бойся, не бойся, неразболтаемъ.

ОКСАНА. По-моему, ужъ если хитрить, такъ надо умѣть и притворяться.

1 **ПОДРУГА.** Конечно, а ты какъ убитая

ОКСАНА. Будь веселѣе.

1 **ПОДРУГА.** Подыми головку.

ОКСАНА. Улыбнись.

1 **ПОДРУГА.** Вотъ такъ!

ОКСАНА, (*подавая бандуру*). Теперь сыграй и спой.

ОЛЬГА. Нѣтъ, нѣтъ, подружки, не могу, воля ваша.

1 **ПОДРУГА.** Хоть сыграй.

ОКСАНА. Лучше попросимъ пашну Оксану : она мастерица.

ОКСАНА. Пожалуй. Я спою вамъ думу о знаменитой нашей Марусѣ

Кто Маруси не знавалъ
Изъ дѣвчинъ Украйны?
Кто Марусю побѣждалъ
Въ славѣ запѣвальной?

Ея пѣсни— нашъ вѣнокъ,
Свитый ею втайнѣ ...
И она была — цвѣтокъ
Лучшій на Украйнѣ.

Она пѣла, какъ цвѣла;
Пѣла.... сердца тайны
И за то у насъ слыла
Соловьемъ Украйны!

Безъ дружка не голоситъ
Соловей печальный....
Безъ росы цвѣтокъ горитъ
На степяхъ Украйны!

И Марусю Богъ лишилъ
Радости вѣнчальной....
И невѣрный измѣнилъ
Прелестямъ Украйны!

ОЛЬГА. Постойте, постойте, что за шумъ? (*подбѣгаетъ къ окну*) Ахъ! я погибла! (*подруги подхватываютъ ее*).

1 ПОДРУГА. Что случилось?

2 ПОДРУГА (*подбѣгая къ окну*). Много народа.... но ничего больше.

III.

ТѢЖЕ И ЧУРА.

ОЛЬГА, (*увидя Чуру, бѣжитъ къ нему на-встрѣчу*). Чура! Чура! я все видѣла.

ЧУРА (*въ полголоса*). Забудь, что видѣла, кажись веселой; одно притворство, одна хитрость можетъ спасти насъ.

ОЛЬГА. Нѣтъ, Чура, я погибла!

ЧУРА. Надѣйся на Чуру, но если Чаплицкій замѣтитъ твои слезы, все пропало: преодолѣй печаль, кажись веселою, смѣйся, скачи, если можно.

ОЛЬГА. Ахъ, Чура! на чтожъ ты надѣешься?

ЧУРА. Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ! говоритъ Зиновій (*подругамъ*). Ба! дѣвицы... что вы отъ насъ удалились? У меня съ панной Ольгой, кромѣ пѣсней да бандуры, нѣтъ другихъ секретовъ.

ОКСАНА (*двусмысленно*). Конечно.

ЧУРА. Я слышу голосъ Чаплицкаго! (*онъ принимаетъ на себя роль весельчака и, хватаясь за бандуру, приплясываетъ и поетъ*).

У дѣвчины черны бривки
Высоки подкивки
И юпочка рябенька
И сама молоденька...
То якая жъ хорошая
Яка чапорненька!

IV.

ТѢЖЕ и ЧАПЛИЦКІЙ.

ЧАПЛИЦКІЙ (*вполнѣ довольный*). Браво, браво, панъ Чура!

ЧУРА. Я старый запѣвала и весельчакъ, панъ Чаплицкій: сегодня же праздникъ!

ЧАПЛИЦКІЙ. Скажи лучше: счастливѣйшій день въ моей жизни! панна Ольга! ручку... (*цѣлуетъ; подходя къ другимъ*) Паннамъ до ногъ, паннамъ до ногъ, дали бугъ барзо контентъ есть! за то мы будемъ сшиватцъ и танчицъ.

1 ПОДРУГА. Да будетъ ли съ кѣмъ, панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ. А якъ же-жъ?... вы будете танчитцъ между собою.

ОКСАНА. Вотъ весело!...

ЧАПЛИЦКІЙ. Если нужно, то я самъ даже къ вашимъ услугамъ.

ОКСАНА. О! о!

ЧАПЛИЦКІЙ. Можетъ-быть, панъ Барабашъ...

ОКСАНА (*смѣючись*). Еще лучше!

ЧАПЛИЦКІЙ. Если необходимо... такъ пожалуй....

ОКСАНА. Непремѣнно, панъ Чаплицкій, а иначе и танцы не въ танцы....

ЧАПЛИЦКІЙ. Эхъ! эхъ, панна Оксана! пора замужъ!

1 ПОДРУГА (*показывая на Ольгу*). Не всѣмъ такое счастье.

ЧАПЛИЦКІЙ (*охорашивалсь*). Такъ есть, такъ есть

ШЛЯХТИЧЪ (*входя*). Панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ. А! а! (*беретъ отъ него букетъ цвѣтовъ и подноситъ Ольгѣ*) прошу принять, то мой презентъ по-варшавски! Ахъ! панна Ольга: и цвѣты имѣютъ свой взглядъ, свой языкъ, свое чувство; вотъ *любы мене, не забудь мене, неруть мене!* вотъ (*намекая на себя*) пивонія и вотъ (*намекая на Ольгу*) роза.

ОЛЬГА. Благодарю, панъ Чаплицкій; я ихъ приколю сюда.

ЧАПЛИЦКІЙ. Счастливцы!

ОКСАНА. О! о! панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ (*грозя*). Пора замужъ, пора замужъ, панна Оксана!

ПОДРУГИ. Пора остепениться, пора остепениться, панъ Чаплицкій.

ЧАПЛИЦКІЙ. Но что на васъ за платье, панна Ольга?

ОЛЬГА. Платье, какъ платье.

ЧАПЛИЦКІЙ. Нѣтъ, для сегодняшняго дня, для сегодняшнихъ гостей,

для пана гетмана у васъ есть новое — варшавское! мы не дробная какая-нибудь шляхта, панна Ольга. (*Подругамъ*). Я надѣюсь, что дѣвицы помогутъ ей нарядиться.

многія. Съ охотой, это наше дѣло. (*Уходятъ съ Ольгою*).

V.

чаплицкій и чура.

чаплицкій. Ну! Чура, теперь могу вздохнуть свободно.

чура. Боюсь, чтобъ онъ не далъ тяги.

чаплицкій (*потряхивая по карману*). Не бойся, онъ подъ двумя ключами и для внутренняго надзора даже я запряталъ съ нимъ двухъ евреевъ.

чура. Дѣло.

чаплицкій. И сегодня ночью, подъ строгимъ карауломъ и съ описаніемъ всего, что онъ проповѣдывалъ на Радѣ, отправлю его прямо въ Варшаву.

чура. Славно, но еще боюсь, чтобъ панъ гетманъ не присвоилъ себѣ славы твоего подвига.

чаплицкій. Нѣтъ, ему не удастся поддѣть меня. Конечно, онъ согласился, далъ людей, но мысль схватить этого человѣка принадлежитъ собственно мнѣ и я не уступлю ее... какому-нибудь Барабашу. (*Входитъ шляхтичъ*).

Панъ гетманъ!

чаплицкій. Панъ гетманъ! (*бѣжитъ на встрѣчу*).

VI

тѣже и барабашъ.

барабашъ. Другъ и пріятель!

чаплицкій. До ногъ, до ногъ пану добродзею.

барабашъ (*подавая руку*). Рука въ руку, душа въ душу, звѣзда Варшавская!

чаплицкій. Мѣсяцъ украинскій, солнце запорожское!

барабашъ. Богъ знаетъ, кто лучше.

чура (*въ сторону*). Хороши оба.

барабашъ (*садясь*). Ну, чтожъ?... понимаемъ.... сказано, сдѣлано?

ЧАПЛИЦКІЙ (*въ полголоса*). Медвѣдь въ западнѣ и сегодня жъ на цѣпи будетъ отправленъ въ Варшаву.

БАРАБАШЪ. Какъ бы мнѣ отрапортовать объ этомъ хорошенько.

ЧАПЛИЦКІЙ (*съ неудовольствіемъ*). Отрапортовать?... для этого надобно посовѣтоваться съ казаками.

БАРАБАШЪ. Въ умѣ ли ты, панъ Чаплицкій! казаки съѣдятъ меня, если узнаютъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Такъ надо дѣйствовать тайно, чтобъ себя выгородить.

БАРАБАШЪ. Да какъ же сдѣлать?... Развѣ ты папишешь?

ЧАПЛИЦКІЙ. Мнѣ бы не хотѣлось.... впрочемъ....

БАРАБАШЪ. Пожалуйста... ты этого дѣла мастеръ... распиши хорошенько.

ЧАПЛИЦКІЙ. Чтожъ тутъ расписывать, когда онъ на Радѣ обнажилъ саблю и самого гетмана назвалъ Іудою.

БАРАБАШЪ. А тебя грабителемъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Такъ есть.

БАРАБАШЪ. Хвалилъ русскихъ, бранилъ поляковъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Да, да.

БАРАБАШЪ. Назвалъ ихъ египтянами, а магнатовъ властолюбцами.

ЧАПЛИЦКІЙ. Довольно и безъ этого. Будь спокоенъ, его повѣсятъ!

БАРАБАШЪ. Ой-ли?

ЧАПЛИЦКІЙ. Непремѣнно!

БАРАБАШЪ. За это не грѣхъ сказать и спасибо.

ЧАПЛИЦКІЙ (*съ увѣренностью*). Надѣюсь.

БАРАБАШЪ. Какъ бы этакъ, панъ Чаплицкій, на радости выпить за здоровье будущаго воеводы!

ЧАПЛИЦКІЙ. Или за здоровье будущаго короннаго гетмана.

БАРАБАШЪ. Ой-ли?

ЧАПЛИЦКІЙ. Для такого гостя и радости нечего начинать съ дулевки, или съ терновки... Чура! венгерскаго! постой (*подводя его къ Барабашу*) Панъ гетманъ, дозволь представить тебѣ моего вѣрнаго слугу, бандуриста Чуру. Онъ нашъ — тѣломъ и душею. Къ тому же (*шутя*) онъ, какъ говорится, не спроста, въ кумовствѣ съ знахаркою, или просто съ вѣдьмою Гаркушею, которая живетъ въ глуши на Днѣпрѣ, между гайдамаками, и можетъ, говорятъ, открыть всѣ запрятанныя казацкія богатства.

БАРАБАШЪ. Ой-ли? стало, знаетъ всѣ бѣсовскія художества и моро-

ченья. Коли такъ, сослужи службу: 100 талеровъ! изведи судью Полежая.

ЧУРА. Который кричалъ на Радѣ?

БАРАБАШЪ. Да, хоть старика, за сына дамъ вдвое.

ЧУРА (*подставляя руку*). По рукамъ, панъ гетманъ.

БАРАБАШЪ. Ладно — смотри жъ!

ЧУРА. Готовь талеры.

ЧАПЛИЦКІЙ. Давай венгерскаго!

БАРАБАШЪ. Все ладно; боюсь одного, что за Зиновія вступятся.

ЧАПЛИЦКІЙ. Пустое!

БАРАБАШЪ. Не таковы запорожцы, чтобъ обиду забыли.

ЧАПЛИЦКІЙ. Не таковскіе и ляхи, чтобъ прощенье дали.

БАРАБАШЪ. Казаки не забудутъ, пока свое не добудутъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Эхъ, панъ гетманъ, все казаки, да казаки! Ну, то-ли дѣло польскіе уланы, али крылатики? Эхъ, еслибъ ты зналъ меня, когда я былъ крылатикомъ? Бывало въ шлемѣ, да въ латахъ съ крыльями — какъ сяду на бѣлаго коня, да загарцую, такъ ужасъ да и только! Земля дрожитъ, татары и турки бѣгутъ, не оглядываясь

БАРАБАШЪ. Ой-ли? да вѣдь и у насъ въ Никитинской Сѣчи, гдѣ засѣлъ гарнизонъ польскій, есть и теперь крылатики.

ЧАПЛИЦКІЙ. Дорого бъ далъ, чтобъ увидѣть прежнихъ сослуживцевъ.

(*Чура приноситъ венгерское, подвигаетъ столъ и начинается попойка.*)

ЧАПЛИЦКІЙ (*подчивая Барабаша*). Начнемъ по-польски — на братство! Панъ гетманъ! да кстати, что это за королевское письмо, которымъ тебя упрекали на Радѣ.

БАРАБАШЪ. О! о! еслибъ они прочли, такъ пуще-бъ взбунтовались.

ЧАПЛИЦКІЙ Не-ужели?

БАРАБАШЪ. Король Владиславъ видимо казаковъ балуетъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Святая истина! въ этомъ упрекаютъ даже и коронаго канцлера Оссолинскаго.

БАРАБАШЪ. По этому самому онъ на послѣднюю жалобу ихъ такъ и отвѣтилъ, магнаты ко мнѣ же бросились, чтобъ королевскія письма никому не показывать.

ЧАПЛИЦКІЙ. Стало, универсалъ-то важный.

(*Чура внимательно вслушивается*).

БАРАБАШЪ. Да такой важный, что я его подъ этимъ ключемъ, при саблѣ, да въ особой шкатулѣ, да въ заднемъ концѣ подъ воротами, такъ хороню, что и женка не знаетъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Такъ и должно.

БАРАБАШЪ (*подавая рюмку*) Подольешь, скажу и того лучше.

ЧАПЛИЦКІЙ (*наливая*). Ну чтожъ, панъ гетманъ?

БАРАБАШЪ (*вполголоса*). А то, что коронные гетманы Потоцкій и Калиновскій идутъ подъ Желтыя Воды; что тамъ я долженъ соединиться съ ними и конецъ казакованью!

ЧАПЛИЦКІЙ (*схватывая рюмку*). Если такъ, отъ воспана до воспана!

БАРАБАШЪ. Отъ воспана до воспана!

VII.

ТѢЖЕ И АТАМАНЫ БѢДА И НЕЧАЙ.

ЧАПЛИЦКІЙ (*увидя казаковъ*). Ба! что за незванные гости?

БАРАБАШЪ (*увидя Бѣду*). Бѣда!

ЧАПЛИЦКІЙ (*въ сторону*). Вотъ тебѣ разъ!

БѢДА. Ты здѣсь пируешь, гетманъ, а у насъ шкода.

БАРАБАШЪ. О! о!

НЕЧАЙ. Нашихъ убиваютъ.

БАРАБАШЪ. Э! э!

БѢДА. Схватили Зиновья.

БАРАБАШЪ. Однимъ больше, однимъ меньше, бѣда не велика.

БѢДА. Такой одинъ — стоитъ многихъ.

БАРАБАШЪ. Узнаемъ, узнаемъ, батеньки.

НЕЧАЙ. Подозрѣваютъ пана Чаплицкаго.

ЧАПЛИЦКІЙ. Какъ! что? въ чемъ? почему? отъ-чего? кто подозрѣваетъ?

БѢДА. Говорятъ, что ты схватилъ Зиновія.

ЧАПЛИЦКІЙ. Еслибъ схватилъ, такъ онъ былъ бы въ тюрьмѣ.

БАРАБАШЪ. А его тамъ нѣтъ.

БѢДА. Нѣтъ въ тюрьмѣ, такъ онъ въ другомъ мѣстѣ, но ужъ мы дознаемъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Въ домѣ — я хозяинъ, въ городѣ начальникъ, и необязанъ вамъ отвѣтомъ.

НЕЧАЙ. Не намъ, такъ нашимъ; свистнемъ, гаркнемъ и налетятъ какъ вороны.

БАРАБАШЪ. О! о!

БѢДА. Коли хочешь себя очистить, такъ дай обыскать въ твоемъ домѣ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Обыскать? (*въ полголоса*) Чура! (*передаетъ ему тихонько ключи изъ кармана*). Обыскать! Панъ Барабашъ, прошу прислушать.

БАРАБАШЪ. Полно, полно, дурни! Ну, что мѣшать веселью: говорятъ: узнаемъ и отыщемъ.

НЕЧАЙ. То-то и есть, гетманъ, что невѣрится: языкомъ ты говоринь какъ бы дѣло, а на сердцѣ правды нѣтъ.

БАРАБАШЪ. О! о! (*увидя входящую панну Ольгу*) А, а!

VIII.

ТѢЖЪ И ПАННА ОЛЬГА СЪ ПОДРУГАМИ.

ЧАПЛИЦКІЙ (*подводя Олгу*) Панъ гетманъ! то моя зарученная.

БАРАБАШЪ. Ай да панъ Чаплицкій! экую отбилъ красотку.

(*Подруги подаютъ Ольгѣ поднос, ставятъ на него золотую пугару, наливаютъ вина и она подходитъ къ Барабашу.*)

ОЛЬГА. Панъ Гетманъ, прошу выкушать.

БАРАБАШЪ. За здоровье. жениха и невѣсты! ай да парочка!

(*Чаплицкій охарашивается*).

ОЛЬГА. (*Подходитъ къ Бѣдѣ; Чаплицкій ее дергаетъ, чтобъ обойти казаковъ, но она будто не примѣчаетъ*). Прошу, панъ атаманъ!

БѢДА. За здоровье панны Ольги и ея коханаго.

ЧАПЛИЦКІЙ. Какого коханаго?

ОЛЬГА (*подходя къ Нечаю*). Прошу о томъ же.

НЕЧАЙ. За здоровье того, кто любитъ кого.

ЧАПЛИЦКІЙ. А что тутъ за аллегоріи?...

НЕЧАЙ (*выпивъ*). Спасибо! дѣвчина чернобрива, полюби Нечая!

ЧАПЛИЦКІЙ. (*въ сердцахъ подходитъ къ Барабашу*). Панъ Барабашъ, уйми, выживи ихъ, ради Бога.

ОЛЬГА (*тихо Нечаю*). Зиновій здѣсь

ЧУРА (*Бѣдѣ, будто отнимаетъ Ольгу*). Приготовъ коней и жди насъ у задней калитки.

БѢДА (*обнимая Ольгу*). Панна Ольга, не бойся Бѣды.

ЧАПЛИЦКІЙ. Панъ Барабашъ!

БАРАБАШЪ (*къ Чаплицкому*). Да не хай ихъ, что тебѣ мѣшаютъ?

ЧАПЛИЦКІЙ (*въ сердцахъ*). Якъ чтожъ, якъ чтожъ, кеды бисика пускаютъ (*)

(*Переходитъ на другую сторону къ дѣвицамъ*)

БАРАБАШЪ (*казакамъ*). Гей, братеньки! говорятъ, не руште веселья, вы здѣсь не званые, ступайте домой; дурня Зиновья и завтра отыщемъ.

БѢДА. И то правда.

НЕЧАЙ. Пируй себѣ, Гетманъ.

БѢДА. Панъ Чаплицкій! до забоченья!

ЧАПЛИЦКІЙ (*сухо*). До забоченья.

ОЛЬГА. До свиданья!

ЧАПЛИЦКІЙ (*Ольгѣ*). Охота толковать съ дурнемъ (*оглядываясь*). Ушли; слава Богу! Ну, дѣвицы, до тащу, до танцу! потѣшимъ пана гетмана. — Гей! Чура — грай!

ЧУРА. Чтожъ прикажешь: дудочку, мятелицу, горлицу, али казачка? (**)

ОКСАНА. Да съ кѣмъ же танчитъ, панъ Чаплицкій?

ЧАПЛИЦКІЙ. Эхъ, эхъ! ну, хоть спой панна Оксана (*подводя ее къ Гетману*). Послушаемъ, послушаемъ, панъ Гетманъ.

БАРАБАШЪ. А! а!

ОКСАНА (*поетъ*).

Ой, надъ быстрымъ надъ Дунаемъ
Черной воронъ краче;
Не едина дѣвчиненька
По казаку плаче.

Не плачь, не плачь, дѣвчиненька,
Не плачь, не журися,
Ще ты мила замужъ нейшла,
Ще я не женився!

(*) Строятъ куры.

(**) Малороссійскія плясовыя пѣсни.

Прійди-жъ, приди, казаченьку,
Що карыи очи!
Булу ждати тебѣ, милый,
До темной полночи.

БАРАБАШЪ. Славно, славно!

ЧУРА (*увидя входящихъ танцоровъ*). Панъ Чаплицкій, гости.

(*Пока Чаплицкій принимаетъ вошедшихъ поляковъ и полекъ съ повтореніемъ: «барзо-контентъ, барзо-контентъ!» — и представляетъ имъ панну Ольгу, Чура снимаетъ ключъ у спящаго Барабаша*).

ЧАПЛИЦКІЙ (*подходя къ Барабашу*). Что, Чура?

ЧУРА. Бужу пана гетмана.

ЧАПЛИЦКІЙ. Эхъ, впився! Панъ гетманъ, панъ гетманъ!

БАРАБАШЪ (*просыпаясь*). Эге!...

ЧАПЛИЦКІЙ. Полюбуйся краковьякомъ.

БАРАБАШЪ. Венгерскаго! (*Чура подливаетъ тому и другому*).

ЧАПЛИЦКІЙ (*самъ на́ веселѣ*). Отъ воспана до воспана!

(*Гости танцуютъ краковьякъ; Гетманъ спитъ, хозяинъ дремлетъ и едва держится на стулѣ: Ольга и Чура скрываются; вбѣгаютъ два жида*).

1 ЕВРЕЙ. Гвалтъ, гвалтъ!

2 ЕВРЕЙ. О, вей миръ, гвалтъ!

ЧАПЛИЦКІЙ (*очнувшись*) Что такое, что такое?

1 ЕВРЕЙ. Утикъ, утикъ!

2 ЕВРЕЙ. Бижавъ, бижавъ!

ЧАПЛИЦКІЙ (*въ очала́хъ*). Бижалъ! кто бижалъ? (*бѣгая по сценѣ*) Панъ Чура—нѣтъ Чуры! панна Ольга! нѣтъ Ольги!—гвалтъ! гвалтъ! шукайте! ратуйте! ратуйте! панъ Барабашъ, панъ Барабашъ!

(*Гости разбѣгаются*).

БАРАБАШЪ (*въ просонкахъ*) Гайда! гайда!

ЧАПЛИЦКІЙ. Гайда! впився, впився, панъ Барабашъ! всѣ бижали! бѣжимъ и мы, чтобъ догнать, схапать, вбить злодѣевъ.

(*убѣгаетъ*).

БАРАБАШЪ. Гайда, гайда! Барабашцы!

(*Два иллахтича отводятъ его подъ-руки, а третій подталкиваетъ.*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ (*).

Запорожская Сѣчь.

Театръ представляетъ Запорожскую Сѣчь. Она обнесена рвомъ и валомъ, установленнымъ пушками. Внутри, съ-боку, видѣнъ станокъ (домъ) кошеваго атамана и башня, на которой развѣвается бѣлое войсковое знамя съ крестомъ. По валу ходятъ часовые; иные изъ казаковъ кашеварничаютъ, другіе борятся, третьи поютъ, остальные лежатъ у своихъ шалашей и землянокъ и курятъ трубки. Вдали Днѣпръ.

I.

КУКУРУЗА, МУШКЕТЪ, ВАТАГА, САМКО И ДРУГІЕ КАЗАКИ.

КУКУРУЗА. Гей! Мушкетъ! Ватага! полюбуйтесь чудомъ!

МУШКЕТЪ. Дай выкрошить огня, да запалить люльку.

ВАТАГА (*подходя*). Что жъ за чудо?

САМКО (*показывая свою саблю*). Взгляни, вотъ булатъ, отъ котораго разомъ на два разлѣтится всякой круглевикъ.

МУШКЕТЪ. Ой-ли!

САМКО. Не вѣришь, такъ попробуемъ.

ВАТАГА (*вынимая деньги*). Руби, вотъ круглевикъ.

(*Казаки собираются въ кружокъ и на пнѣ пробуютъ саблю*).

МНОГІЕ. Славно, славно!

КУКУРУЗА. Глазъ бы не свелъ, перазстался-бы, такъ-бы и умеръ съ нею!

МУШКЕТЪ. Гдѣ жъ ты ее добылъ?

САМКО. Снялъ съ убитаго мирзы.

ВАТАГА. Что булатъ хорошъ, такъ хорошъ, (*показывая кинжалъ*) а мой кинжалъ не уступитъ.

САМКО. Какъ бы не такъ!

ВАТАГА. (*спуская кинжалъ подъ ухомъ*). Слышишь?

САМКО. Дербентскій.

(*) Главнѣйшія сѣчи были: Хортицкая, Тешлынская и Никитинская. Вокругъ сѣчи расположены были шанцы, рогатки, западни, берлоги для стражи, маяки и могилы.

ВАТАГА. Настоящій Дамасскій.

КУКУРУЗА (*показывая ружье*). Да ужъ не поровняется ваше оружіе съ моимъ мушкетономъ — какъ легокъ и ловокъ, насѣчка золотая съ чернетью, стволъ венеціанскій, а бьетъ — такъ чудо! Я добылъ его отъ черкеса, котораго подстрѣлилъ подъ самое сердце и порубилъ ему руки; когда жъ началъ тянуть съ него мушкетонъ, такъ у него индо глаза налились кровью и знаешь, не чѣмъ... такъ онъ съ пѣной у рта ажъ зубами за него уцѣпился проклятый.

(*Казаки смѣются*).

МУШКЕТЪ. Кукуруза! продай.

КУКУРУЗА. Ни за что на свѣтѣ.

МУШКЕТЪ. На вѣсъ серебра.

КУКУРУЗА. Ни на вѣсъ золота.

ВАТАГА. Ребята! полдничать рано; видишь, наши еще кашеварничаютъ; не хочетъ-ли кто силки отвѣдать, да со мной побороться?

САМКО. Вотъ затѣялъ! Гей, Мушкетъ! спой лучше пѣсню, а мы послушаемъ, да подтянемъ.

ПѢСНЯ

Ой на гори та жинцы жнутъ,
А по пидъ горою,
По пидъ зеленою
Казаки йдутъ.

Ей, послухай Сагайдачный,
Возьми свою жинку,
Покинь свою люльку
Необачный.

Мине съ жинкой не возиться,
А тютюнъ да люлька
У дорози казаковой
Знадобится.

Гей! кто въ лисѣ, озовися,
Та выкрашемъ огню
Та запалимъ люльки
Не журися!

II.

ТѢЖЕ И БУРСАКЪ.

Послѣ пѣсни изъ землянки показывается голова и мало по малу вся фигура Бурсака.

МНОГІЕ. А! панъ Бурсакъ! панъ новобранецъ! вылѣзай скорѣе.

БУРСАКЪ. Сейчасъ, сейчасъ, ноги скользятъ, даже трясутся нѣкоимъ образомъ.

ВАТАГА. Что жъ ты дѣлалъ въ землянкѣ?

БУРСАКЪ. Мечталъ, почтеннѣйшіе.

КУКУРУЗА. Объ чемъ же?

БУРСАКЪ Мало-ли объ чемъ.... о настоящемъ и о будущемъ.

ВАТАГА. Что жъ лучше?

БУРСАКЪ. Богъ знаетъ, почтенные: настоящее ласточка, будущее журавль.

САМКО. Полноте книжничать.

МУШКЕТЪ. Скажи-ко лучше, привыкаешь-ли къ нашему удалому житью, панъ новобранецъ?

БУРСАКЪ. Плохо, очень плохо, храбрые лыцари.

КУКУРУЗА. Ой-ли? а житье славное! какъ конь въ степной волѣ, такъ казакъ не безъ доли, куда хочетъ, туда и скачетъ.

САМКО. Нѣтъ ни безводья, ни безхлѣбья.

МУШКЕТЪ. Добычи нѣтъ, такъ чарой подѣлимся.

ВАТАГА. Затрубятъ трубы, загремятъ бубны и пустимся на бусурмановъ!

БУРСАКЪ. То-то и есть, у васъ въ головѣ трубы да бубны, а у меня книги.

КУКУРУЗА. Экой вздоръ.

БУРСАКЪ. У васъ война, а у меня латынь.

ВАТАГА. Выбрось ее изъ головы, да пойдемъ подъ турку. То-то земля: полна серебра и золота, а горы подъ самое небо!

БУРСАКЪ. Почему бы не такъ, да съ коніками-то не справлюсь, такъ и брыкаются, проклятые, словно чувствуютъ ...

МУШКЕТЪ. Такъ пустимся на ладьяхъ.

БУРСАКЪ. Пробовалъ и это.... да мочи нѣтъ, тошнитъ, почтенные. Избавь Богъ отъ гнилаго моря.

ВАТАГА. Гнилое — шутка: мы его и вбродъ и вплавь измѣрили. Вотъ Черное или Русское море, такъ дѣло другое.

БУРСАКЪ. А что?

ВАТАГА. Какъ задуетъ вѣтеръ, да встанетъ волна переложная, такъ Черное и завоетъ сѣрымъ волкомъ; оно воетъ, оно лаетъ, а мы разгуливаемъ. Иногда, знаешь, на ладьяхъ ходимъ гусемъ: одна за другою рядомъ, а иной разъ журавлемъ, то-есть угломъ. Ратуемъ Хана, ратуемъ Натолью, разъ штурмовали Требизонтъ и доплывали до Царьграда.

БУРСАКЪ. И что-жъ, возвратились чай съ гарной добычею?

ВАТАГА (*показывая деньги*). А какъ же; вотъ тебѣ и блестящіе круглевики, и талеры съ печатью царской; вотъ шпанскіе реалы и арабскіе цѣхины.

БУРСАКЪ. Славно, славно нагайдамачили!

МУШКЕТЪ (*толкая Бурсака*). Ахъ, ты дурень. Орелъ не воронъ, казакъ не гайдамакъ, мы воюемъ, они разбойничаютъ и на Днѣпрѣ вредятъ нашей доброй славѣ.

БУРСАКЪ. Виноватъ, виноватъ, почтенные лыцари! да что вамъ за охота вѣчно драться съ сосѣдями?

ВАТАГА. Хороши сосѣди.

БУРСАКЪ. Что-жъ, татары что-ли?

ВАТАГА. Свекольники-бусурманы.

БУРСАКЪ. Турки?...

МУШКЕТЪ. Агаряне.

БУРСАКЪ. Поляки?...

ВАТАГА. Египтяне!...

БУРСАКЪ. Русскіе?

МУШКЕТЪ. Ну, эти не что.... единовѣрцы! впрочемъ говоритъ пословица: *съ Москалемъ дружи, а камень за пазухой держи.*

БУРСАКЪ. Да и царь-то у нихъ, говорятъ, славный.

МУШКЕТЪ. Сынъ Михаила Романова.

БУРСАКЪ. Издалъ, видишь, уложенье, отнялъ назадъ Смоленскъ, да того и смотри, что приберетъ и Украйну.

МУШКЕТЪ. Ужъ коли тому быть, такъ лучше идти подъ его руку.

САМКО. Ну, полно-жъ умничать! (*Бурсаку*) Говори: казакъ или нѣтъ?

ВАТАГА. Лепеховатъ, да выправишься.

БУРСАКЪ. Нѣтъ, истинно не способенъ, почтенные! (*становясь въ риторскую позитуру*) И всѣмъ ли быть воинами—храбрые лыцари? Повѣрьте, всякой хорошъ и нуженъ на своемъ мѣстѣ. Пахарь

доставляетъ вамъ пищу тѣлесную; риторъ—пищу умственную, душевную. Мнѣ кажется... что вы какъ будто сомнѣваетесь въ послѣднемъ, не судите по мнѣ о прочихъ. Есть витіи, которыхъ словеса что твой булатъ, не говорю о Сократѣ, Сенекѣ, Катонѣ — учителяхъ древности. Говорю объ отцѣ Трофимѣ, ректорѣ Переяславскомъ, краснорѣчіе его выше всякаго попятія; и такъ, почтенные слушатели, пусть каждый остается на своемъ мѣстѣ; пусть пахарь идетъ въ поле, пусть риторъ идетъ въ свою бурсу. Пусть каждый подвизается на предназначенномъ ему поприщѣ и, какъ истинный сынъ отечества, содѣйствуетъ пользамъ Украйны и славныхъ ея защитниковъ, храбрыхъ запорожцевъ, всегда, нынѣ и во вѣки вѣковъ.

КУКУРУЗА. За чѣмъ же ты бѣжалъ изъ бурсы?

БУРСАКЪ. Я не бѣжалъ, нѣтъ, я не бѣглецъ, но странствователь. Услышавъ въ бурсѣ, что какой-то инженеръ, французъ Бопланъ, намѣревается описать Украйну, нравы и обычаи ея жителей, я рѣшился предупредить его въ этомъ подвигѣ. Наступила ваканція и я пустился путешествовать: дошелъ благополучно до Днѣпровскихъ пороговъ и въ ту минуту, когда восхищался *Ненасытцомъ*, когда восторженное мое воображеніе представляло мнѣ его гигантомъ, съ шумомъ омывающимъ главу свою пѣнистою влагою, въ ту минуту, говорю вамъ, я почувствовалъ, что меня давитъ за горло. Сначала я подумалъ, что это приливъ восторга, но это былъ арканъ, накинутый мнѣ на шею однимъ изъ почтенныхъ лыцарей; дальнѣйшее вамъ извѣстно, будущее въ рукахъ вашихъ.

МУШКЕТЪ. Мы сами по себѣ не можемъ порѣшить этого; вотъ атаманъ, просись, авось и отпуститъ.

III.

ТѢЖЕ И **ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.**

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. А! панъ новобранецъ.... привыкаешь ли къ ратному дѣлу?

МУШКЕТЪ. Чего привыкать, атаманъ, просится во свояси.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Отъ чего жъ?

БУРСАКЪ. Великодушный атаманъ! двѣ недѣли испытанія доказали явную мою неспособность. Я не рожденъ быть воиномъ: конь меня уноситъ, ладья укачиваетъ; мушкетъ, сабля, пика, бердышъ, кольчуга и прочая, сдѣланы не для меня (*вынимая изъ за пазухи тол-*

стую тетрадь) вотъ оружіе! Вотъ мои путевыя впечатлѣнія, онъ поразятъ многихъ. Быть писателемъ, вотъ поприще, предназначенное мнѣ судьбою. На немъ я стократъ буду полезнѣе. И такъ, великодушный атаманъ, позволь возвратиться мнѣ въ вертоградъ Переяславскій и окончить начатое.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Насильно не держимъ, пожалуй; но ты голъ, какъ соколъ, а до Кіева не близко; (*давая ему круглевикъ*) вотъ тебѣ на дорогу.

БУРСАКЪ. Спасибо, спасибо, храбрый лыцарь! Богъ воздастъ тебѣ седмерицею. Придя въ Кіевъ, я запишу имя твое въ поминальномъ субботникѣ.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Дай прежде умереть.

БУРСАКЪ. У васъ недолго, почтенные! Прощайте, прощайте, храбрые лыцари.

ИНЫЕ. Прощай, панъ бурсакъ!

ПРОЧІЕ. Убирайся къ чорту, вялое животное!

IV.

ТѢЖЕ, КРОМѢ **БУРСАКА.**

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Пора бы быть нашимъ изъ Чигирина, не случилось-ли съ ними чего недобраго.

ВАТАГА. Да вѣдь тамъ гетманъ.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. То-то и худо, вчера на Радѣ, они больно поразмолвили.

ЧАСОВОЙ. Гей, изъ-за могилъ показываются всадники.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Взгляните. (*нѣкоторые казаки взбѣгаютъ на валъ*).

ВАТАГА. Передній летитъ орломъ и гнется яворомъ.

МУШКЕТЪ. Подскакиваютъ къ шанцамъ — это наши!

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Вѣрно Зиновій!

ВАТАГА. Такъ и есть.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Слава Богу!

V.

ТѢЖЕ, **ЗИНОВІЙ, БѢДА** И **НЕЧАЙ.**

ЗИНОВІЙ. Здравствуй атаманъ! здравствуйте братья.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Я начиналъ тревожиться.

БѢДА. И не даромъ.

НЕЧАЙ. Хорошо, что счастливо отдѣлались.

ЗИНОВІЙ. Я былъ схваченъ Чаплицкимъ съ согласья гетмана. Бѣда и Нечай спасли и меня и Ольгу.

НЕЧАЙ. *Не то казакъ що сборовъ, а то що вывернувся.*

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ (*Зиновію*). Но гдѣ жъ твоя Ольга?

ЗИНОВІЙ. Съ вѣрнымъ Чурой, я оставилъ ее не вдалекѣ отъ сѣчи.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Опасно, Зиновій, кругомъ польскія засады.

ЗИНОВІЙ. Мы ихъ мигомъ выручимъ. Теперь къ дѣлу друзья! я обѣщалъ вамъ достать королевскій универсалъ — онъ со мною!

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ и **КАЗАКИ.** Прочти, прочти Зиновій.

ЗИНОВІЙ (*вынимая универсалъ*). Слушайте: вотъ что отвѣчалъ король на послѣднюю нашу жалобу: «Когда вы воины добрые и «маете у себя мушкеты и сабли, то что вамъ стать за себя и за «ваши вольности возбраняетъ, а я помогать вамъ не въ силахъ, бу«дучи обуреваемъ патріціонствомъ. Владиславъ.»

КАЗАКИ. Король дозволяетъ!

ЗИНОВІЙ. Чего же ждать? выбирайте любое: гибель и славу, гибель и смерть! знайте, гетманъ съ своими барабанщами прибылъ въ Никитинскую сѣчь; Потоцкій и Калиновскій идутъ къ Желтымъ Водамъ: они хотятъ соединиться и уничтожить Запорожье.

КАЗАКИ. Не бывать, не бывать!

ЗИНОВІЙ. Мы послали нарочнаго къ Исламъ-Гирею, онъ прилетитъ на помощь.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Гей! ладьи! коней! (*казаки съ криками: гай, гай, вооружаются*) Небаба! ты остаешься здѣсь съ своими для охраненія сѣчи.

НЕБАБА. Побей — Богъ, треба рубиться.

ЗИНОВІЙ. Не сегодня, такъ завтра, храбрый Небаба.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. Надо же остаться кому нибудь изъ старшихъ.

НЕБАБА. И то правда.

(*Казаки являются вооруженными*).

ЗИНОВІЙ (*Дженджелею*). Атаманъ, мы готовы.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ. При тебѣ — я казакъ.

ЗИНОВІЙ. При тебѣ — я не первый. (*Казакамъ*) Друзья! Сѣчь Никитинская ваша! за отчизну и вольность казацкую!

КАЗАКИ (*съ восклицаніями*). Гей! гагай, гайда!

(*Оставляютъ сцену*).

VI.

НЕБАБА СЪ КАЗАКАМИ, ПОТОМЪ ЧУРА СЪ ПАННОЙ ОЛЬГОЙ, ПЕРЕОДѢТОЙ КАЗАКОМЪ.

НЕБАБА (*выкуривая трубку*). По мѣстамъ! на валъ! до пушекъ, до воротъ, быть на сторожкѣ — глядѣть въ оба, смотрите-жъ! (*самъ всходитъ на валъ*).

ЧУРА (*прокрадываясь съ боку*). Небойся, небойся, панна Ольга; слава Богу, что спаслись отъ поляковъ... здѣсь мы безопасны.

ОЛЬГА. Но здѣсь насъ не знаютъ.

(*Подстерегавшіе ихъ казаки съ крикомъ: гей! бросаются на нихъ и схватываютъ*).

ЧУРА. Мы свои — я слуга Зиновія.

ОЛЬГА. Я сынъ Чуры.

МУШКЕТЪ. Узнаемъ, узнаемъ (*своимъ*) это барабашцы.

ВАТАГА (*тихо*). Вѣрно шпиги (*).

САМКО (*тихо Ватагѣ*). Ни то, ни другое... Знаешь что: вѣдь это не хлопецъ, а дивчина!

ВАТАГА. Ой-ли? (*схватывая Ольгу*) такъ и есть — моя добыча!

САМКО (*отталкивая Ватагу*). Какъ не твоя! видишь! (*хватаясь за нагайку*) не хочешь ли отвѣдать пуги.

ВАТАГА. Пуги! Ахъ ты татаринъ!

САМКО. Ахъ ты сорви голова!

ВАТАГА. Сорви голова! (*выхватывая саблю*) Увидимъ, чья слетитъ прежде.

ЧУРА (*отымая Ольгу*). Гей, гей! атаманъ, атаманъ!

НЕБАБА (*показываясь на валу*). Здѣсь, здѣсь! Ватага, Мушкетъ! разбойники! въ курень!

(*Казаки перестаютъ драться*).

ВАТАГА. Атаманъ!

НЕБАБА. Побѣй-Богъ, въ курень! въ курень!

(*Ватага и Самко скрываются*)

ЧУРА. Защити атаманъ — я Чура, слуга Зиновія

НЕБАБА. А этотъ?

ЧУРА. Мой сынъ.

(*) Шпіоны.

НЕБАБА. Сынько твой бравый хлопецъ, точь въ точь дивчина.

ОЛЬГА (*съ притворной досадой*). Я не дѣвчина, а казакъ

НЕБАБА (*обнимая ее*). Небойся, я самъ Небаба.

ОЛЬГА (*отмахиваясь отъ табачнаго дыма*). Ужъ!

НЕБАБА. Не хочешь ли затянуться?

ОЛЬГА. Спасибо, спасибо.

НЕБАБА (*Ольгѣ*). Ну чтожъ, бывалъ ли этакъ... въ удалыхъ схваткахъ, али подстрѣливалъ.

ОЛЬГА. Да подстрѣливалъ.

НЕБАБА. Небось прямо въ лобъ?

ЧУРА. Онъ бьетъ въ самое сердце.

НЕБАБА. Побѣй-Богъ — до смерти?

ОЛЬГА. Нѣтъ, всѣ живы, слава Богу.

НЕБАБА. Чего жалѣть, бей на повалъ, по-запорожски!

ЧАСОВОЙ. Гей! атаманъ! наши.

НЕБАБА. Ой-ли!

(*За кулисами слышны восклицанія: гей, гайгай, гайда*).

VII.

ТѢЖЕ, **КАЗАКИ**, ПОТОМЪ **ЗИНОВІЙ** И **ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.**

КУКУРУЗА (*вбѣгая съ другими*). Наша взяла! наша взяла!

НЕБАБА. Славно!

КУКУРУЗА. Никитинская сѣчь взята штурмомъ.

НЕБАБА. Лихо.

КУКУРУЗА. Польскій гарнизонъ вырѣзанъ!

НЕБАБА. Знатно!

КУКУРУЗА. Барабашъ убитъ!

НЕБАБА Дѣльно!

КУКУРУЗА. Вотъ и наши!

НРБАБА. Ай да запорожцы!

(*Входитъ Зиновій съ Дженджелеемъ, который держитъ булаву*).

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ (*Зиновію*). Вотъ булава убитаго гетмана — она твоя Зиновій.

КАЗАКИ. Она твоя! она твоя!

ЗИНОВІЙ. Она ваша и я вашъ. Ляхи ждутъ насъ, отмстимъ и бу-

демъ правы! (*увидя Ольгу*) Ольга! тебя ли я вижу! Чура, вѣрный Чура! (*казакамъ*) Друзья! вотъ жена моя!

НЕБАБА. Побѣй-Богъ!

ОЛЬГА (*подавая руку Небабѣ*). Да, атаманъ.

ЗИНОВІЙ. Что это значитъ?

ОЛЬГА Мы подружились.

ЗИНОВІЙ. Тѣмъ лучше. Храбрый Небаба! ей здѣсь не мѣсто; не откажись съ своими проводить ее до Кіева.

НЕБАБА. А рубиться?

ЗИНОВІЙ. За то на пути ты будешь убѣждать народъ вооружаться крестомъ и саблей противъ ляховъ, губителей имени русскаго. Въ Кіевѣ ты явишься къ святителю: скажешь ему, что насталъ часъ воли Божіей и пусть благословитъ онъ союзъ братства и православія!

НЕБАБА. Дѣльно!

VIII.

ТѢЖЕ, **ХОРУНЖІЙ** СЪ КАЗАКАМИ И ПЛѢННЫЙ КРЫЛАТНИКЪ.

ХОРУНЖІЙ. Атаманъ! еще схваченъ новый плѣнный.

ЗИНОВІЙ. Кто ты, храбрый рыцарь?

(*Плѣнникъ молча падаетъ на колѣна, казаки сбрасываютъ съ него шлемъ*).

ЗИНОВІЙ. Чаплицкій! (*казаки бросаются на него съ саблями*) Остановитесь! обрить ему голову... обрить усы (*).

НЕБАБА (*хватаясь за усы*). Побѣй-Богъ!

ЧАПЛИЦКІЙ (*также схватываясь за усы*). Взмилуйся!

ЗИНОВІЙ (*продолжая*). Обрить усы, которыми такъ хвасталъ, выбросить за валъ и пусть летитъ на своихъ крыльяхъ!

ЧАПЛИЦКІЙ. Усы, усы! лучше смерть! (*его уводятъ*).

ЗИНОВІЙ (*Ольгѣ и Чурѣ*). Отправляйтесь! Богъ спасетъ насъ и нашихъ; (*показывая на Небабу*) съ такимъ проводникомъ бояться нечего (*казакамъ*). Братья! время дорого, предупредимъ Потоцкаго и Калиновскаго, за нами, на Желтыя Воды!

(*) Запорожская старина Срезневскаго, книга V.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гайдамаки (*).

Театръ представляетъ дикое поднѣпровье, заросшее тростникомъ и осокою. Вдали Днѣпръ и бѣдная хижина.

I.

ВЫХОДЯТЪ ГАЙДАМАКИ: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й СЪ НОШАМИ ЗАГРАБЛЕННАГО.

1-й. Спасибо запорожцамъ, день цѣлый полевали, а мы кой-чѣмъ поживились.

4-й. Охъ! охъ! братеньки-гайдамачки, выбился изъ силъ, а до стойбища далеко.

2-й. Днѣпръ шумитъ, вѣтеръ завываетъ, быть бурѣ, не переночевать ли намъ у Гаркуши?

4-й. Почему бы не такъ, да недѣля-то нынче передъ Петровками, русальная.

3-й. Такъ чтожъ?

4-й. А вечеръ-то сегодня Ивановъ.

1-й. Вѣдомо Ивановъ.

4-й. А Гаркуша?

1-й. Ну чтожъ?

4-й. А черный котъ, а черный козелъ, а черный воронъ? чтожъ это, спроста что ли?

1-й. Вѣдомо не спроста.

4-й. А коли не спроста, такъ вѣдомо и то, что въ Ивановъ вечеръ всякая вѣдьма, на помелѣ, или на ухватѣ, летитъ подъ Кіевъ, на Лысую гору.

1-й. Ты трусъ, Зозуля. Простой народъ насъ самихъ считаетъ чернокнижниками: добрый гайдамакъ дунетъ на воду и вода загорится, махнетъ рукой на лѣсъ и лѣсъ приляжетъ.

4-й. Да, разсказывай!

1-й. Положимъ, что Гаркуша и такова, но до сихъ поръ мы живемъ съ нею дружно: она ворожитъ, да заманиваетъ, а мы оби-

(*) *Бродники*, *Лугари* собственно означало лѣсныхъ жителей; но гайдамаки были настоящими разбойниками.

раемъ, да и у ней же складываемъ. Если она и вѣдьма, такъ славная вѣдьма, нельзя пожаловаться.

3-й. Пойдемте ребята. Гей! Зозуля, что ты нагнулся?

4-й. Ищу папортника.

1-й. А! на Ивановъ вечеръ ищетъ клада.

4-й. Братеньки, братеньки, а что это?

2-й. Какой папортникъ! брось это *сонъ трава*, казацкая могила.

3-й. Ну полно жъ, пойдемте за мною.

(За кулисами слышенъ голосъ и ауканье).

1-й. Ребята! пожива! за кусты.

(Гайдамаки прячутся).

II.

ТѢЖЕ И **БУРСАКЪ.**

БУРСАКЪ. Что за лѣсъ, прости Господи! идешь и не выйдешь. А иду скоро..: смѣло... даже покрикиваю... оно вернѣе, народъ нашъ суевѣренъ, подумаютъ, что лѣшій и никто не сунется. Ау!

I ГАЙД. (*изъ-за куста*). Ау!

БУРСАКЪ. Что это? вѣрно эхо (*тихо*). Ау!

2 ГАЙД. (*громко изъ-за куста*). Ау!

БУРСАКЪ. Такъ точно... это эхо собственное... удивительное, даже страшное, нѣкоторымъ образомъ, эхо. Впрочемъ бываютъ такія, которыя даже разговариваютъ, иному скажешь: здравствуй эхо! и оно отвѣчаетъ...

I ГАЙД. (*подходя*). Здравствуй лѣшій.

2 ГАЙД. (*ударя Бурсака по плечу*). Самъ накликалъ.

БУРСАКЪ. Я весьма радъ такимъ почтеннымъ попутчикамъ.

2 ГАЙД. Мы идемъ другимъ путемъ.

БУРСАКЪ. Крайне жалѣю.

I ГАЙД. (*оглядывая Бурсака*). Бриль (*), усы, черкеска, трубка, узелъ съ книгами — и спрашивать нечего... бурсакъ, не такъ ли? Здравствуй савоитель (**).

БУРСАКЪ. Какая встрѣча! но кто ты таковъ, почтеннѣйшій: этимологъ, поэтъ, риторъ, или философъ?

I ГАЙД. Я былъ и остался философомъ, замѣть: не попугаемъ, но

(*) Шапка.

(**) Соученикъ.

истиннымъ мыслителемъ, я имѣлъ собственныя основныя идеи, возставалъ противъ многихъ предразсудковъ, подкрѣплялъ свои доводы правомъ сильнаго и меня изгнали изъ бурсы.

БУРСАКЪ. Участь Аристида!

1 ГАЙД. Я не измѣнилъ своему назначенію, живу въ лѣсу и довольствуюсь малымъ.

БУРСАКЪ. Истинная, патріархальная философія.

2 ГАЙД. Откуда же идетъ панъ бурсакъ?

БУРСАКЪ. Прямо изъ Хортицкой сѣчи.

2 ГАЙД. Вѣрно бѣжалъ?

БУРСАКЪ. Никакъ нѣтъ, почтеннѣйшій, съ честью отпущенъ, самъ атаманъ даже пожаловалъ мнѣ круглевикъ на дорогу.

2 ГАЙД. Можетъ быть и больше?

БУРСАКЪ. Истинно нѣтъ, хоть обыщите. (*Гайдамаки начинаютъ его обыскивать*). Вы не шутя обыскиваете?

2 ГАЙД. Гайдамаки не шутятъ.

БУРСАКЪ. Гай... гайда.... гайдамаки!

1 ГАЙД. Да я гайдамакъ – философъ. Будь спокоенъ. (*Отнимая узелъ*). Зозуля, прибирай книги! (*Бурсаку*) Зачѣмъ же ты бродяжничаешъ?

БУРСАКЪ. Я не бродяжничаю, но странствую, великодушный философъ; (*гайдамаки начинаютъ стягивать съ него Черкеску*) я описываю Украйну, похвальные нравы и обычаи ея жителей и разныя другія ощущенія.

1 ГАЙД. (*вынимая изъ черкески тетрадь*). А это что?

БУРСАКЪ. Мои путевыя записки.

1 ГАЙД. Прочитаемъ и это на досугѣ.

БУРСАКЪ. (*отнимая рукопись*). Нѣтъ, я не разстанусь съ ними.... это мое сокровище, моя надежда, моя слава! мое дѣтище.

1 ГАЙД. Пожалуй!... ступай же вотъ этой тропинкой и выйдешь на большой шляхъ (*).

2 ГАЙД. Пора и намъ ребята, буря не шутя разыгрывается, бьетъ дробнымъ дождемъ.

БУРСАКЪ (*безъ черкески, пожимаясь*). Весьма чувствительно.

1 ГАЙД. Прощай же, товарищъ, не поминай лихомъ, не то дорого заплатишь.

БУРСАКЪ. Прощай, великодушный философъ! встрѣча съ тобою доставитъ мнѣ чудесную страницу! (*уходитъ*).

(*) Большая дорога.

1 гайд. Ребята за мною! тутъ не проберемся, Днѣпръ разлился, пойдемте обходомъ — я знаю дорогу.

(*Уходятъ*).

III.

(Внутренность бѣдной хижины съ печью. Изъ боковой двери выходитъ старая, горбатая, страшная Гаркуша; она держитъ почникъ и подходитъ къ печи, прислушиваясь).

ГАРКУША. Налетѣла черная туча, какъ стая вороновъ; давно не гремѣло такимъ громомъ и неблистало такою молніею.... Чу? прокричалъ филинъ и Днѣпръ воетъ сѣрымъ волкомъ. Охъ, охъ! Гаркуша, не къ добру все это. Затопить печь, неподойдутъ ли мои гайдамачки (*беретъ помѣло и возится съ печью*) Стучатся! кто тамъ? дверь отперта—нѣтъ отвѣта! (*она съ тѣмъ же помѣломъ въ рукахъ приближается къ двери, въ которую съ открытой, выбритой головой, въ латахъ съ крыльями, вбѣгаетъ отчаянный Чаплицкій. Они сталкиваются и оба чуть не вскрикиваютъ*).

IV.

ГАРКУША и ЧАПЛИЦКІЙ.

ГАРКУША (*про себя*). Чортъ!

ЧАПЛИЦКІЙ (*въ сторону*). Вѣдьма! ну! панъ Чаплицкій попался въ новыя кохти!

ГАРКУША. Охъ! охъ! Гаркуша, Гаркуша пришлось расплачиваться!

ЧАПЛИЦКІЙ (*про себя*). Година, ты моя година! никодная година!

ГАРКУША (*про себя*). Доля, ты моя доля! щербатая доля! (*вслухъ*) А что, ясновельможный гость.... откуда и до куда?..

ЧАПЛИЦКІЙ. До Кіева.

ГАРКУША (*про себя*). Э! э!

ЧАПЛИЦКІЙ. А ты?... ты тоже кіевская?

ГАРКУША. Коренная кіевская.

ЧАПЛИЦКІЙ (*про себя*). О! о!

ГАРКУША. А какъ.... прозываешься, гость нежданный?

ЧАПЛИЦКІЙ. Даніель!..

ГАРКУША (*въ сторону*). Даніель! вѣрно изъ старшихъ!

ЧАПЛИЦКІЙ. А ты?... добрая женщина?

ГАРКУША. Панна Гаркуша.

ЧАПЛИЦКІЙ (*въ сторону*). Гаркуша! извѣстная Гаркуша! (*вслухъ*) Знай, панна Гаркуша.... что старшіе за меня заступятся.

ГАРКУША. И у меня найдутся защитники.

ЧАПЛИЦКІЙ. За мою голову и хата и ты сама полетишь къ чорту!

ГАРКУША. И изъ нашихъ когтей не скоро выскребутся.

ЧАПЛИЦКІЙ (*про себя*). О! о!—Панна Гаркуша, я перезябъ до смерти.

ГАРКУША (*про себя*). Я сама дрожу, какъ осина.

ЧАПЛИЦКІЙ. Нѣтъ ли у тебя горилки?

ГАРКУША. Есть, есть.... (*наливаетъ изъ бочки*).

ЧАПЛИЦКІЙ. Цѣлая бочка!

ГАРКУША (*поднося*) Выкушай на здоровье, полная кварта.

ЧАПЛИЦКІЙ (*прихлѣбываетъ разъ, два, три*). Чертовская горилка.

ГАРКУША (*въ сторону*). И пьетъ по чертовски!

ЧАПЛИЦКІЙ. Панна Гаркуша.... я озолочу тебя; достань мнѣ лодку и какое нибудь человѣческое платье.

ГАРКУША (*въ сторону*). Человѣческое! (*вслухъ*) Рада служить, чѣмъ изволишь.

ЧАПЛИЦКІЙ. За это.... наши тебя не оставятъ; но время дорого.... я чай скоро полночь.

ГАРКУША (*про себя*). А! а! (*вслухъ*) Сейчасъ, сейчасъ! (*уходитъ въ свой чуланъ*).

ЧАПЛИЦКІЙ. А я между тѣмъ хоть немножко отогрѣюсь (*садится къ печи и дремлетъ*).

V.

ТѢЖЕ И ГАЙДАМАКИ.

(Двое изъ гайдамаковъ всовываютъ головы въ окошки, а двое входятъ: видятъ крылья Чаплицкаго и въ страхѣ прислоняются къ стѣнѣ. Гаркуша съ узломъ выходитъ изъ чулана; гайдамаки манятъ ее знаками).

1-й (*тихо*). Гаркуша! Гаркуша, что это за птица?...

ГАРКУША. Ничего, ничего, это прохожій.

2-й (*подозрительно*). Прохожій?..... вотъ что, прохожій съ крыльями.

ГАРКУША. Добрый гайдамакъ и чорта небоится.

3-й (*изъ окошка*). Да — въ писняхъ, да въ думкахъ.

4-й. А это видимо.

1-й. Охъ, охъ! братеньки, братеньки, я говорилъ, что будетъ худо.

2-й. Господи помилуй! въ первый разъ вижу чорта.

3-й. Сказывали, что они кучерявые, а этотъ плѣшивъ, какъ ладонь.

4-й (*изъ окошка*). Плѣшивые злѣе косматыхъ.

1-й. Охъ, охъ! Гаркуша, Гаркуша, дурное ремесло до добра не доводитъ.

ГАРКУША. Небойтесь, обойдется, останьтесь, голубчики.

2-й. Нѣтъ, нѣтъ, Гаркуша, всякому своя шкура дорога.

ГАРКУША. Голубчики! не выдайте, заступитесь, спасите душу, побойтесь Бога!

ЧАПЛИЦКІЙ (*вскакивая*). Панна Гаркуша!

ГАРКУША (*испугавшись*). Панъ Даніель!

1-й. Даніель! о, о! (*уходитъ, посматривая въ дверь*).

ГАРКУША. Вотъ платье.

ЧАПЛИЦКІЙ (*разсматривая гайдамацкое платье*). Э! э! пахнетъ гайдамаками!

(*Услышавъ это, гайдамаки скрываются*).

ГАРКУША. Другаго нѣтъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. А лодка?

ГАРКУША. Душегубка (*) у самой хаты.

ЧАПЛИЦКІЙ. Какая душегубка?...

ГАРКУША. Лодка однодеревка....

ЧАПЛИЦКІЙ (*про себя*). Просто гробъ: ложись, дѣлать нечего. (*вслухъ*). Бери жъ лихтарню и проводи меня до душегубки.

(*Они выходятъ, за кулисами слышно ихъ прощанье*).

ГАРКУША. Прощай, панъ Даніель.

ЧАПЛИЦКІЙ. Прощай, панна Гаркуша!

VI.

(Чаплицкій плыветъ по Днѣпру въ лодкѣ.... разсвѣтъ).

(*) Такъ называются въ Малороссіи лодки изъ одного дерева выдолбленныя.

(Хайло, блѣдный, перепуганный, прислушивается и останавливается. Свиститъ, идетъ скорѣе; опять останавливается и прислушивается. Свиститъ; бѣжитъ до самой сцены. Тутъ онъ снова прислушивается и съ роковымъ словомъ: Свиститъ! взлѣзаетъ на березу. Въ это время причаливаетъ и выходитъ на берегъ Чаплицкій).

ХАЙЛО (*на березѣ*). Кара Божска! кара Божска! гайдамакъ!

ЧАПЛИЦКІЙ. Я слышалъ голосъ? ужъ не русалка-ли! (*подходитъ къ дереву*).

ХАЙЛО (*узнавъ Чаплицкаго*). Панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ. Такъ есть.

ХАЙЛО. Панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ. Хайло! какая встрѣча.

ХАЙЛО. Чи живъ, чи здоровъ, панъ Чаплицкій?

ЧАПЛИЦКІЙ. Не спрашивай, не спрашивай.

ХАЙЛО. Дали Бугъ.... панъ Збликъ.... панъ у весь змарнивъ.

ЧАПЛИЦКІЙ. Гдѣ я? что я? гдѣ усы, къ чему гожуся? Такъ Хайло; передъ тобой тѣнь Чаплицкаго, я умеръ.

ХАЙЛО. Умеръ! ховай Боже! Панъ вѣрно съ Желтоводской битвы?..

ЧАПЛИЦКІЙ. Съ какой битвы?

ХАЙЛО. И панъ не знае о нашемъ несчастіи! новый гетманъ, подъ Желтыми Водами якъ Фараоново войско! Потоцкій, Калиновскій, Сапеги взяты вплинъ, и панъ Зиновій, якъ новый Тамерланъ, дали бугъ якъ Тамерланъ, все палитъ, все пануетъ и летитъ до Кіева, куда пріѣхали москали за присягой царю русскому.

ЧАПЛИЦКІЙ. Врагъ мой торжествуетъ! все погибло!

ХАЙЛО. Не унывай, панъ Чаплицкій! есть еще надежда.

ЧАПЛИЦКІЙ. Какая?...

ХАЙЛО. А вотъ якая: панъ знае казацкаго атамана Туху? такого мочнаго, съ такими усами — чловѣка страшнего. Лишь онъ узналъ о пріѣздѣ москалей, то вразъ поднялъ гамонъ и остервенився, якъ звирь, дали бугъ якъ звирь. Зиновій предатель, Зиновій предатель, но ни, небывать тому, пока живъ Туха и вѣрные казаки. Онъ началъ сыпать пенензами, добулъ бижавшихъ барабащцевъ, разную дробную шляхту и потекъ противъ гетмана. Мувятъ, что къ нему пристали татары и кто знае, чья возьме, панъ Чаплицкій?

ЧАПЛИЦКІЙ. Дай Богъ, дай Богъ! да какъ ты самъ здѣсь очутился, Хайло?

ХАЙЛО. Охъ, охъ! панъ Чаплицкій! панъ Чаплицкій! позавчора спропали мине до пана Комиссаржа. Хайло! мусилъ мнѣ ясневельможній... але хоче заробить ндесять дукатовъ? А цому же ни! ктоже соби добра непожалуе. Кеды такъ, то везьми тую папиру и идзь до папа Туха, але то секретъ, пильный секретъ есть, цобъ никто не зналъ, никто нивидзялъ! Але гдижъ панъ Туха? Але тамъ есть... гди винъ палюе. Эге! то смирть, панъ Чаплицкій, але ндесять дукатовъ... и я прийнялъ ту папиру дали-бугъ для едного интереса отчизны. Я пошелъ... иду, иду... чу? слухаю: свиститъ! я утикать, утикать, такъ что присталъ; слухаю, слухаю: свиститъ! я бижать, бижать, знова присталъ, знова слухаю — свиститъ! южъ тутъ я вписке стерялся... я до лясу, до лясу и радъ бувъ, радъ бувъ, (*показывая на дерево*) что здѣсь зховался!

ЧАПЛИЦКІЙ. Да чтожъ свистѣло, Хайло?

ХАЙЛО. Эхъ, панъ Чаплицкій, панъ Чаплицкій! (*показывая на дерево*) южъ тутъ я спознялъ, что... то съ моего носа свистѣло!...

ЧАПЛИЦКІЙ. Эхъ! ты трусъ еврейскій!

ХАЙЛО. Дали-бугъ, вписке разумъ зтратилъ!

(*Слышны выстрѣлы*).

ХАЙЛО. Панъ Чаплицкій! панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ. Что... Хайло... свиститъ?

ХАЙЛО. Южъ какъ свиститъ! не до лясу ли, панъ Чаплицкій?

ЧАПЛИЦКІЙ. Нѣтъ, Хайло, гдѣ скрыться? гдѣ пригортаниться; не отбыть мнѣ моей годины! (*увидя поляковъ*), то наши! будь здравъ, Хайло! умру за гоноръ, отчизну! (*присоединяется къ полякамъ*).

ХАЙЛО. (*убѣгая*) Якъ то можно! якъ то можно!

VII.

(Сцена наполняется сражающимися поляками и татарами изъ дружины Тухи съ казаками Зиновія; на Днѣпрѣ такое же сраженіе. Побѣда на сторонѣ гетмана. Онъ входитъ и за нимъ влекутъ Туху, предводителя мятежниковъ).

ЗИНОВІЙ, ТУХА, И КАЗАКИ.

ЗИНОВІЙ. Вѣрить ли глазамъ! Туха, храбрый Туха возсталъ противъ Зиновія!

ТУХА (*бросая саблю*) Кончай! (*одинъ изъ козаковъ поднимаетъ саблю*).

зиновій. Я кончилъ, что надо, разбилъ мятежниковъ; но ты, Туха, прежній товарищъ, другъ, наставникъ моего сына — скажи, за что возсталъ противъ защитниковъ Украйны.

туха. Защитниковъ!.... которые предаютъ отчизну!

зиновій (*хватаясь за саблю*). Туха! возьми свой булатъ и станемъ на судъ Божій.

туха. Теперь поздо — я одинъ не спасу отчизны.

зиновій. Безразсудный, но все таки храбрый и благородный Туха! умѣрь свою запальчивость, войди въ себя, одумайся и скажи мнѣ: можетъ-ли изнеможенная, ограбленная, усѣяшая могилами Украйна существовать сама собою.

туха. Я былъ увѣренъ, что ты ищешь ея независимости. Я былъ увѣренъ, что ты обманываешь и султана, и хана, и короля, и царя, обѣщая быть каждому вѣрнымъ и покорнымъ. Въ тебѣ я видѣлъ преемника Владиміра и великаго князя украинской Россіи!

зиновій. Ты заблуждался, Туха. Украйна, окруженная турками, поляками и русскими, не можетъ имѣть независимой самобытности.

туха. Но ни русскимъ, ни полякамъ, ни туркамъ не удалось быть въ Сѣчѣ?

зиновій. Въ Сѣчѣ? ты думаешь объ одной Сѣчѣ, я думаю о цѣлой Украйнѣ, ты ограничиваешься настоящимъ, я забочусь о будущемъ. Ахъ, Туха! неужели жизнь наъздническая, буйная отвага въ весельи и безпечная лѣнь въ мирѣ, должны быть всегдашнимъ удѣломъ запорожцевъ? Нѣтъ, нѣтъ, ихъ надо просвѣтить, надо облагородить. Повѣрь, надежда на союзъ братства съ могучимъ царствомъ русскимъ — одно спасеніе Украйны.

туха. Но права наши и вольности?

зиновій. Русскій царь подтвердитъ ихъ.

туха. Баторій... сдѣлалъ тоже.

зиновій. Не упрекай великаго; Баторій сдѣлалъ для насъ все, что могъ, даже больше, чѣмъ слѣдовало. Могучее время измѣняетъ многое и часто къ лучшему; покоримся предопредѣленію! Турки-агаряне дряхлѣютъ, ляхи самоуправствуютъ и одна только православная Россія подъ щитомъ вѣры и самодержавія можетъ даровать намъ вѣрное пристанище.

VIII.

ТѢЖЕ И КАЗАКЪ САМКО.

КАЗАКЪ. Передовые казаки, гетманъ, привезли извѣстіе о прибытіи въ Кіевъ пословъ русскихъ.

ЗИНОВІЙ. Мы скоро свидимся. Туха! вспомни, что мы всегда горевали однимъ горемъ, молились одной молитвою, одушевлялись одною надеждою! Забудемъ прошедшее, возьми свою саблю, обними брата и отправимся со мною.

ТУХА (*задумываясь, прислушивается*). Постой, что-то шумитъ? не Ушкалы ли (*) по Днѣпру идутъ... дай взбѣгу на курганъ и узнаю. (*Съ кургана*) Зиновій! прощай! умру казакомъ! (**) (*Бросается въ Днѣпръ*).

ЗИНОВІЙ. Несчастный!

IX.

ТѢЖЕ, КАЗАКЪ КУКУРУЗА И ПОТОМЪ ТАТАРСКІЙ МУРЗА СО СВИТОЮ.

КАЗАКЪ. Татарскій мурза отъ Исламъ-Гирея прибылъ въ таборъ для свиданія съ гетманомъ.

МУРЗА (*входя*). Гетманъ! страшись ханскаго гнѣва.

ЗИНОВІЙ. Мурза! вспомни, гдѣ и съ кѣмъ говоришь ты. Я могу уважать Ислама, могу дорожить его дружбою, но страшиться...

МУРЗА. Ты измѣняешь хану и передаешься русскимъ.

ЗИНОВІЙ. Я никогда не былъ не только подданнымъ, ниже вассаломъ ханскимъ.

МУРЗА. Ты забылъ благодѣянія его и защиту, которую онъ всегда тебѣ оказывалъ.

ЗИНОВІЙ. Эта защита, мурза, оказывалась изъ личныхъ выгодъ: запорожцы всегда уступали вамъ знатнѣйшихъ плѣнниковъ и выкупъ за нихъ обогатилъ казну ханскую.

МУРЗА. Союзъ съ ханомъ и подданство великому султану могутъ гетманское достоинство сдѣлать потомственнымъ и усвоить его твоему роду.

(*) *Ушкалами* называли татаръ, но больше *Буджаковъ*, славившихся храбростью. Татарскіе, венгерскіе Ушкалы.

(**) Запорожская старина. Книж. 5. стр. 136 Мятежъ Тухи.

ЗИНОВІЙ. Я не льщусь такимъ изъятіемъ, и оно не въ нашихъ правахъ, мурза.

МУРЗА. Не то, Исламъ-Гирей разгромитъ Украйну

ЗИНОВІЙ. И ты думаешь устрашить меня! но гдѣ ваши царства? отняты русскими; гдѣ ваша вольность? въ стѣнахъ Стамбула.

МУРЗА. Страшись Ислама.

ЗИНОВІЙ. Страшись могущества русскихъ.

МУРЗА. Украйна паводнится татарами.

ЗИНОВІЙ. Скорѣй Таврида населится русскими.

МУРЗА. Какой же отвѣтъ принесть мнѣ хану?

ЗИНОВІЙ (*уходя*) Скажи, что я всегда буду дорожить его дружбою и презирать угрозы; скажи, что война подобна мечу обоюдному; прибавь, что татары не то, что были: отнятое Батыемъ, потеряно Мамаемъ.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Освобожденная Малороссія.

Декорація представляетъ златоглавый Кіевъ. Толпы радостнаго народа собрались на берегу Днѣпра и ожидаютъ пріѣзда побѣдоноснаго гетмана. Всѣ дѣвушки въ вѣнкахъ, многія держатъ въ рукахъ цвѣты и даже цѣлыя вѣтви.

I.

НАРОДЪ, СТАРИКЪ, КАЗАКИ, ВАТАГА И МУШКЕТЪ, 1-й и 2-й УКРАИНЦЫ.

ПОСЕЛЯНЕ И 1-й **ГАЙДАМАКЪ** (*въ черкескѣ Бурсака*).

СТАРИКЪ. Радуйтесь, веселитесь!

НАРОДЪ. Слава гетману!

СТАРИКЪ. Пойте, пляшите, хлопцы и дѣвчины.

НАРОДЪ Слава казакамъ!

МУШКЕТЪ. Жаль одного, что не удалось быть на Желтоводской битвѣ

ВАТАГА. За то мы собрали охотное войско, придетъ и наша очередь. (*Увидя Бурсака*). Ба! панъ бурсакъ, добрый день; каково доплелъ до Кіева?

БУРСАКЪ (*робко*) Богъ знаетъ, храбрый рыцарь.

ВАТАГА. А что?

БУРСАКЪ (*оглядываясь, замѣчаетъ гайдамака, который къ нему приближается*). Да такъ, мало ли что случается въ дорогѣ

ГАЙДАМ. (*Бурсаку*). Здорово!

БУРСАКЪ. Здравствуй, почтеннѣйшій.

ГЕЙДАМ. (*тихо*). За мою голову заплатишь своею.

ВАТАГА. Вѣрно товарищи?

БУРСАКЪ. Какъ же... совоспитанники... знаменитой бурсы.

ВАТАГА. Ба! на немъ даже твоя черкеска.

ГАЙДАМ. Мы помѣнялись.

БУРСАКЪ. Добровольно, въ знакъ. . дружбы

ГАЙД. (*тихо*). Смотри-жъ, незабывай сказаннаго (*отходитъ*).

ВАТАГА. Кто онъ таковъ?

БУРСАКЪ (*оглядываясь*). Одинъ философъ.

ВАТАГА. Чортъ ли въ немъ! (*Замѣчая бумагу у бурсака за пазухой*) А ты вѣчно съ этой бумажной дрянью?

БУРСАКЪ. Это писанье особаго рода; это эпиталама, которую я хочу поднести панне гетманше.

ВАТАГА. Вотъ что!

БУРСАКЪ. И славно написана: (*съ декламаціей*) «Кто сія проницающая, яко утро?» (*хватаясь за горло*) Все что-то давитъ отъ твоего аркана, почтеннѣйшій. — Я читалъ мою эпиталаму многимъ... другимъ, не такъ чтобы, но мнѣ она чрезвычайно нравится. (*Развертывая бумагу*) Послушай: «Кто сія проницающая, яко утро?»

ВАТАГА. Полно, полно, не въ коня кормъ теряешь, панъ риторъ. (*Увидя украинцевъ*). Ба! дидько Пархвимъ! и ты на праздникъ?

1-й УКРАИН. Якъ же: скачи враже, якъ панъ каже.

ВАТАГА. Прошу! да васъ здѣсь цѣлое стадо; гдѣ ты набралъ этихъ дурней?

2-й УКРАИН. *Дурнивъ не сѣютъ, сами родятся.*

ВАТАГА. И то правда; ну прощай же, будь здоровъ, другъ и пріятель.

1-й УКРАИН. (*кланяясь въ поясъ*). Панска ласка до порога.

II.

ТѢЖЕ И ЧУРА (*въ праздничномъ платьѣ съ бандурою*).

МНОГІЕ. Чура! панъ Чура!

ЧУРА. Здорово, здорово братеньки, здорово, гарныя дѣвчины.

МНОГІЕ. Ну, что-жъ? скоро-ли будетъ гетманъ?

ЧУРА. Панъ гетманъ вмѣстѣ съ русскимъ бояриномъ Бутурлинымъ плывутъ въ Кіевъ Днѣпромъ и, чай, скоро будутъ; скажу вамъ, что русскій Царь прислалъ гетману грамоту, гетманскіе знаки и булаву, а гетманшѣ клейноды, она вмѣстѣ съ нами хочетъ встрѣтить здѣсь избавителя Украйны.

БУРСАКЪ (*Чурѣ*). Могу-ли я поднести паннѣ гетманшѣ мою эпиталаму?

ЧУРА. Почему жъ не такъ! Между тѣмъ, братеньки, не хотите ли послушать новую пѣсню, которую бандуристъ Чура сочинилъ къ пріѣзду гетмана?

МНОГІЕ. Спой, пожалуйста, спой, панъ Чура!

(*Чура поетъ*).

Чи не той-то хмиль,
Що коло тычинъ вьется? . .
Гей! то-той Хмѣльницкій,
Що съ ляхами бьется.

Гей! поихавъ Хмѣльницкій
И къ Жовтому Броду
Гей! не одинъ ляхъ лежитъ
Головою въ воду.

Утикали ляхи,
Погубили шубы....
Гей! не одинъ ляхъ лежитъ
Выщеривши зубы.

Гей! тамъ поле, поле,
А по полю цвиты....
Не по однимъ ляху
Заплакали дити.

Гей! тамъ ричка, ричка;
Черезъ ричку глиця....
Не по однимъ ляху
Зостал.съ вдовиця.

III.

ТѢЖЕ И ГЕТМАНША СО СВИТОЮ.

НАРОДЪ. Слава гетману! слава!

ГЕТМАНША. Здравствуйте, здравствуйте, родные!

НАРОДЪ. Слава, слава!

ЧУРА. Позволь позабавить тебя пѣснями, да плясками, панна гетманша.

ГЕТМАНША (*садясь*). Очень рада.

БУРСАКЪ (*подходя*). Пріемлю дерзновенье поднесть тебѣ мое стихотвореніе.

ГЕТМАНША (*принимая стихи*). Благодарю чрезвычайно! (*отдаетъ ихъ одной изъ женщинъ своей свиты*).

БУРСАКЪ. Пожалуйста, не потеряйте.

ГЕТМАНША (*улыбаясь*). Будь спокоенъ.

ВАТАГА (*бурсаку*). Ну, что?

БУРСАКЪ (*въ восхищеніи*). Приняла, прочла и чрезвычайно благодарила.

IV.

ТѢЖЕ И **ПРОДІУСЪ** (*вбѣгая*).

ПРОДІУСЪ. Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти, панна гетманша!

ГЕТМАНША. Какія, панъ Продіусъ?....

ПРОДІУСЪ. Побѣдоноснаго и славнаго нашего гетмана, Зиновія Богдана Хмельницкаго, сейчасъ въ соборѣ со всѣмъ духовенствомъ, митрополитъ провозгласилъ *истиннымъ Богданомъ*, то есть, *Богомъ даннымъ* для спасенія Украйны!

НАРОДЪ. Слава Богдану, слава Богдану!

V.

ТѢЖЕ И **МАРУСЯ**.

МАРУСЯ (*въ черномъ платьѣ, съ распущенными волосами*). Пустите, пустите (*ее схватываютъ*).

ГЕТМАНША. Кто эта несчастная?

ЧУРА. Это некогда знаменитая пѣвица... соловей Украйны, теперь потерянная, безумная, изступленная Маруся!

ГЕТМАНША. Пустите, я хочу видѣть и утѣшить достойную слезъ и уваженія.

МАРУСЯ (*приближаясь*). Слава Богдану! слава Богдану!.. гдѣ жъ онъ?

ГЕТМАНША. Мы ждемъ его, онъ скоро будетъ, близкій моему сердцу.

МАРУСЯ. Близкій сердцу! ты счастлива! ты любишь. Ахъ! я также любила! но онъ покинулъ, онъ погубилъ несчастную.

ГЕТМАНША. Успокойся, бѣдная дѣвушка... время облегчитъ твое горе.

МАРУСЯ. Нѣтъ,... я умерла... (*показывая на голову и на сердце*) да, да, все мертво.

ГЕТМАНША. Богъ милостивъ, молись...

МАРУСЯ (*бросаясь на колѣна*). Я молюсь, молюсь, добрая женщина!

ГЕТМАНША. Онъ возвратитъ тебѣ и силы, и прежнее вдохновенье.

МАРУСЯ. Вдохновенье! да, да я чувствую еще это вдохновенье! молюсь... благоговѣю, углубляюсь, всматриваюсь въ темную даль... и вижу ужасное!

ГЕТМАНША (*со страхомъ*). Что-жъ ты видишь, Маруся?

МАРУСЯ. Не спрашивай, я птица ночная, птица зловѣщая!

ГЕТМАНША. Я христіанка!... что наша Украйна?..

МАРУСЯ (*озираясь*). Украйна?.. Украйна... она счастлива.

ГЕТМАНША. А мужъ мой?

МАРУСЯ. О горе! горе! его скоро не станетъ; тебя... также, сыны его погибнутъ: одинъ — славно; другой — позорно! Отчизна его станетъ добычей жидовъ! лютый врагъ наругается прахомъ его, выброситъ изъ могилы и развѣетъ по вѣтру! (*).

ГЕТМАНША. Боже милосердый!

МАРУСЯ. Неблагодарные! и никто не позаботится собрать костей незабвеннаго!

(*Ударяетъ колоколъ, Маруся содрогается. Показывается ладья, украшенная знаменами: на ней плыветъ бояринъ Бутурлинъ и Зиновій въ гетманской одеждѣ. Народъ стремится на встрѣчу; гетманша въ слезахъ скрывается. Колокольный звонъ сливается съ звуками трубъ и кликами народа*).

(*) Исторія Малой Россіи Бантышъ Каменскаго, часть I, стр. 79.

НАРОДЪ. Слава Богдану! слава Богдану!

МАРУСЯ. Вѣчная память! Вѣчная память! (*скрывается*).

ЗИНОВІЙ. Миръ христіанству! Друзья! надежда наша на союзъ братства съ царствомъ русскимъ сбылась, по благости Божіей. Знаменитый бояринъ возвѣститъ вамъ о волѣ великаго государя.

БУТУРЛИНЪ. Такъ, добрые украинцы, великій государь, его царское величество, вступаясь за православную христіанскую вѣру, гонимую королемъ, велѣлъ принять подъ свою высокую руку гетмана и все войско запорожское, съ городами и землями, и будетъ вспомоществовать имъ противъ недруговъ своимъ войскомъ.

ЗИНОВІЙ. Лучшаго пристанища мы не найдемъ, а кто не согласенъ, тотъ куда хочетъ; рольная дорога.

ПРОДІУСЪ. Треба робить, що Богъ и панъ гетманъ скаже!

НАРОДЪ. *Волимъ! Волимъ подъ царя православнаго!*

СТАРИКЪ. Дай Боже міру царскому! міру христіанскому! всѣмъ здоровья на многія лѣта!

БУТУРЛИНЪ. Съ сего времени нашъ общій государь и самодержецъ будетъ называться царемъ Великія и Малыя Россіи (*подавая руку гетману*). Да здравствуетъ Малороссія!

ЗИНОВІЙ и НАРОДЪ. Да здравствуетъ царь Великія и Малыя Россіи!

Конецъ.

ТРИНАДЦАТЫЙ КАРТУЗЪ.

РАЗСКАЗЪ

М. И. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

—

Если вы, любезный читатель, постоянный подписчикъ на «Пантеонъ», то вы вѣроятно не забыли — а забыли, такъ я вамъ напомню — что въ одномъ изъ стародавнихъ нумеровъ его, кажется, сороковаго года, былъ разсказъ, подъ названіемъ: *Тринадцатый гость*, о нѣкоемъ Макарѣ Ивановичѣ, по фамиліи не сказано какъ, потому что у этого человѣка не то, чтобы не было фамиліи, а такъ какъ-то, его знали и звали всѣ, даже начальникъ мѣста, въ которомъ служилъ онъ, просто Макаромъ Иванычемъ. Въ сороковомъ году ему, какъ видно было изъ разсказа, много хлопотъ надѣлалъ *тринадцатый гость*, некстати приглашенный на пикъ-никъ въ Кунцово, а въ сорокъ восьмомъ — подите же вы съ этимъ несчастнымъ числомъ! — чуть ли не большихъ бѣдъ ему накуралесилъ *тринадцатый картузъ*. Вы улыбаетесь? не вѣрите? а именно такъ, и что всего страннѣе, я опять по-неволѣ замѣшанъ въ эту странную исторію, и мнѣ же пришлось опять, какъ умѣю, разсказать ее читателямъ «Пантеона.»

Вотъ какой вышелъ случай съ Макаромъ Ивановичемъ нынѣшнею весною, на счетъ этого тринадцатаго картуза.

Началось имянно съ того же, какъ и въ прежнемъ

разсказѣ. *Въ одно прекрасное утро*, во время чаю, опять ко мнѣ пожаловалъ мой рѣдкій гость Макаръ Ивановичъ; опять я усадилъ его на диванъ въ кабинетѣ и поподчивалъ сигарами, которыя по всегдашнему его выраженію у меня были «не сигары, а малина.»

На этотъ разъ мой пріятель Макаръ Ивановичъ показался мнѣ какъ-то страннѣе, и если можно такъ выразиться, *торжественнѣе* обыкновеннаго. Во всегдашней, смѣющейся физіономіи его было что-то такое, не то, чтобы важное, а задумчивое, безпокойное; онъ безпрестанно оглядывался во всѣ стороны, чутко прислушивался къ малѣйшему шуму, какъ бы опасаясь быть подслушаннымъ чьимъ нибудь нескромнымъ ухомъ. Онъ даже видимо старался натянуть морщины на своемъ маленькомъ лбу, что, между нами сказать, было не очень просто и удобно, потому-что во всей корпуленціи Макара Ивановича природа распорядилась какъ-то странно, такъ что у него съ дѣтства всѣ общіе покровы были до того туго натянуты на мускулы и кости, что онъ какъ будто влѣзъ въ чужое узкое платье, да такъ и пошелъ въ немъ щеголять по Божьему свѣту, въ панданъ старинным пергаменнымъ переплетамъ!

Прибавить надо и то, что Макаръ Ивановичъ, для праздника что ли — онъ пожаловалъ ко мнѣ въ послѣднее воскресенье святой недѣли — одѣтъ былъ какъ нельзя лучше и чище. Форменный фракъ на немъ былъ, что называется, съ иголочки. Каричневый галстухъ такъ плотно стягивалъ шею, что Макаръ Ивановичъ съ трудомъ запускалъ подъ него палецъ, чтобы вытаскивать время отъ времени упрямые кончики воротничка, которые ни за что въ свѣтъ не хотѣли торчать гдѣ имъ слѣдуетъ по назначенію; на серединѣ жёсткой, или лучше сказать, на-пропалую накрахмаленной манишки, воткнута была, хоть и безъ всякой видимой нужды и вѣроятно болѣе для украшенія, гигантской величины булавка, изображающая муху, такого разительнаго сходства съ натуральною, что почти невольно хотѣлось, изъ жалости къ бѣлой манишкѣ, щелкнуть пальцомъ по груди ея хозяина. На лѣвой рукѣ его была даже бѣлая перчатка, или правильнѣе сказать, эта перчатка была бѣлая когда-то, а теперь какого-то сомнительнаго, неопредѣленнаго цвѣта,

и даже очень некстати лопнула немножко около большаго пальца, не смотря на то, что была, по увѣренію одного рядскаго купца, «настоящая французская»..... и ужъ, сударь ты мой, какъ увѣрялъ купецъ, растянется вамъ, сколько душѣ угодно, и не въ жизь нелопнетъ!.. За то перчатка правой руки Макара Ивановича была совершенно безукоризненна, даже не смята, какъ будто для убѣжденія своего хозяина, что ему можно бы покупать съ гораздо большею выгодою пару перчатокъ на одну лѣвую руку; ибо правая никогда не имѣла привычки влѣзать въ футляръ, а довольствовалась только простымъ держаніемъ перчатки между двумя пальцами, на томъ же самомъ основаніи, на какомъ Макаръ Ивановичъ, купивши себѣ довольно красивый черный гроднаплевый зонтикъ, употреблялъ его вмѣсто обыкновенной тросточки и лѣта два не рѣшался распустить, даже подъ дождемъ, изъ экономической боязни вымочить и испортить хорошенькую французскую матерію.

Но главнымъ украшеніемъ праздничнаго костюма моего пріятеля, Макара Ивановича, на этотъ разъ безспорно былъ суконный картузъ съ зеленымъ лаковымъ козырькомъ, и такой странной и невиданной формы, и такого сѣро-голубаго цвѣта, что поневолѣ думалось: не на заказъ ли соткано сукно, и не данъ ли чей нибудь доморощенный геніяльный рисунокъ для мудреной постройки такого оригинальнаго картуза? Обыкновенная мода не могла создать такого, при всей обильной фантазіи на произведенія въ этомъ родѣ. Это было что-то выше обыкновенной замысловатости всѣхъ возможныхъ картузниковъ. Въ формѣ этого достопримѣчательнаго картуза было что-то такое, что, глядя на нее, не знаешь, чему больше удивляться: ей ли самой, или той головѣ, которая придумала ее, или, наконецъ, той, которая рѣшилась прикрыться ею? Однимъ словомъ, картузъ этотъ, по своей оригинальности, до такой степени привлекъ мое вниманіе къ себѣ, что самъ Макаръ Ивановичъ замѣтилъ это и даже съ этого самаго предмета и началъ разговоръ со мною.

— Вы, кажется, очень пристально разглядываете, почтеннѣйшій Михаилъ Михайловичъ, картузъ мой? спросилъ онъ такимъ тономъ и съ такимъ видомъ, изъ ко-

торыхъ можно было безошибочно заключить, что этотъ вопросъ дѣлается уже не въ первый разъ, и не одному мнѣ.

— Да, любезнѣйшій Макаръ Иванычъ, отвѣчалъ я съ невольною улыбкою: у васъ дѣйствительно странный... то есть, славный, хотѣлъ я сказать, картузъ!

— Гмъ! и вы это находите? сказалъ въ полголоса мой гость, и бережно положилъ подлѣ себя мудреный картузъ свой, какъ будто боясь оскорбить его обыкновеннымъ невниманіемъ.

— Какъ и я, Макаръ Иванычъ? а развѣ вамъ ужь и прежде меня дѣлали это замѣчаніе?

— Въ томъ-то и штука, что дѣлали, и даже не одинъ разъ; да еще чуть ли не всѣ, начиная съ моей Аленушки, которая, кстати не забыть бы, посылаетъ вамъ усердный поклонъ свой, Михаилъ Михайловичъ!

— Благодарю покорно, но я не совсѣмъ понимаю, Макаръ Иванычъ, что вы хотѣли сказать вашими словами на счетъ этого картуза? . . .

— Что я хотѣлъ сказать? Да по правдѣ если доложить, почтеннѣйшій Михаилъ Михайловичъ, я и самъ хорошенько не знаю, что я хотѣлъ вамъ сказать на счетъ этого роковаго картуза, который я и надѣваю сегодня едва ли не въ послѣдній разъ, не смотря на то, что онъ новехонекъ и что я вотъ только что передъ праздникомъ купилъ его.

— Какъ такъ? отчего же это? спросилъ я, если не съ изумленіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ извинительнымъ любопытствомъ.

— Да такъ... Знаете ли вы, какъ моя Аленушка прозвала этотъ картузъ?

— Какъ, Макаръ Иванычъ?

— *Тринадцатымъ Картузомъ*! Да сударь, именно тринадцатымъ, да и не безъ достаточной причины, какъ вы хотите. . .

— Но. . . вы возбуждаете вполнѣ мое любопытство, любезнѣйшій Макаръ Иванычъ, сказалъ я моему гостю. Тринадцатый картузъ? что же это за прозваніе? Какъ такъ? Почему такъ? Ваша Алена Ивановна, сколько я знаю, на вѣтеръ слова не скажетъ. Посвятите меня въ эту мудреную тайну: разскажите въ чемъ тутъ дѣло?

— Да у иныхъ дѣло-то въ шляпѣ, а у меня вотъ видите, вышло въ картузѣ; отвѣчалъ Макаръ Иванычъ съ довольною улыбкою человѣка, которому нечаянно, да кстати, пришлось обмолвиться острымъ словцомъ. Исторія этого картуза такого рода, Михаилъ Михайловичъ, продолжалъ онъ, что она имѣетъ даже очень тѣсную связь съ тѣмъ раннимъ визитомъ, которымъ я сегодня рѣшился обезпокоить васъ...

— Но, наконецъ, что же это такое? почти съ нетерпѣніемъ спросилъ я.

— А вотъ что... Но прежде, нежели я объясню причину моего визита къ вамъ, не излишнимъ будетъ разсказать вамъ предварительную исторію этого проклятаго картуза, если только не поскучаете выслушать меня, почтенный Михаилъ Михайловичъ.

— Помилуйте, любезнѣйшій Макаръ Иванычъ, какъ поскучать, напротивъ, очень одолжите. Да очемъ же я вотъ уже около получаса и упрашиваю васъ: разсказывайте скорѣе.

— Вотъ видите въ чемъ дѣло, началъ мой гость, затягиваясь аппетитно сигарою, при чемъ онъ, для вящаго наслажденія, имѣлъ обыкновеніе прищелкивать своими довольно толстоватыми губами: вотъ видите въ чемъ дѣло..... Прежде всего надобно сказать вамъ, мой почтенный другъ, что я, назадъ тому три мѣсяца, перемѣнилъ свою квартиру...

— Какъ? Вы рѣшились разстаться съ Замоскворѣчьемъ, Макаръ Иванычъ? невольнымъ образомъ прервалъ я моего гостя.

— И нѣтъ! Какъ это можно? Я и родился и женился въ этой сторонѣ, за чѣмъ же мнѣ оставлять ее? Замоскворѣчье для меня самая пріятная часть города. По моему мнѣнію, тутъ только до сихъ поръ и держится главный старинный характеръ Москвы. За Каменнымъ мостомъ ужь начинается Европа. Нѣтъ; я, перемѣнивши квартиру, сдѣлался только еще ближайшимъ сосѣдомъ вашимъ, почтеннѣйшій Михаилъ Михайловичъ: я живу теперь на Средней Донской. Премиленькая квартирка; все, знаете, такъ хорошо, сподручно....

— Какое сподручно, Макаръ Иванычъ, да вѣдь те-

перь еще дальше ходить вамъ къ должности. Тутъ надобно считать верстами...

— А городскія-то линейки на что, почтеннѣйшій другъ мой? За гривенникъ доѣдешь себѣ спокойно и красиво до лобнаго мѣста, а тутъ ужь два шага до новой квартиры. А сподручнымъ я называю то, что близко рынокъ, на-примѣръ, застава, поле, сады... Жемо́чкинъ отъ насъ въ десяти шагахъ; по Воскресеньямъ даже слышно музыку. Это чрезвычайно радуетъ мою Аленушку. Она, вы знаете, у меня такая музыкантша...

— Право, я до сихъ поръ не зналъ, что Алена Ивановна играетъ на чемъ нибудь?..

— То есть, она сама ни на чемъ не играетъ, а только страстно любитъ слушать, какъ играютъ другіе... Это-то собственно я и называю въ ней музыкантшей. Въ запрошлыхъ зимахъ сколько одинъ италіанскій театръ выхватилъ у меня изъ кармана! Аленушка съ ума сходила отъ Сальви. Объ немъ же, вѣдь вы знаете, у насъ еще прежде публиковали въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, что онъ красавецъ собою — ну такъ разумѣется, дамамъ-то и лестно было послушать его пѣнія. Но мы отвлеклись отъ матеріи; эдакъ мы не дойдемъ и до завтра до моего тринадцатаго картуза, а я, между тѣмъ, успѣю вамъ надоѣсть моею болтовнею...

— Нимало, любезнѣйшій Макаръ Иванычъ. Я люблю васъ слушать. Вы всегда такъ хорошо говорите...

— Ай вы! пасмѣшникъ, сударь мой. Ну, такъ вотъ я заговорилъ, мы перемѣнили нашу квартиру и переѣхали на Среднюю Донскую... Хорошо. Комнатки такія веселенькія, славненькія, передъ окнами палисадничекъ... онъ хоть и узенькой, ну да все-таки въ лѣтнее время хорошо чайку напиться, такъ сказать, въ лонѣ природы. Аленушка ухитрилась даже сдѣлать мнѣ особенный кабинетъ въ своей спальнѣ, разумѣется, посредствомъ ширмъ; стѣны вездѣ оклѣены очень красивой бумажкой. Хозяйка увѣряетъ, что это французскіе обои — ну куда французскіе! А и русскія, да знаете, хорошаго сорта. Одинъ расходъ всегда вовлекаетъ въ другой. Нанявши квартирку подороже и получше прежней, гдѣ вы у насъ хоть рѣдко, да бывали, почтеннѣйшій другъ нашъ, Михаилъ Михайловичъ, пришлось прикупить маленько и мебели. Але-

нушка выпросила себѣ вольтеровское кресло. Да кстати и старую-то надобно было ужь покрыть за-ново — Оно, кажется, не большая вещь, а стоила не дешево. Убравши комнаты, какъ игрушечку, и любуясь ими вмѣстѣ съ Аленушкой, вотъ она разъ какъ-то мнѣ и говоритъ:

— А знаешь, душка, что у насъ здѣсь всего хуже.

— Что? говори.

— Да ты самъ, душка!

— Какъ такъ, Аленушка?

— Да такъ. Посмотрись-ко въ зеркало — а и зеркало у насъ въ простѣнкѣ висѣло новое, большое, въ родѣ трюма, по случаю купили за полцѣны на Смоленскомъ рынкѣ,—посмотрись-ко въ зеркало: вѣдь ты, какъ чумичка, съ позволенія сказать... Что у тебя за гардеробъ? Порядочные чиновники такъ не одѣваются. Хоть бы ты къ празднику окостюмировался, какъ слѣдуетъ.

Я смолчалъ, а самъ въ себѣ думаю: Аленушка говоритъ правду. Въ такихъ нарядныхъ комнатахъ и хозяину надо быть почище. — Вотъ я и рѣшился дѣйствительно «окостюмироваться» къ празднику. Вы вѣдь это не поймете порядочно, что значитъ нашему брату, небогатому чиновнику, окостюмироваться. Эта штука, знаете, будетъ вамъ отдаваться въ кошелькѣ дефицитомъ чуть не около года! Нынѣшніе же портные имѣютъ привиллегію почти грабить. Шитье дороже самой матеріи. Но какъ бы то ни было, я «окостюмировался» и, какъ видите, не дурно, кажется?..

Тутъ Макаръ Иванычъ своей бѣлой дѣвственной перчаткой спахнулъ какую-то порошинку съ новаго фрака и продолжалъ довольнымъ тономъ.

— Вотъ тутъ-то именно и случилось обстоятельство, имѣющее прямое отношеніе къ моему роковому картузу. Сдѣлавши себѣ приличное платье, разумѣется, надобно было пріобрѣсти покупкой и шляпу. Аленушка настаивала, чтобы я купилъ непремѣнно или у Лемерсье, или у Циммермана. Сунулся — шесть цѣлковыхъ! я и назадъ.

— Дурно, душка! говорю Аленушкѣ.

— А какъ?

— Да шесть цѣлковыхъ.

— За что такъ?

— Да за шляпу.

— Какая же она такая?

— Просто шляпа, какъ водится.

— Да вѣдь есть же въ ней, вѣроятно, что нибудь особенное?

— Ничего ровно. Только вмѣсто обыкновенной подкладки поставлено какое-то *глясе*, какъ называлъ мнѣ каналья нѣмецъ.

— *Глясе*? Не можетъ быть, душка!

— Именно *глясе*; я хоть не знаю языковъ, а это слово хорошо запомнилъ.

— Не можетъ быть, душка; ты что нибудь переврал, продолжала Аленушка. Вѣдь я немножко училась въ дѣвкахъ французскому діалекту. *Глясе*, сколько я помню, значитъ ледъ – ли, мороженое – ли что ли; вѣдь не можетъ же быть, чтобы шляпа подбита была льдомъ, или чтобы при ней давали въ придачу порцію мороженаго? Тутъ что нибудь да не такъ, душка...

— Ну, да можетъ быть эта подкладка оттого названа такъ, что она холодитъ голову въ лѣтнее жаркое время, вотъ и все тебѣ тутъ! возразилъ я ей.

— Она замолчала. Послѣ небольшаго взаимнаго разсужденія, рѣшили мы, наконецъ, съ общаго согласія, что такъ-какъ ужъ денегъ и безъ того истрачено много на разныя домашнія улучшенія, то вновь кинуть, можно сказать, на вѣтеръ, шесть цѣлковыхъ не приходится, и что моя прошлогодная шляпа, купленная у Пѣтухова, если ее приглядить и поутюжить хорошенько, сбредетъ еще за порядочную, тѣмъ болѣе, что ее надѣвать не каждый же день; а для обыкновеннаго обихода, положили купить недорогой картузъ, оно же и легче, коли правду сказать, да и не такъ дождя боится. Не правда ли?

— Конечно такъ, Макаръ Иванычъ.

— У насъ же вѣдь не какіе парадные выѣзды? Ну вотъ я и отправился въ рядъ, для покупки себѣ картуза. Перебывалъ лавкахъ въ пяти: все какъ-то не нравятся! Все, знаете, фуражки; а мнѣ именно хотѣлось картузъ: оно какъ – то сходнѣе да и благороднѣе, даже и по самому названію. Фуражка! Ну что это такое? а тутъ, по крайней мѣрѣ, картузъ! Вотъ зашелъ я въ шестую лавку,

спрашиваю, что надо; показываютъ. — Все не то, что мнѣ хочется!

— Не нравятся, братецъ, говорю я купцу.

— Чѣмъ же не нравятся? Первый сортъ, сударь, говоритъ онъ: у насъ берутъ и на Кузнецкой Мостъ къ иностранцамъ въ магазины. Тамъ за этакой-же заплатите мало-мало, что въ четверо.

— Формы-то, братецъ, какъ-то не хороши, не благовидны! говорю я, и въ тоже время, поведя глазами по полкамъ лавки, увидѣлъ я на одной изъ нихъ ровно дюжину одинаковой формы и цвѣта картузовъ, которыхъ купецъ не показывалъ мнѣ.

— А покажи-ко мнѣ вотъ изъ этихъ! сказалъ я ему, показывая рукою на полку

— Изъ какихъ?

— Да вонъ, что дюжина на верхней полкѣ!

— Это не продажные, баринъ.

— Отчего такъ?

— Это заказные.

— Кому такіе?

— Не можемъ знать. Заказывалъ какой-то молодецъ; должно быть, фабричный; имъ, говоритъ, на цѣлую артель одинакія обновки къ празднику.

— Сними-ко одинъ посмотрѣть мнѣ.

Онъ снялъ.

— Вотъ такой мнѣ нравится, и я бы купилъ его!

— Нельзя разрознить дюжины.

— Ну, сдѣлай мнѣ точно такой же.

— Это можно.

— Скоро будетъ готовъ?

— Живо, баринъ. Заходите послѣ завтра: будетъ готовъ безпремѣнно!

— Ладно.

Сторговались. Снялъ мѣрку съ головы и дѣло кончено. Или, что я говорю, кончено! Съ этого только и началось оно.

— Фу, какой странный картузъ! сказала мнѣ Аленушка, когда я черезъ два дня явился домой въ моей обновкѣ и хотѣлъ ею обрадовать Аленушку.

— Чѣмъ же странный? спросилъ я

— Да такъ какъ-то . . . я бы такой не купила.

— Почему?

— Не хорошъ, да и все тутъ.

— Вотъ поди, угоди на тебя! А я еще дѣлалъ его на заказъ.

— Будто?

— Именно.

И я разсказалъ Аленушкѣ, какъ разсказываю вамъ теперь, исторію покупки этого картуза.

— Да я бы ужъ изъ одного изъ этого не купила его, сказала она: что онъ «тринадцатый картузъ».

— Какъ, тринадцатый? спросилъ я съ какимъ-то невольнымъ смущеніемъ, и тутъ же пришло мнѣ въ голову, что это роковое число ужъ разъ порядочно отдѣлало меня.

— Да какъ-же не тринадцатый? продолжала Аленушка. Дюжина была готова, а ты заказалъ еще одинъ, слѣдовательно онъ вышелъ тринадцатый? Смотри, Макаръ Иванычъ, не надѣть бы на голову какой нибудь бѣды съ этимъ картузомъ!

— Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, почтеннѣйшій Михаилъ Михаиловичъ, а съ этого разговора проклятый картузъ дѣйствительно насолилъ мнѣ. Я началъ его, какъ будто бояться, продолжалъ послѣ небольшаго молчанія гость мой: мысль, что этотъ картузъ «тринадцатый» не выходила у меня изъ головы. Съ Аленушкой я не согласился, говоря, что все это вздоръ, предразсудки, а между тѣмъ. . . Вотъ вѣдь вы улыбаетесь? Вамъ смѣшно, почтеннѣйшій другъ мой.....

Я дѣйствительно не могъ удержаться отъ невольной улыбки при послѣднихъ словахъ моего чудака гостя.

Онъ продолжалъ:

— А дѣло-то вышло совсѣмъ не смѣшно для меня, и даже такъ-то не смѣшно, что я рѣшился явиться къ вамъ, какъ къ благоразумному человѣку, для испрошенія совѣта въ такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ. . .

— Въ щекотливыхъ обстоятельствахъ? съ изумленіемъ спросилъ я, не понимая совершенно, что хотѣлъ этими словами сказать мнѣ Макаръ Иванычъ, и какимъ образомъ его тринадцатый картузъ могъ имѣть отношеніе къ теперешнему его визиту ко мнѣ?

— Картузъ мой, на этотъ разъ, совсѣмъ въ сторонѣ,

сказалъ онъ, отодвигая его отъ себя, какъ будто для подкрѣпленія своей фразы. А дѣло вотъ въ чемъ, что съ самаго дня покупки этаго проклятаго картуза, который я, разумѣется, и началъ носить, такъ какъ у насъ весна открылась рано, а мой старый ватный ужъ никуда не годился, со мной начали приключаться такія странныя вещи, которымъ не всякій и повѣритъ.

— Что же это такое, любезнѣйшій Макаръ Иванычъ, спросилъ я съ усиленнымъ любопытствомъ: что же съ вами приключилось? Ужъ не подцѣпили ли вы какихъ нибудь непріятностей, потерь?

— Потерь? Какія вамъ потери? съ горькою улыбкою произнесъ мой гость; потери - то я еще бы съумѣлъ перенести — а то находки — да, находки! Да еще какія? Избавь Богъ и друга и недруга отъ такихъ находокъ!

При этихъ послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ почти шопотомъ, Макаръ Иванычъ тяжко вздохнулъ и потупилъ голову.

Я началъ опасаться за его разсудокъ, ибо согласитесь сами, добрый читатель, что можно было понять и заключить изъ такихъ мудренныхъ словъ оригинальнаго моего гостя? Держу сто противъ одного, что и всякій бы на моемъ мѣстѣ сталъ, что называется, по русской поговоркѣ, въ тупикъ.

— Вы такими странными и удивленными глазами смотрите на меня, почтеннѣйшій Михаилъ Михайловичъ, продолжалъ Макаръ Иванычъ, вѣроятно замѣтивъ мое удивленіе: что какъ будто хотите сказать: Ба! Да онъ просто рехнулся, а между тѣмъ я рѣшительно въ своемъ умѣ, и говорю вамъ всю правду, хоть и самъ теряюсь совершенно, какъ и чѣмъ объяснить себѣ всё то, что я за секретъ раскажу вамъ теперь; моей головы не хватаетъ на это. Не придумаете ли вы чего, почтеннѣйшій другъ мой?

— Конецъ концовъ! подумалъ я самъ съ собою, что же бы такое это было въ самомъ дѣлѣ? И снова началъ просить Макара Иваныча объяснить мнѣ все дѣло.

— Что бы вы сказали, почтеннѣйшій другъ мой началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія, во время котораго какъ будто собирался съ мыслями, какъ бы получше и поточнѣе объяснить мнѣ

свое дѣло: что бы вы сказали, на-примѣръ, если бы, опустя руку въ вашъ боковой карманъ, гдѣ у васъ, вѣроятно, лежитъ бумажникъ... а кстати: вѣдь вѣроятно я не ошибаюсь? у васъ теперь бумажникъ дѣйствительно лежитъ въ карманѣ?

— Ну да, но что же изъ этого? спросилъ я съ новымъ изумленіемъ.

— Хорошо. Ну что же бы вы сказали, на-примѣръ, если, опустя вашу руку въ карманъ, вмѣсто вашего бумажника, вы ощупали бы.. ну, хоть положимъ кусокъ горячаго пирога?

— Какъ? что такое? кусокъ... чего?

— Кусокъ горячаго пирога, говорю я вамъ; или что нибудь такое еще страннѣе, еще неожиданнѣе?.. Ну что бы вы сказали тогда?

— Что я бы сказалъ? Да я бы ничего несказалъ, потому что этого не могло случится со мной никакимъ образомъ, почтеннѣйшій Макаръ Иванычъ. Да и вы, вѣроятно, для шутки сдѣлали такой вопросъ.

— Вотъ то-то и есть! И всѣ мнѣ говорятъ тоже, а я между тѣмъ и не думалъ шутить. Вы говорите, съ вами бы не могло этого никакимъ образомъ случится? а отчего же случается со мной, да и еще что случается? Необъяснимо! Просто, необъяснимо! Извольте слушать внимательно, я раскажу вамъ по порядку все, какъ было. Вѣдь вы меня, кажется, знаете давно и довольно коротко, почтеннѣйшій другъ мой; я человѣкъ, положимъ не геніальный, но все же вѣдь и не чурбанъ? Въ прошломъ мѣсяцѣ получилъ даже награду и ужъ повѣрьте безъ всякой протекціи, слѣдовательно... все таки... ужь какъ хотите, можно же повѣрить, что я говорю правду и дѣло, а не сказки какія нибудь, не фантасмагоріи; такъ ли?

Я кивнулъ головой въ знакъ совершеннаго согласія, что дѣйствительно не считаю моего дорогаго гостя геніальнымъ человѣкомъ.

— Хорошо. Такъ вотъ же какія мудреныя вещи со мной случились въ продолженіи какихъ нибудь трехъ недѣль, продолжалъ Макаръ Иванычъ. Прихожу я какъ-то этакъ, на шестой недѣлѣ поста, что-ли, домой, по обыкновенію, часу въ третьемъ. Снимаю свое пальто, тоже надо вамъ прибавить, новое. Я вотъ и теперь въ немъ,

да снялъ у васъ тамъ въ передней... снимаю пальто и бережно кладу его въ комодъ. У меня платье всегда лежитъ въ комодѣ. Вдругъ слышу, что-то стукнуло!! Да, именно стукнуло! Ну вотъ, какъ на-примѣръ сказать, вотъ такъ...

И Макаръ Иванычъ дѣйствительно стукнулъ указательнымъ пальцемъ правой руки своей по борту моего дивана, при чемъ кстати почелъ за долгъ выпачкать пепломъ сигарки диванъ мой, не замѣчая въ жару своихъ жестовъ этого маленькаго неудобства хозяину отъ неловкихъ гостей.

— Ну, вотъ вѣдь вы слышите теперь, продолжалъ онъ, что я стукнулъ? Да. Ну вотъ точно такъ и я тогда слышалъ, что что-то стукнуло о комодъ, когда я клалъ въ него пальто мое. А надобно сказать вамъ, что стукнуть тутъ было рѣшительно нечему. Въ карманы моего пальто я рѣшительно не имѣю привычки класть ровно ничего, ни даже перчатокъ, ни платка, ни бумагъ какихъ нибудь — Да и нельзя: опасно; того и гляди, вытащутъ. Я остановился въ раздумьи около комода съ открытымъ ящикомъ. Аленушка стояла подлѣ меня и говорила смѣясь:

— Фу, какой ты сегодня разсѣянный, душка; убираетъ пальто, а картузъ забылъ снять съ головы.

Я схватился за голову. Проклятый картузъ дѣйствительно былъ на мнѣ. Я сбросилъ его съ досадой и спросилъ Аленушку.

— Слышала ты, жизнь моя, что что-то какъ будто стукнуло, когда я клалъ пальто въ комодъ?

— Да, слышала; я думала, ты ударилъ пальцемъ по комоду нечаянно.

— Нѣтъ, я не ударилъ.

— Что же это такое?

— Въ томъ-то и дѣло, что я не понимаю, а стукнуло что-то, словно въ пальтѣ?..

— Да посмотри себѣ, вотъ и всё тутъ.

« Я вынулъ пальто, началъ его осматривать, ощупывать... вдругъ чувствую рукою — лежитъ въ карманѣ что то жесткое, довольно тяжелое!.. Опускаю въ изумленіи руку въ карманъ, и вынимаю оттуда... вынимаю... что-вы думаете, вынимаю, почтеннѣйшій другъ мой?

— Неужели кусокъ горячаго пирога? сказалъ я, помня не задолго сдѣланный мнѣ подобнаго же рода вопросъ.

— Какой вамъ кусокъ пирога? Да и къ чему тутъ пирогъ? Я давича сказалъ вамъ это такъ, просто, только для приспособленія къ нечаянности, не болѣе. Вынимаю, сударь вы мой, большую золотую табакерку съ французскимъ табакомъ!!! А? Какъ вы объ этомъ думаете? Что вы на это скажете?

Я дѣйствительно не зналъ, какъ объ этомъ думать и что сказать.

— Долго, разинувъ рты, стояли мы съ Аленушкой другъ передъ другомъ и молча вопросительными глазами смотрѣли на таинственную золотую табакерку съ французскимъ табакомъ. Ну да и согласитесь, вѣдь это въ самомъ дѣлѣ озадачитъ хоть кого! Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вы опускаете вашу руку въ пустой карманъ, и вытаскиваете оттуда такую неожиданную штуку! Золотая табакерка! Какъ она могла попасть въ мой карманъ, такая дорогая вещь? И почему именно табакерка? Когда ни я, ни Аленушка, да и никто въ нашемъ родѣ и табаку не нюхивали? Вѣдь не для шутки же это кто нибудь опустилъ мнѣ ее въ карманъ? Такими богатыми галантерейными вещами не шутятъ. Да и кому пошутить? Я нигдѣ не былъ весь день, кромѣ нашего суда; кому тамъ? Экзекуторъ, правда, и нюхаетъ у насъ табакъ, да у него съ роду и небывало золотой табакерки; да еще съ какимъ, съ французскимъ табакомъ! Его же табакерку у насъ въ судѣ всѣ наизусть знаютъ: маленькая четвероугольная, Лукутинской фабрики, съ картинкою на крышечкѣ: дѣвочька ласкаетъ собачьку... Еще мы часто подсмѣивались надъ нимъ: эй – молъ вы, Егоръ Петровичъ, вѣчно съ своей дѣвочькой! и онъ бывало захохочетъ, и мы захохочемъ; да и табакъ у него всегда простой, берёзинской съ бобкомъ; да и гдѣ-жь ему французской? И не по мѣсту, и не по жалованью... однимъ словомъ, думали, думали мы съ Аленушкой, разсуждали, разсуждали: нѣтъ, какъ нѣтъ! Не придумаешь ничего, даже и приблизительно подходящаго къ дѣлу.

— Да не былъ ли ты, душка, гдѣ нибудь сегодня, кромѣ должности? спросила меня наконецъ, почти подозрительнымъ тономъ моя Аленушка.

— Рѣшительно нигдѣ не былъ; отвѣчалъ я, смотря ей прямо и быстро въ глаза, чтобы, пожалуй, чего добраго, не подумала бы еще какихъ нибудь вещей? . . . знаете, вѣдь женщины...

— Ѣхалъ, или шелъ пѣшкомъ ты домой? продолжала она распрашивать.

— Шелъ пѣшкомъ.

— Не останавливался нигдѣ и ни за чѣмъ?

— Ну, оно какъ не останавливаться, хоть на минутку — дорога не близкая. . . Разъ останавливался около Иверской часовни, да присѣлъ на минутку на скамѣйкѣ въ Кремлевскомъ саду. Погода такая славная — народу пропасть, какъ середь лѣта. Всѣ обрадовались теплу и ранней веснѣ — вотъ кажется и всѣ мои остановки. Да и что-же онѣ значатъ? Вѣдь не опустятъ же тебѣ въ карманъ ни за что, ни прочто, дорогую золотую вещь; скорѣе у тебя въ толпѣ вытащатъ что нибудь изъ кармана — это ужь вещь извѣстная.

— Странное дѣло! сказала Аленушка.

— Непостижимая вещь! примолвилъ я.

— Что же вы будете дѣлать съ этой табакеркой, душка, Макаръ Иванычъ? спросила она опять.

— Самъ не знаю; какъ ты посовѣтуешь, душка моя?

— Я и не знаю, что подумать!

— И я также.

— Спрячемъ пока до времени эту дорогую вещь и будемъ ждать, не объяснится ли какъ нибудь эта мудреная загадка.

— Славно сказано, душка! Поцѣлуй меня.

Мы поцѣловались съ Аленушкой. Посмотрѣли еще дорогую табакерку; она, проказница, даже шутя взяла на мизинецъ нѣсколько французскаго табаку; сама понюхала, да и мнѣ сунула въ носъ; почихали мы, посмѣялись, опять поцѣловались, и спрятали нашу мудрепую находку до поры до времени, рѣшась молчать предъ всѣми объ этомъ странномъ приключеніи. Прошло съ недѣлю времени. Ни отъ кого ни слуху, ни духу! Какъ будто эта табакерка ни у кого и не пропадала; какъ будто она и всегда была моею собственностію!... Что вы на это скажете: вѣдь мудрено?

— Да; признаюсь, не очень просто... отвѣчалъ я съ разстановкою.

— Послушайте дальше что будетъ, чѣмъ глубже въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Это еще были только цвѣтки, а тамъ будутъ ягоды, а тамъ еще яблочки — по русской поговоркѣ, мой почтеннѣйшій Михаилъ Михаловичъ! Вы вѣрно помните въ Вербную субботу день у насъ былъ прекраснѣйшій; вотъ поутру за часмъ Аленушка мнѣ и говоритъ.

— А что у васъ сегодня нѣтъ присутствія, Макаръ Иванычъ?

— Нѣтъ; я говорю.

— Что же вы, душка, весь день дома?

— Да куда же?

— Да хоть бы сходили мнѣ къ завтрему вербочку купить.

— Да оно, конечно, такъ; купилъ бы и восковаго херувимчика, какъ бы у насъ съ вами, Алена Ивановна, были дѣтишки, а то вотъ сколько лѣтъ живемъ, а вы все....

— Я? да почему же я? А можетъ быть и вы, Макаръ Иванычъ? Кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ, еще вещь неузнаная.

— Оба, знать въ чѣмъ нибудь неправы, душа моя; вотъ Господь Богъ и непосылаетъ дѣтей.

— Что-же за бѣда? Ну дѣтей нѣтъ, можно жену потѣшить; примолвила Аленушка и чмокнула меня преапетитно въ лобъ.

— Я дѣйствительно отправился на вербное гулянье. Народу видимо не видимо. Потолкался тамъ часа два три, позѣвалъ на экипажи, на вербу, и воротился домой къ чаю.

— Что весело на гуляньѣ? спросила Аленушка.

— Да, нескучно.

— Народу много?

— На порядкахъ.

— Чай нарядовъ - то? Новыхъ шляпокъ, бурнусовъ?

— Пропасть.

— А такихъ картузовъ, какъ на тебѣ, душка, чай не встрѣтилъ? прибавила насмѣшница.

— Напротивъ, встрѣтилъ, даже не одинъ.

— Прошу покорно! Не у одного же тебя такой странный вкусъ. Но раздѣвайся - ко; самоваръ готовъ.

— Сейчасъ; дай отдохнуть. Ужасно жарко; шелъ пѣшкомъ, пожалѣлъ гривенника на линейку. Вотъ оно, что значитъ малое - то состояніе! И удовольствіями - то пользуешься вполовину. Будь - ко я такъ богатъ, какъ напримѣръ тотъ неизвѣстный господинъ, чья золотая табакерка съ французскимъ табакомъ попала мнѣ въ карманъ намѣдни — разъѣзжалъ бы себѣ на этакихъ, знаешь, рессорахъ, да и тебя возилъ бы съ собою, душка!..

— Мало чего нѣтъ! сказала Аленушка, да тутъ же и прибавила: вѣдь оно коли правду сказать, намъ съ тобой и въ удачахъ - то неудача! Ну что бы, на - примѣръ, вмѣсто этой золотой табакерки, къ тебѣ въ пальто попасть хорошенькимъ золотымъ часамъ? Какъ бы кстати! А твои серебряные часы, что въ нихъ? Всегда получасомъ либо отстаютъ, либо впередъ, а иногда еще придетъ фантазія и вовсе остановяться...

— Мало чего нѣтъ? сказалъ я въ свою очередь, и началъ опять укладывать мое пальто въ комодъ. Что же вы думаете: бацъ! опять что - то стукнуло о стѣнку ящика!! На этотъ разъ, мы оба вздрогнули всѣмъ тѣломъ съ Аленушкой. Опять бросились мы осматривать и ощупывать пальто: такъ и есть! Господи ты, Боже мой! Опять что - то жесткое и тяжелое лежитъ въ карманѣ; только на этотъ разъ уже не четвероугольное, а круглое. Вытаскиваю: что же вы думаете? Не сочтите за сказку: золотые часы съ таковою же цѣпочкою и красивымъ ключикомъ!!!

Мы оба посоловѣли отъ изумленія, а можетъ быть и отъ испуга... Долго стояли мы молча, какъ убитые такою внезапностію; одни только таинственные золотые часы шибко постукивали себѣ, какъ будто выговаривая насмѣшливо: вамъ хотѣлось золотыхъ часовъ? Ну вотъ и мы! Берите! чего-жь вы оробѣли?» Да кипящій на столѣ самоваръ вторилъ имъ своимъ змѣинымъ шипѣньемъ, произнося какіе-то неясные звуки, которые вотъ такъ тебя и обдавали кипяткомъ! Ну права, не случись это произшествіе въ нашъ вѣкъ, можно бы подумать на колдовство; ну да вѣдь кто-жъ ему нынѣче вѣритъ?

Первая заговорила Аленушка; и съ чего же вы думаете, она начала рѣчь?

— Проклятый тринадцатый картузъ! вскрикнула она, и съ досадою топнула ногою о полъ.

— Картузъ? Вотъ тебѣ на! Чѣмъ же онъ тутъ виноватъ, душка? спросилъ я, вѣдь не въ немъ находятся всѣ эти вещи, а въ моемъ пальто.

— Не въ немъ, да отъ него, отъ проклятаго; я въ этомъ, какъ Богъ святъ, увѣрена; продолжала Аленушка. Пальты у тебя бывали и прежде, а такихъ происшествій не случалось; а какъ только ты купилъ его и надѣлъ себѣ на голову, вотъ и пошли исторіи! Что теперь будешь дѣлать?

— Что дѣлать? По правдѣ тебѣ сказать я и самъ незнаю.

— Ужъ не объявить ли объ этомъ полиціи.

— Не нажить бы хлопотъ!

— Или не публиковать ли въ газетахъ?

— Да какъ, публиковать? Находка чужихъ вещей въ собственномъ карманѣ вещь неслыханная и невѣроятная!

— Что-же такое? Вѣдь не сочтутъ же васъ за вора, Макаръ Иванычъ? Вы не другой кто; вы чиновникъ.

— Оно такъ; да все какъ-то не ловко, смѣшно будетъ. Вѣдь надо выставить фамилію; пойдутъ распросы, да переспросы: какъ? когда? какимъ образомъ? Да мнѣ и въ судѣ-то прохода не будетъ. Еще, пожалуй, что добраго, отставятъ тебя, ни за что, ни про что!

— Избави Богъ!

— А что ты думаешь, всѣ можетъ случится въ жизни, если вотъ на нашихъ глазахъ, случаются такія странныя вещи, какъ теперь.

— А покажите-ко часы-то, Макаръ Иванычъ? сказала послѣ небольшаго молчанія Аленушка.

— Вотъ они, душка.

— Какіе тяжелые! Должно быть дороги!

— Да. И секундная стрѣлка бѣгаетъ.

— Да посмотри, какъ и вѣрны: ровно шесть часовъ... слышишь, и въ Донскомъ монастырѣ бьетъ шесть же; какъ пріятно имѣть хорошую вещь, душка.

— Оно такъ; да вѣдь *какъ* имѣть? вотъ въ чемъ вопросъ. Но однако-же, какъ мы поступимъ на этотъ

разъ, Аленушка? Говори: ты находчивѣе меня что мы будемъ дѣлать съ этими часами?

— Положимъ ихъ въ мой ларчикъ, также, какъ и золотую табакерку, до времени. А тамъ будемъ ждать: что будетъ, то и будетъ. Найдется хозяинъ — отдадимъ; не найдется — тѣмъ лучше, прибавила она полушопотомъ, какъ будто стыдясь, что искушеніе завладѣть чужою богатою вещицею закралось ей въ голову. Правду говорятъ, что золото искусительная вещь.

— Ну, дѣлать нечего; на, спрячь ихъ, душка, до времени и давай пить чай, сказалъ я.

— Посмотри-ка прежде, не нужно ли ихъ завести? сказала Аленушка. Жалко бы было, если бы они остановились. Да я же хочу и знать аккуратно время, благо случай есть.

Часы оказались заведенными, вѣроятно поутру. Ихъ прибрала Аленушка, обѣщаясь заводить каждый день аккуратно; послѣ чего мы сѣли за нашъ чайный столъ за которымъ, разумѣется, болѣе толковали объ этомъ чудномъ происшествіи, нежели пили чай. . .Ну что? каково? что вы мнѣ скажете на счетъ этого втораго пассажа, мой почтеннѣйшій другъ, Михаилъ Михайловичъ?

— Тоже, что и на счетъ перваго; отвѣчалъ я: то есть, что я, какъ и вы же, ровно тутъ ничего не понимаю.

— А третій пассажъ еще лучше и замысловатѣе и страннѣе; продолжалъ Макаръ Иванычъ. Да и случился онъ со мною не дальше, какъ вчера, на гуляньѣ подъ Новинскимъ; да и еще въ добавокъ въ присутствіи самой Алены Ивановны, которую я взялъ туда для развлеченія, по случаю праздничнаго времени. Отправились мы вчера подъ Новинское по утру. Не такъ, знаете тѣсно народъ бываетъ почище — да оно, какъ то и благороднѣе, какъ говоритъ Аленушка. По вечерамъ гуляетъ болѣе черный народъ, такъ оно намъ-то знаете, какъ-то ужъ и не ловко, особенно безъ экипажа. Вотъ гуляемъ мы себѣ, смотримъ по сторонамъ; ну, все хорошо; весело, какъ слѣдуетъ, только тѣсновато и жара пренесносная! Съ мороженымъ и ходили правду — ну да неприлично есть при такой публикѣ; вѣдь этото не то, что дома, у своего окошка. . .

— Знаешь что, душка, сказала мнѣ Алена Иванов-

на; мочи нѣтъ жарко; пойдемъ для прохлажденія въ комедію. Тамъ славная музыка и конная скачка; посмотримъ, посмѣемся, а между тѣмъ и отдохнемъ немножко.

— Пожалуй, сказалъ я. Вотъ мы и вошли въ комедію. Оно правда, что попрохладнѣе; только и тутъ биткомъ набито. Я взялъ вторыя мѣста; ну нельзя же, знаете, особенно съ дамой!.. Представленіе было очень хорошее: сначала лошадиная скачька. Одна мадамъ проплясала намъ какучу на лошади, скачка во весь опоръ. Былъ тутъ и пьяный драгунъ, и сквозь бумажныя бочки скакали, и обѣдали на канатѣ. Послѣ было и изъ отечественной исторіи. Варну брали приступомъ, и все этакое... Въ заключеніе спекталя начали показывать какую-то фантасмагорію. Вдругъ этакъ сдѣлается тёмно, всѣ лампы попрячутся себѣ, а тутъ и является тебѣ какое нибудь чудовище, или букетъ цвѣтовъ, и все изъ маленькаго ростетъ больше; больше: двигается, двигается; и такъ вотъ, какъ будто хочетъ сѣсть тебѣ на носъ. Презабавная штука. Хохота было довольно. А въ потьмахъ то и не безъ визгу и писку. Ну нельзя же, знаете, дѣло праздничное... Въ одну изъ этихъ потемокъ, я отъ жару снялъ съ себя картузъ мой и положилъ его около себя на сосѣднее порожнее кресло. Кругомъ народъ все чистый; опасаться нечего. Хорошо. Вотъ и сижу я себѣ такъ, да смотрю на фантасмагорію. Головѣ такъ легко. Давно бы, думаю, догадаться, снять картузъ. Но вотъ фантасмагорія кончилась: комедія освѣтилась; музыка заиграла маршъ; комедіанты начали раскланиваться, значитъ представленіе кончилось. Всѣ поднялись. въ одну минуту сдѣлалась ужастная давка; я хватаюсь за мой картузъ. Ба! что-то онъ тяжелѣе обыкновеннаго? смотрю, въ немъ лежитъ.. что вы думаете? чей-то зеленый сафьянный бумажникъ, довольно туго набитый. Не успѣлъ я опомниться и показать его Аленушкѣ, какъ уже толпа вся свалила изъ комедіи и мы почти оставались одни. Что вы тутъ прикажите дѣлать? и мы вошли вслѣдъ за другими; я подождалъ нѣсколько времени, не будутъ ли кто спрашивать пропавшаго бумажника? Ничего не бывало. Какъ будто онъ и вѣкъ вѣковалъ въ моемъ картузѣ, который на этотъ разъ уже явно, такъ сказать, былъ уличенъ въ его содѣйствіи, на

счетъ всѣхъ этихъ странныхъ приключеній, до сихъ поръ случавшихся со мною. Что тутъ прикажете дѣлать! у другихъ порядочныхъ людей, только и послышишь, что таскаютъ то, либо другое изъ кармановъ, а намъ валится и въ карманъ, и въ картузъ; да еще что валится? Въ зеленомъ бумажникѣ, придя домой, мы насчитали съ Аленушкой около семи сотъ рублей денегъ, нашли серебряный карандашъ, да какія то двѣ записки, не совсѣмъ приличнаго содержанія то есть, съ позволенія сказать какія-то любовныя... Ну да это посторонняя вещь. За нихъ не мы въ отвѣтѣ, а настоящій хозяинъ, буде онъ окажется. Вотъ ужь тутъ – то правду сказать, мы и очень призадумались съ Аленушкой, то есть даже, чуть ли не струсили; толковали, толковали, и она наконецъ разсудила такъ, чтобы обо всемъ этомъ посовѣтоваться съ кѣмъ нибудь поумнѣе насъ, при чемъ я, разумѣется сію же минуту вспомнилъ объ васъ, мой почтеннѣйшій другъ, и съ согласія Аленушки, сегодня ранехонько утромъ отправился къ вамъ за свѣтомъ, что мнѣ дѣлать, и какъ поступить въ такомъ запутанномъ и почти баснословномъ положеніи дѣлъ? Надѣюсь, что вы, по всегдашней дружбѣ и благосклонности вашей ко мнѣ, не оставите меня безъ удовлетворительнаго отвѣта, или правильнѣе сказать, безъ вашего благоразумнаго совѣта, которому я напередъ обѣщаю за себя и за Аленушку послѣдовать въ точности и безпрекословно.

Окончивши этими словами свой, хоть довольно любопытный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень продолжительный разсказъ, Макаръ Иванычъ всталъ съ дивана, обмахнулъ платкомъ съ него цыгарочный пепелъ, полагая вѣроятно, что ему гораздо приличнѣе выпачкать мой коверъ, нежели диванъ, и ждалъ въ молчаніи моего отвѣта, или благоразумнаго совѣта, какъ выразился онъ за минуту времени.

Но что мнѣ было тутъ сказать, и что совѣтовать? я согласился и съ мнѣніемъ моего почтеннаго гостя Макара Иваныча, что «все это было ужасно странно и почти необъяснимо, и съ мнѣніемъ Алены Ивановны, что и тринадцатый картузъ могъ имѣть какое-то таинственное вліяніе на всѣ эти мудреныя произшествія; но такъ какъ оба эти мнѣнія съ моей стороны не подвигали дѣ-

ла ни на шагъ впередъ, я далъ ему совѣтъ отнестись обо всемъ безъ большой огласки, полиціи, и ждать, что она скажетъ и не приметъ ли какихъ нибудь зависящихъ отъ нея мѣръ къ объясненію такого щекотливаго казуса?

Макаръ Иванычъ съ пребольшими поклонами ушелъ отъ меня, давши слово, что онъ исполнитъ сегодня же совѣтъ мой, а о послѣдующемъ не преминетъ меня увѣдомить, тѣмъ болѣе, что я при прощаньи, въ самомъ дѣлѣ взялъ съ него честное слово извѣстить меня, чѣмъ все это кончится и какая будетъ развязка такой странной и почти невѣроятной въ наше время исторіи.

Я не долго ждалъ. Въ половинѣ мая опять какъ-то утромъ пожаловалъ ко мнѣ мой почтенный пріятель Макаръ Иванычъ; только на этотъ разъ не съ такимъ уже озабоченнымъ, какъ — прежде, лицомъ, и не въ томъ уже странномъ картузѣ, который не только мнѣ, но уже и читателю, я полагаю, довольно знакомъ. Это былъ другой, хотя также новый, но уже обыкновенный лѣтній картузъ, какъ и у всего крещенаго міра, не большаго охотника до круглыхъ шляпъ лѣтомъ. На этотъ разъ я встрѣтилъ моего Макара Иваныча съ большимъ нетерпѣніемъ и чуть чуть не съ разверзтыми объятіями. Любопытство близкая родня эгоизму человѣческому.

— Вотъ, наконецъ, я и опять у васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Михайловичъ! началъ мой гость, извиняясь по обычаю въ своемъ раннемъ визитѣ и передавая мнѣ также обычное «глубочайшее почтеніе» отъ своей дорогой половины, Аленушки.

На этотъ разъ, отъ нетерпѣнія еще не усадивши по обыкновенію на диванъ моего пріятеля и не попотчивавъ его сигарою я спросилъ прямо: Ну, а что, какъ исторія вашего тринадцатаго картуза, почтеннѣйшій Макаръ Иванычъ? Вѣроятно, что нибудь да приключилось ему, потому что я уже не вижу его въ рукахъ вашихъ?

— Да ужъ и не увидите больше ни въ рукахъ, ни на головѣ; отвѣчалъ съ веселымъ смѣхомъ Макаръ Ивановичъ. Вѣдь моя Аленушка-то была права, приписывая всѣ мои бѣды тринадцатому картузу! онъ, проклятый, дѣйствительно, во всемъ этомъ игралъ первую ролю.

— Какъ такъ, Макаръ Иванычъ? садитесь-ка, вотъ

вамъ сигарка; разсказывайте. Вы меня такъ заинтересовали началомъ, что я съ нетерпѣніемъ жду окончанія.

Макаръ Иванычъ сѣлъ, закурилъ сигару, по обычаю опять нашелъ въ ней малиновый вкусъ, и началъ разсказывать такъ:

— Послѣ свиданія съ вами, почтеннѣйшій другъ мой, вслѣдствіе вашихъ благоразумныхъ совѣтовъ, я дѣйствительно извѣстилъ мѣстную полицію о невѣроятныхъ приключеніяхъ съ нѣкотораго времени, случающихся со мною, и даже представилъ всѣ три вещи, въ разное время пáдавшіе, какъ будто съ неба, то въ карманъ моего пальта, то въ роковой тринадцатый картузъ, о покупкѣ котораго я также объяснилъ всѣ подробности. Тотъ, кому объяснялъ я это дѣло, прежде всего спросилъ мой картузъ, осмотрѣлъ его внимательно, не знаю чему-то улыбнулся, и попросилъ меня очень учтивымъ образомъ отправиться сегодня же вечеромъ — это было въ послѣднее Воскресенье Свѣтлой недѣли, какъ вы вѣроятно помните—на гулянье подъ Новинское, и именно въ этомъ картузѣ, о которомъ шла рѣчь.

— Что же я буду дѣлать на этомъ гуляньѣ? спросилъ я его съ изумленіемъ, не понимая ни цѣли этой просьбы, ни послѣдствій, которыя могли бы имѣть отношеніе къ моему дѣлу.

— Что вы будете дѣлать? Да ничего; отвѣчалъ онъ съ улыбкою, гуляйте себѣ, вотъ и все тутъ.

— Но ежели я не расположенъ сегодня гулять?

— Я принужденъ буду *оффиціально* попросить васъ объ этомъ.

— Вотъ тебѣ на! подумалъ я самъ съ собою, отчасу не легче! Ну права Аленушка, эти вещи случаются только съ однимъ мною! Изволь отправляться на гулянье подъ Новинское, по *оффиціальной* просьбѣ полиціи. Не очень весело!

— Кстати, ужь потрудитесь быть на гуляньѣ и въ томъ же самомъ пальтѣ, которое было такъ счастливо у васъ на находки; прибавилъ съ новою улыбкою чиновникъ.

— Помилуйте! это къ чему же? Вѣдь мое пальто не тринадцатое.

— Не въ счетѣ дѣло; озаботьтесь только исполнить то, о чемъ прошу я васъ. До свиданія! и чиновникъ при этомъ послѣднемъ словѣ сдѣлалъ мнѣ мину, которая,

знаете, выражаетъ на чистомъ русскомъ языкѣ: убирайся любезный во свояси, у меня и безъ тебя много дѣла.

— До свиданія, повторилъ я въ недоумѣніи, но позвольте васъ спросить, гдѣ же будетъ это свиданіе? опять что ли мнѣ побывать у васъ?

— Не безпокойтесь; мы, можетъ быть, увидимся сегодня же на гуляньѣ. Сегодня послѣдній день праздника, погода очень хорошая. Я и самъ вѣроятно воспользуюсь этой прогулкой, только кстати попрошу васъ не расклани-вайтесь со мною и не начинайте разговора, если замѣтите, что я буду ходить и близко отъ васъ. На этомъ гуляньѣ мы разыграемъ съ вами совершенно незнакомыхъ людей. Прощайте!

Я ушелъ.

Дѣлать нечего, пришлось отправляться на гулянье по *оффиціальной* просьбѣ и снова казать всей московской публикѣ мой проклятый картузъ. Странная вещь: до сихъ поръ, не смотря на всѣ странныя событія, случившіяся со мною. Ну, вотъ, отправился я на гулянье подъ Новинское. Хожу себѣ разсѣянно. Народу пропасть, а на душѣ не весело, въ головѣ какъ – то смутно, въ глазахъ пестро. Знакомые мнѣ кланяются; я не узнаю никого. Нашъ столоначальникъ схватилъ меня за руку, чтобы дружески потрясти ее, я вздрогнулъ и поблѣднѣлъ; мнѣ показалось, что меня хотятъ тащить куда – то.

— Ступайте въ толпу, гдѣ больше народу! шепнулъ мнѣ кто – то; я обернулся: никакого знакомаго лица; только какой – то высокій господинъ въ сѣромъ пальтѣ и съ преужаснѣйшими сѣрыми бакенбардами; шелъ около меня и для чего – то безпрестанно закрывался платкомъ, какъ будто у него изъ носу кровь шла. А голосъ, почему то показался несовсѣмъ не знакомымъ мнѣ. . . Какъ будто я слышалъ его не дальше, какъ сегоднишнимъ утромъ. Я послушался совѣта этого таинственнаго голоса и вмѣшался въ толпу погуще, гдѣ начали меня порядочно поталкивать то съ той, то съ другой стороны. Черезъ полчаса этакъ времени, вдругъ замѣчаю я, что около меня увивается какой – то мальчишка очень двусмысленной наружности. . . Замѣчая, что я на него смотрю, онъ улыбнулся какимъ – то особеннымъ манеромъ, и когда толпа народа порядочно поприжала насъ къ ба-

люстрадѣ, около бульвара, онъ сунулъ свою руку въ карманъ моего пальта. Я не успѣлъ схватить его, думая, что онъ лазилъ ко мнѣ за платкомъ, какъ ужь онъ былъ въ рукахъ слѣдовавшаго за мною постоянно высокаго господина съ большими бакенбардами, закрывавшаго платкомъ лицо, а у себя я въ тоже время ощупалъ въ карманѣ чей-то довольно тяжелый шелковый кошелекъ съ серебряными деньгами.

— Я думаю, вы уже довольно нагулялись, милостивый государь? сказалъ теперь, обращаясь ко мнѣ, высокій господинъ съ бакенбардами, на этотъ разъ уже не закрывая лица своего; неугодно ли вамъ пожаловать ко мнѣ, кушать чай, да побесѣдовать съ этимъ молодцомъ, который въ разсѣянности положилъ деньги вмѣсто своего кармана въ вашъ?

Тутъ только я догадался, что высокій господинъ былъ переодѣтый чиновникъ, у котораго я былъ сегодня утромъ.

Мы отправились къ нему.

Дѣло объяснилось самымъ простымъ образомъ. Мальчишка былъ допрошенъ при мнѣ.

— Гдѣ ты взялъ кошелекъ?

— Виноватъ, ваше благородіе!

— То есть, ты укралъ его?

Мальчишка зачесалъ затылокъ.

— А для чего же ты положилъ его къ этому барину въ карманъ? продолжалъ чиновникъ, указывая на меня.

— Ихъ милость изъ нашихъ! съ глупою улыбкою отвѣчалъ мальчишка.

— Развѣ ты его знаешь?

— Вѣстимо, знаю.

— Почему?

— А по картузу-то!

— Какъ по картузу? невольно вскричалъ я.

— Разумѣется. Такіе картузы только у нашей дюжины молодцевъ. Мы потому-только и признаемъ ихъ на всѣхъ гульбищахъ во что-бы ни были переодѣты они.

— Но еще разъ: на что-же ты опустилъ этотъ кошелекъ въ карманъ къ нему?

— А какъ-же? Извѣстное дѣло, кто же станетъ при себѣ держать украденную вещь? Какъ разъ попадешься, коли вздумаютъ обыскать: намъ ужъ не въ первые, такія штуки-то!

— Но почему же на тебѣ самомъ нѣтъ такого картуза.

— Я еще не изъ старшихъ; а изъ подросточковъ, какъ обыкновенно зовутъ насъ. Наше дѣло маленькое. Не стану дальше продолжать вамъ, почтеннѣйшій Михаилъ Михайловичъ, остальное вы угадаете сами. Общество бродягъ и воришекъ выбрали себѣ знакомъ проклятыя двѣнадцать картузовъ одной формы и цвѣта, и надобно же было, чтобы я съ дуру заказалъ себѣ тринадцатый, точно такой же! Зналъ бы, ужь лучше бы заплатилъ шесть цѣлковыхъ за круглую шляпу.

— Но чѣмъ же все это кончилось? спросилъ я моего гостя?

— Чѣмъ кончилось? воровъ переловили, краденымъ вещамъ нашлись хозяева; оно, правду сказать, я не остался въ убыткѣ. Хозяинъ часовъ, объявленныхъ мною, подарилъ Аленушкѣ золотую цѣпочку съ нихъ. Половину денегъ изъ бумажника также оставили мнѣ.

— Браво, Макаръ Иванычъ! сказалъ я: за что же вамъ проклинать тринадцатый картузъ? Вы не въ потерѣ?

— Конечно бы оно такъ! отвѣчалъ, ухмыляясь, мой гость: да вотъ что плохо, проклятая золотая табакерка съ французскимъ табакомъ поддѣла меня славнымъ образомъ.

— Это какъ?

Да вотъ какъ, любуясь ею каждый день, Аленушка для шутки каждый разъ брала на мизинчикъ проклятаго табаку и подносила себѣ къ носу. Ну, а вѣдь носъ человѣческій, знаете, такой деликатный членъ, который шутокъ надъ собой не любитъ. Аленушка на бѣду мою такъ пріучилась къ проклятому зелью, что теперь сдѣлалась записною табашницей. Хочетъ промѣнять золотую цѣпочку на табакерку. Можете себѣ представить, какъ мнѣ непріятно? Просто нельзя теперь поцѣловаться съ нею, такъ тебѣ проклятый табачище и лезетъ въ глаза, иной разъ просто до слезъ!.. Вотъ, вѣдь вы все смѣетесь? а мнѣ право не до смѣха; въ домашнемъ быту лишній рубль на расходъ, да и супружскія радости отравлены... а все отъ чего? отъ этого проклятаго тринадцатаго картуза!

—

БАРОНЕССА ФЛАГСБЕРГЪ.

Романъ

НИКОЛАЯ СЕМЕНТОВСКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

—

VII.

На возвратномъ пути въ Петербургъ, въ Дрезденѣ генеральша Лембахъ остановилась въ гостинницѣ «*Золотаго Льва*». Здѣсь встрѣтила она стараго своего знакомаго, барона Флагсберга. Въ домѣ отца барона, генеральша провела молодость, слѣдовательно, встрѣча съ сыномъ барона, съ которымъ она съ дѣтства сроднилась чувствами и сердцемъ — была для нея особенно пріятна, тѣмъ болѣе, что Ламбахъ не видѣла барона Іоанна болѣе тридцати лѣтъ: она обняла его, какъ роднаго брата. Генеральша и баронъ вспомнили минувшую молодость, а кому не пріятны эти воспоминанія? . . .

Баронъ Іоаннъ Флагсбергъ страшный флегматикъ; кажется, отъ рожденія на губахъ его никогда не пролетала улыбка; радость и горе не выражались на его блѣдномъ и довольно угрюмомъ лицѣ: говорилъ онъ очень рѣдко, ходилъ тихо, всегда и ко всему былъ хладнокровенъ. Отъ отца онъ получилъ въ наслѣдство огромный капиталъ, хранившійся частію въ Вѣнскомъ, частію въ Лондонскомъ банкахъ. Ему было лѣтъ сорокъ пять, онъ былъ бодръ, силенъ и холостъ, и потому считался женихомъ. Изъ всѣхъ страстей онъ былъ увлеченъ одною — страстью путешествовать. Половина Европы ему была извѣстна, какъ старому городничему его уѣздный городокъ. Онъ былъ въ Персіи и Турціи, и чрезъ Россію сбирался пробраться въ Китай.

Флагсбергъ узналъ генеральшу Лембахъ, какъ только вышла она изъ кареты, подошелъ къ ней и, поклонившись, прехладнокровно проговорилъ:

— Баронъ Іоаннъ Флагсбергъ.

Генеральша вскрикнула отъ радости. Баронъ подалъ ей руку. Генеральшѣ отвели комнаты; она пригласила къ себѣ барона, и разговаривая съ нимъ въ продолженіи часа, слышала отъ него два любимыя его слова Ja и nein, *да* и *нѣтъ*. Лембахъ узнала отъ барона, что чрезъ годъ онъ непремѣнно посѣтитъ Россію, будетъ въ Петербургѣ и надѣется увидѣть генеральшу. Этимъ кончилась встрѣча Лембахъ съ барономъ. На утро баронъ выѣхалъ изъ Дрездена въ одну заставу, а Генеральша въ другую.

По возвращеніи въ Петербургъ, генеральша Лембахъ вскорѣ забыла о встрѣчѣ своей въ Дрезденѣ, однажды только, зимою, Анета напомнила ей о баронѣ, сравнивая его съ термометромъ, постоянно стоящимъ на точкѣ замерзанія.

Часу въ седьмомъ вечера, генеральша послала просить къ себѣ доктора; она послѣ невозвратимой потери, послѣ смерти своей любимой болонки, постоянно чувствовала себя нездоровою, притомъ еще недавняя смерть князя Юрія Черницкаго и отчаянная болѣзнь графа Карла Кронштельма, котораго она, какъ нѣмца, очень любила, имѣли сильное вліяніе на ея слабое здоровье; не скрою, ее мучила даже мысль, что причиною всему этому ея Анета; но сердце генеральши конечно оправдывало Анету въ этихъ непроизвольныхъ случаяхъ. Вольно же было имъ, думала Лембахъ, влюбиться до безумія въ эту дѣвицу, видя, что она ни къ кому не расположена...

Чрезъ четверть часа докторъ стоялъ у постели Генеральши и ощупывалъ ея пульсъ Замѣтимъ, что этотъ же докторъ часто прописывалъ лекарства и для генеральши, и для ея моповъ и болонокъ.

— Маленькое разслабленіе, это ничего, скоро пройдетъ, я пропишу микстуру.

Докторъ сѣлъ за столъ, оторвалъ клочекъ бумаги и написалъ рецептъ.

— Чрезъ два часа по столовой ложкѣ, сказалъ онъ, подходя второй разъ къ постели и опять ощупывая пульсъ.

— Да, маленькое разслабленіе.

— Лучше ли графу Карлу, не знаете?

— Гораздо лучше, теперь уже миновалась опасность, сегодня девятнадцатый день, какъ онъ въ постелѣ.

— Какъ я сожалѣю объ этомъ молодомъ человѣкѣ! Скажите, что онъ, простудился?

— Да, надобно полагать, что онъ простудился; къ этому еще присоединились другія сердечныя обстоятельства.

Докторъ всегда былъ откровененъ съ генеральшею.

— Сердечныя обстоятельства!

— Д... а! сердечныя, впрочемъ, ему теперь гораздо лучше.

Генеральша знала, что графъ Карлъ влюбленъ въ Анету, передъ болѣзнію онъ даже самъ ей проговаривался объ этомъ.

— Скажите откровенно, докторъ, я слышала, что графъ все бредилъ моей Анетой?

Докторъ улыбнулся.

— Это правда?

— Да, бредилъ! Графъ неравнодушенъ къ вашей родственницѣ.

Генеральша замолчала, потомъ она приподнялась, попросила доктора переставить лампу на другой столъ, притворить дверь и, когда докторъ наполнилъ ея порученіе, генеральша сказала:

— Садитесь здѣсь, подлѣ меня, я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ.

Докторъ сѣлъ у постели.

— Знаете ли, что я сама противъ этой страсти графа! Генеральша испытующимъ взоромъ посмотрѣла на доктора, докторъ внимательно посмотрѣлъ на генеральшу.

— Да, я сама противъ этой страсти, у меня есть причины, заставляющія желать, чтобы графъ не женился на Анетѣ, эти причины относятся прямо къ счастію графа. Вѣрьте мнѣ, докторъ, я говорю истину.

— Напротивъ, мнѣ кажется, графъ былъ бы истинно счастливъ, еслибъ могъ получить руку вашей родственницы.

— Это вы такъ думаете, а я иначе. Вы неможете знать всѣхъ моихъ обстоятельствъ... Впрочемъ, сказала генеральша, возвысивъ голосъ: если графъ непремѣнно желаетъ получить руку Анеты и даетъ мнѣ слово, что никогда не упрекнетъ меня въ томъ, что я не отсовѣтовала ему жениться на этой дѣвицѣ, то я обѣщаю ему мое согласіе. Передайте это графу!

— Слушаю! я буду для него вѣстникомъ радости.

— Да скажите только такъ, какъ я вамъ говорила.

— Скажу, ваше превосходительство, и увѣренъ, что это послужитъ ему исцѣленіемъ. Графъ считаетъ блаженствомъ получить руку этой очаровательной дѣвицы.

Генеральша замолчала. Она думала о томъ непріятномъ поло-

женін, какое ожидаетъ графа въ то время, когда будетъ разгадана тайна происхожденія ея воспитанницы.

— Скажите графу, что я предаю все на волю Провидѣнія, пусть оно управляетъ нашими дѣлами! сказала наконецъ Лембахъ.

— Едва только графу можно будетъ выѣзжать, онъ въ тотъ же день будетъ умолять васъ о своемъ счастіи.

— Это въ его волѣ.

Докторъ уѣхалъ, генеральша позвонила, въ комнату вбѣжала Жозефина.

— Проси ко мнѣ барышню, отправь рецептъ въ аптеку!

Чрезъ пять минутъ вошла Анета, приблизилась къ постели и поцѣловала руку генеральши.

— Садись, дитя мое, мнѣ скучно безъ тебя. Анета сѣла противъ генеральши.

— Лучше ли вамъ?

— Немного!

— Вамъ не должно было вчера выѣжать.

— Да, это правда. Ты какъ себя чувствуешь?

— О, я всегда весела и здорова и душевно страдаю, когда вы больны.

— Да, я знаю, что ты меня очень любишь.

Анета наклонила головку къ генеральшѣ, схватила ея руку, поцѣловала нѣсколько разъ; генеральша поцѣловала Анету въ голову.

— Знаешь ли, Анеточка, мнѣ докторъ сообщилъ странную вѣсть: онъ сказалъ, что графъ Карлъ заболѣлъ отъ любви къ тебѣ. Кажется, ты всегда была къ нему такъ холодна!..

— Напротивъ, ma tante, я была къ нему болѣе внимательна, нежели къ другимъ, болѣе даже, чѣмъ бы слѣдовало, но графъ Карлъ мечтаетъ, что я должна всѣхъ оставить безъ вниманія и быть привѣтлива къ нему одному. Графъ большой эгоистъ.

— Онъ, сколько знаю, готовъ просить руки твоей, Анеточка!

Анета наклонила голову и молчала.

— Какъ ты думаешь объ этомъ?

— Ma tante, онъ мнѣ не по сердцу.

— Странно; онъ такой прекрасный молодой человѣкъ. Подумай Анета, чего ты еще хочешь? Я напомню тебѣ, что позднее раскаяніе пользы не принесетъ.

— Вы возродили меня, вы даровали мнѣ счастіе, вы одни и можете располагать моею рукою!

— Если такъ, Анеточка, я совѣтую тебѣ принять предложеніе графа.

— Для меня воля ваша священна.

Въ спальню вошла Жозефина.

— Баронъ Флагсбергъ пріѣхалъ, онъ проситъ позволенія представиться.

— Баронъ Флагсбергъ! проси, ради Бога, проси; скажи, что я нетакъ здорова, не могу принять его въ гостиной, проси безъ церемонія сюда. Добрый мой баронъ!

Баронъ чрезъ минуту вошелъ въ спальню.

— Здравствуйте баронъ! какъ я рада, что вижу васъ.

Баронъ пожалъ руку генеральши.

— Садитесь, добрый другъ мой!

Анета уступила ему свое кресло и сѣла позади его.

— Вы вѣроятно, нѣсколько часовъ, какъ пріѣхали въ Петербургъ?

— Да, отвѣчалъ баронъ, покачнувши головой.

— Какъ я рада, что вижу моего дорогаго друга!

— Покорно благодарю!

— Я не такъ здорова, извините, что принимаю васъ здѣсь.

— О, это ничего!

— Анета! распорядись поскорѣе приготовить чай.

Анета ушла.

— Эта ваша дочь? спросилъ баронъ, когда ушла Анета.

— Нѣтъ, это моя дальняя родственница.

— Родственница! Да... а... а! очень милая дѣвушка.

— Она вамъ нравится, баронъ? Съ улыбкою спросила генеральша.

— Да, я видѣлъ ее въ Дрезденѣ.

— Она путешествовала со мною.

— Да, прекрасная дѣвица! очень милая! Такъ она ваша родственница?

— Дальняя. Она воспитана у меня въ домѣ.

— Чтожъ? замужъ бы! у ней есть жени хъ?

— Пока еще она никому не дала слова.

— Да..! Я хотѣлъ бы жениться на ней?. пресерьозно сказалъ баронъ.

Генеральша засмѣялась.

— Но вы нѣсколько минутъ только видѣли ее. Вы еще не знакомы съ нею, не знаете ни сердца, ни ума ея...

— Это вздоръ! Я хотѣлъ бы жениться на ней, если можно! она мнѣ очень нравится. Прехладнокровно говорилъ баронъ.

— Это зависитъ отчасти отъ меня, я готова споспѣшествовать вашему желанію, тѣмъ болѣе, что съ дѣтства знаю васъ и твердо увѣрена, что моя Анета была-бы совершенно счастлива за вами.

— Да! да!.. это такъ!

Анета вошла въ спальню, посмотрѣла на посѣдѣвшіе волосы барона и подумала: какой старикъ. Но въ это самое мгновеніе, какъ будто бы сердцу ея кто-то сказалъ: это твой суженый.

Баронъ, замѣтивъ вошедшую Анету, противъ обыкновеннаго своего хладнокровія, соскочилъ съ кресла, подошелъ къ Анетѣ, взялъ ее за руку, посмотрѣлъ ей въ глаза и прехладнокровно сказалъ:

— Я считаю этотъ часъ счастливѣйшимъ въ моей жизни, потому что встрѣтилъ васъ.

Анета покраснѣла, присѣла передъ барономъ и въ замѣшательствѣ неловко опустилась въ кресло. Сердце ея затрепетало, оно шепнуло ей, что она должна ожидать чего-нибудь необыкновеннаго.

— Баронъ полюбилъ тебя, Анета, съ перваго взгляда.

Анета горько и презрительно улыбнулась, она подумала: какая находка — старикъ!

— Да, это правда, отвѣчалъ баронъ.

— Я не хочу скрывать отъ тебя, Анета, баронъ успѣлъ уже просить у меня руки твоей. Скажу тебѣ, сколько я знаю барона, онъ не любитъ долго думать.

Анета поблѣднѣла и затрепетала, сперва холодъ, а потомъ жаръ разлился по всему ея тѣлу.

— Садись поближе къ намъ, Анета.

Анета сѣла противъ генеральши и барона.

— Баронъ мой другъ изъ дѣтства, я знаю его также хорошо, какъ себя, онъ человѣкъ добрый и богатый, я не нахожу причинъ не согласиться на его предложеніе.

— Да! я буду счастливъ, если рука ваша будетъ мнѣ принадлежать!

— Баронъ принадлежитъ къ старинной германской аристократіи. продолжала генеральша.—Баронъ произносилъ отрывистое свое «да, да», Анета отъ замѣшательства не могла говорить.

— Право, мое милое дитя, ты будешь счастлива, если примешь предложеніе барона; другаго жениха искать тебѣ не должно.

Голова Анеты опустились на грудь, она ни о чемъ не думала, сердце ея замерло, душа была объята сильнымъ волненіемъ.

— Да! да! я знаю, что вы назначены быть моею женою.

— Дай мнѣ руку свою, Анета! сказала генеральша.

Нѣсколько мгновеній Анета не поднимала руки; она безмолвно сидѣла, какъ изваянная.

— Дай мнѣ руку свою, Анета! повторила генеральша.

Анета нехотя подала генеральшѣ правую руку.

— Баронъ мой другъ, сторонних никого здѣсь нѣтъ, скажи мнѣ откровенно, Анета, согласна ли ты принять предложеніе барона или отказываешь ему, говори смѣло, баронъ не будетъ сердится за истину.

— Судьбою моею вы одни можете располагать.

— Если такъ, Анета, не откажи же моему другу, у тебя не было и быть не можетъ такого жениха, какъ баронъ, согласна ли? Я въ молодости жила съ нимъ душа въ душу, стало быть знаю, какъ онъ можетъ любить.

— Согласна! сказала Анета и сильный вздохъ вылетѣлъ изъ стѣсненной ея груди.

— Вотъ вамъ баронъ ея рука. Генеральша взяла руку барона и Анеты и соединила ихъ.

— Я знаю, баронъ: за богатствомъ вы не гонитесь, вамъ своего некуда дѣвать, но все же я должна предупредить васъ, что Анета бѣдная дѣвица.

— Да, мнѣ ничего не надобно. Я завтра хотѣлъ бы въ церковь ѣхать.

— Это зависитъ отъ Анеты; конечно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Завтра, непремѣнно завтра.

— Завтра Анета?

— Не знаю, какъ вамъ угодно.

— Пожалуй и завтра, если только я въ состояніи буду встать съ постели, если же и завтра я буду чувствовать себя худо, тогда баронъ мы отложимъ вѣнчанье на нѣсколько дней.

— Ну! хорошо!.. можно.

Анета ушла въ свою комнату — рыдать, подумаютъ многія изъ моихъ читательницъ, вовсе не рыдать, а хохотать; для нея было все равно, кому бы ни отдать руку, лишъ бы получившій ее былъ знатенъ и богатъ: сердце ея разсуждало, голова любила.

— Баронъ просилъ моей руки, она ему обѣщана, прекрасно, я буду баронессой; ma tante сказала, что онъ чрезвычайно богатъ, прекрасно, у меня будетъ отличная вѣнская карета съ гербомъ, за каретой будутъ стоять два лакея въ блестящихъ ливреяхъ, лошади будутъ чистой англійской крови, непремѣнно сѣрыя. Баронъ долженъ жить, какъ я хочу, можетъ быть, теперь онъ скупъ, будетъ щедръ... я на этомъ настою. Онъ не молодъ, тѣмъ лучше, онъ не въ силахъ будетъ воевать противъ меня...

И когда эти мысли бродили въ ея головѣ, она сѣла за фортепьяно, поправила свои кудри, заиграла и запѣла веселый романсъ; кончила его, встала съ табурета, сдѣлала два-три граціозные па, подбѣжала къ зеркалу, повертѣлась передъ нимъ въ од-

ну и въ другую сторону, взялась лѣвою рукою за талію, сначала подумала: какая стройная у меня талія! и потомъ: баронъ не много старъ, но право это не бѣда и, опять, напѣвая сквозь зубы веселую пѣсеньку, хотѣла уйти въ другую комнату, какъ вдругъ попадается Жозефина и подаетъ ей розовую, душистую записочку.

— Отъ кого?

— Отъ виконта Анжеро.

Разсматривая записку и не переставая напѣвать, Анета распечатала и прочла ее. Вѣтренный маркизъ изъяснялся ей въ любви и между прочимъ писалъ:

«Или я въ этомъ мірѣ буду еще утопать въ блаженствѣ, наслаждаясь вашею любовью, или судьба заранѣе ввергнетъ меня въ пропасть мученія, и я, вдали отъ васъ, какъ срубленное дерево, изсохну, забытый вами; скажите одно изъ двухъ: да или нѣтъ?»

Анета, не кончая своей пѣсеньки, схватила листикъ бумаги, карандашъ и написала:

«Виконтъ! я кажется должна буду принадлежать барону. А. Г.»

Анета не написала даже какому барону, свернула записку, прикленла облатку, отдала ее Жозефинѣ, а сама, веселая и игривая, танцуя, упорхнула въ другія комнаты...

Анжеро, какъ французъ, былъ чрезвычайно самонадѣянъ, онъ вѣрилъ, что Анета никогда не откажетъ ему въ рукѣ и напередъ заказалъ обручальныя кольца, которыя, какъ мы знаемъ, видѣла въ магазинѣ старая переносчица вѣстей.

Записка Анеты не сильно подѣйствовала на его чувства, не схватился онъ за пистолетъ или стклянку съ ядомъ, чтобы умереть отъ безнадежной любви; онъ прочелъ отвѣтъ Анеты, спокойно усѣлся за столикъ передъ зеркаломъ, вынулъ ножечки, пилочки и другіе инструменты и занялся трудною отдѣлкою своихъ длинныхъ, розовыхъ ногтей; его столько же огорчила записка Анеты, сколько меня съ вами, любезный читатель, можетъ огорчить извѣстіе, что индійскій брама расчихался отъ насморка. Конечно, Анжеро предпочиталъ Анету всѣмъ другимъ невѣстамъ; одна красота, не говорю уже объ образованіи, ставила ее гораздо выше всѣхъ. Маркизъ искалъ невѣсты *капитальной*, встрѣтилъ Анету и подумалъ: прекрасная невѣста!- За ней будетъ кое-что. Я бы съ охотою назвалъ ее своею женою, и въ слѣдствіе этого желанія, онъ увивался около нея, прикидывался влюбленнымъ, казался страдальцемъ и, какъ французъ, желалъ ей напередъ вскружить голову.

Послѣ всего сказаннаго, многія маменьки и тетеньки защумѣли, какъ пчелы въ ульѣ, молодые люди досадовали другъ на друга, ссорились и все изъ за Анеты. Слухи на счетъ ея судьбы были такъ разнорѣчивы, что нельзя было ни одного признать достовѣрнымъ. Одни утверждали, что Анета помолвлена за Анжеро и что генеральша съ невѣстою чрезъ двѣ недѣли поѣдетъ въ Парижъ, потому-что французъ настоятельно требуетъ, чтобы свадьба его была въ Парижѣ. Этотъ слухъ бѣсилъ всѣхъ маменекъ, мало-мальски страдавшихъ слабостію нервовъ и предпочитавшихъ все чужестранное своему отечественному. Анету теперь возненавидѣли онѣ еще больше, генеральшу Лембахъ бранили, на чѣмъ свѣтъ стоитъ, за согласіе выдать племянницу за выходца, упрекая ее въ томъ, что не отдала родственницу свою за русскаго графа или князя. Право, какъ подумаешь, такъ и самъ не знаешь, чего хотѣли нѣжныя маменьки. Вслѣдъ за этимъ слухомъ разнесся другой: приближенные къ графу Карлу Кронштгельму утверждали, что Анета поклялась принадлежить или ему, или умереть въ мостырѣ. Матушки искренно желали Анетѣ послѣдней участи... для спасенія и очищенія ея души! Носилось много другихъ слуховъ, но оставимъ ихъ безъ вниманія.

Генеральша Лембахъ болѣе всего заботилась объ участи Анеты, болѣе даже, чѣмъ она сама о себѣ.

По отъѣздѣ Флагсберга, она впродолженіе всей ночи не могла успуть и пяти минутъ, ее занимали мысли о предстоящей перемѣнѣ въ судьбѣ Анеты въ ея собственной. Промчалось восемь лѣтъ съ того часа, какъ этотъ роскошный цвѣтокъ пересаженъ былъ ею изъ загнившаго болота въ драгоцѣнную вазу, онъ рось и расцвѣталъ подъ собственнымъ ея надзоромъ, лелѣемый ея живительною любовію. Въ столько лѣтъ она сродинлись съ Анетою, и при мысли, что Анета должна вскорѣ оставить ее, старуха плакала и молилась.

Къ утру страданія ея еще болѣе увеличились. Она послала за докторомъ. Докторъ прописалъ ей новую микстуру, онъ нашелъ генеральшу гораздо хуже, нежели какую оставилъ вечеромъ. Лембахъ скрыла отъ доктора причину болѣзни, но прощаясь съ нимъ, сказала:

— Докторъ, обстоятельства перемѣнились, моя Анета, по волѣ ея ближайшихъ родственниковъ, должна, можетъ быть даже противъ своего сердца, принадлежать одному барону. Свадьба ихъ будетъ въ непродолжительномъ времени.

Докторъ удивился такой скорой перемѣнѣ намѣренія генеральши и, не говоря ни слова, уѣхалъ. Дорогою онъ думалъ: вѣроят-

но, эта перемѣна въ судьбѣ Анеты и безпокоитъ генеральшу, жаль бѣдный мой графъ не достигнетъ цѣли.

Поутру, часу въ десятомъ, Жозефина доложила генеральшѣ, что пріѣхалъ баронъ.

Баронъ почтительно поклонился, поправилъ свои накрахмаленные воротнички, выпущенные выше носа, и взбивъ рукою посѣдѣлые волоса, растворилъ свой небольшой ротъ, окаймленный узкими губами и съ свойственною ему холодностію, спросилъ:

— Ну, что ваше здоровье, какъ?

— Очень не хорошо, баронъ, я всю ночь страдала.

— Гм! скверно.

Воцарилось молчаніе и по тяжелому дыханію генеральши можно было заключить, что визитъ барона еще болѣе тревожилъ ее. Можетъ быть, въ ту минуту она опять вспомнила, что должна разстаться съ Анетой. Баронъ безпрестанно смотрѣлъ на генеральшу и ровно ни о чемъ не думалъ Въ спальню вошла Анета, она не знала о пріѣздѣ барона; переступивъ порогъ и увидѣвъ Флагсберга, она въ первую минуту смутилась, но, когда баронъ всталъ и подошелъ къ ея ручкѣ, Анета скавала съ веселостію:

— Ахъ баронъ, вы здѣсь?

— Да — а — а — а. Какъ ваше здоровье?

— Благодарю васъ, слава Богу!

Анета подошла къ генеральшѣ, поцѣловала ея руку и сѣла у ногъ ея. Генеральша съ сожалѣніемъ и любовію смотрѣла на Анету.

— Баронъ, я ввѣряю вамъ истинное сокровище, любите ее, любите мою милую Анету, мою радость, мое счастіе. Анета, другъ мой, дитя мое, ты не знаешь, какъ горько, тяжко, мучительно будетъ мнѣ разстаться съ тобою!... Лембахъ заплакала.

— Ma tante, успокойтесь, успокойтесь! Мы будемъ жить вмѣстѣ, мы не разстанемся! говорила Анета, цѣлуя руки Лембахъ.

— Да, баронъ, я вамъ отдаю свое сокровище, рада, что она достается вамъ, другу дѣтства моего, а не кому другому. Вы вполнѣ будете цѣнить доброту ея души... въ этомъ я увѣрена, я знаю васъ....

— Да, это такъ; но мы сегодня не можемъ ѣхать въ церковь?

— Но вы сами видите, какъ я слаба!

— Да, я вижу.

— Мы отложимъ свадьбу. Въ это время я хотя нѣсколько поправлюсь въ здоровьи, мы все приготовимъ и пятнадцатаго я васъ поздравлю мужемъ Анеты, а ее баронессой, съ улыбкой сказала Лембахъ.

— Да, ну это хорошо, если нельзя раньше.

— Баронъ, раньше нельзя, я очень слаба.

— Да, хорошо!

— Я возьму отъ васъ слово, вы, по крайней мѣрѣ, годъ должны прожить съ Анетой въ Петербургѣ, потомъ, пожалуй, и я поѣду съ вами въ Германію.

— Да, ну хорошо!

— Благодарю баронъ! теперь я совершенно спокойна, я знаю, слово ваше вѣрно.

— Да — а — а! . . . это такъ.

Съ полчаса баронъ посидѣлъ въ спальнѣ генеральши и уѣхалъ, давъ слово возвратиться вечеромъ. Обѣщаніе его прожить послѣ свадьбы годъ въ Петербургѣ успокоило Лембахъ и благодѣтельно подѣйствовало на укрѣпленіе ея силъ; къ вечеру она уже чувствовала себя гораздо лучше. Докторъ посовѣтовалъ продолжать прежнюю микстуру, полагая, что она-то и произвела такое благотворное дѣйствіе. Вечеромъ баронъ опять пріѣхалъ къ Лембахъ.

— Пойдемте, я покажу вамъ будущаго мужа моего! сказала Анета тремъ пріятельницамъ своимъ, разговаривавшимъ съ нею въ будуарѣ.

— Пойдемъ, Любонька, это очень интересно, сказала дочь княгини Розинской.

— Пойдемте, вы увидите рѣдкаго красавца, какъ онъ милъ въ обращеніи, какъ онъ внимателенъ ко мнѣ! онъ до безумія влюбленъ въ меня! Такъ болтала Анета, взявъ за руки пріятельницъ и повела ихъ въ спальну Лембахъ.

Баронъ привсталъ, по обыкновенію, поцѣловалъ руку Анеты, спросилъ, здорова ли она и спокойно усѣлся въ кресло, поправляя воротнички. Пріятельницы перемигнулись.

— Гдѣ же твой женихъ, Анета? спросила княжна.

— Вотъ видите!

— Ахъ Анета, какая ты насмѣшница! это вѣдь старичекъ! смѣясь сказала Любонька.

— Не смѣйся, Любонька, это право мой женихъ!

— Въ самомъ дѣлѣ Анета? спросила Клавдія.

— Въ самомъ дѣлѣ.

Княжна взяла за руку Анету и всѣ вмѣстѣ вышли въ залу.

— Анета, я не вѣрю, чтобы это былъ твой женихъ.

— Что объ этомъ говорить, вѣдь ты знаешь, княжна, Анета очень часто шутитъ.

— Mesdames, я не шучу, я увѣряю васъ, что это женихъ мой.

— Ахъ! Анета, какой же онъ уродъ! сказала со смѣхомъ княжна.

— Я сама это вижу, да что же мнѣ дѣлать, право mes chères amies, для меня все равно: красавецъ онъ или уродъ, вѣдь надобно же имѣть мужа, ну, а этотъ старичокъ очень богатъ, притомъ баронъ, очень скроменъ, правда и скученъ, ну да вѣдь не обязана же я сидѣть съ нимъ съ утра до вечера, я, право, и не вижу необходимости имѣть мужа молодаго и краснваго; мужъ всегда будетъ мужемъ, т. е. домашнею мебелью: лишь бы она была мягкая и спокойная, а изъ чего, и когда она сдѣлана, что въ этомъ.

— Нѣтъ, Анета, я не одобряю твоего выбора.

— А я жалѣю о тебѣ.

— Mesdames, это не мой выборъ, не сожалѣйте обо мнѣ, повторяю, я отдаю руку этому человѣку потому - что всѣ говорятъ, что я должна имѣть мужа, а для меня всѣ женихи равны, этому же я отдаю преимущество потому, что онъ изъ дѣтства другъ генеральши и человѣкъ имѣющій средства выполнять всѣ мои прихоти, да будетъ вамъ извѣстно, онъ *мильонеръ*.

Черезъ день послѣ этого весь Петербургъ зналъ, что Анета выходитъ за барона Флагсберга и что пятнадцатаго числа ихъ будутъ вѣнчать, а спустя два дня, во всѣхъ аристократическихъ гостиныхъ лежали на столикахъ пригласительные билеты на свадьбу моей героини.

Маменьки и многіе изъ почтенныхъ батюшекъ узнавали, гдѣ бываетъ баронъ Флагсбергъ и, какъ на заморскаго звѣря, пріѣзжали посмотрѣть на него. На счетъ его жизни, характера, происхожденія, богатства и прочаго, разнеслось много толковъ, всѣ жалѣли Анету. Маменьки говорили глубокую истину: Флагсбергъ слишкомъ старъ для Анеты. Батюшки подтверждали слова нѣжныхъ супругъ. Забракованные молодые люди бранили Анету, называя ее *кокеткой*.

VIII.

— Побереги, моя родимая Акулина Петровна, корзинки, продай голубушка апельсинчиковъ, али яблочекъ, когда Богъ пошлетъ добраго покупателя. Вотъ, родимая моя, въ этой корзинкѣ апельсинчикъ по пяти копѣекъ, а въ этой по три копѣйки, а яблочки по три копѣйки, десятокъ всего - то и осталось.

— Ладно, Архипьевна, куда - же ты пойдешь?

— Къ добрымъ людямъ, моя голубушка!

— Чай за должкомъ?

— Нѣтъ, моя родимая, такъ понавѣдаться, просили, чтобъ зашла.

— Скажи, Архипьевна, гдѣ живетъ дочь твоя? года два, какъ слышала я, что ты ее отдала въ люди учиться шитью, а Варвара сказывала мнѣ недавно, что она ключницею у какой-то генеральши, я все собиралась спросить тебя и забывала.

— Куда тебѣ, мать моя родимая, ключницею у генеральши, живетъ себѣ на Выборгской у бѣдной чиновницы, стегаетъ одѣяла съ нею и поставляютъ въ Апраксинъ: вотъ тебѣ гдѣ она!

— Чай пора бы ее и замужъ.

— Какъ матушка не пора, да вотъ человѣка добраго не пошлетъ Богъ. Ну, погляди же, моя родимая.

— Погляжу, погляжу, Архипьевна.

Архипьевна взяла палку, поправила на плечахъ старый салопчикъ и отъ дряхлости согнувшись и трясясь всѣмъ тѣломъ, тихо подвигалась впередъ, идя по Сѣнной къ Банковскому мосту.

— Семь лѣтъ назадъ, какою была я, а теперь что? Бывало съ Сѣнной въ Морскую безъ отдыха добѣжишь, а теперь пять шаговъ пройдешь и отдыхай. Мудро сказано: старость не радость!

За то теперь дочка моя, какъ розанчикъ какой разцвѣла. Душа моя родная! давно уже очи мои не видѣли тебя. Не вытерпѣло ретивое: крѣпко понадобилось взглянуть на тебя, да и сонъ-то такой привидѣлся. Старуха, послѣ нѣсколькихъ присѣстовъ по дорогѣ, кое-какъ дотащилась до дома генеральши Лембахъ. Съ видимымъ страхомъ вошла она во дворъ, начала подыматься по черной лѣстницѣ, во второмъ этажѣ она остановилась у дверей, тихо постучала, на стукъ ея одна изъ женщинъ генеральши отворила дверь.

— Здравствуйте Александра Васильевна! позволите-ли словечка два промолвить вамъ, матушка?

— Войдите, матушка.

Архипьевна вошла въ переднюю, перекрестясь, низко поклонилась горничной.

— Присядьте матушка, присядьте, вы устали.

— Покорнѣйше благодарю, Александра Васильевна! Какъ матушка неустать, вѣдь съ Сѣнной притащилась. Ну какъ дочечка моя поживаетъ?

— Слава Богу, здорова, дома нѣтъ ни ее, ни генеральши, поѣхали въ магазины, къ свадьбѣ разныя вещи покупать.

— Къ свадьбѣ, матушка?

— Да, моя милая, къ свадьбѣ; развѣ ты не слыхала, мы выдаемъ дочь твою за мужъ, за славнаго, богатаго и знатнаго чело-

вѣка, ужъ подлинно будетъ барыней; за барона генеральша отдаетъ ее!

— Ахъ моя родимая! я этого ни отъ кого не слыхала.

— Да выдаемъ и скоро выдадимъ. Милости просимъ къ намъ на свадьбу!

Архипьевна опустила руки, она ослабѣла, это извѣстіе сильно подѣйствовало на нее, въ первыя минуты она пришла даже въ самозабвеніе, но потомъ мало по малу опомнилась, заплакала отъ радости и слезы нѣсколько ее облегчили.

— Такъ за барона выдаете ее за мужъ. Ахъ ты сердце мое милое! Кто жъ этотъ баронъ, матушка моя Александра Ивановна, купецъ онъ что-ли или ремесленный человѣкъ, или лакей какой?

— Нѣтъ Архипьевна, не купецъ и не лакей, а знатный господинъ, видишь ли ты, онъ нѣмецкій баринъ, сіятельный, милліонеръ, отъ того и называется баронъ.

— Вотъ какія мудрости у этихъ господъ, поди же ты, какъ намъ все это знать. Баронъ знатный господинъ, а я вотъ Богъ знаетъ, что подумала, прости меня Господи! Ну слава тебѣ Господи, слава тебѣ Владычица Небесная!

Старуха обратилась къ иконѣ и набожно крестилась.

— Смѣю спросить васъ, Александра Васильевна, скоро быть свадьбѣ?

— Скоро матушка, даже и очень скоро.

— А какъ, матушка?

— Да вотъ въ среду на слѣдующей недѣлѣ. Благословите Архипьевна дочь вашу. Она была для насъ такая добрая барышня, пошли ей Господи счастіе!

— Какъ вы матушка, Александра Васильевна, порадовали меня сегодня. Пошли вамъ Господь здоровье и счастіе! Ну слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ... — Архипьевна перекрестилась. — Чай генеральша еще не скоро пріѣдетъ? — съ радостію спросила она.

— Погодите, что вамъ спѣшить, вѣдь вы давно уже не видѣли дочь вашу; у насъ, пока нѣтъ гостей, можетъ быть, сама барышня выйдетъ къ вамъ.

— Обожду, моя родимая, обожду.

Старуха усѣлась на своемъ мѣстѣ.

— За барона за мужъ выходитъ моя дочка, счастіе Богъ послалъ ей! Господь Богъ никого не оставляетъ, у него много милостей, взгляну-же я теперь на мою зореньку ясную, невѣсту-дочечку мою, поцѣлую ручку твою, поговорю съ тобою и пойду къ Казанской, помолюсь матери Божіей, она услышала молитву мою,

осчастливила тебя. Счастье твое, великое счастье, что увидѣла тебя генеральша и приняла къ себѣ въ домъ!

Такъ разсуждала сама съ собой Архипьевна, когда женщина, впустившая ее въ комнату, вышла убирать покои генеральши. Прошло полчаса, Архипьевна сидѣла и торжествовала.

— Пріѣхала генеральша! сказала Александра, возвратившись въ переднюю.

— А барышня пріѣхала?

— Барышни нѣтъ, она осталась у одной княгини, пріятельницы своей.

Архипьевна тяжело вздохнула. Въ эту минуту въ другой комнатѣ послышался голосъ Анеты.

— Александра Васильевна! Вы вѣрно не досмотрѣли: Аннушка моя пріѣхала, вотъ она сейчасъ что-то сказала въ той комнатѣ.

— Нѣтъ, матушка, непріѣхала барышня, ужъ если была бы дома, она вышла бы къ вамъ.

— Горе мое, тяжкое горе, когда-то Господь приведетъ мнѣ увидѣть ее?

— Приходите когда въ другое время! холодно сказала горничная, вѣдь еще свадьба на слѣдующей недѣлѣ, успѣете свидѣться!

— Такъ, матушка моя, а какъ отрадно было бы сердцу моему увидѣть ее теперь! вѣдь, матушка Александра Васильевна, дочечка моя невѣста, тутъ все мое счастіе! — съ неизъяснимымъ восторгомъ проговорила Архипьевна.

— Такъ, Архипьевна, такъ, придете въ другой разъ и увидите барышню.

Изъ другой комнаты послышался звонокъ. Александра сдѣлала два шага къ дверямъ.

— Погоди, моя матушка, погоди минуточку, вотъ что я спрошу тебя, а какъ прозваніе-то жениха?

— Баронъ Флагсбергъ

— Охъ, какое нѣмецкое прозвище, баронъ Флагбиръ — и не выговорить скоро!

Александра ушла въ комнату на звонъ.

— Отпусти скорѣе ее, зачѣмъ она здѣсь?

— Слушаюсь!

Эти слова послышались изъ другой комнаты; Александра возвратилась въ переднюю.

— Матушка моя, Александра Васильевна, вѣдь, право, или я и сама себя не помню отъ радости, или Богъ знаетъ, что дѣлается со мною, вѣдь мнѣ опять почудилось, что ты вотъ теперь говорила съ Аннушкой моей.

— Съ какою Аннушкой, Архипьевна, Богъ съ вами, барышни нѣтъ дома, генеральша разговариваетъ съ гостями, идите домой, зайдите въ другое время, можетъ быть, барышню застанете дома, тогда она и поговоритъ съ вами.

Александра отворила дверь на лѣстницу.

— Пойду, матушка, пойду, дай вотъ только палку поднять. Старуха, вставая, уронила палку; поднявъ ее, она перекрестилась, приблизилась къ дверямъ и выходя сказала:

— Покорнѣйше благодарю васъ, матушка, за радостную вѣсть, пойду сейчасъ къ Казанской и за васъ также помолюсь.

Старуха вышла, Александра заперла за нею дверь.

— Гдѣ Жозефина? спросила Анета, высунувъ голову изъ другой комнаты.

— Она сію минуту возвратится.

— Скажи ей, чтобы она подала мнѣ другое платье, сердито сказала Анета и крѣпко притворила дверь.

Въ пятомъ часу къ обѣду съѣхалось довольно гостей, въ числѣ ихъ былъ Анжеро, недавно выздоровѣвшій графъ Карлъ Кронштельмъ и еще нѣсколько поклонниковъ Анеты. О баронѣ Флагсбергѣ я уже не говорю: по праву жениха, онъ ежедневно обѣдалъ и проводилъ вечеръ съ своею невѣстою, которая очень мало обращала на него вниманія.

Анжеро прикидывался отчаянно влюбленнымъ въ Анету, увѣрялъ ее, что онъ скоро или застрѣлится, или приметъ яду, но непремѣнно погибнетъ. Когда онъ оставался наединѣ съ Анетою; то даже плакалъ и умолялъ ее отказаться отъ слова, даннаго барону, или молилъ о позволеніи вызвать его на дуэль. Анета просила маркиза, во имя его любви къ ней, не требовать ни того ни другаго.

Анжеро сказалъ, что онъ въ день ея свадьбы выѣдетъ за границу.

— Чувствую, что Провидѣніе назначило мнѣ принадлежать барону и я покорствую своей судьбѣ. Вы, не сердитесь на меня и вѣрьте, что я вполнѣ умѣю цѣнить ваши чувства.

Анета вѣрила, что Анжеро влюбленъ въ нее до отчаянія; она видѣла въ немъ прекраснаго молодаго человѣка, которому ни въ чемъ не отказала судьба и поэтому она отдавала ему предпочтеніе передъ другими. За обѣдомъ графъ Карлъ сидѣлъ безмолвно; онъ мало говорилъ; блѣдность его, послѣ недавней болѣзни была поразительна. Генеральша нѣсколько разъ начинала съ нимъ разговоръ, но графъ не могъ продолжать его. Два, три несвязныя слова со-

ставляли его отвѣтъ. Послѣ обѣда подошелъ къ нему старичекъ со звѣздою.

— Вы такъ скучны, графъ, сказалъ старикъ, подводя его къ Анетѣ, полагая этимъ нѣсколько разсѣять тоску Карла.

— Я сегодня на собственныхъ своихъ похоронахъ! безсвязно, но довольно громко отвѣчалъ Карлъ.

Анета услышала его слова и, обратившись къ нему, предложила подлѣ себя мѣсто. Графъ сѣлъ.

Вы, графъ, сегодня на своихъ похоронахъ, значитъ вы уже умерли, а я мучусь на пылающемъ кострѣ, на который возвела меня безжалостная судьба. Графъ, я васъ любила болѣе, нежели другихъ, искавшихъ моей руки; принадлежать вамъ, я считала бы величайшимъ счастіемъ, но что назначено свыше, того измѣнить нельзя. Не жалѣйте о томъ, что я отдаю руку не вамъ, а барону; можетъ быть, это для васъ будетъ счастіемъ. Повѣрьте, что въ сердцѣ моемъ вы всегда будете жить.

Анета встала, подала руку графу Карлу и, освободивъ ее, скорыми шагами вошла въ другую комнату, въ которой у окна сидѣлъ Анжеро, разговаривая съ княжной Ровинской.

— Княжна, извините меня, я хочу два слова сказать маркизу. Она подала руку Анжеро:

— Слушайте! сказала Анета, отводя его въ сторону, вы должны обѣщать мнѣ, что еще останетесь въ Петербургѣ на шесть мѣсяцевъ, если не болѣе.

— Не могу, это противъ моихъ чувствъ, а и такъ убитъ, растерзанъ моимъ злополучіемъ.

— Маркизъ! намъ нельзя здѣсь продолжать разговоръ, обѣщайте мнѣ остаться и болѣе ничего. — Да?

— Да! сказалъ графъ, нѣсколько подумавши.

— Благодарю! Анета подвела его къ княжнѣ. Онъ ловко извинился передъ княжною и безъ малѣйшаго замѣшательства продолжалъ прежде начатый разговоръ.

Но судьба Анеты болѣе всѣхъ занимала жалкую женщину, которую мы недавно видѣли въ передней Лембахъ.

Вышедши изъ Морской, она довольно бодро переходила улицы; въ настоящую минуту ее занимала свѣтлая, радостная мысль благословить дочь на новую жизнь, и эта мысль оживляла ея чувства и силы и совершенно перерождала ее. Теперь, наконецъ, я достигаю того, о чемъ всю жизнь молила Господа.

Старуха не думала о томъ, чтобы дочь приняла ее къ себѣ въ домъ: къ чему это, я счастлива теперь и въ своей темной и грязной квартирѣ, пусть она живетъ роскошно и счастливо, мнѣ и

то уже великое счастіе, если я хотя въ недѣлю разъ увижу ясныя ея очи. Возвратившись домой, она прилегла на постель, желая отдохнуть, но не могла: мысли кружили ей голову, волновали кровь ея; она встала, начала ходить по комнатѣ, лицо ея было оживлено радостною улыбкою, потомъ она опять прилегла на постель, опять соскочила, сѣла, на минуту задумалась, смѣялась, плакала и сама не понимала, что дѣлается съ нею.

Наша Архипьевна съ ума сошла! сказала Афанасьевна.

— Пора уже, больно стара, отвѣчала другая женщина, сидѣвшая въ одной комнатѣ съ Архипьевною. Архипьевна ничего не слыхала.

Каждое утро старуха наброситъ на плеча свой салопчикъ, возьметъ палку, которая служитъ ей болѣе десяти лѣтъ, перекрестясь выйдетъ изъ своей грязной комнатки и бодро поспѣшаетъ въ Морскую въ домъ генеральши; приходитъ, когда еще всѣ спятъ, осторожно отворитъ дверь въ переднюю, тихо переступитъ порогъ и встрѣтивши горничныхъ, Александру или Жозефину, распроситъ, здорова ли Аннушка, генеральша, въ какой день назначено вѣнчаніе, въ какую церковь поѣдутъ, въ какое время, и послѣ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ на вопросы ея, старуха со слезами молитъ допустить ее взглянуть на дочь, ей обѣщаютъ, говорятъ, что-бы она обождала; старуха садится и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ, пройдетъ четверть часа, много полчаса, пойдутъ узнать, проснулась ли барышня, пройдетъ еще полчаса, пока возвратится горничная; старуха ждетъ ея, какъ ангела съ неба, но вотъ она возвратилась и Архипьевна готова броситься къ ней на шею.

— Барышня проснулась, но она такъ не здорова, что я объ васъ и доложить не смѣла.

Архипьевна въ горѣ, проситъ, плачетъ, умоляетъ, но чувствъ ея не понимаютъ, ей говорятъ постоянно одно и тоже: успѣете, матушка, увидѣть дочь вашу, вѣдь не сегодня же повезутъ ее въ церковь, приходите завтра или послѣ-завтра. Старуха горько заплачетъ и уйдетъ, умоляя доставить ей случай увидѣть дочь завтра.

Одинъ разъ она, вышедъ изъ передней, встрѣтилась съ поваромъ, который иногда изъ жалости кормилъ ее.

— Погоди, мой благодѣтель, что я спрошу тебя: сказала Архипьевна.

— А, здравствуй старуха! что надобно?

— А вотъ что, мой родимый, скажи мнѣ голубчикъ въ какой день будетъ у васъ вѣнчанье.

— Да вотъ видишь, матушка, я приготовляю кушанье на завтра на вечеръ и на послѣ-завтра; обѣдъ большой, слишкомъ на полтораста особъ, значитъ послѣ-завтра и вѣнчанье, а завтра, извѣстно, съѣдутся молодые, но и стариковъ понаберется, да все вѣдь не балъ же будетъ.

— Такъ послѣ-завтра вѣнчанье?

— Кажись, что такъ.

— Ладно, мой голубчикъ, пошли тебѣ Господь спасеніе! а въ какой церкви будутъ вѣнчать?

— Вотъ ужъ этого я не знаю, да поди на верхъ, распроси, тамъ вѣдь ужъ тебя не обманутъ, извѣстно, ты мать ея, что таить, не грѣхъ какой.

— Ахъ, родимый ты мой! твоими бы устами да медъ пить, вѣдь вотъ я цѣлую недѣлю хожу сюда, Христомъ Богомъ молю всѣхъ, чтобы допустили меня взглянуть на мою ясную зореньку, такъ куда тебѣ, все разсказываютъ: то дома нѣтъ, то больна и доложить не смѣемъ. Богъ съ ними, не хотятъ порадовать меня несчастную, не хотятъ показать мнѣ родную дочь мою, Господи Боже мой!... старуха заплакала.

— Не плачь, старуха, приходи завтра, я упрошу горничныхъ, онѣ допустятъ тебя къ барышнѣ.

— О, пошли тебѣ Господи здоровье, ты такой добрый человѣкъ! Вѣдь ты самъ знаешь, мнѣ надобно благословить Аннушку, этакія право дуры, прости меня Господи, и въ умъ не возмутъ себѣ, что я мать и должна благословить мою дочь; что же она безъ материнскаго благословенія-то станетъ подъ вѣнецъ, вѣдь она не басурманка какая, не такъ ли мой родимый?

— Такъ, старуха, такъ; ну, приходи завтра, тебя допустятъ къ барышнѣ.

— Помилуй тебя Господь! добрый человѣкъ, завтра прійду, мой родной.

— Знаешь ли, мой голубчикъ, я лѣтъ за десять, если не болѣе, скопила малехонько деньженокъ въ приданое моей Аннушкѣ, завтра я принесу ей эти денежки, то-то знай какъ рада будетъ, моя голубочка.

— Принеси, матушка, принеси, это доброе дѣло, прощай.

— Прощай, мой родимый.

Поваръ ушелъ въ кухню, старуха вышла за ворота.

На другой день Архипьевна встала до разсвѣта, пристально посмотрѣла на сожительницъ, спятъ ли онѣ и увѣрившись въ этомъ, осторожно вынула изъ завѣтнаго тюфяка деньги, посмотрѣла на

грязный комокъ, съ тою радостію, которую можно выразить не перомъ, а кистью, одѣлась довольно опрятно, повязала голову новымъ чернаго цвѣта платкомъ, набросила на плеча салопъ и, перекрестившись, ушла. Читатели знаютъ, куда спѣшила Архиѣевна. Теперь она ужъ подлинно не слышала ногъ подъ собою. Она не шла, а бѣжала, мечтая о томъ, какъ встрѣтитъ, обниметъ и благословитъ свою дочь. Приблизилась къ дому, вошла на дворъ, постучала въ поварскую, заперта дверь, еще разъ постучала, но напрасно, никто не отозвался; старуха перешла дворъ и по лѣстницѣ поднялась во второй этажъ въ комнаты горничныхъ, постучала въ дверь и здѣсь заперто.

— Знать спятъ еще, и вирямъ я дура, ни свѣтъ, ни заря, а стучусь въ генеральскіе покои: сяду на прилавкѣ, отдохну здѣсь; авось, кто выйдетъ.

Минутъ черезъ десять, она пробудилась отъ задумчивости, встала, опять постучала въ дверь по-прежнему, ни-кто не отзывался и не отворялъ дверей.

— Досадно, скоро полдень, а они спятъ! Опять сѣла. Какъ бы мнѣ отдать деньженки Аннушкѣ, чтобы генеральша не видала, а то, пожалуй, еще разсердится, а много ли-то скопила деньженокъ за десять лѣтъ, вѣдь право и сама не пересчитаю, значитъ много. Да какъ и быть иначе, Богъ свидѣтель, ни копѣйки лишней никуда не истратила я, въ прошлый свѣтлый праздникъ вѣдь и куличь поскупилась купить и разговѣлась не своимъ хлѣбцомъ, ну не роскошничала никогда, и то правду сказать, а все не убереглась, можетъ куда и пошла лишняя копѣйка, не безъ этого. Но Господь Богъ проститъ меня. Ахъ ты, Аннушка моя, золото ты мое! вотъ сколько я тебѣ собрала!

— Старуха вынула грязной комокъ тряпки. — Сердце мое милое, столько ли тебѣ надобно, ну прости меня, сколько силъ достало, столько и собрала, не гнѣвись; Господь Богъ пошлетъ здоровье и еще соберу какую копѣйку. Она опять спрятала комокъ, посмотрѣла на дверь и подумала: значитъ все еще спятъ, когда никто не выходитъ, лучше, что я такъ рано пришла, теперь нѣтъ еще гостей у генеральши, я попрошу, что-бы меня и къ ней допустили; паду въ ноги благодѣтельницы и поблагодарю за дочь мою, что вывела ее въ люди, будетъ теперь мое золото счастливо, славно заживетъ. Когда я увижу мою зореньку ясную, поцѣлую ея ножки, ручки, обниму ее и скажу: Аннушка, я родила тебя, а генеральша осчастливила, ты будешь теперь знатною барынею, не оставляй же и сама бѣдныхъ и нищихъ, допускай

всѣхъ къ себѣ, какъ дѣлала твоя благодѣтельница, возьми къ себѣ въ домъ какую сироту, воспитай ее, какъ воспитала тебя генеральша, а Богъ наградитъ тебя и на землѣ и послѣ смерти. Примешь ли ты меня къ себѣ въ домъ, не примешь ли, какъ сама знаешь, а сиротъ и несчастныхъ не забывай; я счастлива уже тѣмъ, что ты счастлива....

Дверь передней растворилась и въ сѣни вышла Жозефина. Архиѣевна поспѣшно встала со скамьи и низко ей поклонилась.

— Здравствуй, матушка моя!

— А, здравствуйте! ни свѣтъ, ни заря, ужъ и здѣсь; что такъ тянетъ тебя сюда? сердито сказала Жозефина.

— Ахъ ты, моя родимая, вѣдь и у тебя вѣрно мать живетъ еще, а развѣ ей не радостно увидѣть тебя! да можетъ быть тебя она каждый день видитъ, а ты сама знаешь, сколько времени я не видѣла моего сокровища, Аннушку, мою милую дочь.

— Разсказывай старуха! ну, разсуди сама, зачѣмъ притащилась, вѣдь невелятъ тебя пускать и дѣлу конецъ, пѣтъ, лѣзетъ ворона въ барскія хоромы...

— Ахъ ты, моя ласточка! кто же не велитъ, чай сама не хочешь сказать моей дочкѣ, что я пришла.

Жозефина сошла внизъ, Архиѣевна подумала: куда какая спѣсивая! Осторожно отворила дверь и вошла въ переднюю.

Въ передней ни-кого не было, дверь во внутреннія комнаты была полуотворена; въ головѣ Архиѣевны родилась мысль воспользоваться удобнымъ случаемъ и пробраться въ спальню дочери. Поспѣшно вошла она въ комнату, находившуюся передъ спальнею Анеты и сдѣлала уже два шага къ дверямъ, какъ вдругъ, на встрѣчу ей, изъ спальни вышла горничная Александра, увидѣла ее и въ замѣшательствѣ не знала, что сказать.

— Матушка, Александра Васильевна, окажи божескую милость, пропусти меня къ дочери.

— Обождите здѣсь, матушка; барышня только-что встала, я пойду, доложу ей, что вы пришли и она васъ прикажетъ позвать къ себѣ.

— Ладно, моя голубушка! Теперь ужъ непремѣнно увижу дочь, подумала старуха.

Горничная возвратилась въ комнату Анеты и притворила за собою дверь. Архиѣевна, не довѣряя Александрѣ, поспѣшно подошла къ самымъ дверямъ, приложила ухо къ щели, прислушиваясь, доложитъ ли горничная дочери о приходѣ ея.

— Тысячу разъ сказано: выгонять нищихъ! произнесъ чей-то голосъ въ гнѣвѣ.

— Не уже ли это меня приказываютъ выгнать? подумала Архипьевна. Нѣтъ, не можетъ быть, эти про нищихъ сказано, ну а я какая же нищая, не милостыни прошу, я къ дочкѣ пришла, да еще и сама принесла.

Архипьевна перебѣжала на другую сторону улицы, остановилась противъ оконъ генеральши и въ отчаяніи, поднявъ руки къ небу, неистово закричала:

— Аннушка, дитя мое! тебя оторвали отъ моего сердца, Аннушка, развѣ ты не видишь, кто я, развѣ ты не узнала мать свою? Аннушка! Аннушка, зоренька моя ясная, посмотри въ окно, это я, это твоя мать! я пришла благословить тебя, я принесла тебѣ приданое, собранное въ десять лѣтъ! Аннушка! посмотри въ окно!... раздирающимъ голосомъ кричала Архипьевна. Блѣдное лицо ея покрылось синебагровымъ цвѣтомъ, платокъ съ головы ея свалился, растрепанные сѣрые волосы упали на плеча. Въ эту минуту она всякому показалась бы страшною фуріею и конечно каждый, не зная причины ея неистовства, съ отвращеніемъ взглянулъ бы на нее и можетъ быть - проходя мимо, произнесъ ей тысячу проклятій.

— Нѣтъ, Аннушка, ты не слышишь, ты не видишь! я несчастная мать! тихо произнесла Архипьевна, ударивши себя рукою въ грудь: — Аннушка! Аннушка, дочь моя! посмотри на меня! опять чрезвычайно громко и неистово закричала Архипьевна и повалилась наземь. Въ это самое мгновеніе въ окнѣ спальни Анеты показалось что - то бѣлое и чрезъ полминуты опустилась штора.

— Истинно говорятъ разумные люди: кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ! сказалъ полицейскій служитель, таща Архипьевну съ улицы на тротуаръ. Нарѣзалась, прости Господи, какъ мертвая, а еще салопница! Ефимовъ! помоги оттащить пьяную старуху! закричалъ блюститель порядка другому солдату, проходившему въ это время по противоположной сторонѣ.

Ефимовъ подошелъ къ старухѣ, посмотрѣлъ на нее съ презрѣніемъ, толкнулъ ногой и сказалъ:

— Вишь, до старости дожила, а мѣры не знаетъ; вѣдь такъ и развитъ кабакомъ. Прибрать видно въ будку. И ревностные исполнители долга подняли старуху и потащили ее въ болѣе безопасный пріютъ.

— Тащите, тащите ее! кричалъ лакей генеральши Лембахъ, выбѣжавъ за ворота. Она всѣмъ намъ надоѣла; мы сами ее только-что вытолкали со двора.

— А вотъ проучимъ порядкомъ, такъ не притащится въ другой разъ! отвѣчалъ Федотовъ.

Въ эту самую минуту съ Невскаго проспекта къ невѣстѣ ѣхалъ нѣмецъ Флагсбергъ въ своей вѣнской каретѣ. Видя безчувственную и растрепанную женщину, которую убирали полицейскіе служители, онъ отворотился и смотря на ящики съ бриліантами, которые везъ невѣстѣ, думалъ:

— Какой развратъ! за границею нигдѣ этого не увидишь, женщина безчувственно пьяна! — Онъ пріѣхалъ къ невѣстѣ, которая съ видимою веселостію встрѣтила его, шутила, смѣялась, разсмотрѣвши привезенныя барономъ вещи, поблагодарила и подавши ему руку, пошла съ нимъ къ генеральшѣ.

Здоровье Лембахъ было гораздо лучше, она нѣсколько дней уже выѣзжала.

Баронъ подалъ правую руку генеральшѣ, лѣвую Анетѣ и втроемъ пошли они осматривать половину, отдѣланную въ томъ же домѣ для молодыхъ.

— Прекрасныя комнаты, я ими очень довольна, говорила Анета, мнѣ бы хотѣлось только въ гостиной перемѣнить обои на какую-нибудь шелковую матерію.

— Какъ хочешь, Анета, можно еще успѣть къ завтрему, отвѣчала Лембахъ.

— Не правда ли, баронъ, это будетъ очень мило?

— Да! мило.

— Ma tante, это можно сейчасъ сдѣлать?

— Конечно, можно.

— Что это будетъ стоить? спросила Анета обойщика, который почтительно слѣдовалъ за ними.

— Съ золотыми украшеніями-съ?

— Ну да, конечно.

— Золотыя багеты, матерія французская, кисти, бахрама, бронзовыя украшенія, все это, сударыня, очень не дорого: до пяти тысячь.

— Конечно, ma tante, это не дорого.

— Да, немножко... ну, матерія шелковая, проговорилъ баронъ съ видимою досадою.

— Вотъ этотъ каминъ надобно перемѣнить, здѣсь повѣсить двѣ люстры, сюда надобно англійскій коверъ. Мой кабинетъ обить также малиноваго цвѣта шелковою матерію, а эти украшенія очень бѣдны, я не люблю живописи на стѣнахъ.

— Анеточка, это работа знаменитаго итальянскаго художника.

Онъ нарочно былъ приглашенъ расписать твой кабинетъ и круглую залу.

— Что вы заплатили за работу?

— Пять тысячъ, мой другъ.

— Ну что это, вздоръ! Баронъ, прикажите за круглой залой устроить зимній садъ, а изъ кабинета моего сдѣлать маленькую стеклянную галерею для цвѣтовъ: это можно сегодня; по крайней мѣрѣ успѣютъ уставить цвѣты и деревья.

— Хорошо! можно... но это очень дорого.

— Баронъ, неужели вы въ этомъ откажете мнѣ?

Баронъ замолчалъ.

— Что же вы — согласны?

— Пусть устроятъ, но это надобно сдѣлать съ расчетомъ! это можно бы отложить.

— Баронъ, я хочу къ завтрему, въ круглой залѣ мы будемъ танцовать, а въ саду отдыхать, это будетъ очень мило.

— Хорошо. Пусть дѣлаютъ, только какъ здѣсь все дорого!

— Баронъ, для васъ, мой милый другъ, ничего не должно быть дорого, тѣмъ болѣе, что это дѣлаетъ мнѣ удовольствіе.

— Да, хорошо, конечно, это такъ, но все дорого.

Баронъ Флагсбергъ несмотря на свое богатство, былъ чрезвычайно скупъ; для него подобные расходы, до сего времени, казались невѣроятными и послѣ такихъ причудъ Анеты, онъ готовъ былъ отказаться отъ ея руки, лишь бы сберечь свои деньги; честолюбіе удержало его отъ этого. Возвратившись домой, разстроенный и скучный, онъ заперся въ комнатѣ и болѣе двухъ часовъ безъ отдыха ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Да, не хорошо! очень не хорошо, разсуждалъ онъ самъ съ собою: сорокъ тысячъ, это деньги, и ихъ надобно бросить, какъ въ воду! да, это очень не хорошо!

Вечеромъ на балѣ онъ былъ чрезвычайно грустенъ и задумчивъ, и почти въ продолженіе всего вечера молчалъ. Вниманіе и ласки Анеты не дѣйствовали на него. Баронъ, смотря на невѣсту, думалъ: ты очень хороша, это такъ; но все жаль сорока тысячъ — и это такъ.

На другой день, въ первомъ часу дня, назначено было вѣнчанье. Баронъ, по обыкновенію, всталъ въ одинадцать и съ банкиромъ занялся счетами. Во время занятій, банкиръ предложилъ барону выкурить гаванскую сигару. Флагсбергъ любилъ курить сигары болѣе изъ расчета, нежели по страсти. Закуривши сигару, онъ повѣрялъ итогъ; это было въ половинѣ перваго, камердинеръ доложилъ, что генеральша приказала скорѣе просить его.

— Все уже готово и ожидаютъ только васъ, чтобъ ѣхать въ церковь! приказала сказать генеральша.

Баронъ посмотрѣлъ на сигару, она до половины была еще не докурена.

— Хорошо! отвѣчалъ Флагсбергъ, думая: зачѣмъ оставлять сигару недокуренною, это не расчетъ, я успѣю еще поѣхать и обвѣнчаться. Баронъ опять занялся счетами. Чрезъ полчаса прискакалъ другой посланный отъ генеральши. Флагсбергъ докуривалъ сигару.

— Хорошо, я сейчасъ буду! отвѣчалъ онъ камердинеру, извѣстившему о пріѣздѣ новаго посланнаго.

Генеральша очень хорошо знала характеръ барона и не безпокоилась; Анета же вовсе не думала о томъ, что чрезъ часъ она навсегда должна будетъ принадлежать барону. Когда убирали ей голову, она прехладнокровно смѣялась, шутила и говорила о предстоящемъ балѣ, о намѣреніи вечеромъ, во время танцовъ, сердить графа Карла Кронштгельма и Анжеро: я поссорю ихъ и они будутъ стрѣляться.

Когда убрали ей голову и Анета готова была ѣхать къ вѣнцу, она встала со стула, стала противъ трюмо, взяла за руку одну изъ дочерей княгини Ровинской и начала съ нею танцовать.

— Ахъ, Анета, какая ты веселая: вѣдь ты поѣдешь къ вѣнцу! мнѣ кажется, я бы рыдала, если бы мнѣ надобно было чрезъ нѣсколько минутъ ѣхать подъ вѣнецъ.

— Ты, Клавдія, можешь рыдать, а мнѣ весело; зачѣмъ я буду рыдать, что за вздоръ, развѣ я обвѣнчавшись перемѣнюсь, что ли? такъ думаютъ только начитавшіяся романовъ! какая я теперь, такою буду и послѣ вѣнца, и чрезъ годъ, и чрезъ десять, и всегда. Право, мнѣ смѣшно: разсуждаютъ о томъ, что невѣста передъ вѣнцомъ непремѣнно должна плакать, какъ это странно!... Пойдемъ, Клавдія, я сыграю тебѣ новый романсъ, который я сегодня утромъ получила. Анета потащила за руку Клавдію къ роялю, сѣла на табуретъ, заиграла и запѣла веселый романсъ.

Докуривши сигару и окончивъ счеты, баронъ одѣлся и пріѣхалъ къ невѣстѣ.

— Пора, баронъ, генеральша давно уже ожидаетъ васъ, поѣдемъ въ церковь! сказала Анета, подавая свою прелестную ручку барону.

— Да, это такъ, поѣдемъ, но небудетъ ли поздно сего-дня?

— Что за поздно, баронъ, вѣдь мы поѣдемъ не въ спектакль, тѣмъ болѣе, что я уже одѣта.

— Да, хорошо; ну, такъ поѣдемъ.

— Пойдемте къ генеральшѣ, вѣдь надобно еще соблюсти всѣ скучныя церемоніи! надувши губки сказала Анета.

Они пошли къ генеральшѣ. Лембахъ, какъ мать, благословила ихъ, и въ то время, какъ она рыдала, обнимая Анету, Анета прехладнокровно разговаривала съ шаферомъ.

Въ третьемъ часу поѣхали они въ церковь, въ четвертомъ возвратились. Анету проздравляли баронессой и Анета въ сотый разъ улыбалась, и всѣмъ и каждому повторяла свое однозвучное mercі.

Чрезъ три часа послѣ этого, когда начался балъ, Анета сидѣла въ зимнемъ саду своемъ, созданномъ въ теченіе однихъ сутокъ, и разговаривала съ Анжеро, забывъ, что она уже баронесса Флагсбергъ. Баронъ, въ свою очередь, не думалъ объ Анетѣ, а помнилъ только о своихъ сорока тысячахъ, употребленныхъ на пустую прихоть.

IX

Въ половинѣ третьяго щегольская карета баронесы Флагсбергъ остановилась на Невскомъ, не далеко отъ Полицейскаго моста, лакей въ блестящей ливреѣ проворно соскочилъ съ запятокъ, отворилъ дверцы и изъ кареты вышла баронеса и княгиня Ровинская съ меньшею дочерью.

Онѣ пошли по Невскому, на каждомъ шагу встрѣчались имъ знакомые, и привѣтствіямъ и поклонамъ не было счета. Молодежь собиралась толпами, слѣдила за баронессой и безъ счета разсыпала ей похвалы и восторги. Львы находили, что баронеса послѣ вѣнца сдѣлалась еще очаровательнѣе и многіе изъ нихъ, что̀ грѣха таить, дерзали простирать надежды свои за позволительные предѣлы нравственнаго чувства... эти господа увѣряли другихъ и сами были увѣрены, что баронеса не ограничиваетъ свои желанія, — скажу попятнѣе, львы утверждали, что Флагсбергъ не терпитъ мужа и невѣрна ему. Нѣкоторые изъ нихъ разсказывали, что Флагсбергъ не равнодушна къ Анжеро, другіе опровергали это и говорили на вѣрное, что Флагсбергъ, вышедши за барона, до безумія влюбилась въ графа Карла Кронштельма.

— Куда-же мужъ смотритъ? сказалъ молодой франтъ.

— Какой странный ты, Поль, развѣ не знаешь, что баронъ съ утра до вечера занятъ своими счетами и ни на что не обращаетъ вниманія; отрѣжь ему носъ и онъ за это не раздѣлается съ

тобою, даже слова не скажетъ, пока не кончитъ занятій, а потомъ, увѣряю тебя, забудетъ и объ этой потерѣ, думая только о своихъ оборотахъ или, лучше сказать, ни о чемъ не думая — это рѣдкій оригиналъ. Она счастлива, что имѣетъ такого мужа.

— Нѣтъ, Василій, я невѣрю, чтобы Флагсбергъ не обращалъ вниманія на жену; онъ не можетъ и не долженъ быть спокоенъ, потому уже, что жена красавица, молода, умна, очаровательна и вѣтрена, а онъ старикъ, безъ жизни, безъ чувства... скажите сами: что въ немъ? И въ самомъ дѣлѣ, она была бы глупа, еслибъ не пользовалась удобными обстоятельствами, сказалъ молодой человѣкъ, блѣдно-желтый, какъ лимонъ.

— Это правда. Мало ли чего не говорятъ люди, скажите господа, есть ли въ обществѣ хоть одна молодая женщина, о которой бы наша братья не распускали самыхъ черныхъ слуховъ. Я готовъ отвѣчать головою, что баронесса никому недоступна, и слухи на счетъ ея поведенія распустили завистливыя женщины; всѣмъ кажется извѣстно, что баронесса окружена врагами До выхода замужъ, маменьки возставали противъ нея, чернили ее, какъ только могли; вышла замужъ, и имъ завидно ея богатство, баронское достоинство, ея кареты, прислуги, квартира; ея обращеніе, словомъ, все мучитъ ихъ и онѣ увѣряютъ всѣхъ, что Флагсбергъ безнравственная женщина, онѣ готовы клятвенно подтвердить, что видѣли нѣсколько разъ баронессу на единѣ съ французомъ Анжеро или съ графомъ Карломъ.

— Ни чему этому не надобно вѣрить, все это вздоръ.

— Время покажетъ, любезный другъ, кто правъ: ты или эти завистливыя женщины.

— Вы всѣ, господа, ровно ничего не знаете, слушайте меня! сказалъ франтъ въ фіолетовыхъ перчаткахъ.

— Тише, господа, въ двухъ шагахъ отъ насъ баронесса, а вы такъ громко разсуждаете.

Въ это время баронесса съ княжною и княгинею дошли до угла Большой Садовой, на перекресткѣ собралась толпа грязныхъ и оборванныхъ мальчишекъ и дѣвочекъ. Одна изъ дѣвочекъ подошла къ баронессѣ и жалобнымъ голосомъ просила подаянія для больной матери: баронесса съ презрѣніемъ отворотилась отъ нея.

— Какія отвратительныя животныя! и зачѣмъ не разгоняютъ ихъ? сказала баронесса княгинѣ.

— Бѣдныя малютки! онѣ не столько отвратительны, какъ жалки!

— Ахъ нѣтъ, княгиня, посмотрите только, какъ они грязны!..

— Итакъ, господа, слушайте, я раскажу то, что вамъ, можетъ быть, совершено неизвѣстно.

— Слушаемъ другъ, импровизируй! сказалъ Поль.

— Нѣтъ, это не импровизація, а правда.

— Баронесса Флагсбергъ дѣйствительно не вѣрна мужу, я достовѣрно знаю и если бы нужно было, такъ и фактически доказалъ бы, что она, мѣсяцъ спустя послѣ свадьбы, видѣлась съ Анжеро.

— Вздоръ, другъ мой! сказалъ франтъ, до этого такъ упорно защищавшій баронесу.

— Нѣтъ, не вздоръ: я говорю, что могу доказать это фактически! къ чему это слово и какіе факты могутъ имѣть здѣсь мѣсто, если бы и въ самомъ дѣлѣ баронеса была не вѣрна мужу?

— Слушайте! мой пріятель, докторъ Шмитъ, который былъ лѣтъ пять домашнимъ докторомъ генеральши Лембахъ и лѣтъ десять уже лечитъ всѣхъ въ домѣ Кронштгельмовъ. Докторъ повѣренный во всѣхъ дѣлахъ Карла. Надобно вамъ сказать, господа, что этотъ докторъ не смотря на то, что толокъ, какъ булавка, и сухъ, какъ щепка, — человѣкъ чрезвычайно чувственный, по характеру и образу жизни настоящій мусульманинъ.

— Львы захохотали.— По этому то Шмиту, какъ охотнику островки, рѣчки и кусты, извѣстны всѣ завѣтные проходы и переходы. Для насъ, непосвященныхъ въ закулисныя тайны очаровательныхъ женщинъ, не извѣстны эти тайники, но Шмитъ хорошо ихъ изслѣдовалъ и объ нихъ многое разсказалъ мнѣ... Въ одно прекрасное утро вздумалось мнѣ, говорилъ докторъ, навѣстить существо, нигдѣ и никѣмъ не встрѣчаемое, нигдѣ не видимое, но которое знаетъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ высшаго и средняго круга, слѣдитъ не только за ихъ поступками, но даже мыслями и желаніями. Отъ этого существа ничто не скроется; въ каждомъ домѣ и въ каждомъ семействѣ есть тайный агентъ, безъ замедленія сообщающій существу всѣ тайны. Право, областный начальникъ іезуитовъ гораздо менѣе зналъ тайнъ въ своемъ округѣ, нежели сколько знаетъ это существо. Изъ всего услышаннаго и донесеннаго, существо создаетъ свои планы и чрезвычайно удачно приводитъ ихъ въ исполненіе; чрезъ это съ одной стороны, оно оказываетъ многимъ услуги, а собственно для него, сыплется золото, и, существо, какъ губка, вбираетъ въ себя несмѣтныя суммы. Итакъ, въ одно прекрасное утро докторъ пріѣхалъ къ завѣтному дому, узкимъ и темнымъ переходомъ достигъ онъ довольно обширнаго двора, перешелъ его, вошелъ во флигель и по темной и тѣсной лѣстницѣ поднялся во второй этажъ, дернулъ за ручку звон-

ка, дверь вмигъ растворилась предъ нимъ, онъ вошелъ въ прекрасную переднюю, высокій, видный собою лакей ловко снялъ съ плечъ его шинель и растворилъ дверь въ довольно пространную комнату, весьма роскошно убранную: по сторонамъ въ золотыхъ рамахъ висѣли картины и между ними изящныя лампы, у стѣнъ стояли стулья, два большія зеркала съ прекрасными столиками, полураскрытая дверь вела въ другую, меньшую комнату. Шмитъ, какъ старый знакомый, безъ церемоніи вошелъ въ гостиную: на широкомъ диванѣ, тянувшемся вдоль двухъ стѣнъ лежала на дорогой, вышитой золотомъ подушкѣ женщина, одѣтая въ черное шелковое платье, лицо ея было прикрыто богатою турецкою шалью, одна ножка-малютка, поджавшись, лежала на диванѣ, другая нѣсколько спустилась: богатые занавѣсы совершенно закрывали оба окна, въ комнатѣ разливался отрадный полусвѣтъ. Я, говорилъ докторъ, и самъ не знаю, отъ чего подумалъ: вѣроятно эта женщина больна, и по привычкѣ, схватилъ ее за руку, началъ ощупывать пульсъ, женщина поспѣшно открыла лицо, съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, и представьте себѣ, сказалъ Шмитъ; предо мною лежала баронесса. Шмитъ по уши покраснѣлъ, баронесса ахнула, соскочила съ дивана и вмигъ какъ тѣнь исчезла въ другой комнатѣ.

Докторъ не успѣлъ оборотиться назадъ, какъ позади его стоялъ уже Анжеро.

— Зачѣмъ вы здѣсь, милостивый государь, сердито спросилъ Анжеро Шмита.

— А вамъ какая надобность?

Маркизъ поблѣднѣлъ, сердито отворилъ дверь въ залу и ушелъ. Въ передней онъ встрѣтился, какъ замѣтилъ докторъ, съ баронессою и вмѣстѣ съ нею ушелъ. Чрезъ минуту къ доктору вбѣжала довольно дородная женщина, брюнетка, въ шелковомъ полосатомъ капотѣ.

— Докторъ! ради Бога, умоляю васъ, обѣщайте мнѣ, что на всегда и для всѣхъ останется тайною все, что вы сію минуту видѣли здѣсь! говорила женщина исковерканнымъ нѣмецкимъ языкомъ.

— Помилуйте, развѣ вы не знаете меня!

— Ахъ, какъ это не хорошо! Боже мой!

— Успокойтесь, этого никто не будетъ знать.

— Скажите! эта дама на минуточку только ко мнѣ заѣхала, она хочетъ коверъ купить здѣсь у однихъ моихъ знакомыхъ, вотъ по этому и заѣхала ко мнѣ, я ее совсѣмъ не знаю.

— Ну, конечно, я знаю, не безпокойтесь.

— А вы знаете этого господина?

— Знаю, это маркизъ Анжеро.

— Да, онъ французъ, я его сама не терплю. Я сейчасъ сказала, чтобы его ни когда не пускали ко мнѣ.

— Напрасно, онъ богатый человѣкъ!

— Да что мнѣ въ его богатствѣ! садитесь, докторъ!

Женщина блѣдная и разстроенная сѣла на диванъ.

— Садитесь, докторъ, я сію минуту возвращусь! сказала она и убѣжала въ смѣжную комнату.

— Да куда же вы? Что вы такъ суетитесь? значитъ, я гость не вовремя, прощайте, я уѣду, буду къ вамъ въ другое время.

— Ахъ, нѣтъ, мой дорогой докторъ, посидите минуточку, одну минуточку, сейчасъ только прикажу дверь запереть....

Она ушла, докторъ не захотѣлъ ожидать ее и чрезъ минуту уѣхалъ. Что послѣ этого скажете вы, господа, объ этой очаровательной женщинѣ, которая въ двухъ шагахъ теперь отъ насъ?

— Вздоръ, другъ мой, чистѣйшій вздоръ!

— Итакъ, ты этому невѣритъ?

— Невѣрю, это индѣйскія сказки!

— Почему - же? Это легко могло случиться: вѣдь баронесса пріѣзжала покупать коверъ. Извѣстно всѣмъ, что она, если услышитъ объ рѣдкой вещи, сама ѣдетъ и покупаетъ ее, всѣмъ намъ также извѣстно, что комнаты баронессы - настоящій музеумъ... не мудрено, что коверъ завлекъ ее и въ покои этого тайнаго существа.

— И въ ожиданіи, пока принесутъ коверъ, она легла отдыхать на диванъ и уснула. Это тоже очень естественно, — сказалъ Поль, и всѣ захохотали.

— Надобно вамъ сказать, господа, что докторъ терпѣть не можетъ баронессы отчасти за ея надмѣнное съ нимъ обращеніе, а отчасти и за отказъ ея принадлежать графу Карлу Кронштельму; слѣдовательно, такая встрѣча для него была величайшимъ торжествомъ.

— Я ничему невѣрю!

— А вотъ я пойду къ баронессѣ и самъ распрошу ее, такъ ли это было? сказалъ одинъ изъ франтовъ довольно громко.

— Всѣ захохотали. Баронесса оборотилась и съ презрѣніемъ посмотрѣла на него. Потомъ ускорила шагъ, дошла до Полицейскаго моста, сказала два - три слова княгинѣ, княгиня, какъ замѣтно было, въ знакъ согласія наклонила голову, онѣ останови-

лись, подъѣхала карета баронессы, лакей откинулъ подножку усадилъ дамъ, захлопнулъ дверцы, вскочилъ на запятки, крикнулъ на кучера и четверка сѣрыхъ отличныхъ лошадей, въ щегольской упряжи, помчала карету баронессы въ Морскую. Франты выпаращили глаза, смотрѣли на уѣзжающую карету, одинъ изъ нихъ вздохнулъ. Жалкими они показались мнѣ; это были тѣже пудели, увидѣвшіе бульдога, несшаго во рту жирный кусокъ мяса. Съ завистью и съ досадою оборотились они и пошли вдоль проспекта.

Шмитъ прекрасный докторъ; пять лѣтъ постоянно лечилъ онъ генеральшу Лембахъ и ея мопсовъ, очень часто микстура, прописанная мопсу, прописывались и генеральшѣ; а въ особенности это тогда случалось, когда Шмитъ лечилъ стараго Трезора. Трезоръ нездоровъ и генеральша отъ этого страдаетъ, въ обоихъ разслабленіе нервовъ — болѣзнь модная, притомъ Трезоръ старъ и генеральша преклонныхъ лѣтъ, конечно и средства для нихъ должно употребить одинаковыя. Шмитъ лечилъ семейство графовъ Кронштгельмовъ, но только въ такихъ случаяхъ, когда который нибудь изъ сыновей графа поздо возвратится домой и вставая по утру, почувствуетъ тяжесть въ головѣ и желудкѣ или если у кого нибудь заболитъ мозоль или покажется прыщь на лицѣ, — все это самыя опасныя болѣзни и Шмитъ въ такихъ случаяхъ всегда умѣлъ показать ловкость и знаніе дѣла, въ припадкахъ болѣе важныхъ приглашались другіе доктора на консиліумъ.

Тонкій и высокій, какъ булавка, съ огромною головою, покрытою длинными рыжаго цвѣта волосами, съ лицомъ продолговатымъ, густо усѣяннымъ маленькими рыжеватаго цвѣта пятнышками, огромнымъ носомъ, широкимъ ртомъ, длинными ушами и сѣрыми косыми глазами, Шмитъ считалъ себя красавцемъ, хотя другіе думали иначе. Характеръ его былъ самый вкрадчивый; этотъ человѣкъ могъ пролѣзть въ ушко иголки, скрыться въ глубинѣ раковинки, вскарабкаться по паутинѣ; онъ всѣмъ угождалъ, всѣмъ казался истинно преданнымъ, и хотя всѣ его знакомые видѣли въ немъ плута, боялись его, но никакъ не могли устранить отъ себя. Вездѣ онъ былъ домашнимъ другомъ и ему ввѣряли всѣ семейныя тайны. Право, докторъ Шмитъ прекрасный человѣкъ.

Вотъ какой человѣкъ распустилъ слухъ о свиданіи баронессы Флагсбергъ съ маркизомъ Анжеро, въ домѣ госпожи весьма подозрительнаго свойства.

Баронъ Флагсбергъ жилъ въ столицѣ шестой мѣсяцъ. Съ утра онъ запирался въ кабинетѣ и кромѣ двухъ или трехъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, да извѣстныхъ банкировъ, никого не принималъ; жена для него и теперь была таже книга, на которую взглянетъ

онъ въ свободное время, безъ вниманія, переворотитъ листокъ, другой, и опять положитъ на мѣсто, до слѣдующей свободной минуты. Баронессѣ очень нравился подобный образъ жизни, она ни въ чемъ не была стѣснена, но стѣсняла мужа ежедневными просьбами купить такую-то вещь, заплатить тому-то, заказать новый экипажъ, выписать изъ-за границы блонды, матеріи и тысячи другихъ драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ. Баронъ, не смотря на свой твердый характеръ и скупость, не умѣлъ совладать съ баронессой и отказать ей въ совершенно излишнихъ требованіяхъ.

Докторъ Шмитъ былъ домашнимъ врачемъ барона Флагсберга; въ концѣ втораго мѣсяца, послѣ его женитьбы, баронъ, будучи всегда ласковъ къ доктору, началъ чрезвычайно сухо принимать его. Въ первые дни Шмитъ не показывалъ вида, что замѣчаетъ это, но понялъ, что причиною неудовольствія должна быть баронесса.

— Надобно поправить дѣло, подумалъ Шмитъ; обращусь къ баронессѣ, увѣрю ее въ моей искренности и въ томъ, что встрѣча наша въ извѣстномъ мѣстѣ будетъ навсегда и для всѣхъ тайною.

Поутру на другой день, онъ входитъ въ гостиную баронессы. Баронесса замѣтила приходъ доктора и безъ замедленія, въ легкомъ свѣтло-малиновагo цвѣта пеньюарѣ вышла къ нему въ гостиную.

— Садитесь, докторъ, я очень рада, что вижу васъ. Посмотрите, какъ у меня не хорошо обрѣзанъ этотъ ноготь! Баронесса показала ему ноготь на среднемъ пальцѣ лѣвой руки.

— Ахъ, да, баронесса, это дѣйствительно: позвольте, я сію минуту облегчу ваше страданіе.

—Да, пожалуйста, докторъ, я отъ этого цѣлую ночь не могла уснуть.

Шмитъ проворно вынулъ изъ боковаго кармана готовальнякъ съ инструментами и занялся операціею. Баронесса дрожала отъ страха; докторъ ободрялъ ее; чрезъ минуту операція кончилась счастливо. Баронесса успокоилась, докторъ спряталъ инструменты.

— Видѣлись съ барономъ, докторъ?

— Видѣлся, я сію минуту отъ него.

— Здоровъ онъ?

— Слава Богу!

— Скажите, докторъ, отчего онъ такъ мало спитъ, не болѣзнь ли это? каждый вечеръ онъ въ Англійскомъ клубѣ почти до трехъ часовъ, въ четыре ложится, а въ началѣ десятаго встаетъ; мнѣ кажется, отъ этого можно умереть.

— Успокойтесь, баронесса, онъ постоянно отдыхаетъ послѣ обѣда.

— Ну что за сонъ послѣ обѣда; мнѣ кажется, если бы онъ

больше спалъ, такъ былъ бы веселѣе, а теперь - онъ даже угрюмъ. Не правда ли, докторъ?

— Да баронесса, я самъ нахожу маленькую перемѣну въ его обращеніи: онъ даже меня теперь рѣдко принимаетъ и сколько замѣчаю, въ послѣдніе дни визиты мои непріятны ему.

— Что вы говорите, докторъ, развѣ вы не знаете его характера... Впрочемъ, я сегодня утромъ увижусь съ нимъ и поговорю объ васъ...

Шмитъ сладко улыбнулся, баронесса встала съ дивана.

— Извините меня, докторъ.

Докторъ поклонился и ушелъ. Баронесса затворилась въ спальнѣ. Чрезъ полчаса горничная вошла въ ея комнату и подала письмо.

— Отъ кого?

— Человѣкъ Анжеро! отвѣчала горничная.

— А...а...а!

Баронесса поспѣшно прочла роковую записку, оторвала отъ нея чистый листокъ, записку изорвала въ мелкіе куски, а на чистой бумажкѣ написала по французски: «там ъ- же сегодня въ первомъ часу. «- Она свернула бумажку, притиснула облатку и отдала горничной.

Горничная ушла, баронесса взяла со стола французскій романъ, прилегла на мягкомъ роскошномъ канапе и занялась чтеніемъ; прочитавши безъ вниманія не болѣе пяти строкъ, она бросила книгу на маленькій столикъ, стоявшій у канапе и стала думать о докторѣ.

— Шмита необходимо удалить; онъ можетъ все открыть. Потомъ пусть онъ себѣ болтаетъ, ему уже никто не повѣритъ. Баронъ отказалъ, вотъ и причина, что онъ распускаетъ нелѣпые слухи о баронессѣ. — Да, прекрасно, сегодня же упрошу барона отказать Шмиту.

Предосторожность баронессы была поздняя. Отъ пріятелей Шмитъ не скрылъ встрѣчи своей съ нею, пріятели не сочли за нужное скрывать, слышанное отъ доктора, отъ своихъ пріятелей и такимъ образомъ, черезъ двѣ недѣли недоброжелатели баронессы знали о тайныхъ встрѣчахъ ея съ Анжеро и слышанное пересказывали съ добавленіями и поясненіями. Вскорѣ баронесса Флагсбергъ въ глазахъ большей части общества казалась предосудительною женщиною. Злыя женщины, разговаривая съ баронессой, какъ будто безъ умысла начинали разговоръ объ Анжеро, превозносили его до небесъ, потомъ укоряли въ вѣтренности, говорили, что онъ не умѣетъ хранить тайнъ и въ тоже время внимательно смотрѣла въ лице Флагсбергъ, желая проникнуть въ душу ея, но баронесса прехладнокровно слушала злоязычныхъ и безъ вниманія, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ничего не было, принимала разсчитаныя похвалы и обвиненія.

Это еще болѣе бѣсило старухъ и многія изъ нихъ готовы были рѣшиться на всѣ жертвы, лишь бы только встрѣча баронессы съ Анжеро подтвердилась новымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ. Какъ этого достигнуть? сами себя спрашивали любопытныя и сочли за нужное все слышанное о баронессѣ сообщить мужу ея. На этотъ геройскій подвигъ вызвалась одна старуха нѣмка, генеральша Генефельдъ, болѣе всѣхъ ненавидѣвшая баронессу за прямой и даже насмѣшливый отказъ ея сыну въ рукѣ — Анета назвала молодаго прапорщика мальчикомъ — это огорчило его маменьку, видѣвшую въ сынѣ генія.

Черезъ часъ послѣ отправленія записки къ Анжеро, баронессѣ доложили, что баронъ желаетъ видѣть ее. Баронесса вышла на встрѣчу мужу и изъ гостиной ввела его въ спальню. Распросивъ другъ друга о здоровьѣ, баронесса спросила мужа:

— Былъ у тебя сегодня докторъ?

— Шмитъ?

— Да.

— Былъ.

— Какой скучный человѣкъ, я сомнѣваюсь даже, знаетъ ли онъ свое дѣло! При этомъ я должна сообщить тебѣ, что онъ злой болтунъ и кажется въ большой дружбѣ съ тѣми особами, которыя, чтобы первенствовать, готовы губить всѣхъ и каждаго. Я не хочу тебѣ болѣе объ этомъ говорить, но прошу отказать Шмиту.

— Да, это такъ, ему нужно отказать.

— Да, отказать и пригласить другаго.

— Хорошо.

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ супружескихъ нѣжностей, баронъ ушелъ въ свой кабинетъ. Баронесса, довольная собой и мужемъ, занялась туалетомъ и спѣшила окончить его: часовая стрѣлка стояла на двѣнадцати и баронесса вспомнила объ Анжеро.

Въ двѣнадцать часовъ баронесса сѣла въ карету и едва только экипажъ ея заѣхалъ за уголъ, какъ къ подъѣзду ея квартиры подъѣхала карета генеральши Генефельдъ.

— Дома баронесса? спросилъ лакей генеральши у швейцара.

— Сію минуту только что изволили уѣхать.

— Баронъ дома?

— Баронъ дома.

— Принимаетъ?

— Принимаетъ.

— Баронесса сію минуту уѣхала, баронъ дома и принимаетъ! доложилъ лакей генеральшѣ.

— Отвори!

Лакей отворилъ дверцы кареты и высадилъ барыню. Два лакея повели ее подъ руки по парадной роскошной лѣстницѣ. На верху зазвенѣлъ колокольчикъ и дали знать барону, что пріѣхала генеральша.

Баронъ проворно взбилъ рукою свои посѣдѣлые волосы, надѣлъ сюртукъ и вышелъ въ гостиную къ гостьѣ. Замѣтимъ, что генеральша считала барона своимъ другомъ. Баронъ былъ привѣтливъ къ генеральшѣ болѣе по ея преклоннымъ лѣтамъ и по связямъ, нежели за ея характеръ.

Баронъ поцѣловалъ руку генеральши, генеральша дружески пожала ему руку и поцѣловала въ голову. Она усѣлась на диванѣ.

— Баронессы нѣтъ дома?

— Вѣроятно, только что уѣхала.

— Куда?

— Кажется въ Голландскій магазинъ, а потомъ въ концертъ!

Генеральша язвительно улыбнулась.

Баронъ не понялъ этой гримасы и съ уваженіемъ сказалъ:

— Дѣйствительно уѣхала.

— Не въ томъ дѣло, милый баронъ! Генеральша взяла руку барона. — Послушайте меня, мой добрый другъ, дайте мнѣ слово, что вы не разсердитесь на меня за откровенность, я пріѣхала къ вамъ, какъ къ истинному другу, которымъ я всегда привыкла дорожить. Все, что услышите отъ меня, скажетъ вамъ мое сердце, истинно преданное вамъ; желать вамъ добра, видѣть васъ обоихъ счастливыми — лучшее для меня наслажденіе. Итакъ слушайте, прежде всего скажу вамъ, я очень рада, что баронессы нѣтъ дома, я могу съ вами свободнѣе говорить, не ожидая ея прихода.

— Я васъ слушаю, генеральша, благодарю за вашу дружбу.

— Да, баронъ, повторяю, вы не должны сердиться на меня за истину, обратите вниманіе ваше на то, что я скажу, и вы вполнѣ убѣдитесь въ моемъ истинно-дружескомъ расположеніи къ вамъ.

— Очень хорошо, ваше превосходительство, я вполнѣ увѣренъ въ вашемъ расположеніи и умѣю его цѣнить.

— Баронъ, я хочу предостеречь васъ отъ большихъ непріятностей.

— Отъ непріятностей, отъ какихъ?

— Знаете ли, я хочу говорить на счетъ баронессы...

— Говорите, ваше превосходительство.

— Она не умѣетъ цѣнить васъ!

Баронъ наклонилъ голову.

— Да... а... а? вопросительно произнесъ онъ.

— Да, во многихъ домахъ я слышала очень невыгодные разговоры объ ея поведеніи.

— Какъ такъ?

— Такъ, баронъ. Знакомы ли вы съ Анжеро?

— Да, онъ часто бываетъ у генеральши Лембахъ.

— И баронесса его также принимаетъ; это ея милый гость.

— Не знаю, можетъ быть.

— Графъ, до пріѣзда вашего въ Петербургъ, искалъ руки вашей жены, и она неравнодушна была къ нему, это всѣмъ извѣстно, но генеральша Лембахъ не согласилась на этотъ бракъ.

— Да . . . а . . . а?

— Да, не согласилась! Вотъ изволите же видѣть, носится слухъ, будто бы и теперь баронесса очень дружна съ маркизомъ.

— Да, это такъ, это можетъ быть, но я знаю, что это только болтаютъ, я этому не вѣрю, мнѣ даже генеральша Лембахъ говорила, что моя жена имѣетъ много враговъ и это такъ! сердито сказалъ баронъ.

— Я васъ увѣрю, баронъ, что слухи эти довольно вѣроятны.

— Да, хорошо!

— Во имя нашей дружбы, я святою обязанностію сочла предупредить васъ объ этомъ.

— Благодарю, ваше превосходительство, очень хорошо.

— Замѣчайте сами, баронъ

— Да, это такъ, я буду замѣчать.

Генеральша Генефельдъ ясно замѣтила, что барону чрезвычайно не понравилось ея предостереженіе; посидѣвъ съ часъ, она собралась ѣхать. Баронъ холодно простился съ нею и не пригласилъ даже на музыкальный вечеръ, который назначенъ былъ на другой день. Это чрезвычайно раздосадовало генеральшу и она, садясь въ карету, поклялась мстить и барону и баронессѣ. По возвращеніи домой, она въ туже минуту послала просить къ себѣ Шмита, его не было дома, это сильно разсердило генеральшу.

Въ половинѣ третьяго возвратилась баронесса и вошла прямо въ кабинетъ барона.

— Гдѣ ты была?

— Въ концертѣ.

— Душенька, какого ты мнѣнія о генеральшѣ Генефельдъ?

— Дурнаго, другъ мой.

— Отчего?

— Она извѣстная сплетница, а сынъ ея негодный мальчишка.

— Да, это такъ, сказалъ баронъ и умолкъ.

Баронесса поцѣловала мужа въ широкій лобъ.

Баронъ поцѣловалъ у нея ручку и занялся счетами.

Дня чрезъ два поутру пріѣхалъ Шмитъ и по прежнему хотѣлъ

безъ доклада войти въ кабинетъ барона. Камердинеръ встрѣтилъ доктора въ залѣ и сказалъ ему, что баронъ не можетъ принять его и проситъ извиненія. Докторъ смутился, покраснѣлъ и поспѣшно вышелъ. Отъ барона докторъ поѣхалъ къ генеральшѣ Генефельдъ.

— Гдѣ вы были эти три дня, докторъ, я два раза посылала за вами, у меня такъ сильно болѣла голова.

— Я былъ въ Царскомъ Селѣ, ваше превосходительство. Вѣроятно вы простудились.

— Не знаю, милый докторъ, чему и приписать эту боль; садитесь, пожалуйста, садитесь вотъ сюда, на диванъ, поближе ко мнѣ. Я замѣчаю, докторъ, вы сегодня что-то скучны?

— И даже очень: я сейчасъ отъ барона Флагсберга и онъ меня не принялъ, я думаю, не сердится ли онъ на меня за что нибудь, но, кажется, я всегда былъ исправенъ въ исполненіи своихъ обязанностей.

— И! охота вамъ дорожить вниманіемъ барона? всѣ знаютъ, что онъ брюзга и грубіянъ. Право, я оправдываю поступки баронессы; въ самомъ дѣлѣ, какъ любить такого мужа? Вы ничего не слышали, докторъ, о поведеніи баронессы?

Докторъ задумался, генеральша двусмысленно улыбнулась.

— Что же вы молчите?

— Да... говорятъ... маркизъ Анжеро.

— Терпѣть немогу такихъ лицемѣровъ! Мнѣ кажется, долгъ каждаго честнаго человѣка срывать съ нихъ личину и показать ихъ свѣту въ настоящемъ видѣ. Знаете-ли, докторъ, что я вамъ посовѣтую. Поѣзжайте завтра къ барону и подробно раскажите ему обо всемъ, что вы знаете... а вы знаете объ этомъ больше всѣхъ, мнѣ это извѣстно... Право, вы сдѣлаете доброе дѣло, и за зло отплатите добромъ этому слѣпцу... истино по христіански.

— А если онъ меня не приметъ?

— Вѣроятно, вы еще не кончили съ нимъ счетовъ.

— Напротивъ, я даже остался у него въ долгу: баронъ всегда платилъ мнѣ впередъ.

Генеральша задумалась.

— Посѣщаете ли вы Англійскій клубъ?

— Нѣтъ, въ этомъ клубѣ я не бываю.

— Жаль, вы могли бы каждый вечеръ встрѣтить барона. Ну вотъ что! попробуйте еще раза два къ нему заѣхать и если онъ васъ не приметъ, такъ пріѣзжайте ко мнѣ, я доставлю вамъ входъ въ Англійскій клубъ.

— Очень хорошо; радъ въ точности исполнить ваше желаніе.

— Докторъ, увѣряю васъ, что все это я дѣлаю для вашей

пользы; баронъ будетъ вамъ очень признателенъ ... Вы знаете, онъ богатъ.

Докторъ всталъ съ дивана, взялъ шляпу и раскланялся. Генеральша пожала ему руку.

Вечеромъ генеральши Генефельдъ пріѣхала къ графинѣ Фольгиной.

— Гдѣ вы завтра, графиня, проведете вечеръ? спросила генеральша.

— Завтра я приглашена на музыкальный вечеръ къ баронессѣ Флагсбергъ. Мы, конечно, встрѣтимся въ домѣ баронессы?

— Не знаю, графиня, завтра я ожидаю къ себѣ одного моего дальняго родственника, который только проѣздомъ будетъ въ Петербургѣ.

— Жалѣю, что мы не будемъ видѣться у баронессы?

— Скажите, графиня, вы слышали, какіе невыгодные слухи носятся на счетъ баронессы?

— Слышала; кажется, вы же мнѣ говорили объ этомъ. Знаете ли, я вовсе не обращаю вниманія на эти слухи, увѣряю васъ, это говоритъ зависть и клевета.

Генеральша замолчала, ей было очень непріятно услышать подобный отвѣтъ.

— Баронесса такъ умна, продолжала графиня, что никогда не рѣшится на подобное ... я увѣрена въ ней, какъ въ самой себѣ.

— Вотъ скоро мѣсяцъ, какъ княгиня Розинская не ѣздитъ къ ней и именно потому, что о баронессѣ разнеслись такіе слухи.

— Я слышала это, знаю, что и графиня Кронштгельмъ не бываетъ у ней, что князь Чарницкій поссорился съ барономъ, на это есть свои причины. Вы знаете, что и о княгинѣ Розинской, когда она вышла замужъ, тоже говорили, что она вѣтрена и невѣрна мужу, о княгинѣ Чарницкой я и упоминать не буду, каждый мальчишка, которому только княгиня позволила сѣсть въ своей гостиной, клялся передъ цѣлымъ свѣтомъ, что онъ фаворитъ ея; почему знать, можетъ быть и обо мнѣ тоже самое говорили, можетъ быть, и на васъ клеветали; мы, кажется, всѣ этого не избѣжали.

— Графиня, я хочу просить васъ сдѣлать мнѣ одно одолженіе.

— Какое, chère amie, я всегда рада услужить вамъ.

— Самое пустое, вашъ мужъ членъ Англійскаго клуба?

— Членъ.

— Я желала бы, чтобы онъ записалъ моего родственника, котораго я завтра ожидаю.

— Очень хорошо, я скажу. Какъ фамилія вашего родственника.

— А развѣ это нужно?

— Непремѣнно.

— Я бы просила записать не моего родственника, а доктора Шмита, съ которымъ онъ поѣдетъ въ клубъ: они друзья неразлучные.

— Скажу вашъ откровенно, я не ручаюсь, что мужъ мой возмется ввести доктора Шмита.

— Но... онъ такой прекрасный человѣкъ.

— Сколько знаю я, мужъ мой не знакомъ съ Шмитомъ, родственника вашего онъ съ охотою введетъ.

— Не безпокоитесь, графиня, я поручу самому Шмиту позаботиться о входѣ и для себя и для моего родственника, съ видимымъ смущеніемъ сказала генеральша.

Чрезъ полчаса послѣ этого разговора Генефельдъ сидѣла уже въ гостиной княгини Розинской.

— Вы будете, княгиня, завтра на вечерѣ у баронессы.

— Я не бываю у баронессы, сказала княгиня, сдѣлавъ непріятную гримасу.

Генеральша радостно улыбнулась.

— Скажите, связь ея съ Анжеро до сихъ поръ не прекратилась? спросила княгиня. И мужъ ничего не знаетъ?

— Мужъ даже о самомъ себѣ не думаетъ.

— Какая ужасная женщина. Скажите, Анжеро прекрасной фамиліи, а такой вѣтренный. Знаете, онъ заискивалъ руки моей Клавдіи, но узнавъ о интригѣ его съ баронессою, я отказала ему отъ дому.

— Прекрасно сдѣлали, это человѣкъ очень опасный... Скоро ли онъ уѣдетъ отсюда?

— Говорятъ, скоро.

На лицѣ княгини отразилось неудовольствіе.

— Я очень рада!

— Chère amie, а я хочу безпокоить васъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ.

— Что прикажете?

— Князь, кажется, членъ Англійскаго клуба?

— Кажется членъ! онъ цѣлыя ночи тамъ просиживаетъ; вѣроятно членъ.

— Упросите его, что-бы онъ ввелъ туда доктора Шмита.

— Очень хорошо.

— Вы мнѣ сдѣлаете этимъ большое одолженіе.

— Помилуйте, завтра-же утромъ мой мужъ нарочно поѣдетъ въ клубъ.

— Очень, очень вамъ благодарна!

Это было въ субботу. Во вторникъ передъ обѣдомъ доложили генеральшѣ, что пріѣхалъ докторъ Шмитъ.

— Просить, просить!

Шмитъ вошелъ въ гостинную. Здѣсь сидѣло нѣсколько пріятелей и пріятельницъ генеральши, приглашенныхъ къ ней на обѣдъ. Шмитъ усѣлся подлѣ какаго-то отставнаго полковника и завелъ съ нимъ разговоръ о гигіенѣ; генеральша вмѣшивалась въ разговоръ и когда полковникъ началъ разговаривать съ пожилою дамою, Генефельдъ поспѣшно взяла Шмита за руку и повела въ кабинетъ.

— Очень рада, что вы пріѣхали, докторъ.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство.

— Скажите, были вы у барона?

— Три раза.

— Что же?

— Не принялъ.

— Нечего дѣлать, этому причиною, какъ слышала я, баронесса; она настоятельно требовала, чтобы онъ отказалъ вамъ. Впрочемъ, все къ лучшему. Вы сегодня записаны въ клубъ, тамъ вы встрѣтите барона, потребуйте, чтобы онъ выслушалъ васъ, знаете, я такъ зла за васъ на баронессу, что если это дѣло удастся, я даю слово сыскать вамъ богатую и прекрасную невѣсту.

Это чрезвычайно понравилось Шмиту, онъ съ восторгомъ поцѣловалъ руку генеральши.

— Сегодня я непремѣнно буду въ клубѣ.

— Да, да, пожалуйста; пойдемте же обѣдать.

Они возвратились въ гостинную и чрезъ пять минутъ сѣли за столъ.

Въ одинадцатомъ часу вечера, Шмитъ вошелъ въ Англійскій клубъ, онъ прошелъ нѣсколько комнатъ, ища глазами барона, но его еще не было. Шмитъ сѣлъ въ первой залѣ и рѣшился ожидать Флагсберга. Баронъ не замѣдлилъ явиться.

— Баронъ, я пріѣхалъ сюда съ цѣлью увидѣть васъ и поговорить съ вами.

— Что вамъ угодно, герръ докторъ? сердито спросилъ баронъ.

— Я васъ прошу подарить мнѣ нѣсколько минутъ, я намѣренъ сообщить вамъ чрезвычайно важное обстоятельство.

— Хорошо, пойдемте въ эту комнату.

Баронъ и докторъ ушли въ угольную комнату и сѣли у окна.

— Ну говорите, я слушаю.

— Прежде всего, баронъ, я вашъ должникъ; я получилъ деньги впередъ, но теперь вамъ не угодно принимать меня, стало быть.....

— Напрасно считаете себя должникомъ моимъ, кромѣ интереса, я обязанъ вамъ благодарностію, которую теперь имѣю честь изъявить!

Баронъ всталъ со стула и поклонился доктору. Докторъ, подумалъ, что баронъ намѣренъ оставить его, схватилъ его за руку.

— Садитесь, ради Бога, баронъ, выслушайте меня хладнокровно.

— Хорошо.

— Вамъ не угодно принимать меня къ себѣ по желанію вашей супруги.

— Да, это такъ, но это вздоръ.

— Супруга ваша имѣетъ на это достаточныя причины. Баронъ, я вамъ преданъ, какъ честному и благородному человѣку, и ничего не скрою.

— Пожалуйста скорѣе, меня ожидаютъ играть въ бастонъ.

— Сію минуту. По ошибкѣ, я зашелъ въ комнаты одной женщины, которая не слишкомъ строго разбираетъ средства къ роскошному существованію. У ней-то... не обидьтесь баронъ, если я скажу вамъ, что я у ней встрѣтилъ вашу супругу и господина Анжеро.

Баронъ покраснѣлъ.

— Такъ ли это?

— Истинно такъ!

— Можете доказать?

— Я могу пріѣхать съ вами къ этой женщинѣ, въ ту минуту, когда баронесса будетъ наединѣ съ Анжеро.

— Хорошо. Я буду вамъ очень благодаренъ. Какъ это вы сдѣлаете.

— Очень просто. Дайте только слово, что не откажетесь ѣхать со мною въ то время, когда я этого потребую.

— Да. Хорошо, хорошо. Ну, извините меня, тамъ ждутъ: у насъ своя партія.

Баронъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ за картонный столъ. Докторъ подсѣлъ къ нему, сказалъ еще нѣсколько комплиментовъ и чрезъ часъ сидѣлъ уже въ маленькой комнаткѣ, на широкомъ турецкомъ диванѣ, на которомъ видѣлъ спавшую баронессу. Докторъ разговаривалъ съ знакомою намъ дородною женщиною, двери въ обѣ комнаты были притворены.

— Знаете ли, зачѣмъ я пріѣхахъ сегодня?

— А скажите, зачѣмъ? съ любопытствомъ спросила хозяйка.

— Вотъ скоро полгода, какъ я видѣлъ здѣсь баронессу Флагсбергъ. Вы тогда требовали, чтобы я сохранилъ въ тайнѣ все, что видѣлъ, кажется, я исполнилъ ваше желаніе.

— Покорно благодарю! Знаете, докторъ, кто не грѣшенъ!.. Никогда недолжно разглашать о слабостяхъ другихъ.

— Но знаете ли вы, что баронесса чрезъ это отказала мнѣ отъ дома?

— Нѣтъ не знала, скажите пожалуйста, какая она не хорошая женщина!

— Да, отказала, и я лишился чрезъ это пяти тысячь, она полагала, что я болтунъ, и раскажу все ея мужу.

— Ахъ ты, Боже мой, не совѣстно ли ей, плачевнымъ голосомъ говорила женщина.

— Что жъ мнѣ дѣлать, я пріѣхалъ къ вамъ за совѣтомъ?

— Я съ тѣхъ поръ ее вовсе невидала. Какая она злая, Боже мой, Боже!

— Нѣтъ, вы ее видите и довольно часто, это я знаю, отъ меня не скрывайте.

— Ей Богу, не вижу.

— Слушайте, я жертвую тысячу рублей, вотъ они, видите ли, вы сію минуту получите пять сотъ, а пять сотъ послѣ, дѣло вотъ въ чемъ: я хочу у васъ видѣться съ баронессой и увѣрить ее, что я навѣки вѣковъ сохраню втайнѣ все, что знаю, и буду просить ее, чтобы она уговорила мужа опять принять меня къ себѣ въ домъ, иначе всѣ знатныя фамиліи мнѣ откажутъ; судите сами, сколькихъ тысячь я лишусь!

— Ахъ, Боже мой! Бѣдный докторъ! какая злая баронесса! говорила женщина, жадно посматривая на деньги.

— Согласны вы на мое предложеніе? вы даже можете быть въ сторонѣ; скажете баронессѣ, что я нечаянно заѣхалъ, узналъ ее по голосу и хочу видѣться съ нею. Вотъ пятьсотъ рублей.

— Ну, хорошо, мнѣ не надобно денегъ, возьмите ихъ, спрячьте.

Женщина отталкивала руку Шмита, въ которой онъ держалъ деньги.

— Нѣтъ, деньги возьмите, только исполните ваше слово.

— Деньги спрячьте, потомъ уже я слово свое исполню.

— Нѣтъ, дружба дружбой, а счетъ-счетомъ: возьмите! ну скажите, когда баронесса будетъ у васъ?

— Она хотѣла пріѣхать завтра.

— Въ которомъ часу?

— Часу во второмъ, знаете въ то время, когда господа пріѣзжаютъ гулять на Невскій Проспектъ.

— Хорошо. И такъ, завтра я могу пріѣхать и застать ее здѣсь?

— Пріѣзжайте. Только чтобы этого никто незналъ.

— О сохрани Богъ, развѣ вы меня незнаете!

— Покорно васъ благодарю! Сказала женщина, взяла деньги и въ туже минуту спрятала ихъ въ комодъ.

Изъ клуба баронъ въ три часа возвратился домой. Въ этотъ вечеръ онъ былъ счастливъ въ картахъ и огромный выигрышъ привезъ домой. Утромъ, послѣ спокойнаго сна, онъ всталъ въ десятомъ часу и тотчасъ послалъ камердинера узнать, можно ли видѣть баронессу. Камердинеръ возвратился съ благопріятнымъ отвѣтомъ.

Баронъ пошелъ къ женѣ, сообщилъ ей о своемъ выигрышѣ и такъ, безъ умысла, спросилъ, куда она поѣдетъ утромъ.

— Не далеко, въ Англійскій магазинъ, я намѣрена къ дню твоего рожденія убрать получше твой кабинетъ. Матерія здѣсь вся уже въ пятнахъ, я сама выберу обои, тебя это не обременитъ, ты въ выигрышѣ!

Баронъ поцѣловалъ баронессу въ ея прекрасныя, розовыя губки и ушелъ. О вчерашнемъ свиданіи своемъ съ докторомъ онъ совершенно забылъ. Едва только сѣлъ онъ въ волтеровское кресло и хотѣлъ заняться счетами, какъ доложили, что пріѣхалъ Шмитъ. Баронъ въ досадѣ потеръ лобъ рукою и съ неудовольствіемъ сказалъ:

— Впустить!

Шмитъ вошелъ въ кабинетъ.

— Садитесь. Что скажите?

Докторъ съ боязнію посмотрѣлъ нѣтъ ли еще кого въ кабинетѣ.

— Говорите, докторъ, откровенно, мы одни здѣсь.

— Баронъ, мы должны сего дня въ половинѣ втораго быть въ извѣстномъ вамъ домѣ.

— Докторъ, не шутите ли вы со мною? сердито спросилъ баронъ.

— Нѣтъ, баронъ, я не смѣю шутить.

— Я васъ предостерегаю, докторъ, вы должны ожидать большихъ непріятностей, если не оправдаются ваши слова.

— Я это знаю, но увѣряю честію, что говорю истину.

— Да, ну хорошо. Я къ вашимъ услугамъ.

— Въ началѣ втораго часа, баронъ, мы должны сѣсть на первыя дрожки, попавшіяся намъ на встрѣчу, и ѣхать по указанію моему. Во всемъ нужна самая внимательная предосторожность.

— Хорошо, вотъ ужъ первый часъ въ исходѣ, я буду одѣваться.

Въ часъ баронъ былъ одѣтъ. Взявъ палку, онъ обратился къ Шмиту и сказалъ:

— Я готовъ.

Теперь только Шмитъ почувствовалъ трудность и непріятность

своего предпріятія; страхъ и досада грызли его сердце, онъ готовъ былъ отказаться отъ поѣздки съ барономъ, но хорошо зналъ характеръ Флагсберга и поэтому безмолвно повиновался ему. Они вышли изъ кабинета, камердинеръ встрѣтилъ ихъ въ залѣ. Онъ удивился нежданному выходу барона.

— Карета не готова еще! сказалъ онъ.

— Мнѣ не нужно кареты, я пойду пѣшкомъ. Баронесса дома?

— Никакъ-съ нѣтъ!

— Давно уѣхала?

— Сей часъ только-съ.

Сердце барона сжалось и въ немъ впервые пробудилась ревность, но баронъ умѣлъ скрывать свои чувства, они вышли на улицу.

— Докторъ, не лучше ли намъ тотчасъ ѣхать къ этому дому и ждать пріѣзда баронессы и .... онъ недоговорилъ.

— Какъ угодно.

— Эй давай! крикнулъ баронъ извощику.

Лихачь ловко подкатилъ.

— Куда прикажите?

— Поѣзжай, куда скажуть! садитесь докторъ! Лихачь помчался.

— Стой здѣсь! закричалъ докторъ.

Лихачь удержалъ лошадей.

— Вотъ домъ, въ который....

— А...а...а! ну, хорошо. Мы пойдемъ на эту сторону проспекта и будемъ ходить здѣсь, ожидая ея пріѣзда; еще полчаса втораго.

— Вотъ съ этой стороны надобно поворотить въ переулокъ.

— А...а...а! вотъ кто-то проѣхалъ въ фаетонѣ, торопливо сказалъ баронъ и подбѣжалъ поближе, но такъ, что пріѣхавшая не могла его замѣтить.

— Это баронесса. Сказалъ докторъ.

Незнакомый имъ кучеръ ловко приподнялъ фартухъ и баронесса проворно соскочила на тротуаръ и торопливо скрылась въ узкій подъѣздъ.

Кровь ударила барону въ лицо, онъ теперь начиналъ уже вѣрить словамъ доктора. Въ первое мгновеніе онъ хотѣлъ слѣдовать за женой, но Шмитъ удержалъ его за руку.

— Баронъ, погодите секунду, все дѣло испортимъ, вотъ на дрожкахъ скачетъ Анжеро, станемъ за уголъ.

Анжеро подъѣхалъ къ подъѣзду и быстро вошелъ въ домъ.

Баронъ затрепеталъ.

— Благодарю, докторъ! сказалъ онъ, сильно пожавъ руку Шми-

ту,-мнѣ сегодня очень много хлопотъ и безъ жены, пріѣзжайте вечеромъ на балъ къ графинѣ Шумовой я долженъ тамъ непремѣнно съ вами видѣться. О проказахъ моей жены, вы, какъ благородный человѣкъ, должны молчать, дайте честное слово! —

— Извольте, баронъ, честью моею увѣряю васъ, что это навсегда останется между нами

Баронъ сѣлъ на дрожки, заѣхалъ домой, взялъ въ портфейль какія-то бумаги, опять торопливо сошелъ съ лѣстницы и уѣхалъ. Въ половинѣ пятаго онъ возвратился домой, сѣлъ за столъ, при большомъ числѣ гостей, пріѣхавшихъ къ обѣду. Баронъ шутилъ, и если не смѣялся, по всегдашнему своему равнодушію, то, по крайней мѣрѣ, замѣтно было, что онъ былъ веселъ: говорилъ о предстоящемъ балѣ графини, увѣрялъ, что ему чрезвычайно нравится наша столица и прочее.

Когда разъѣхались гости, баронъ вошелъ въ спальню баронессы.

— Мы, конечно, будемъ сегодня у графини?

— Будемъ, мой другъ! Баронесса поцѣловала барона.

— Очень радъ!

— Куда-же ты спѣшишь? спросила баронесса, видя, что баронъ взялся за дверь.

— Я хочу отдохнуть, сегодня у меня столько было хлоноть.

— О, мой бѣдный баронъ! Баронесса опять поцѣловала барона.

Флагсбергъ легъ въ постель, приказавъ разбудить себя въ половинѣ одинадцатаго.

Вечеромъ, когда баронесса занялась туалетомъ, баронъ проснулся и сѣлъ за письменный столикъ, взялъ листъ почтовой бумаги, написалъ письмо, свернулъ его, вложилъ въ пакетъ, запечаталъ своею печатью, вырѣзанною на перстнѣ и надписалъ на письмѣ адресъ генеральши Лембахъ, положилъ его къ себѣ въ ящикъ въ другой пакетъ онъ вложилъ толсую пачку ассигнацій, запечаталъ его и взялъ съ собою.

Въ половинѣ двѣнадцатаго баронесса прислала сказать мужу, что готова ѣхать.

— Скорѣй карету! сказалъ баронъ.

— Подана! отвѣчалъ камердинеръ.

Баронъ наскоро одѣлся и, выходя изъ кабинета, обратился къ камердинеру и сказалъ:

— Жди меня, я скоро возвращусь.

— Слушаю-съ!

Черезъ пять минутъ карета барона покатилась на Литейную, въ домъ графини Шумовой. —

Едва успѣла баронесса войти въ залу, какъ Анжеро подошелъ къ ней и пригласилъ на кадриль. Баронесса съ радостною улыбкою подала ему руку, въ двухъ шагахъ отъ нихъ стоялъ Шмитъ.

— А .. а... а, я очень радъ, что вижу васъ, докторъ. Баронъ повелъ съ собою доктора.

— Возьмите этотъ пакетъ, докторъ, но еще разъ прошу сдержать ваше благородное слово, помните вы его?

— Помню, очень помню, баронъ, это же на что?

— Этотъ пакетъ прошу васъ завтра по утру распечатать.

Докторъ спряталъ пакетъ; онъ узналъ, что въ немъ заключалось, но показалъ видъ, будто недогадывается.

Баронъ вышелъ въ залу, подошелъ къ танцовавшей баронессѣ и сказалъ ей:

— Я уѣду, мнѣ необходимо заѣхать къ одному изъ моихъ повѣренныхъ; до свиданья, другъ мой, если я не возвращусь къ двумъ часамъ, то поѣзжай одна домой.

Баронесса въ знакъ согласія наклонила прелестную головку и сладко улыбнулась.

Баронъ ушелъ изъ залы и чрезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже дома.

— Вотъ подорожная, поѣзжай сію минуту за почтовыми лошадьми; если есть лошади, поторопи, чтобы привели и запречь ихъ въ мою дорожную карету; если нѣтъ почтовыхъ, нанять какія найдешь, давай, что запросятъ, только скорѣе. Карету баронессы отошли назадъ. Бѣги же!

Камердинеръ побѣжалъ. Баронъ заперъ кабинетъ и началъ самъ укладывать бумаги. Многія изъ нихъ онъ сжегъ въ каминѣ. Когда все было уложено, онъ вынулъ письмо, написанное вечеромъ, пошелъ въ спальню баронессы, взялъ со столика свой портретъ, положилъ на его мѣсто пакетъ, а портретъ спряталъ въ свою дорожную шкатулку.

Камердинеръ извѣстилъ барона, что лошади приведены и уже закладываютъ. Ты одинъ поѣдешь со мною, укладывай въ ящикъ и чемоданъ только то, что необходимо нужно.

Камердинеръ поспѣшно уложилъ въ дорожные ящики вещи барона и съ помощію слугъ вынесъ ихъ.

Баронъ во все продолженіе занятій камердинера, куря сигару, скорыми шагами ходилъ по кабинету, онъ былъ такъ спокоенъ, какъ въ тотъ день, когда пріѣхалъ въ Петербургъ и въ первый разъ увидѣлъ Анету.

— Готово? спросилъ баронъ.

— Готово-съ, подтвердилъ камердинеръ, накидывая барону

на плеча пинель. Баронъ вышелъ, не говоря ни слова двумъ или тремъ слугамъ, съ видимою грустью провожавшимъ его, сѣлъ въ карету, камердинеръ заперъ дверцы, вскочилъ на козлы, ямщикъ крикнулъ на лошадей и карета помчалась.

Баронесса возвратилась домой довольно поздо, она не обратила вниманія на свой письменный столъ и, раздѣвшись у туалета, бросилась въ постель. Спокойный сонъ скоро смежилъ прекрасные глаза ея, во снѣ ей чудилось, что она съ Анжеро ходитъ подъ руку по длинной галлереи, въ концѣ которой показался ея мужъ, баронъ, съ веселою улыбкою поклонился женѣ и спутнику и скрылся за колонами. Въ двѣнадцать часовъ утра баронесса проснулась и дернула сонетку, горничная подала ей кофе.

Въ половинѣ перваго она встала съ постели и, взявъ французскій романъ, сѣла на канапе. Она ожидала прихода мужа, но баронъ не присылалъ ни камердинера, ни самъ не приходилъ. Баронесса досадовала, не потому, чтобы желала видѣть мужа, но потому, что хотѣла, чтобы онъ заботился о ней и дѣлалъ ей всевозможное угожденіе.

— Дома баронъ? спросила она наконецъ горничную.

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Поди узнай, куда онъ уѣхалъ!

— Они вчера еще изволили уѣхать.

— Куда? спросила съ удивленіемъ баронесса, догадавшись, что ее ожидаетъ что-то недоброе.

— Говорятъ за границу, вотъ письмо они изволили оставить на столикѣ.

— Подай сюда!

Горничная подала письмо, баронесса прочла адресъ и посмотрѣла на печать.

— Это не мнѣ письмо, это генеральшѣ, отнесн его.

Горничная ушла, баронесса накинула на плеча мантилью и пошла въ кабинетъ мужа. Онъ былъ совершенно пустъ; баронесса все поняла. Глупецъ, подумала она, я очень рада этому; сегодня ты уѣхалъ, завтра я буду принадлежать Анжеро. Съ веселою улыбкою она возвратилась въ спальню и, взявъ романъ, опять сѣла на канапе, но чрезъ минуту пришли ей доложить, что генеральша Лембахъ лежитъ безъ чувствъ.

Баронесса начала одѣваться и только въ половинѣ четвертаго пришла въ комнаты Лембахъ.

X

Отъ лютеранской церкви Петра и Павла вдоль по Невскому были густо разбросаны зеленыя вѣтки ели, народъ толпами тѣснился по обѣимъ сторонамъ проспекта, а преимущественно противъ церкви, у подъѣзда которой стояла прикрытая балдахиномъ малиноваго бархата погребальная колесница, запряженная шестью лошадьми, покрытыми черными покрывалами, съ боковъ этихъ покрывалъ висѣли овальные картоны, на которыхъ нарисованъ былъ гербъ. Два ряда факельщиковъ, одѣтыхъ въ черныя мантіи и круглыя шляпы, суетились вокругъ колесницы. Въ самой церкви, предъ олтаремъ, стоялъ закрытый гробъ, обитый чернымъ бархатомъ. На крышкѣ его блистало массивное серебряное распятіе. Алтарь, кафедра и переднія скамьи были покрыты чернымъ сукномъ; по сторонамъ гроба пылали въ ставникахъ, обтянутыхъ чернымъ флеромъ, большія свѣчи; съ правой стороны гроба, въ креслѣ, сидѣла, вся въ черномъ, молодая женщина, она не рыдала, но на очаровательномъ лицѣ ея отражалась сильная печаль. На скамьяхъ, у гроба, сидѣло нѣсколько мужчинъ и женщинъ, также, какъ замѣтно было, тосковавшихъ о почившей.

Пасторъ окончилъ проповѣдь, сошелъ къ алтарю, помолился, обратился къ гробу, ему подали тарелку, наполненную землею. Онъ взялъ земли и обсыпалъ ею на гробѣ распятіе, органъ заигралъ реквіемъ, потомъ священникъ вышелъ изъ церкви, сѣлъ въ коляску и тихо поѣхалъ, въ слѣдъ за нимъ, изъ церкви вынесли гробъ, поставили подъ балдахинъ на колесницу и колесница тронулась.

— Кого хоронятъ? спросилъ франтъ другаго, стоявшаго подлѣ него.

— Посмотримъ на гербъ, не узнаемъ ли, отвѣчалъ франтъ въ бекешѣ.

Колесница приблизилась.

— Ахъ, Боже мой, да это гербъ генеральши Лембахъ!

— А, такъ это ее хоронятъ!..

— Развѣ она умерла?

— Видишь, что хоронятъ, значитъ умерла.

— Когда?

— Кажется еще четвертаго дня.

— Скажи пожалуйста, а я и не слыхалъ.

— Она скоропостижно умерла.

— Вотъ какъ!... Ударъ, что ли?

— Въ самомъ дѣлѣ, ты ничего не слышалъ?

— Ничего!

— Помилуй, братецъ, гдѣ же ты живешь, на Аланскихъ островахъ, что ли? Ты знаешь, что баронъ Флагсбергъ неожиданно уѣхалъ за границу. Одни толкуютъ, что онъ высланъ будто бы за азартную игру, другіе говорятъ, что онъ получилъ извѣстіе, что въ Вѣнѣ умеръ одинъ изъ его кредиторовъ, задолжавшій барону болѣе милліона рублей; третьи утверждаютъ, что баронъ съ ума сошелъ и ускакалъ за границу. Послѣднее обстоятельство я слышалъ отъ Анжеро: но кажется, что все это однѣ бредни.

— А баронесса здѣсь?

— Здѣсь. Онъ оставилъ письмо генеральшѣ Лембахъ. По утру, по выѣздѣ барона она прочла письмо, въ туже минуту изорвала и бросила его въ каминъ, вечеромъ ей сдѣлалось очень дурно, къ разсвѣту ея родственница, баронесса Флагсбергъ, обнимала уже холодный трупъ.

— Здѣсь что-то кроется.

— Все пустое, другъ мой. Лембахъ старуха, давно уже ей была пора умереть, но можетъ быть нечаянный отъѣздъ барона потревожилъ ее и ускорилъ кончину.

— Какимъ теперь несмѣтнымъ богатствомъ будетъ обладать баронесса Флагсбергъ!

— А это почему?!

— Вѣдь ей достанется имѣніе Лембахъ.

— Ну нѣтъ! старуха не оставила духовной и вчера еще послали извѣщеніе о ея смерти къ наслѣдникамъ.

— Да баронесса развѣ не наслѣдница?

— Оказалось, что не наслѣдница, она даже не родственница ея, а воспитанница и ни копѣйки не получитъ.

— Вотъ какая пѣсенка!

— Да!.. Пѣсенька грустная, тѣмъ болѣе, что баронъ также ни копѣйки не оставилъ ей и, сколько мнѣ извѣстно, баронесса чрезвычайно нуждается въ деньгахъ.

. . . . . .

. . . . . .

Въ гостиной баронессы Флагсбергъ на драгоцѣнномъ мозаичномъ столѣ, стоявшемъ передъ роскошнымъ диваномъ, горѣла лампа, прокрытая матовымъ колпакомъ и таинственный полусвѣтъ сумрачно отражался въ огромныхъ зеркалахъ, висѣвшихъ въ простѣнкахъ оконъ, прикрытыхъ пышными шелковыми занавѣсами. Вокругъ стѣнъ гостиной стояла роскошная въ послѣднемъ вкусѣ позолоченная мебель и между двумя колоннами зеленой дорожкой протянулся къ дверямъ теплицы персидскій коверъ. За

колоннами пылалъ огонь въ мраморномъ каминѣ, заставленномъ дорогимъ экраномъ. Въ гостиной и во всемъ домѣ царствовала мертвая тишина.

На диванѣ, облокотившись правою рукою на столъ, сидѣла въ глубокой задумчивости баронесса, одѣтая въ шелковое черное платье, передъ нею на столѣ стоялъ золотой, съ эмалевымъ украшеніемъ, флаконъ и разливалъ вокругъ пріятный ароматъ. Нѣсколько минутъ въ баронессѣ не замѣчалось ни малѣйшаго движенія, потомъ она пошатнула своею маленькою ножкой, обутою въ черный атласный башмачекъ и въ раздумьи начала обводить рисунокъ бархатнаго ковра, лежавшаго передъ диваномъ. Блѣдность и изнеможеніе рѣзко отражались на лицѣ ея. Вдругъ поблѣднѣвшія губки ея задрожали, на лицѣ пробѣжало судорожное движеніе и изъ глазъ на шерстяную шаль, которою была окутана баронесса, скатились, какъ жемчужины, двѣ слезы. Она закрыла глаза бѣлымъ платкомъ и нѣсколько минутъ не отнимала его, потомъ отерла глаза, поправила шаль, оборотилась къ стѣнѣ и дернула сонетку.

Въ комнату вбѣжала горничная.

— Ну что? жалобнымъ голосомъ спросила баронесса горничную.

— Всѣ говорятъ, что Анжеро уѣхалъ.

— Куда же онъ уѣхалъ? съ досадой повторила вопросъ баронесса.

— Говорятъ за границу!

— Дура ты! кто тебѣ это сказалъ?

— Всѣ говорятъ въ домѣ, въ которомъ онъ жилъ.

— Всѣ говорятъ, тебя всѣ обманываютъ!

— Нѣтъ, сударыня, не обманываютъ. Господинъ, который живетъ теперь въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ жилъ прежде виконтъ показалъ мнѣ газеты и я сама прочитала, что онъ уѣхалъ во Францію.

— Мерзавецъ! произнесла баронесса и отвернула голову, глаза ея налились слезами.

— А купецъ сказалъ, что пріѣдетъ сегодня.

— Сегодня? когда же сегодня, когда уже восьмой часъ вечера?

— Онъ сказалъ, что сейчасъ будетъ.

— Увидимъ! съ неудовольствіемъ приговорила баронесса и опять облокотилась и задумалась.

Горничная ушла, баронесса встала съ дивана и скорыми шагами начала ходить по комнатѣ. Разъ десять или болѣе успѣла она пройтись изъ угла въ уголъ, какъ въ гостиную безъ доклада вошелъ человѣкъ съ русой окладистой бородой, подстриженный въ кружокъ и одѣтый въ длинный, синяго цвѣта, суконной сюртукъ.

Онъ погладилъ правою рукою бороду, перекрестился и низко поклонившись, сказалъ:

— Здравія желаемъ, сударыня!

— А, здравствуй Купріяновъ.

Купріяновъ опять низко поклонился.

— Вотъ что, Купріяновъ, я хочу просить тебя....

— Извольте, сударыня, что прикажете?

— Я еще уступаю тебѣ сто рублей за эти деревья и цвѣты, купи ихъ пожалуйста, ты съ большою для себя выгодою продашь ихъ, а для меня они теперь совершенно не нужны, я хочу жить по скромнѣе.

— Понимаемъ-съ, сударыня, да больно дорого просить изволите.

— Не дорого, Купріяновъ, я увѣряю тебя, что этотъ садъ стоитъ мнѣ до двадцати тысячъ.

— Оно такъ-съ, сударыня, если вновь заводить, а вѣдь теперь, право-съ и за пять тысячъ никто не купитъ у васъ. А намъ, сами знаете, въ лавку; барышокъ надо какой нибудь нажить; вотъ, кабы взяли со всѣми-съ съ фонтанами, люстрами, скамьями, т. е. такъ, какъ все тутъ есть, тысячки четыре... можно бы рискнуть.

— Не могу никакъ, не могу...

— Какъ угодно-съ вашей милости, такъ прощенія просимъ-съ.

— Прощай Купріяновъ.

Купріяновъ поклонился и вышелъ въ залу, баронесса подбѣжала къ двери, растворила ее и сказала:

— Послушай!

Купріяновъ воротился.

— Слушай, я еще уступаю сто рублей!

— Никакъ-съ не можемъ, сударыня! извольте, для вашей милости пятьдесятъ рубликовъ еще накинемъ-съ.

— Ну хорошо, я согласна.

— Вѣдь и это сударыня, больно дорого; кто у насъ все это купитъ, одна перевозка чего стоитъ, говорилъ Купріяновъ, вынувши бумажникъ и считая деньги. Вотъ, сударыня, пятьсотъ пятьдесятъ рублей, извольте-съ получить въ задатокъ, а завтра пріѣдемъ, все заберемъ и денежки сполна получите.

— Хорошо.

— Вотъ и здѣсь, сударыня, у васъ много чего лишняго, не изволите ли продавать. Мы-съ все купимъ, уступите только подешевлѣ, денежки чистыя, въ долгъ не любимъ забирать.

— Не могу, Купріяновъ, эти вещи всѣ уже проданы и я на дняхъ переѣзжаю отсюда на другую квартиру.

— Куда же сударыня?

— Въ Гороховую, у Каменнаго моста.

— Да-съ, тамъ квартиры по дешевлѣ, здѣсь жить очень не выгодно.

— Да, теперь я одна, мужъ за границею, скоро ли онъ пріѣдетъ — неизвѣстно, а мнѣ одной на что четырнадцать комнатъ? На той квартирѣ у меня будетъ только четыре комнатки, но за то очень удобныя.

— Доброе дѣло, сударыня! за тѣмъ прощенія просимъ-съ.

— Прощай Купріяновъ.

Чрезъ недѣлю послѣ этого, баронесса жила у Каменнаго моста въ третьемъ этажѣ. Все, что имѣла, она продала и впала въ бѣдность. Въ первыя недѣли, по отъѣздѣ мужа, она еще посѣщала многихъ изъ своихъ прежнихъ пріятельницъ, нѣкоторыя посѣщали и ее, потомъ всѣ вдругъ оставили и забыли ее. Съ той поры баронесса умерла для свѣта.

Однажды Шмитъ на вопросъ молодаго льва: «какъ въ своемъ здоровьи баронесса?» - отвѣчалъ:

— Баронесса не существо, а вещь, я не лечу вещей; еслибы вы спросили про больнаго мужчину или женщину, тогда бы я отвѣчалъ вамъ, а теперь молчу.

Франтъ понялъ слова Шмита, язвительно улыбнулся и отошелъ въ сторону.

Впрочемъ, Шмитъ былъ правъ. Сперва ложный стыдъ, потомъ нужда, пренебреженіе свѣта, закрывшаго ей кругъ, въ которомъ она любила первенствовать, убили въ ней всякое благородное чувство и наполнили сердце желчью.

Она хотѣла отплатить свѣту тѣмъ-же презрѣніемъ, и явно предалась жизни и страстямъ, которыя онъ клеймитъ позоромъ. За недостаткомъ сочувствующихъ подругъ, она создала себѣ общество изъ мужчинъ и старалась забыть свое положеніе въ шумныхъ и непритязательныхъ пирушкахъ, гдѣ она владычествовала, но за которыя поклонникамъ своимъ должна была платить дорогою цѣною.

Три года она утопала въ этомъ охмѣлительномъ снѣ, наконецъ здоровье и красота почти въ одно время отказались служить ей и мѣсто ихъ заняли, сперва нужда и одиночество, потомъ нищета.

Воспоминаніе минувшаго терзало эту несчастную жертву собственнаго заблужденія еще болѣе, чѣмъ ея жалкое положеніе. Въ одну изъ этихъ минутъ, она вспомнила про несчастную мать. Это былъ для нея сильный ударъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и спасительный. Она дошла до послѣдней крайности: проходили дни, въ которые она не имѣла даже куска хлѣба.

Давно уже она не жила въ Гороховой и не имѣя средствъ пла-

тить за квартиру, должна была почти ежедневно переѣзжать изъ дома въ домъ.

Однажды, не имѣя куска хлѣба и копѣйки въ кошелькѣ, она шла къ какому-то прежнему своему фавориту, жившему въ Большой Коломнѣ. Проходя по знакомымъ мѣстамъ въ дѣтствѣ, въ памяти ея оживилась минувшая ея жизнь.

— Вотъ здѣсь когда-то я останавливались и раскладывали цвѣты въ корзинкѣ, далѣе отсюда, у Египетскаго моста, однажды я встрѣтила мать свою, которая, живо помню, обняла меня и поцѣловала въ голову. Добрая моя мать, какъ горячо она любила меня, а я, неблагодарная, чуждалась ее, чувствую теперь, что за это и Богъ меня наказалъ. Вотъ я теперь и сама въ такомъ лохмотьѣ, въ какомъ она ходила; она, покрайней мѣрѣ, не ѣздила въ каретѣ, не баронесса, не имѣла значенія въ свѣтѣ, а я? — Несчастная каждую минуту закрывала лицо мое, стыдясь встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ прежнихъ знатныхъ знакомыхъ. Добрая мать, нѣжная мать, я не умѣла сберечь и своего счастія... Я думаю, ты уже умерла и, можетъ быть, я тебя убила. Помню, передъ свадьбою моею, когда пришла ты благословить меня, я приказала вытолкать тебя, я видѣла, когда ты, лишившись чувствъ, упала среди улицы и безжалостные люди повлекли тебя... О я была извергомъ... но я блистала на горизонтѣ большаго свѣта; а ты пресмыкалась въ грязи... мнѣ было стыдно сознать собственное чувство! Но Богъ правосуденъ! Онъ наказалъ меня, чтобы возродить въ сердцѣ снова человѣческія чувства, чтобы унизить мою гордыню! Пойду, отыщу домикъ, въ которомъ жила моя мать, узнаю, когда умерла она и гдѣ погребена, обнимая ея могилу, по крайней мѣрѣ надъ прахомъ ея принесу покаяніе въ моихъ грѣхахъ...

Она ускорила шаги, быстро переходила изъ улицы въ улицу и, наконецъ, вдали увидѣла знакомый домикъ. Анна содрогнулась, ноги ея слабѣли, но она пошла еще скорѣе. Подошедъ къ знакомой двери, она со страхомъ взялась за скобку, отворила, вошла въ завѣтную комнату, и увидѣла почти безъ всякой перемѣны все то, что видѣла назадъ тому двадцать лѣтъ.

Мать ея лежала на постѣли, открытые, болѣзненные глаза ея не двигались. Старуха была разслаблена и потерявъ зрѣніе, лишилась силъ и не могла не только вставать съ постели, но и переворачиваться съ бока на бокъ. Дочь упала на колѣна передъ матерью, странный вопль поразилъ двухъ женщинъ, сидѣвшихъ въ этой же комнатѣ на постеляхъ. Несчастная мать въ тужъ минуту узнала дочь. Чувство, поразившее ея было такъ сильно, что старуха вдругъ прозрѣла. Она увидѣла у ногъ своихъ несчастную

дочь, обняла ее и сама зарыдала, глаза ея наполнились слезами и помутились уже навсегда. Отъ душевнаго волненія силы старухи нѣсколько оживились, она сама приподнялась и благословляя дочь почти въ самозабвеніи говорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, сердце мое, Аннушка, моя милая, теперь ты уже не поѣдешь къ генеральшѣ, теперь ты опять моя, я рада, рада, сердце мое, что обнимаю тебя, цѣлую тебя, обними же меня, сердце мое милое, поцѣлуй меня, дочь моя родная . . . теперь я умру спокойно. О сердце мое! о счастіе мое! . . . отняли у меня злые люди, что собрала я для тебя, нѣтъ теперь у меня ни копѣйки, живу, когда подадутъ добрые люди! . . . Когда у тебя Аннушка моя милая, сердце мое дорогое, нѣтъ одежинки, возьми мой бархатный салопчикъ, я сберегла его еще, помнишь ли ты, когда генеральша подарила мнѣ его, возьми сердце мое, зоренька моя ясная, возьми дитятко мое родное; я скоро умру, ты видишь, какая я стала, горе по тебѣ извело; молю Господа, чтобы онъ скорѣе прибралъ меня къ себѣ, ты жъ отъ меня не уйдешь.

— Нѣтъ матушка, нѣтъ, неуйду. . . .

— О рожденіе мое, счастіе мое. . . .

Но це на долго дочь оставалась съ матерью; чрезъ день старуха уснувши съ вечера, не пробудилась по утру.

Она умерла въ объятіяхъ дочери, которую такъ безпредѣльно любила.

Читатель! если ты заходилъ до 1830 года молиться въ Казанскій соборъ, то вѣроятно замѣтилъ въ числѣ старухъ, толпящихся у колоннъ при выходѣ, высокую, стройную, въ изношенномъ черномъ бархатномъ салопѣ женщину среднихъ лѣтъ; лицо ея все еще носило отпечатокъ прежней красоты, она съ стыдливостію шептала просьбу о подаяніи и часто стояла одна предъ алтаремъ и пламенно молилась. Если когда либо случится тебѣ, читатель, встрѣтиться съ такою салопницею, не отвергай ея просьбы, не брось на нее презрительнаго взгляда, но, съ привѣтною улыбкою и душевною радостію, подай ей милостыню; это блудная дочь, она испытала превратность счастія и узнавши суету міра, съ полнымъ раскаяніемъ возвратилась къ родной матери. — На сколько она во всемъ виновна — видитъ и разсудитъ Богъ, а мы камня на нее не поднимемъ!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

—

ПЛѢННИЦА.

(Изъ Виктора Гюго).

Когда-бъ я не была въ неволѣ,
Любила бъ эту землю я,
И зыбкій маисъ въ желтомъ полѣ,
Надъ розой пѣсни соловья,
И хоры звѣздъ, и моря плески
Любила-бъ я... Но за стѣной,
Мелькаютъ спаговъ мрачныхъ фески,
Сверкаютъ сабли въ тьмѣ ночной.

Я не татарка, чтобы старый
И черный евнухъ для меня
Мою настраивалъ гитару,
Струнами жалобно звѣня.
Вдали отъ здѣшняго содома,
Въ моей родимой сторонѣ,
Съ гидальгомъ на балконѣ дома,
Шептать не запрещали мнѣ.

Но все жъ люблю я берегъ пышный,
Гдѣ виноградъ одѣлъ холмы,
И въ полѣ никогда не слышны
Набѣги хладные зимы;
Теплы дождей весеннихъ зерна,
Звучитъ и вьется стрекоза,
И блещетъ на былинкахъ дерна
Червякъ—живая бирюза.

Какъ діадима на султаншѣ,
Прекрасенъ Смирны минаретъ;
Весна сюда приходитъ раньше
И шлетъ ей ласковый привѣтъ,
И будто въ матовомъ фарфорѣ
Пучокъ полуденныхъ цвѣтовъ,
Предъ ней пестрѣетъ въ гладкомъ морѣ
Кружокъ веселыхъ острововъ.

Люблю я башень погремушки,
Знаменъ побѣдоносныхъ рядъ,
И домы хановъ, — какъ игрушки,
Ихъ кровли золотомъ горятъ.
Въ часы задумчивости сладкой,
Забывъ о всемъ, привольно мнѣ
Подъ легкой, шелковой палаткой
Качаться тихо на слонѣ.

Здѣсь я — въ волшебномъ замкѣ фея!
Душа вся музыки полна,
И мнится мнѣ: крылами вѣя,
Несутся духи; вся страна
Внимаетъ имъ, какъ пѣснямъ рая,
И чудныхъ звуковъ переливъ
Струится, тихо замирая
Межъ темной зелени оливъ.

Люблю я край, гдѣ запахъ жаркой
Курится съ бархатныхъ холмовъ,
Жасминъ повисъ дрожащей аркой
На стекла пестрыя домовъ.
Люблю подъ пальмой длиннолистой,
Покой на скошенной травѣ,
И бѣлопераго аиста
На бѣлой храма головѣ.

Когда же вечера дыханье
Клубитъ мнѣ локонъ смоляной,
Люблю я, въ сладостномъ мечтаньѣ
О прежнихъ дняхъ, странѣ иной,
Смотрѣть на воды молчаливо,
Когда луна, алмазъ ночей,
Роняетъ въ зеркало залива
Снопы серебряныхъ лучей.

Н. Крешевъ.

Тучи.

Ходятъ огромныя тучи, какъ тѣни,
По небу темному; смотрятъ сурово,
Шепчутъ какія-то грустныя пѣни,

Силятся вымолвить грозное слово.
Словно на наши постыдныя страсти
Тучамъ безстрастнымъ смотрѣть надоѣло.
Если-бы Богъ имъ далъ силы и власти,
Въ страхѣ-бъ земля, задрожавъ, обомлѣла.
Нѣтъ, не дана имъ свобода, да воля!...
Идутъ... нависли... вотъ тотчасъ громами
Грянутъ. Нѣтъ! ждетъ ихъ печальная доля,
Съ неба ихъ вѣтеръ сгоняетъ крылами.
Снова они надъ другою страною
Мчатся.... скопились.... грозятъ.... Пронесутся!
Громъ отдаленный гремитъ стороною,
Въ думѣ природа, а люди смѣются!...

В. Зотовъ.

ДВѢ ПѢСНИ КОЛЬЦОВА.

I.

БАЯНУ.

Не играй молодецъ,
Мой домашній пѣвецъ,
Въ гусли звонкія!
Пѣсни теплой души
Прячь въ завѣтной глуши
Отъ глазъ зависти!
Прежде-время они
Сократятъ твои дни,
Дни веселые;
Звонки гусли — сожгутъ,
Пѣсни всѣ — раскрадутъ,
Пустятъ по вѣтру....
И твоимъ же добромъ,
Въ хороводѣ людскомъ,
Будутъ хвастаться:
И такъ, лучше сиди,
Да погодушки жди
Съ моря синяго!
Закипитъ въ немъ вода —
И съ песчанаго дна
Всплыветъ счастіе.
Ты къ себѣ примани,
У гуслей пріюти
Этотъ перлъ дорогой!

Веселѣй, и чуднѣй,
И для многихъ слышнѣй
Заиграешь тогда.

II.

ИЗМѢНА.

Цвѣлъ цвѣтокъ лазоревый—
Да поблекнулъ,
Любилъ меня милый другъ —
Да покинулъ.
Какъ цвѣтку отжившему
Не цвѣсть лѣтомъ,
Такъ и другу милому
Незнать счастья.
Зимой — снѣги бѣлые
Цвѣтъ засыплютъ;
Весной — ручьи быстрые
Цвѣтикъ смоютъ....
Такъ и милъ-сердечный другъ,
Съ злой кручины,
Боясь чистой совѣсти,
Уйдетъ въ землю.
Я приду съ кручиною
На могилку
Милаго, желаннаго —
И поплачу,
За него, съ усердіемъ,
Помолюся,
И, простивъ обманъ его,
Распрощуся. —

ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ЦВѢТКА.

(*А. И. Г*).

Сладкимъ запахомъ цвѣтка
Вы напомнить мнѣ хотѣли,
Что хоть жизнь, порой, горька,
Но придетъ все къ лучшей цѣли;

Что, скрываяся въ землѣ,
Тлѣетъ сѣмя, чтобы лѣтомъ,
Сила жизни на стеблѣ
Развернулась яркимъ цвѣтомъ:

Чтобъ, на свѣтлый міръ смотря,
Я забылъ о долѣ прежней,
И грядущаго заря
Улыбалась мнѣ надежнѣй.

Дней моихъ туманныхъ рядъ—
Не изъ перловъ ожерелье,
И восторги не горятъ
У меня въ душевной кельѣ.

И для жалобы — нѣмой,
Для участья — недоступный,
Я не ждалъ, чтобъ жребій мой
Бросилъ блестокъ манной крупной.

Но дней блѣдныхъ череду
Вы согрѣли тихимъ свѣтомъ,
Какъ лучъ мѣсяца въ саду,
Блеклой зеленью одѣтомъ.

Вашихъ словъ отрадный звукъ,
Ваше кроткое признанье
Пробудили, добрый другъ,
Въ сердцѣ искру упованья.

Вы хотите разгадать,
Что люблю я? чѣмъ я стражду?
И душѣ лекарство дать,
Утолить желаній жажду...

Ихъ не много, не таю,
За вопросъ плачу отвѣтомъ:
Душу бѣдную мою
Согрѣвайте вашимъ свѣтомъ.

Н. Крешевъ.

ТЫ ПОМНИШЬ-ЛИ ЧАСЪ ТОТЪ?

(*Романсъ*).

Ты помнишь-ли часъ тотъ, мой другъ прихотливый,
Когда мы сидѣли — а вѣтеръ шумѣлъ....
И грустно качалъ онъ плакучія ивы,
Но демонъ печали насъ тронуть не смѣлъ...
Ты помнишь-ли часъ тотъ?
Ты помнишь-ли часъ тотъ, какъ небо темнѣло
И жители Рейна насъ звали подъ кровъ,
Но мы отвѣчали: «*а намъ что за дѣло!*
Пусть небо темнѣетъ... намъ свѣтитъ любовь!»
Ты помнишь-ли часъ тотъ?
Ты помнишь-ли часъ тотъ, когда, упоенный,
Къ тебѣ припадалъ я съ восторгомъ на грудь...
А ты мнѣ шептала: о другъ мой безцѣнный!
Какъ сладко намъ вмѣстѣ!... помедли!... побудь!...
Ты помнишь-ли часъ тотъ?

К. Голубинъ.

БІОГРАФІЯ.

ПИРОНЪ.

Статья Арсенія Гуссе.

Это уже не жеманная, изнѣженная муза XVIII столѣтія, небрежно лежащая на софѣ, въ благовонномъ будуарѣ, герметически закупоренномъ, недоступномъ для солнца, для утренней прохлады, для шопота природы; это уже не миленькая маркиза, въ мушкахъ, болтающая на чопорномъ парѣчіи съ аббатомъ или мушкатеромъ, губящая свою красоту изысканностію, сердце умомъ, душу Богъ знаетъ чѣмъ! Это настоящая бургундская муза, дѣва дебѣлая, простая и безискуственная, которая хохочетъ во все горло, но не умѣетъ улыбаться, у которой сердце на распашку, злость на языкѣ, а умъ иногда забѣгаетъ за разумъ, потому что она любитъ заглянуть въ погребокъ. Какъ быть? Она невоспитана въ монастырѣ, это муза немножко разгульная, она провела свою молодость, на площадныхъ театрахъ.

Дѣйствительно, Пиронъ жилъ внѣ этого милаго насмѣшливаго свѣта, игравшаго розами и спавшаго въ шелку. Если аббаты и маркизы и встрѣчали бургундскаго поэта, такъ развѣ въ театрѣ или въ кофейной Прокопа, но ужъ никакъ не въ салонахъ. Пиронъ былъ бѣденъ,

а въ добавокъ ему вредилъ его смѣлый, насмѣшливый умъ. Отъ его остротъ бѣжали часто со всѣхъ ногъ, и почти всегда прихрамывая.

Въ XVII столѣтіи былъ въ Дижонѣ аптекарь, богатый умомъ и весслостію. Если у него просили микстуры, онъ давалъ застольную пѣсню, въ которой славилъ вино; если требовали пилюль, онъ отпускалъ куплетцы и эпиграммы. За то этотъ аптекарь новаго рода вылѣчивалъ всѣхъ своихъ больныхъ, моря ихъ со смѣху, такъ-что самъ умеръ бѣднымъ и оставилъ своимъ потомкамъ только наставительный сборникъ пѣсенъ, куплетовъ и бургундскихъ серенадъ: таково было наслѣдство Алексѣя Пирона.

Алексѣй Пиронъ, сынъ Эме Пирона, родился въ 1689 г. въ одно время съ Монтескьё, не много раньше Вольтера, среди лѣта. Его отецъ, прославлявшій всѣ замѣчательныя событія, не могъ умолчать объ этомъ. Пиронъ былъ воспѣтъ въ колыбели, словно королевскій сынъ. Это было доброе предзнаменованіе. Двѣнадцати лѣтъ, Пиронъ оправдывалъ уже отцовское предрѣченіе; онъ низалъ риѳмы на славу и поцѣлымъ днямъ подбиралъ стишокъ къ стишку. Одинъ изъ его товарищей, поступившій въ драгуны, сказалъ ему, прощаясь: «Я возвращусь Ахиллесомъ.» — И найдешь меня Гомеромъ, отвѣчалъ Пиронъ. Въ послѣдствіи, вспоминая эти слова, бѣдный ослѣпшій поэтъ говаривалъ: бѣдный Ахиллесъ нашелъ бы меня слѣпымъ, какъ Гомера, еслибъ не умеръ въ Инвалидномъ домѣ. Мало-по-малу страсть къ риѳмамъ угасла въ его юномъ воображеніи; шестнадцати лѣтъ, онъ смѣялся надъ Аполлономъ и музами, какъ мальчикъ, потерявшій уже драгоцѣнную чистоту сердца, источникъ любви и поэзіи. По выходѣ изъ училища, онъ отправился въ лабораторію отца. — Ну, любезный сынокъ, сказалъ ему торжественно родитель, я вижу, что тебѣ не бывать академикомъ; однако надо же быть чѣмъ нибудь, не хочешь-ли напримѣръ, въ приказные? — У меня слишкомъ хорошо сердце, отвѣчалъ молодой Пиронъ, уже не лазившій въ карманъ за словомъ. — Ну, такъ хочешь итти по финансамъ? — У меня сердце слишкомъ слабо. — А медицина? — У меня тяжела рука, и безъ меня умираетъ довольно больныхъ. Да я и не затѣмъ родился, чтобъ каждый день

бороться съ смертью; въ солдаты то же не гожусь, потому что не хочу умирать. — Такъ хочешь быть юристомъ? Благодаря принцу Конде, расположенному къ намъ... — Хорошо, буду адвокатомъ, если вамъ хочется. По крайней мѣрѣ, тутъ я ничѣмъ не рискую, моя совѣсть въ безопасности. — И онъ принялся за права; но среди этой зарабарщины его развлекла жажда наслажденій и безумнаго веселья. — Пиронъ былъ принятъ адвокатомъ, но какъ защищать другихъ, когда самъ имѣешь грѣшки и нужду въ поддержкѣ! Къ томуже, по общему мнѣнію, адвокатъ долженъ быть не безъ копѣйки, а его отецъ бѣднѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Пиронъ не хотѣлъ долѣе жить на счетъ неловкаго аптекаря; боясь къ тому же послѣдствій отъ язвительной пѣсни, которою онъ сочинилъ на Дижонскихъ судей. Онъ отправился вслѣдъ за путешествующимъ откупщикомъ, который предложилъ ему 200 ливровъ въ годъ за переписку стиховъ. — Согласенъ, если стихи хороши. — Хороши ли стихи? воскликнулъ откупщикъ, надѣюсь: вѣдь это мои. — Пиронъ рѣшился. Съ перваго дня, дѣло пошло плохо. — Вы нескázали мнѣ, сударь, какого росту ваши стихи, я никогда не видалъ такихъ длинныхъ. Да еще меня порядочно затрудняютъ правописаніе и риѳмы, потому что, если я напишу по граматикѣ *autel*, такъ оно не риѳмуетъ съ *Estelle*. — Пишите *auteille*, ваше дѣло списать, а не говорить мнѣ о граматикѣ. Вы просто педантъ! — Съ тѣхъ поръ Пиронъ иногда поправлялъ кой гдѣ хромой стихъ или тощую риѳму, но не говорилъ уже ни слова. Поэтъ откупщикъ не сердился, но, къ несчастію, у этаго стараго дурака была премиленькая и кокетливая родственница, Пиронъ началъ съ нею разыгрывать анакреонтическую идиллію, за неимѣніемъ лучшаго занятія, онъ сочинилъ ей многозначительную сказку. Увы, она мало заботилась о стихахъ! Вмѣсто того, чтобъ спрятать затѣйливую сказку подъ корсетъ, она бросила ее въ каминъ. Услужливый, но безграматный лакей, нашелъ стихи влюбленнаго поэта и поднесъ ихъ откупщику. Пирона выгнали. Онъ забылъ богатство и любовь за бутылкой вина и рѣшился возвратиться подъ родительскій кровъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Сарразеномъ, прославившимся въ послѣдствіи на Французскомъ театрѣ, а въ то время только что остави-

вшимъ странствующую труппу актеровъ. Путешествіе было весело. По словамъ доктора Прокопа, поэтъ и актеръ, безъ денегъ, въ трактирѣ какого-то бургундскаго городка, вздумали сыграть вдвоемъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ. Выборъ палъ (о профанація!) на *Андромаху*. Эта трагедія была объявлена при звукахъ всѣхъ трубъ и литавръ, какія только могли отыскать въ мѣстечкѣ. Великій день наступилъ. Театръ, устроенный въ танцовальной залѣ, наполнился биткомъ. — Мы пускаемъ большую ставку, замѣтилъ Пиронъ, какъ бы не проиграть. — Занавѣсъ поднимается. Актеръ кланяется зрителямъ: — Господа, актрисы одѣваются; между тѣмъ мы сыграемъ вамъ шутку своего изобрѣтенія; это маленькая комедійка, которая должна развеселить васъ. — Сказано, сдѣлано; трактирная служанка подаетъ обильный ужинъ; наши два авантюриста садятся за столъ, задирая служанку, которая помѣщается возлѣ нихъ. Они начинаютъ безконечное разсужденіе о любви и о женщинахъ, о глупостяхъ и суетѣ мірской, заливая слова хорошимъ винцомъ. Сперва бургундцы немогутъ понять, что это такое; но добрый апетитъ и изрядная жажда гулякъ разглаживаютъ морщины на всѣхъ лбахъ, гомерическій смѣхъ раздается по залѣ, веселость овладѣваетъ всѣми. Актеръ и поэтъ удвоиваютъ одушевленіе и остроты, не говоря уже о стаканахъ вина; даже служанка вдохновляетъ ихъ своими наивностями. Наконецъ, тріумфъ былъ великолѣпный; никогда бургундцы не брали лучшаго урока философіи. Всѣ ушли довольные, а два профессора провели ночь подъ столомъ къ довершенію урока.

Возвратившись въ Дижонъ, нашъ веселый авантюристъ предался наслажденіямъ съ рѣдкою безпечностію, говоря какъ Тибуллъ: «Здѣсь я хорошій вождь и хорошій солдатъ.» По правдѣ, ему нечего было и дѣлать. Онъ безъ большихъ заботъ ожидалъ фортуну, но она по прежнему удалялась отъ жилища аптекаря. Отъ бездѣлья, Пиронъ поступилъ въ контору прокурора, гдѣ писалъ эпиграммы на всѣхъ, сколько нибудь извѣстныхъ, дижонцевъ. Около этого времени Пиронъ вступилъ въ роту Бонскихъ стрѣлковъ (arquebuziers de Beaune). Въ XVIII вѣкѣ жители Бона не отличались чрезмѣрнымъ умомъ. Пиронъ нашелъ

тамъ худую почву, если не для Бахуса, такъ для Аполлона. Тамъ было богатое поле для эпиграммы; но для эпиграмы дюжей, ощутительной, иначе ее не поняли-бы. Пиронъ одѣлъ осла стрѣлкомъ и привелъ его на плацъ. — Вотъ, сказалъ онъ, я встрѣтилъ на дорогѣ одного изъ нашихъ. — Оселъ заревѣлъ; стрѣлки переглянулись съ досадою, какъ люди, которыхъ тайна открыта по неосторожности. Вечеромъ всѣ стрѣлки, кромѣ осла, отправляются въ театръ. Актеры говорили нѣсколько тихо и зрители принимаются кричать: громче! мы ничего не слышимъ! — Однакожъ, не за недостаткомъ ушей, говоритъ Пиронъ. Взбѣшенные зрители бросаются на поэта, который съ трудомъ увертывается, говоря: *Je serais seul, que je les bâterais tous* (*) На другой день, возвращаясь въ Дижонъ, онъ сбивалъ палкою репейникъ вдоль дороги. — Жители Бона встрѣтили его за этимъ занятіемъ. — Что вы тутъ дѣлаете? — Чортъ возми! я въ войнѣ съ Бонцами и отнимаю у нихъ провіантъ. — Война была продолжительная; она знаменита, какъ битва при Фонтенуа. И теперь еще жители Бона не забыли старой вражды. Плохо примутъ они похвалы уму Пирона.

Однакоже веселость Пирона проходила вмѣстѣ съ его молодостью. До сихъ поръ звѣзда его была не блестящая. Въ тридцать лѣтъ онъ былъ безъ средствъ къ жизни, безъ надеждъ, и не зналъ, за что принятся. Праздность, столь сладкая и легкая весною, когда путь усыпанъ зеленью и розами, когда цвѣты вырастаютъ на каждомъ шагу, когда кстати встрѣчаешь Лизету или Жаннету, праздность становится тяжелою цѣпью въ день жатвы. Бѣдный Пиронъ съ досадою смотрѣлъ на прекрасные колосья, которые не могъ пожинать. Онъ жалѣлъ о потерянныхъ дняхъ и полный благородною жаждою труда, родившеюся въ его сердцѣ, отправился въ Парижъ, оазисъ всѣхъ мечтаній поэта. Увы! Въ Парижѣ онъ очутился, какъ въ степи.

«И вотъ мой челнокъ среди незнакомаго моря, игрушка вѣтровъ, волнъ и подводныхъ камней. Со всѣхъ сторонъ его заливало водою; я тонулъ, но, кстати или некстати

(*) Не переводимая игра словъ: хоть я одинъ, а все таки ихъ всѣхъ прибью (battrais) или *навьючу*. (bâterais) *Bâter* (*навьючить*) говорится объ ослахъ.

— поэзія протянула мнѣ руку помощи. Это была послѣдняя доска моего челнока.» Онъ зналъ хорошо, что это доска спасенія; только она долго носилась по бурнымъ волнамъ прежде, чѣмъ достигла берега.

Вотъ онъ въ Парижѣ, съ единственной поклажей — умомъ; нѣтъ, я забылъ; унего были еще рекомендательныя письма; но, какъ онъ говорилъ, это не векселя на платежъ по предъявленію. Неудача съ первымъ письмомъ разсердила его и онъ сжегъ остальныя. Но одно изъ нихъ не хотѣло горѣть и онъ принялъ это за счастливое предзнаменованіе. Онъ отнесъ его по адресу, т. е. къ Шевалье де Бель-Илю. Шевалье искалъ переписчиковъ для своихъ безконечныхъ мемуаровъ; онъ не удостоилъ Пирона пріемомъ. — Пусть онъ представитъ мнѣ свой почеркъ; а личность его мнѣ ненужна. — Онъ былъ принятъ, за свой прекрасный почеркъ, переписчикомъ этой скучной болтовни и помѣщенъ, съ жалованьемъ по два франка въ день, на полуразвалившемся чердакѣ. Шесть мѣсяцевъ трудился онъ неусыпно, и не получалъ еще ни копѣйки изъ своего скуднаго жалованія. Онъ вздумалъ привязать къ ошейнику любимой собаки Шевалье челобитную въ стихахъ. Послѣ второй попытки, ему презрительно заплатили, не показывая вида, что думаютъ, будто стихи были его. Даже секретарь Шевалье смотрѣлъ на него съ высоты своего величія; но вскорѣ бѣдный поэтъ былъ отомщенъ. Разъ, вечеромъ, этотъ секретарь привелъ на чердакъ троихъ или четверыхъ друзей послушать трагедію своего сочиненія. Пиронъ слушалъ, сидя въ своемъ углу. По окончаніи чтенія, послѣ восторженныхъ похвалъ этихъ пріятелей, Пиронъ заговорилъ безъ спросу, и умно и разсудительно разобралъ всѣ сцены. Авторъ молча увелъ своихъ друзей; но возвратившись вскорѣ одинъ на чердакъ, подалъ руку Пирону и сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ: «Благодарю васъ! Вы открыли мнѣ глаза; послѣ вашихъ словъ, мнѣ осталось только одно: сжечь мою трагедію. Я пришелъ къ вамъ съ чистыми руками.» И теперь есть еще критики здравомыслящіе и добросовѣстные; да только есть ли авторы, бросающіе свои пьесы въ огонь.

Этотъ секретарь началъ хлопотать объ Пиронѣ. Лесажъ и Фюзелье уже не были забавны въ Комической

Оперѣ, ихъ веселость устарѣла, всѣмъ надоѣло слушать одну и туже пѣсню. Пиронъ явился кстати; смѣлою рукою взялъ онъ скипетръ забавъ. Однакожъ, первыя его шутки были не слишкомъ удачны. «Тогда, говаривалъ онъ въ старости, тогда я писалъ каждую ночь комическія оперы, падавшія каждый день. Но вдругъ по просьбѣ актеровъ Французскаго театра вышелъ приказъ, по которому Комическая Опера могла выводить на сцену только одно говорящее лицо. Какъ извернуться? Пиронъ и тутъ не потерялся, онъ создалъ образецъ ума, сатиры и философіи — разумѣется комической оперы. Это образцовое произведеніе, за которое ему заплатили 600 ливровъ, было *Арлекинъ Девкаліонъ*. Выборъ удаченъ. Девкаліонъ, спасшійся одинъ отъ потопа, былъ очень кстати для пьесы, гдѣ могъ говорить только одинъ человѣкъ. Пиронъ прикинулъ къ нему еще Полишинеля и попугая; они могли говорить, несмотря на указъ, забывшій объ нихъ. Потомъ остроумный поэтъ вывелъ на сцену Аполлона, Амура, Музъ, Пегаса, которые тоже исполняютъ свои роли и выражаютъ свои мысли аріями, пѣсенками, атрибутами. Какъ не узнать, на-примѣръ, Пегаса по ослинымъ ушамъ и по крыльямъ индѣйки? Этотъ монологъ имѣлъ неслыханный успѣхъ. Насмѣшники перешли на сторону Пирона и французскимъ актерамъ не оставалось лучшаго мщенія, какъ просить пьесы у поэта. Трагикъ Кребильонъ былъ ихъ посланникомъ. Но успѣхъ упояетъ и туманитъ разумъ. Пиронъ, почитая себя призваннымъ къ высокимъ судьбамъ театра, принялся, хотя съ большимъ усиліемъ, за слезную драму: «*Неблагодарный сынъ*.»

Она не имѣла большаго успѣха. Пиронъ свалился съ высоты своихъ мечтаній и снова очутился на своемъ чердакѣ, тѣмъ-же бѣднякомъ, какъ былъ прежде. Поэзія посѣщаетъ чердаки только въ свѣтлые дни юности поэтовъ; а Пирону было уже тридцать пять лѣтъ; у него небыло полушки въ кошелькѣ, ни искры любви въ сердцѣ. Бѣдный поэтъ никогда не былъ обласканъ фортуною и любовью: одна приходила къ нему подъ видомъ милостыни, другая подъ платьемъ какой нибудь безпріютной актрисы, отложившей сердце въ сторону вмѣстѣ съ театральной мишурой. Разъ только забилось сердце Пирона для актрисы Шере, сохранившей еще натуру жен-

щины. Пиронъ вздыхалъ цѣлыхъ шесть недѣль; онъ сочинилъ элегію и написалъ хорошенькое посланіе: жестокая смягчилась и наступилъ часъ пробилъ и для Пирона. И вотъ, съ бьющимся сердцемъ, идетъ онъ къ своему идеалу. Привыкнувъ ужинать какъ можно плотнѣе, онъ въ эту минуту забылъ даже объ ужинѣ. Онъ звонитъ, ему отпираютъ, его вводятъ въ блестящій будуаръ. За нимъ входитъ прекрасная Шере въ очаровательномъ неглиже:-это вы, Вітбіп, я васъ не ждала такъ рано.-Знаю, что еще нѣтъ одинадцати часовъ; но чтожъ дѣлать? мои ноги не хотѣли отстать отъ сердца. Но вы безпокоитесь?.... Да, Шевалье хотѣлъ притти въ 10 часовъ. Онъ прислалъ мнѣ утромъ 25 луидоровъ; мнѣ жаль его, вѣдь онъ разорается для меня. А онъ не любитъ васъ, зная, что я расположена къ стихотворцамъ. Когда онъ придетъ, заговорите при немъ объ какой нибудь прелестницѣ и не обращайте на меня вниманія; онъ уйдетъ довольный, не надоѣдая мнѣ долго. Звонятъ, кажется? это онъ. Займитесь же лучше каминомъ.—Является Шевалье, прыгая и напѣвая пѣсенку. При видѣ Пирона, небрежно развалившагося на бержеркѣ, онъ нахмурилъ брови и загремѣлъ шпагою.—Государь, мой сказалъ онъ съ горячностію; вы здѣсь, я думаю, не даромъ; но я не совсѣмъ глупъ. Я подарилъ ей сегодня 25 луидоровъ; отдайте мнѣ ихъ, или ступайте вонъ. — Вы съ ума сошли, говоритъ ему актриса; 25 луидоровъ! развѣ вы не знаете, что онъ поэтъ? — Пиронъ, разъ въ жизни, не нашелъ отвѣта.-Этотъ малый разсудителенъ, сказалъ онъ про себя. Здѣсь принимаютъ, какъ видно, за деньги; а какъ у меня нѣтъ ни полушки, такъ я и уйду. Онъ взялъ шляпу и вышелъ.

Пиронъ утѣшался въ своихъ неудачахъ съ веселыми сподвижниками разгульной пѣсни, основавшими знаменитую академію веселья подъ названіемъ: *Погребокъ* (le Caveau). Вся исторія этаго *Погребка* въ немногихъ словахъ: ужинали, пѣли, сыпали остротами. Пиронъ былъ лихой собесѣдникъ, олицетворенное остроуміе. Гриммъ сказалъ объ немъ: «Это была машина для остротъ, насмѣшекъ и и эпиграммъ. Въ словесной схваткѣ, онъ былъ самый сильный атлетъ. Отвѣты его были еще ужаснѣе нападеній. Вотъ почему Вольтеръ боялся, какъ огня, встрѣчи

съ Пирономъ. «Припомнимъ здѣсь кстати словцо, котораго Вольтеръ долго не могъ забыть: это литературная исторія. Вольтеръ читалъ свою *Семирамиду* у маркизы Мамеръ; Пиронъ былъ въ числѣ слушателей. Въ трагедіи попадалось много стиховъ Корнелья и Расина, при каждомъ изъ нихъ Пиронъ очень серьозно дѣлалъ препочтительный поклонъ. Наконецъ, взбѣшенный Вольтеръ, видя на всѣхъ лицахъ насмѣшливую улыбку, спросилъ у Пирона, за чѣмъ онъ кланается. «Продолжайте, продолжайте, отвѣчалъ бургундскій поэтъ: необращайте вниманія; я привыкъ кланяться старымъ знакомымъ.—«*Семирамида*» была вскорѣ сыграла безъ особеннаго успѣха. Вольтеръ, встрѣтивъ Пирона въ фойе, спросилъ, что онъ думаетъ о его рагедіи. «Я думаю, что вамъ было бы очень пріятно, еслибъ я написалъ ее.» Особенную силу колкостямъ Пирона придавало то, что онъ былъ золъ и ѣдокъ, вопреки своей наружности. Его лицо было такъ кротко и невинно, что въ Дижонѣ его всегда называли Bimbin. (Это слово, бургундскаго нарѣчія, значитъ почти тоже, что bénin, *привѣтливый, добрякъ*).

Пиронъ бывалъ иногда въ салонахъ; онъ обѣдывалъ изрѣдка въ томъ или другомъ знатномъ домѣ. Онъ зналъ, что приглашали его умъ; за то и говорилъ онъ: «Мнѣ даютъ въ долгъ подъ закладъ.» Однажды, у какого-то маркиза, одинъ вельможа уступаетъ ему дорогу въ дверяхъ столовой. Маркизъ, видя эту вѣжливость, говоритъ вельможѣ: «Эхъ, графъ, оставьте ваши церемоніи; вѣдь это поэтъ.» Пиронъ благородно отвѣтилъ на оскорбленіе; онъ гордо поднялъ голову и прошелъ первый, говоря: «Такъ,-какъ достоинства извѣстны, то я занимаю свое мѣсто.» Пиронъ, введенный въ заблужденіе и успѣхомъ и паденіемъ, забралъ въ голову, что его родъ трагедія. Онъ кончилъ «*Каллисѳена*» и пьеса упала сразу. Каждый поэтъ выразилъ на сценѣ особый характеръ, Корнель—величіе и героизмъ, Расинъ—страсть и нѣжность, Кребильонъ—ужасъ, Вольтеръ человѣколюбіе: Пиронъ хотѣлъ тоже занять мѣстечко на солнцѣ геніальности; онъ вывелъ на сцену гигантское и странное, думая, что «удивительный родъ» (le genre admiratif) есть самая значительная часть въ области трагедіи.» Такъ въ *Каллисѳенѣ*, Александръ жестокій тиранъ только потому, что философъ не хочетъ

боготворить его; Лизимахъ сражается со львомъ; Леонидъ обрекаетъ себя на смерть, чтобы отягчить совѣсть Александра лишнимъ преступленіемъ. «Для успѣха этой пьесы, говорилъ Вольтеръ, до эпиграммъ Пирона, нужно, чтобы всѣ зрители были Катоны или Сократы.» Тутъ Вольтеръ слишкомъ вѣжливъ. *Каллисѳенъ*, это несчастное искаженіе исторіи, палъ передъ разсудительностію зрителей. По словамъ Пирона, настоящая причина паденія этой трагедіи: кинжалъ, которымъ Каллисѳенъ долженъ былъ пронзить свое сердце; кинжалъ этотъ былъ такъ плохъ, что рукоять и клинокъ развалились надвое, и актеръ взялъ оружіе отъ Лизимаха по частямъ. Общій смѣхъ поднялся въ роковую минуту, когда онъ закололся, держа куски обѣими руками. «Только ложный мертвецъ, да я—не хохотали, говоритъ Пиронъ; это былъ настоящій ударъ кинжала, поразивній моего бѣднаго Каллисѳена.» Но это ужъ чисто поэтическая причина.

Пиронъ хотѣлъ загладить эти два паденія новою трагедію. Онъ написалъ «*Густава Вазу*,» имѣвшаго изрядный успѣхъ. Это полная исторія переворотовъ Швеціи, сжатая въ одной картинѣ; никогда въ новѣйшихъ мелодрамахъ столько трагическихъ положеній не было сосредоточено въ одномъ фокусѣ. Изъ одного послѣдняго акта *Густава* можно бы сдѣлать 50 старинныхъ трагедій. Въ этой смѣси всѣхъ страстей и всѣхъ событій, въ этомъ хаосѣ, разсѣкаемомъ свѣтомъ, есть патетическія сцены, вспышки истиннаго величія, благородныя мысли, прекрасные стихи. Вдохновеніе великаго Корнеля нисходило иногда и на Пирона.

За *Вазою* послѣдовалъ «*Фернандо Кортесъ*»; эта геройческая трагедія была худо принята публикою: Пиронъ не понялъ потребности, онъ перенесъ весь интересъ на сторону испанцевъ. Онъ сдѣлалъ изъ Монтесумы глупца, цѣлующаго руки, которыя его оковываютъ, раба своего народа и своихъ враговъ, вооружающагося за однихъ и за другихъ, робкаго любовника Эльвиры, которая его презираетъ. Это было не въ духѣ французовъ и не возбуждало сочувствія къ герою.

Для Пирона Мехика была просто обѣтованною землею испанцевъ; въ ожиданіи славныхъ миссіонеровъ, эта прекрасная страна была какимъ-то бѣднымъ уголкомъ

земли, безъ Бога, безъ законовъ, безъ искусствъ. Но вотъ ужасное противорѣчіе! Знаете ли для чего является Фернардо Кортесъ? Для прекрасныхъ глазъ Эльвиры! это уже не миссіонеръ, а просто странствующій рыцарь, влюбленный паладинъ, отправляющійся въ честь дамы своего сердца открывать новый міръ и геройски сражаться съ дикарями. Пусть любовь бросаетъ свои цвѣты въ трагедіи, но зачѣмъ-же подъ этими цвѣтами хоронить героя?

Вы знаете, что *Кофейная Прокопа* была въ половинѣ прошедшаго столѣтія лучшею литературною лабораторіею въ Парижѣ. Критиками въ ней были Фреронъ, Дора, Дефонтенъ, Грессе, Фаворъ, Кребильонъ, Дидро, Пиронъ. Послѣдній былъ главнымъ редакторомъ. Представьте себѣ новаго Геркулеса, съ косматою головою, прищуренными глазами, привѣтливымъ лицомъ, въ довольно богатомъ платьѣ, и дополните это легкимъ выраженіемъ насмѣшки на устахъ и какимъ-то грустнымъ, задумчивымъ видомъ: вотъ Пиронъ въ кофейной Прокопа. «Удивительно, говаривалъ докторъ Прокопъ, что такой веселый умъ живетъ въ такой скучной квартирѣ» Лучшій физіономистъ понялъ бы болѣзнь Пирона: бѣднякъ былъ смущенъ и утомленъ арлекинадами своего ума. Его поэтическая натура ежеминутно оскорблялась ролею шута. Вотъ почему онъ писалъ трагедіи; но что онъ ни дѣлалъ, поэтъ не могъ свалить шута съ плечъ своихъ. Къ тому же, Пиронъ былъ бѣденъ, вѣчно бѣденъ, а мрачный плащъ бѣдности становится, наконецъ, тяжелъ даже для поэта; къ тому же Пиронъ былъ одинокъ, а одиночество въ Парижѣ опасно, на чердакѣ, у камина безъ огня, у окна безъ солнца. Нѣтъ ничего безотраднѣе жилища, посѣщаемаго только бѣдностію. Невидимая рука постоянно благодѣтельная, но скрывавшаяся, отъ всѣхъ глазъ, рука маркиза Лассе, посылала ежегодно 500 ливровъ въ контору нотаріуса Пирона, на вспомоществованіе поэта; книгопродавцы и актеры не доставляли ему и половины этой суммы. Такъ Пиронъ, обдумывая комедію свою «*Метроманію*,» не имѣлъ двухъ франковъ на дневной расходъ. Жильберъ никогда небылъ доведенъ до этаго: умирая съ голоду, Жильберъ не былъ лишенъ счастія и любви, подобно Пирону. Увы! Пиронъ не встрѣ-

тилъ любви въ своей нищетѣ, ни одна бѣлая ручка не поддерживала его утомленной головы, ни одно сердце не отвѣчало на его горе, ни одинъ взглядъ не ободрялъ его, ни одинъ поцѣлуй не вознаграждалъ за столько скрытыхъ слезъ! Чтожъ значитъ горе Жильбера, горе не продолжавшееся долѣе мечты гордости и негодованія? Но страданіе Пирона! Одинъ Богъ знаетъ, какъ оно было медленно и безпощадно, какъ разнообразно мучило оно бѣднаго поэта! Вечеромъ слѣдило оно за нимъ въ его бѣдную комнатку или встрѣчало его на порогѣ.« Ну, хозяинъ, говорило оно, протягивая свою холодную руку, вы истратили свой грошъ и свою эпиграмму? Ахъ, старый мотъ! что-же ты не приберегъ пяти су на дрова, зачѣмъ не привелъ ты сострадательной души, которая согрѣла бы твой холодный чердакъ! Ты слывешь за умника, а вѣдь ты просто круглый дуракъ, Пиронъ. Посмотри на Вольтера и другихъ, какъ они тебя обогнали! Въ театрѣ освистываютъ твои трагедіи, а имъ бросаютъ вѣнки; въ свѣтѣ – они вельможи, а ты шутъ; ихъ ласкаютъ прелестныя женщины, а тебя кто? они сорятъ деньгами, ну-ка звякни своимъ кошелькомъ? они въ Академіи, тебя туда ни примутъ. Ты нажилъ въ Парижѣ только сѣдины. Что скажешь на это, бѣдный бургундскій поэтъ?» Пиронъ, вмѣсто отвѣта, ложился со слезами на плохую постель. На другой день онъ вымаливалъ у музы нѣсколько риѳмъ, сказку, посланіе, сцену комедіи; но чаще муза зябла въ этой бѣдной комнаткѣ, среди жалкой мебели, въ сосѣдствѣ старухи и попугая.

Въ этомъ бѣдномъ жилищѣ, гдѣ Бюффонъ и Вольтеръ не могли бы продышать часа, не только написать строчки, Пирона посѣтили однакоже нѣсколько извѣстныхъ лицъ; но пожалѣйте бѣднаго Пирона! Вельможа, почтившій поэта посѣщеніемъ, испортилъ свой поступокъ милостынею, недостойною вельможи и поэта: уходя, онъ положилъ на каминъ нѣсколько луидоровъ! Только одинъ великій писатель, Монтескье, посѣтилъ Пирона, не оскорбивъ его милостынею.

Наконецъ, послѣ упорнаго пятилѣтняго труда, *Метроманія*, непринятая сперва актерами, дождалась постановки и рукоплесканій зрителей. Пиронъ не одинъ былъ авторомъ этой комедіи; знаменитая дѣвица Кино, имѣв-

шая на него сильное вліяніе, совѣтами своими заставила его передѣлать пьесу. *Метромачія* есть плодъ терпѣнія, совѣтовъ и ума, но не плодъ генія. Нѣтъ! Что бы ни говорили Фреронъ и Лагарпъ, *Метроманія* не образцовое произведеніе; это хорошенькая комедія, въ которой есть и веселость, и вѣрныя картины, и ловкія сцены, и остроумная сатира, и стихи, достойные Мольера, и черты, достойныя Реньяра; а все-таки въ этой пьесѣ много пустоты: это человѣчество, не вполнѣ дорисованное.

Успѣхъ утѣшилъ Пирона, но успѣхъ въ пятдесятъ лѣтъ немножко запоздалъ, да вмѣстѣ съ успѣхомъ были и ѣдкія критики; и вскорѣ, благодаря критикамъ, актерамъ, завистливымъ авторамъ, *Метроманія* была предана забвенію.

Пиронъ не разбогатѣлъ отъ нея; но если фортуна не послѣдовала за славою, то по крайней, мѣрѣ, слава привлекла любовь. Любовь въ пятдесятъ лѣтъ! лучше поздо, чѣмъ никогда, говоритъ мудрость народная. Разъ, вечеромъ, передъ ужиномъ, Пиронъ мечталъ, не знаю объ чемъ, въ лавкѣ Галле. Галле, веселый запѣвало, лихой питухъ, былъ москотильщикъ. Входитъ женщина и спрашиваетъ кофею и сѣрныхъ спичекъ. Галле не было, Пиронъ подаетъ товаръ.—Больше вамъ ничего не нужно?—Галле, вошедшій въ это время, говоритъ, смѣясь: Имъ еще нуженъ мужъ.—Чудесно! отвѣчаетъ Пиронъ; если вы полагаете, что для стрѣлы пригодно всякое дерево, я не прочь.—Дѣвица покраснѣла и ушла молча. На другой день Пиронъ едва всталъ, какъ она вошла въ его комнату.—Послушайте, сказала она, съ робостію; мы оба изъ Бургундіи; давно уже я желала видѣть такаго умнаго человѣка; узнавъ вчера, что встрѣтилась съ вами въ лавкѣ г. Галле, я пришла сегодня навѣстить васъ безъ церемоній. Ахъ, какъ вы должны здѣсь скучать! я боялась встрѣтить у васъ какую нибудь театральную красавицу; но, благодаря Бога, вы живете настоящимъ трапистомъ. Неужли вы никогда не думали покончить (faire une fin), г. Пиронъ? — Пиронъ былъ оглушенъ этимъ болтаньемъ: увы! сударыня, я предоставилъ эту заботу курносой; но скажите, пожалуйста, что вы подъ этимъ разумѣете? — Я говорю, вы никогда не думали жениться? — Не слишкомъ думалъ; да садитесь, пожалу-

ста, я разведу огонь.—Знаете ли что, г. Пиронъ? это васъ насмѣшитъ, да все равно, я выскажу все прямо: если ваше сердце.... Пиронъ, все болѣе и болѣе удивленный, не могъ выговорить слова.—Однимъ словомъ, г. Пиронъ я пришла предложить вамъ мое сердце и руку, а вмѣстѣ съ ними двѣ тысячи ливровъ пожизненнаго дохода.—Пиронъ, противъ своего обыкновенія, принялъ дѣло серьезно; его тронула встрѣча съ душою сострадательною; дѣвушка говорила съ слезами на глазахъ, онъ поцѣловалъ ее съ увлеченіемъ.—Я предоставляю вамъ, сказалъ онъ ей, всѣ заботы о свадьбѣ, а Галле напишетъ плохую пѣсню на этотъ случай, и все будетъ въ порядкѣ.—Вы видите, г. Пиронъ, самую счастливую дѣвушку въ мірѣ! Я никогда не надѣялась такъ удачно выдти замужъ, потому что, я не хочу ничего скрывать, мнѣ *пятдесятъ три года*.

— Ну чтожъ! сказалъ Пиронъ, немножко поморщась: намъ обоимъ будемъ слишкомъ сто. Намъ бы должно было встрѣтиться пораньше; но что-же дѣлать? вмѣсто *исторіи*, наша свадьба будетъ *сказкой*: вотъ и вся бѣда.

Свадьба была веселая. Старая дѣва оказалась доброю дѣвушкою; она стала сестрою, другомъ и преданной служанкой Пирона. Онъ такъ привыкъ къ ея кофею утромъ, къ ея болтовнѣ вечеромъ, онъ такъ былъ очарованъ ея энтузіазмомъ, что признавалъ себя счастливѣйшимъ изъ мужей. Онъ уже не былъ одинъ, не нуждался во всемъ, могъ отказаться отъ обѣда въ гостяхъ, если погода была дурна, могъ купить иногда комедію Мольера или трагедію Корнелья; онъ самъ уже былъ въ состояніи подать милостыню, правда, не на каминѣ, но на углу улицы; онъ могъ, наконецъ, принимать у себя друзей, какъ вельможа. Надобно знать нужду, крайнюю нужду, чтобъ понять это прозаическое счастіе поэта.

Но нѣтъ прочнаго счастія на свѣтѣ: добрая старушка черезъ пять лѣтъ послѣ свадьбы была поражена параличемъ; пять лѣтъ еще томилась она въ этомъ положеніи, наконецъ умерла; унося горькое сожалѣніе Пирона и 2000 ливровъ пожизненнаго дохода. Бѣдный поэтъ не остался одинъ, благодаря племянницѣ, которая пришла къ нему изъ состраданія, незная куда дѣваться. Она была послѣднею опорою Пирона. Онъ почти ослѣпъ; она водила его,

писала его стихи, читала ему чужіе, однимъ словомъ, она была вторымъ его зрѣніемъ.

Каждый годъ Колле, Панаръ, Галле и вся веселая шайка гулякъ праздновали день рожденія Пирона. За два года до его смерти, этотъ праздникъ былъ прекраснѣйшимъ въ его жизни. Съ самаго утра стихи и букеты сыпались на него, старые друзья и пѣсни пробудили его веселость. Противъ воли, его увѣнчали розами, миртами и лаврами. Вдругъ является новый гость къ Пирону; прощайте стихи и букеты, пѣсни и вѣнки! Новый гость былъ печальный изгнанникъ, страждущая душа, несчастный геній, человѣкъ на вѣки знаменитый, Жанъ-Жакъ Руссо! Пиронъ схватилъ руку Жанъ-Жака, съ крикомъ радости прижалъ ее къ своему сердцу и громовымъ голосомъ запѣлъ: *Nunc demittis servum tuum, Domine*. — Наконецъ это вы, мой любезный Руссо. О, славная голова! О, доброе сердце! И варвары сожгли его *Эмиля*. Тѣмъ лучше, благоуханіе такой жертвы возрадовало ангеловъ. Но какъ вамъ пришло въ голову придти ко мнѣ, потому что вы вѣдь не всюду ходите. Не для того ли, чтобы представить контрастъ мудрости и безумства? Кстати, простили ли вы мнѣ кой-какія эпиграммы? Что дѣлать? Какъ выпью, я всегда задоренъ..... Я жду другихъ, возразилъ Руссо; продолжайте, веселой питомецъ Бахуса, баловень музъ, оставайтесь Пирономъ, вы родились насмѣшливымъ, но никогда не были злымъ.

Пиронъ заговорилъ и съ часъ продолжался этотъ ослѣпительный фейерверкъ остроумія; онъ сыпалъ остротами, эпиграммами, каламбурами; Жанъ-Жакъ не могъ придти въ себя, никогда онъ не былъ такъ удивленъ. — Вы вернетесь сюда, сказалъ ему Руссо, провожая его по лѣстницѣ. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; этотъ бѣглый огонь меня утомляетъ и ослѣпляетъ; я отъ него задыхаюсь. Что за человѣкъ! Это пиѳія на треножникѣ. — Ахъ, друзья! вскричалъ Пиронъ, по уходѣ Руссо: простите мнѣ мои слезы; я плачу, какъ ребенокъ.

Черезъ два года по смерти его жены, въ 1753 г., Академія хотѣла достойно утвердить славу Пирона. Онъ былъ избранъ единодушно, хотя не дѣлалъ обычныхъ визитовъ. Г. Бугенвиль, соперникъ его, объѣхалъ всѣхъ академиковъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ ему Монтескьё, что вы дѣлаете визиты за Пирона. — Какія права имѣете вы на академическія кресла? Спросилъ его Дюкло. — *Параллель Александра и Томаса Кулы Хана.* — Мы этого не читали. — Но, сударь, у меня есть другое право: я умирающій. — Дюкло улыбнулся и отвѣчалъ: Развѣ вы принимаете Академію за больницу? — Этотъ Бугенвиль возсталъ противъ Пирона съ стариннымъ епископомъ Мирпуа, который напомнилъ Лудовику XV, что Пиронъ былъ виновенъ въ созданіи многихъ безнравственныхъ, по его мнѣнію, произведеній. — Прошу васъ, государь, не утверждать выбора Академіи. — Помпадуръ заступилась за Пирона, но ханжи принялись хлопотать такъ горячо, что король принужденъ былъ имъ уступить; имя Пирона было навсегда вычеркнуто изъ знаменитаго списка Академіи. — Этотъ епископъ, сказалъ Пиронъ, порядочно хватилъ меня посохомъ. — И онъ написалъ свою эпитафію, знаменитѣйшую изъ всѣхъ эпитафій:

Ci - gil Piron, qui ne fut rien,
Pas même academicien!
Здѣсь лежитъ Пиронъ; онъ былъ НИЧТО,
Даже не былъ академикомъ!

Когда Монтескье узналъ рѣшеніе короля, то началъ такъ краснорѣчиво ходатайствовать за Пирона, что Лудовикъ XV тотчасъ же назначилъ 1000 ливровъ пенсіи старому поэту. Г-жа Помпадуръ прибавила отъ себя 500 ливровъ. Графъ Сенъ-Флорентенъ и Маркизъ Ливри послѣдовали доброму примѣру, такъ, что Пиронъ опять нашелъ свои 2000 ливровъ пожизненнаго дохода, унесенные покойницею. Кромѣ того, онъ получалъ безъимянный пенсіонъ Лассе; его сочиненія и театръ доставляли ему около 1000 ливровъ: онъ сталъ почти богатъ. Тогда, знаете ли, что онъ сдѣлалъ? Онъ сдѣлался ханжею. Принялся переводить псалмы и писать оды на страшный судъ. Эта назидательная старость открыла ему двери у духовенства; онъ былъ принятъ даже у Парижскаго архіепископа, который, впрочемъ, все - таки не избавился отъ его эпиграммъ. Разъ, въ большомъ собраніи, архіепископъ сказалъ ему нѣсколько тщеславно: Ну что,

Пиронъ, читали вы мое пастырское посланіе? — Нѣтъ, ваше высокопреосвященство, а вы?

Пиронъ прожилъ до 83 лѣтъ, какъ Вольтеръ. Его отецъ воспѣлъ его рожденіе, нашлись поэты и для его смерти. Энберъ написалъ на этотъ случай слезную элегію, которая насмѣшила бы покойника. Его племянница постоянно ухаживала за нимъ съ любовью. Ослѣпши совсѣмъ, онъ видѣлъ только ея глазами; однакожъ, вышедъ замужъ за музыканта Капрона, она скрывала этотъ бракъ отъ Пирона, чтобы онъ не подумалъ, что она его забудетъ, или оставитъ. Три года она принимала своего мужа за столомъ старика, воображая, что онъ ничего не замѣчаетъ; но Пиронъ зналъ все и говаривалъ своимъ друзьямъ: « Пакетъ у Нанеты. Я посмѣюсь послѣ смерти.» Этотъ пакетъ заключалъ завѣщаніе, начинавшееся такъ: *Я назначаю моего наслѣдницею госпожу Капронъ, мою племянницу.* Эта черта стоитъ всѣхъ остротъ Пирона. —

Пиронъ принадлежитъ къ числу оригинальныхъ лицъ XVIII столѣтія; онъ не натуживался, чтобы походить на того или другаго; онъ родился и умеръ Алексѣемъ Пирономъ. Внимательное изученіе бургундскаго поэта покажетъ вамъ смѣлыя его попытки въ области искусства. Во первыхъ, Пиронъ хотѣлъ нѣсколько отважною борьбою человѣческихъ страстей вызвать въ одно время у зрителя и смѣхъ, и слезы. Но умы, еще не приготовленные, не приняли нововведенія. Во вторыхъ, въ *Арлекинѣ—Девкаліонѣ*, поэтъ вывелъ на сцену всю прелесть фантазіи. Рамо, сочинившій музыку на эту пьесу, чувствовалъ, по его выраженію, *великольпное* удивленіе при представленіяхъ этого маленькаго образцоваго произведенія. Дѣйствительно, въ немъ есть какое-то величіе. Еслибъ выкинуть изъ него нѣсколько площадныхъ мѣстъ, оно было бы одной изъ очаровательнѣйшихъ фантазій французской литературы.

Пиронъ заслуживаетъ также благодарность за попытку возстановить, во время полнаго господства чопорности и изысканости, старинную сказку, завѣщанную покойнымъ Маро. Къ несчастію, Пиронъ былъ болѣе простонароденъ, чѣмъ наивенъ, но все-таки нельзя отнять у него простодушія и откровенной безпечности его предшественника.

Этого достаточно для характеристики манеры Пирона. Она представляетъ нѣкоторое сходство съ манерой Грессе. У перваго, впрочемъ, болѣе наружной или худо скрытой обработки, у втораго болѣе свободы и простодушія, не въ идеяхъ, а въ стихахъ; впрочемъ тотъ же взглядъ, тотъ же ограниченный горизонтъ. Поставимъ также противъ Пирона оригинальную фигуру Скаррона: при первомъ взглядѣ, эти два лица облиты какими то лучами веселья; но мало помалу эта лживая веселость исчезаетъ, лучь пропадаетъ, остается только отраженіе сердца; а какъ оно страждетъ, то вы и видите мрачную скорбь, которая скрывается и глотаетъ слезы подъ маскою судорожнаго смѣха.

Въ поэзіи Пирона нѣтъ воздуха и солнца; только любовь могла вознести его въ божественную область; безъ любви же, Пиронъ остался прикованнымъ къ землѣ. Кромѣ того, его молодость имѣла роковое вліяніе на его творчество, а *какова молодость, такова и поэзія*. Если поэтъ проводитъ юность въ тавернахъ, въ грубыхъ наслажденіяхъ, то его удѣломъ будетъ муза разгульнаго веселья; онъ будетъ смѣшить, но никогда не тронетъ — слезы текутъ изъ божественнаго источника. Если онъ проводитъ дни свои въ любви, въ любви вдохновенной, нѣжной Петрарки, въ любви благородной и страстной Жанъ-Жака, то небесный лучь освѣтитъ его созданія, божественный огонь одушевитъ его стихи. Кромѣ того, юность поэта требуетъ уединенія, уединенія въ нѣдрахъ природы, знакомящаго съ Божіимъ міромъ. Этого уединенія никогда не искалъ Пиронъ, этой любви онъ никогда не находилъ. За то въ его поэзіи не видно природы и молчитъ сердце. Въ ней нѣтъ ни вѣры, ни надежды на Бога; Пиронъ возвратился къ религіи на старости лѣтъ, когда прошла уже пора, не для души, но для поэзіи. Тщетно переводилъ онъ псалмы: Божественнаго дуновенія онъ немогъ перевести. Богъ любитъ и благославляетъ поэтовъ, призывающихъ его среди цвѣтущей юности, въ цвѣтѣ силъ, онъ не одушевляетъ тѣхъ, которые забываютъ его въ суетныхъ наслажденіяхъ земли, которые вспоминаютъ о немъ на порогѣ могилы, которые склоняютъ свою голову передъ его величіемъ-только подъ сѣкирою смерти.

ЗАПИСКИ ФЛОРЫ,

КОМИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ.

ГЛАВА XXVI.

Между тѣмъ, какъ происходило все, что я вамъ разсказала, совершилось другое, гораздо важнѣйшее событіе: Іюльская Революція, о которой разсуждать не мое дѣло; скажу только, что тутъ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, парижскіе театры наводнились отечественными пьесами, съ приправою революціонныхъ пѣсенъ, и что за кулисами возобновились тѣже различія мнѣній и въ такомъ же смѣшномъ видѣ, какъ послѣ Реставраціи. Изъ этой же политической революціи родилась революція литературная, овладѣвшая театромъ подъ именемъ романтизма.

Въ это время открылся вновь старый нашъ театръ Пале-Рояля, подъ управленіемъ Дормейля, актера и режиссера Драматической Гимназіи. Если-бъ я не была тогда ангажирована на театръ Разнообразія, то, безъ сомнѣнія, явилась бы на сценѣ, гдѣ начала свое поприще; ибо Дормейль немедленно по открытіи театра ангажировалъ старинную мою товарку Баройе, которой театръ Разнообразія далъ передъ тѣмъ отставку.

Въ это же время Брюне, пробывъ на театрѣ около полувѣка, и изъ него, по крайней мѣрѣ, три четверти на театрѣ Разнообразія, рѣшился оставить сцену, чтобы посвятить остальные годы своей жизни покою. Впрочемъ, онъ еще не въ послѣдній разъ являлся на сценѣ; въ послѣдній разъ онъ игралъ въ Парижѣ въ 1843 году, на театрѣ Одеона, въ чей-то бенефисъ, роль *Пурсоньяка*, и былъ вызванъ и увѣнчанъ. Брюне достойно заключилъ свое драматическое поприще на семьдесятъ-шестомъ году жизни въ Мольеровой пьесѣ.

Такіе примѣры долголѣтней жизни и вѣчной молодости въ искусствѣ гораздо рѣже между женщинами, чѣмъ между мужчинами; нельзя однако-же не вспомнить о г-жѣ Марсъ, которая сошла съ театра на шестьдесятъ-шестомъ году, и была еще мила, очаровательна, и плѣняла прелестнымъ органомъ. Я была на послѣднемъ ея бенефисѣ; она играла *Селимену* въ *Мизантропѣ*, и *Араминту* въ *Ложныхъ тайнахъ*; она была осыпана цвѣтами и вызвана съ неистовымъ восторгомъ. Нѣкоторые зрители дивились, какъ она могла еще производить такую иллюзію; одинъ старый поклонникъ Французскаго-театра, помнившій дебютъ великой артистки, сказалъ на это: «Г-жа Марсъ напрасно покидаетъ сцену.» Тогда много разсуждали о ея лѣтахъ, но дивное ея дарованіе вполнѣ оцѣнено только тогда, какъ мы лишились ея; всѣ люди со вкусомъ и всѣ истинные любители драматическаго искусства сожалѣютъ о ней. Когда другіе хотятъ подражать ей, тогда видимъ мы, какъ справедливо дано ей названіе *неподражаемой*; съ нею сошли со сцены многія изъ ролей, въ которыхъ она блистала. Не знаю существуетъ ли *давность* для таланта; не знаю, необходима ли актрисѣ молодость, когда она чаруетъ насъ голосомъ, физіономіею, чистою рѣчью, развязностью, отличными манерами? Говорятъ объ иллюзіи; нѣкоторые утверждаютъ, будто она *не производитъ иллюзіи*, это сужденіе, кажется, слишкомъ строго. Знаю только, что верхъ искусства — побѣждать природу; что молодость на сценѣ заключается въ голосѣ, въ движеніяхъ, въ обращеніи и что очень много молодыхъ женщинъ, которыя и на сценѣ и въ гостиной смотрятъ старухами. Никогда не забуду, какъ аплодировали шестидесяти-лѣтнему Моле, когда онъ говорилъ въ какой-то пьесѣ:« не я старъ, а старо мое метрическое свидѣтельство.»—Впрочемъ, позвольте мнѣ напомнить вамъ одинъ случай, который дѣлаетъ честь и таланту артистки, и вкусу зрителей, Г-жа Де-Бри, актриса Мольеровой труппы, превосходно играла Агнесу въ *Школѣ женщинъ*. Незадолго передъ тѣмъ, какъ она оставила театръ на шестидесятомъ году, товарищи уговаривали ее отказаться отъ этой роли, и передать ее молоденькой, хорошенькой Дюкруази. Но едва новая Агнеса вышла на сцену, партеръ потребовалъ г-жу Де-Бри. Она была въ театрѣ: ей не дали даже одѣться, а принудили играть въ

чемъ была. Съ того дня она удержала роль Агнесы, и играла ее съ прежнимъ успѣхомъ до шестидесяти-пяти лѣтъ.

Въ 1836 году, посѣтители театра Разнообразія, любители разгульнаго веселья и скоромнаго водевиля, смѣявшіеся съ Одри, съ Верне и съ Флорою, съ изумленіемъ увидѣли новаго актера, творца замысловатой роли Робера Макера. Фредерикъ Леметръ, безспорно, человѣкъ съ рѣдкимъ талантомъ: но, по моему, онъ былъ также неумѣстенъ на нашемъ театрѣ, какъ былъ бы Тальма въ водевилѣ. Зрители были одного мнѣнія со мною, несмотря на громадный успѣхъ его въ двухъ пьесахъ Александра Дюма: въ *Маркизѣ де Брюнуа*, и въ *Кинѣ*. Леметръ и самъ убѣдился въ этомъ, и скоро возвратился къ Сенъ-Мартенскимъ воротамъ, гдѣ ему было просторнѣе.

Изъ рукъ Дормейля, дирекція наша перешла въ руки остроумнаго водевилиста Баяра, который въ свою очередь сдалъ ее вскорѣ Дюмануару. Въ управленіе этихъ господъ было на нашемъ театрѣ множество дебютовъ; изъ всѣхъ этихъ перелетныхъ птицъ назову только одного, котораго не мѣшало бы удержать; это Равель, который впослѣдствіи отличался въ Водевилѣ съ Арналемъ, а нынче тѣшитъ своими фарсами публику Пале-Рояля.

При Дюмануарѣ же явилась у насъ знаменитая пьеса *Балаганщики* (les Saltimbanques). Давно уже Одри не имѣлъ удачи въ новыхъ роляхъ; его начинали уже забывать, поговаривали даже о томъ, чтобъ просить его оставить театръ; но однажды Дюмерсанъ спросилъ его, цѣлъ ли у него кафтанъ, въ которомъ онъ игралъ въ *Кучерахъ*.

— Зачѣмъ, спросилъ Одри.

— За тѣмъ, чтобы надѣть его сверхъ турецкаго платья.

— Не понимаю, что за притча, сказалъ Одри: кафтанъ, впрочемъ, цѣлъ; я его, пожалуй, отдамъ подновить.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ Дюмерсанъ; вамъ понадобится кафтанъ во всей его вѣтхости, для того, чтобы одѣть господина *Бильбоке*.

Объ успѣхѣ *Балаганщиковъ* и говорить нечего; это дѣло всѣмъ извѣстное, но я съ гордостью могу сказать, что я содѣйствовала этому успѣху. Дюмерсанъ и Варенъ придумывали, какую бы роль дать въ третьемъ дѣйствіи дикой, эксцентрической Аталѣ, которую они прочили для меня. Я вывела ихъ изъ затрудненія, разсказавъ имъ истинную исторію женщины-вели-

кана, какъ мнѣ разсказывала ее сама героиня. Эта женщина еще жива, и потому я назову ее только начальною буквою ея имени.

Г-жа В..., женщина рѣдкой красоты, но слишкомъ ничтожнаго таланта, чтобы недостатокъ его могъ загладиться красотою, являлась только въ хорахъ Сенъ-Мартенскаго театра, въ которыхъ обращала на себя всеобщее вниманіе лицомъ и ростомъ. Эта скромная роль ей скоро надоѣла, и она промѣняла ее на званіе директрисы. Но, чтобы не отягощать себя содержаніемъ труппы, наймомъ залы, платою авторамъ, покупкою костюмовъ и декорацій, она исходатайствовала себѣ только позволеніе показывать по провинціальнымъ городамъ и деревнямъ волшебный фонарь, транспаранты, косморамы и панорамы, изображавшія площадь св. Марка въ Венеціи, Египетскія пирамиды, Тріумфальную арку de l'Etoile, площадь Согласія и Семь чудесъ свѣта. Расхаживая по провинціи съ этими диковинками, она и не гадала, что можетъ сама со временемъ тамъ сдѣлаться диковинкою. Надо вамъ сказать, что физическія прелести ея развивались между тѣмъ въ такихъ богатырскихъ размѣрахъ, что она могла бы вступить въ состязаніе съ одною знакомою мнѣ актрисою, съ которою сходство ея къ сожалѣнію этимъ и ограничивалось. Переходя изъ города въ городъ, она часто клала свою артистическую клажу на возъ услужливаго извозчика, и шла съ нимъ рядомъ, разгоняя скуку бесѣдою. Однажды пришла она такимъ образомъ въ какой-то большой городъ, въ надеждѣ, что тутъ, какъ въ средоточіи цѣлой префектуры, найдется болѣе любопытныхъ и поклонниковъ искусства, чѣмъ въ полудикихъ деревняхъ. Но на бѣду ея, въ это время все высшее общество неслось въ большой театръ, слушать какого-то опернаго пѣвца, бывшаго въ отпуску: толпа же завладѣла циркомъ, будто бы Франкони, канатные плясуны, кукольная комедія, карликъ-Лапландецъ, рожденный въ стѣнахъ Парижа, звѣринецъ, въ которомъ показывали собакъ за сибирскихъ волковъ, кошекъ за бенгальскихъ тигровъ, и фокусникъ, величавшій себя ученикомъ знаменитаго Конта, занимали народъ поочередно. Волшебный фонарь и транспаранты, при такомъ соперничествѣ, не окупали свѣчъ. Бѣдная г-жа В. двѣ недѣли жила на постояломъ дворѣ, и не знала, чѣмъ заплатить хозяину и за мѣсто на городской площади. Къ счастью ея... но послушайте лучше собственный ея разсказъ.

— Однажды я задумчиво сидѣла надъ своимъ ужиномъ, и размышляла о томъ, какъ мнѣ будетъ расплачиваться съ хозяиномъ. Такъ какъ ужинъ мой былъ черезъ-чуръ скроменъ, то я выдумала для пополненія его, пробѣжать новѣйшія извѣстія. Къ тому же, къ газетѣ можно иной разъ напасть на добрую мысль. Я велѣла подать себѣ газету. Служанка бросается во всѣ стороны, роется, ищетъ.

— А, помню! говоритъ она, наконецъ; беретъ табуретку, становится на нее, снимаетъ съ полки банку, вѣроятно изъ подъ варенья или соленыхъ огурцовъ, развязываетъ ее, вынимая изъ нея засаленную газету, и подаетъ мнѣ. Развертывая ее, отыскиваю отдѣлъ разныхъ извѣстій, читаю: «Его величество король Карлъ X, изволилъ вчера охотиться въ окрестностяхъ Рамбулье. Не забудьте, что это было въ 1836 году, когда Луи-Филиппъ былъ уже шестой годъ королемъ Французовъ.

— Нѣтъ ли другой газеты? спросила я.

— Эта развѣ вашей милости не годится? мы подаемъ ее всѣмъ нашимъ постояльцамъ.

Я отдала служанкѣ газету, которую она опять бережно свернула, и поставила на прежнее мѣсто, на полку.

Въ это время вошла въ комнату толпа людей, довольно курьезной наружности: это были балаганщики, пріѣхавшіе на ярмарку. Они съ шумнымъ весельемъ усѣлись къ столу, за которымъ сидѣла и я. Одинъ изъ нихъ, бывшій повидимому, начальникомъ труппы, заказалъ вкусный ужинъ, и, видя меня одну, за противуположнымъ концомъ стола, счелъ обязанностью вступить со мною въ разговоръ, и спросилъ, не артистка ли я?

— Такъ точно, артистка, отвѣчала я, и притомъ артистка въ нищетѣ, какъ вы сами можете судить по бѣдности моего ужина.

— Я не потерплю такого неравенства въ своемъ присутствіи, сказалъ онъ; гдѣ стоитъ столъ на шестерыхъ, хватитъ и на седьмаго; позвольте пригласить васъ на нашъ ужинъ, и не чваньтесь, почемъ знать, завтра же, можетъ быть, не я буду подчивать васъ ужиномъ, а вы меня. Мы также пріѣхали въ здѣшній городъ зашибить грошъ своими талантами; но успѣхъ можетъ и несоотвѣтствовать нашимъ исполинскимъ ожиданіямъ.

Я сказала своимъ новымъ пріятелямъ, какое соперничество ожидало ихъ.

— Чортъ возьми! сказалъ директоръ, на такихъ дорогихъ гостей я не разсчитывалъ. Но авось совладаемъ и съ ними! Вы говорите, что на ярмаркѣ есть карликъ; а есть ли великанъ?

— Нѣтъ, великана нѣтъ; великіе люди не такъ легко родятся, какъ мелкіе.

— Богъ не обидѣлъ васъ умомъ, сударыня, какъ же вы не придумали средства выдти изъ затруднительнаго положенія?

— Что тутъ придумывать? моихъ диковинъ не смотрятъ, и все тутъ!

— Да вы бы показывали себя самихъ.

— А что я за диковина?

— Можно сдѣлать изъ васъ и диковину. Чѣмъ болѣе я смотрю на васъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что съ помощью небольшихъ прикрасъ изъ васъ выйдетъ диковина на диво всѣму свѣту. Посмотрите, что за богатырская окладка. Сколько въ васъ росту?

— Признаюсь, я никогда не мѣрила своего росту.

— Встаньте, сдѣлайте одолженіе.

Онъ вынулъ изъ кармана складной метръ, развернулъ его, и сталъ прикладывать ко мнѣ, какъ портной, снимающій мѣрку.

— Одинъ метръ и три четверти; прикинемъ еще полметра на обувь, да полметра на головной уборъ, будетъ два метра три четверти. Что-жъ касается до полноты, о ней нечего и безпокоиться. Завтра же объявлю на вывѣскѣ, *Женщину-колосса*, и затопчемъ карлу въ самую преисподнюю.

Я почти готова была подумать, что онъ меня дурачитъ.

— Умѣете вы пѣть, играть?...

— Пою довольно плохо, а играю на гитарѣ и того хуже.

— И славно.

— Но у меня нѣтъ гитары.

— У меня есть, на ней не достаетъ правда трехъ струнъ; но это будетъ оригинальнѣе. Паганини играетъ же концерты на скрыпкѣ объ одной струнѣ; и мы снимемъ двѣ лишнія.

— Я не въ голосѣ, ужасно охрипла.

— Тѣмъ лучше, у женщины-колосса долженъ быть густой контральтъ; голосъ рѣзкій, въ родѣ г-жи Штольцъ.

Словомъ, у него всѣ мои недостатки обращались въ достоинства.

— Можете вы бойко и смѣло врать? дурачить толпу дураковъ разсказывая всякія небылицы въ непонятныхъ выраженіяхъ?

— Поучите, авось съумѣю.

— Не знаете ли какого иностраннаго языка?

— Гдѣ мнѣ? не поручусь и за свой родной.

— Чудо, чудо, лучше и желать нельзя. Ломайте французскій языкъ, поддѣлывайтесь подъ произношеніе савояровъ; вѣдь вамъ, вѣроятно, случалось слышать рѣчь своего водоноса. Я васъ выдамъ за испанку изъ горъ Сьерры-Морены. Между тѣмъ, поужинаемъ, и не будь я знаменитый Тортиколи, если черезъ недѣлю половина денегъ со всей ярмарки не будетъ въ нашихъ карманахъ.

Обѣщанія Тортиколи ободрили меня: ужинъ былъ для меня тѣмъ пріятнѣе, что этотъ чудакъ разсказалъ бездну продѣлокъ, одна лучше другой, которыми онъ приманивалъ дураковъ и переводилъ деньги изъ ихъ кармановъ въ свой кошель, какъ орѣхъ изъ подъ одного стакана подъ другой.

— Что такое свѣтъ? говорилъ Тортиколи; вѣчная ярмарка, на которой одни разыгрываютъ балаганныя штуки, а другіе на нихъ глазѣютъ; одни платятъ деньги, а другіе ихъ берутъ. Вотъ на-примѣръ, мой пальяцъ; онъ у меня поочередно, смотря по надобности, то Ирокезецъ, то Осагъ, то Альбиносъ, то несгарающій, то орангъ-утангъ или лѣсной человѣкъ. Эти красавицы являются то готтентотскими Венерами, то дѣвами солнца. Онѣ пляшутъ на канатѣ, дѣлаютъ всевозможныя сальтиморталы, глотаютъ шпаги, ѣдятъ камни, что не мѣшаетъ въ другое время преисправно, какъ вы сами и видите, кушать вкуснаго кролика. Онѣ играютъ съ змѣями, которыя послѣ того обращаются въ чудесныхъ угрей подъ винным соусомъ. Я изобрѣлъ теленка о двухъ головахъ, зайца на шести ногахъ, такъ какъ эти рѣдкія животныя показываются набитые соломою, то вы сами разсудите, что не трудно пришить имъ головъ и лапъ, сколько душѣ угодно. Я же объявляю о земноводномъ уродѣ, рожденномъ отъ кролика и щуки; когда же приходятъ его смотрѣть, я почтительно докладываю, что онъ у меня вытребованъ господами профессорами Зоологическаго Музея; но что я могу показать почтенной публикѣ отца и мать его, чѣмъ почтенная публика остается весьма довольна.

«На слѣдующій день я должна была дебютировать въ своей роли женщины-колосса. Меня поставили на высокіе коньки, завѣшенные длинными, широкими турецкими шараварами; на го-

лову падѣли мнѣ огромную чалму съ строусовыми перьями; округлили мнѣ и безъ того уже довольно полную талію подушками, и поставили меня на скамейку въ два фута вышины. Любопытныхъ было тьма-тьмущая; всѣ дивились моему росту, моей дородности, моему контральту, моему мнимо-испанскому языку, моей дивной игрѣ на одно-струнной гитарѣ. Нѣкоторые охотники до диковинъ пожелали видѣть меня вблизи; я давала имъ особенные сеансы, на которыхъ всегда присутствовалъ самъ Тортиколи, въ качествѣ моего толмача. Одинъ испанскій бѣглецъ вздумалъ утверждать, будто я говорила не по испански; Тортиколи отвѣчалъ ему, что онъ самъ не знаетъ по испански; эмигрантъ сталъ шумѣть въ балаганѣ; Тортиколи утверждалъ, что онъ не испанецъ, а только выдавалъ себя за испанца, и обманомъ выманивалъ помощь правительства; испанецъ клялся, что говорилъ чистымъ каталонскимъ языкомъ.—«Слышите? подхватилъ Тортиколи; испанецъ, а говоритъ по каталонски!»

«Полиція схватила испанца и повела къ меру; мы же собрали свои пожитки, и поспѣшно удрали, пока не нажили себѣ бѣды. Между тѣмъ, мы въ недѣлю собрали болѣе, чѣмъ намъ когда либо снилось; мы расплатились съ содержателемъ постоялаго двора, я заплатила свои долги, и сверхъ того получила еще на свою долю триста франковъ, съ которыми и отправилась въ Парижъ.»

Вотъ исторія г-жи В..., которою наши авторы остались весьма довольны, и изъ которой они скроили мнѣ въ *Балаганщикахъ*, роль женщины—колосса, ростомъ въ *восемь футовъ надъ поверхностію моря*.

ГЛАВА XXVII.

По мѣрѣ бесѣды своей съ снисходительными читателями, которые благоволятъ послушать моихъ радостей и печалей, и можетъ быть, принять участіе въ моей артистической и частной жизни, я замѣчаю, что упустила изъ памяти много, отчего моя книга могла бы еще немного потолстѣть. Я замѣтила это одному своему доброму знакомцу, литератору; онъ въ отвѣтъ посовѣтовалъ мнѣ не слишкомъ растягивать книгу и привелъ стихи Вольтера, который, безъ сомнѣнія, хорошо зналъ это дѣло. Не смотря, однакоже, на совѣтъ пріятеля, и на уваженіе мое къ Вольтеру, я не могу устоять противъ желанія разсказать

вамъ одинъ небольшой эпизодъ изъ счастливыхъ лѣтъ моей жизни.

Это было послѣ втораго поступленія моего на театръ Разнообразія, въ то самое время, когда я начинала блистать на своемъ поприщѣ, и когда дружба Феликса прочила мнѣ, по-видимому, продолжительное счастіе. Я уже говорила вамъ, что я въ то время имѣла хорошенькую квартирку, въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Феликсъ. Товарищи очень любили меня; я воспользовалась днемъ своего рожденія, чтобы угостить ихъ, и вмѣстѣ отпраздновать свое новоселье; на этотъ праздникъ я пригласила большую часть нашихъ артистовъ и тѣхъ изъ нашихъ авторовъ, которые наиболѣе принимали участія въ моихъ успѣхахъ. Но я никакъ не ожидала сюрприза, который они готовили мнѣ. Феликсу показалось, что обѣ наши квартиры будутъ тѣсны для такого многочисленнаго общества; онъ настоялъ на томъ, чтобы праздникъ былъ данъ на дачѣ, и принялъ на себя всѣ хлопоты и заботы; я на все охотно согласилась.

Наступилъ назначенный день, мы сѣли во карету, и отправились къ Елисейскимъ полямъ, въ Вдовью-аллею. Я думала, что мы ѣдемъ къ какому нибудь изъ тамошнихъ ресторановъ, которые часто отдаютъ свои огромныя заведенія, съ садами, на свадьбы и другіе торжественные случаи. Вмѣсто того, мы остановились передъ прелестнымъ домикомъ, вовсе не похожимъ на гостинницу.

Мы выходимъ изъ кареты; ворота отворяются и въ саду раздаются звуки цѣлаго оркестра; это были музыканты нашего театра. Идемъ далѣе; изо всѣхъ кустарниковъ, изо всѣхъ бесѣдокъ раздается хоръ, и я узнаю голоса своихъ товарищей. Изъ-за-деревьевъ выходитъ Боскье-Гаводонъ, подноситъ мнѣ букетъ цвѣтовъ, и поетъ поздравительные куплеты, изъ новой оперы; за нимъ всѣ мои товарищи, съ букетами, и повторяютъ куплеты хоромъ.

— Гдѣ я? воскликнула я.

— У себя, отвѣчалъ Феликсъ. Какъ Флорѣ, богинѣ цвѣтовъ, не имѣть сада?—Вѣчно миѳологія; это была слабость Феликса.

Меня торжественно повели въ палатку, поставленную среди сада, въ которой былъ великолѣпно накрытый столъ. Для меня поставленъ былъ стулъ, оплетенный цвѣтами.

Обѣдъ, какъ вы можете себѣ представить, былъ чрезвычай-

но веселъ, и заключился безконечными заздравными тостами. Послѣ обѣда мы отправились гулять по саду; въ концѣ одной аллеи былъ устроенъ небольшой театръ изъ зелени. Меня пригласили сѣсть на почетное мѣсто, и началось представленіе.

Нѣсколько моихъ товарищей сыграли водевиль, въ мою честь, наполненный самыми льстивыми намеками. Всѣ куплеты прославляли мою красоту, мои добродѣтели, мою благотворительность, даже мое геройство. Все это очень льстило моему самолюбію, хотя похвалы и казались мнѣ нѣсколько преувеличенными, въ особенности, когда величали меня Минервою и Антигоною; мнѣ отъ роду не представлялось случая явить свою дочернюю любовь, подобно дочери Эдипа.

Многіе куплеты и даже цѣлыя сцены казались мнѣ знакомыми; наконецъ, я узнала всю пьесу; это была пьеса, написанная въ честь герцогини Ангулемской, съ перемѣною только немногихъ словъ. Я тѣмъ не менѣе была въ восторгѣ отъ воскуреннаго мнѣ ѳиміама. Не могла я только объяснить себѣ, какимъ образомъ товарищи мои напали на странную мысль, приложить ко мнѣ хвалы, назначенныя такой высокой особѣ. Наконецъ, Обертенъ объяснилъ мнѣ загадку.

Пріятели мои просили одного довольно лѣниваго литератора, котораго имя я умолчу, написать пьесу къ моему празднику; но обѣщать и исполнить два дѣла розныя. Неотыскавъ своего обычнаго сотрудника, который выѣхалъ на дачу, онъ не сдержалъ слова; одному ему можетъ быть не хватало ума. Какъ бы то ни было, но водевиль не поспѣлъ. Обертенъ и предложилъ сыграть давнишнюю пьесу; и такимъ образомъ ѳиміамъ, назначенный для Тюильрійскаго дворца, и принцессѣ Бурбонскаго дома, воскурился во Вдовьей-аллеѣ, въ честь актрисы театра Разнообразія.

Мнѣ, впрочемъ, не первой повторялись почести, назначенныя первоначально другому. Былъ же сожженъ въ честь Людовика XVIII фейерверкъ, приготовленный мастеромъ Руджіери для Наполеона. А сколько пѣсенъ, сложенныхъ на короля Римскаго было пѣто въ честь герцога Бордосскаго! Другія пѣсни, сочиненныя для собраній королевской гвардіи, пѣвались не разъ на пирушкахъ національной гвардіи! Декораціи, уборы, чахлы и прочія вещи, хранящіяся нынче въ кладовыхъ придворной церемоніяльной конторы, были употребляемы при Людовикѣ XVI,

потомъ въ торжествахъ Республики, Имперіи и наконецъ Реставраціи. Увѣряли меня, будто дроги, на которыхъ было перевезено тѣло Людовика XVIII въ Сенъ-Дени, тѣ же Самыя на которыхъ возили Свободу на Марсово Поле, богиню Разума въ храмъ Парижской Богоматери, и прахъ Вольтера въ Пантеонъ. Разные пестрые покровы и чахлы накрываютъ всегда одинъ и тотъ же остовъ; снимите все это тряпье и мишуру, передъ вами простые дроги, съ надписью: *Придворной церемоніяльной конторы.*

Такъ уже все устроено на свѣтѣ, вездѣ и во всемъ одно театральное представленіе, великолѣпный спектакль, никогда не заглядывайте за кулисы, если не хотите разочароваться во всѣхъ своихъ мечтахъ.

Но возвратимся къ моему празднику. Хвалы, назначенныя принцессѣ, воскурились актрисѣ театра второй руки. Въ первый разъ за нихъ было вѣроятно щедро заплачено; мнѣ же они достались даромъ, то есть, по настоящей цѣнѣ.

За представленіемъ послѣдовала иллюминація, цвѣтные шкалики, транспаранты и прочая. Садикъ мой сдѣлался настоящимъ волшебнымъ садомъ, Тиволи въ маломъ видѣ. Въ каждомъ уголку ожидала меня новая радость; въ одномъ мѣстѣ Жоли показывалъ волшебный фонарь; въ другомъ, Легранъ ворожилъ; въ третьемъ Филиппъ дѣлалъ фокусы, онъ былъ мастеръ на эти штуки, также какъ и на чревовѣщаніе. Это было для него лучшею забавою.

Филиппъ только что передъ тѣмъ женился на прелестной актрисѣ Французскаго театра, Вольне. Онъ преуморительно разсказывалъ намъ свою свадьбу.

«Я былъ настоящимъ помѣщикомъ, говорилъ онъ. Мы справляли свадьбу въ прекрасной усадьбѣ моей жены, въ окрестностяхъ Парижа. Кромѣ гостей, мы созвали всѣхъ окольныхъ крестьянъ, и приготовили для нихъ обѣдъ въ паркѣ; это должно было придать особенную прелесть нашему сельскому празднику; эта смѣсь щеголеватыхъ горожанъ съ крестьянами представляла оригинальную картину, полную живописныхъ противуположностей. Когда мы вышли изъ церкви, дамы отправились переодѣваться къ обѣду, крестьяне между тѣмъ гуляли по парку, и съ нетерпѣніемъ ждали обѣда и бала. Видя ихъ скуку, я подумалъ, что надо-де ихъ чѣмъ нибудь занять, созвалъ

слугъ, велѣлъ вынести на лужайку передъ домомъ столъ и фокусничьи снаряды, которые я употреблялъ въ своихъ разъѣздахъ по провинціи. Крестьяне окружили меня. Я началъ представленіе со сценъ чревовѣщанія, которыя произвели дивный эффектъ, потомъ я принялся выдергивать мушкатные орѣхи изъ носовъ дѣвушекъ, рѣзать платки, словомъ, дѣлалъ штуки, которымъ позавидовалъ бы самъ Контъ. Наконецъ, перешелъ къ фокусамъ на картахъ, въ которыхъ я могу похвалиться довольно рѣдкимъ искусствомъ. Такимъ образомъ, я два часа тѣшилъ добрыхъ мужиковъ, которые валялись со смѣху, и не могли мною нахвалиться. Ну точно добрый помѣщикъ!»

Такъ-то Филиппъ понималъ обязанности помѣщика! Отправляясь домой, въ какой-то бричкѣ, онъ отдалъ лакею приказаніе ѣхать домой, самъ взялъ возжи и кнутъ, и погналъ лошадей.

Мы же танцовали до утра, гости разъѣхались только послѣ того, какъ подкрѣпили истощенныя силы вкуснымъ завтракомъ.

ГЛАВА XXVIII.

Недолго спустя послѣ моего праздника, г-жа Дюшенуа давала вечеръ въ Парижѣ; въ числѣ приглашенныхъ была и я, съ товаркою моею, Фелиціею, которую, по любезности ея, очень любили въ кругу артистовъ. Я въ тотъ день играла только въ первой пьесѣ, и потому явилась къ ней часовъ въ девять. Но Фелиція пріѣхала очень поздно; хозяйка стала ее дружески журить; вмѣсто извиненія, она захохотала, какъ сумасшедшая, и наконецъ, успокоившись, сказала:

— Выслушайте мое приключеніе. Вы знаете, что я въ первый разъ въ этомъ домѣ. Видя передъ воротами множество экипажей, я сошла съ извощика и пошла за другими на дворъ. Вхожу на подъѣздъ, въ прихожую, снимаю платокъ и теплые ботинки; лакей въ богатой ливреѣ спрашиваетъ мое имя, отворяетъ дверь настежъ и провозглашаетъ: «Дѣвица Фелиція!» Я вхожу въ большую, великолѣпно убранную залу; съ полдюжины дамъ, по видимому столь же древнихъ, какъ и мебель, встаютъ и встрѣчаютъ меня преторжественными поклонами съ нахмуренными лицами.

— Извольте садиться, сказала мнѣ одна изъ этихъ чопорныхъ барынь: хозяйка сейчасъ выйдетъ.

Я сѣла. Поздненько съѣзжаются на балъ, подумала я, видя одни старушечья лица. Гости, между тѣмъ, осматривали меня съ ногъ до головы и перешептывались; никто не говорилъ мнѣ ни слова, я не знала, что мнѣ дѣлать, и куда смотрѣть. Наконецъ, сосѣдка рѣшилась заговорить со мною.

— По какому случаю вы пріѣхали однѣ, сударыня, спросила она; матушка ваша вѣроятно пріѣдетъ послѣ?

— Моя мать уже десятый годъ въ могилѣ.

— Возможно ли? такъ вѣрно у васъ есть родственница, воспитательница, покровительница?

— Я совершенно одна.

— Странно! дѣвица... вашихъ лѣтъ... вашей красоты... весьма странно!

— Я надѣялась застать здѣсь дѣвицу Флору; не понимаю, почему она еще не пріѣхала.

Перемигиванія и перешептыванія возобновились. Наконецъ, явилась высокая, толстая старуха. Извините, сказала она, входя въ залу, я бесѣдовала съ отцомъ Гіацинтомъ; онъ сейчасъ будетъ, и прочтетъ намъ чудесное увѣщаніе. Увидѣвъ меня, она торжественно поклонилась и сказала: «Позвольте спросить, кто вы? я не имѣю чести васъ знать.

— Дѣвица Фелиція, сказала моя сосѣдка.

— Она надѣялась встрѣтить здѣсь дѣвицу Флору, подхватила другая.

— Что доставляетъ мнѣ честь видѣть васъ у себя? спросила она съ видомъ удивленія.

— Такъ вы хозяйка дома? воскликнула я.

— Должно быть такъ, сударыня; а вы полагали что пріѣхали....

— На балъ.

— На балъ! воскликнула хозяйка сухо и вытянувшись... на балъ... ко мнѣ!...

— Я думала, сударыя, что здѣсь живетъ г-жа Дюшенуа, артистка Французскаго театра.

— Актриса! Она живетъ насупротивъ, черезъ дворъ. Вотъ, что значитъ имѣть такихъ сосѣдей! Нѣтъ, это нестерпимо, я

потребую, чтобы ей отказали, или сама съѣду съ квартиры... Вы, вѣроятно, также актриса?

— Актриса театра Разнообразія, отвѣчала я, съ важнымъ поклономъ.

Всѣ гости съ негодованіемъ отвернулись отъ меня. Въ эту минуту вошелъ іезуитъ, въ костюмѣ Тартюфа.

— Актриса!... господинъ Гіацентъ, актриса! кричали старухи.

—Іезуитъ мой остановился, какъ вкопанный. Я бросилась къ дверямъ, едва удерживась отъ хохота, перебѣжала черезъ дворъ, и такимъ образомъ добралась до вашей квартиры. Сдѣлайте одолженіе, пошлите туда за моимъ платкомъ и за теплыми башмаками, потому-что я ужъ не посмѣю показать тамъ носу.

— Хорошо попали! сказала Дюшенуа: къ старой ханжѣ! Это общество сплетницъ, онѣ не столько забавляются, какъ мы, за то злословятъ вдвое. Ваше приключеніе напоминаетъ мнѣ подобное происшествіе, случившееся со мною въ прошломъ мѣсяцѣ. Нѣсколько артистокъ Французскаго театра собрались провести у меня вечеръ, и послушать молодую дебютантку, въ которой я принимала участіе; именно дѣвицу Депре, дочь одного нашего стариннаго товарища. Общество наше состояло изъ однѣхъ женщинъ. Дѣвица Депре уже продекламировала нѣсколько тирадъ, очень удовлетворительнымъ образомъ, и начинала знаменитый монологъ проклятія изъ *Горація*:

Rome, l'unique objet de mon ressentiment,

Какъ вдругъ дверь отворилась, и вошелъ господинъ съ длиннымъ, блѣднымъ лицомъ, тоже въ костюмѣ Тартюфа, и сталъ на порогѣ; ибо слуга, впуская его, сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ не прерывалъ монолога. Я сначала думала, что это какая нибудь штука Картиньи или Батиста, нарядившагося въ костюмъ дона-Базиліо; отъ этихъ господъ сталось бы. — Вы, вѣроятно, помните монологъ Камиллы; представьте же себѣ изумленіе и негодованіе іезуита, когда онъ услышалъ всѣ эти проклятія на Римъ и въ простодушномъ своемъ невѣжествѣ отнесъ къ настоящему Риму то, что Камилла обращаетъ къ Риму Тулла Гостилія.

Rome, l'unique objet de mon ressentiment,
Rome à qui vient ton bras d'immoler mon amant,
Rome qui t'a vu naître et que mon cœur abhorre,
Rome, enfin, que je hais parce qu'elle t'honore,
Puissent tous ses voisins, ensemble conjurés,
Saper ses fondemens encor mal assurés,
Et si ce n'est assez de toute l'Italie,
Que l'Orient contre elle à l'Occident s'allie;
Que cent peuples unis des bouts de l'univers
Passent pour la détruire et les monts et les mers;
Qu'elle-même sur soi renverse ses murailles
Et de ses propres mains déchire ses entrailles;
Que le courroux du ciel, allumé par mes vœux.
Fasse pleuvoir sur elle un déluge de feux!
Puissé-je de mes yeux y voir tomber la foudre,
Voir ses maisons en cendre et ses lauriers en poudre;
Voir le dernier Romain à son dernier soupir,
Moi seule en être cause, et mourir de plaisir!

— Когда дѣвица Депре кончила монологъ, мы всѣ стали съ восторгомъ аплодировать ей. Черный господинъ, стоявшій до тѣхъ поръ на порогѣ, сложивъ руки крестомъ, подошелъ къ намъ, поднялъ надъ нами руку, и воскликнулъ:

— О святотатство! въ вашей ли бесѣдѣ привелось мнѣ слышать такія безнравственныя рѣчи противъ Рима! и вы небоитесь, чтобы огонь небесный не обрушился на васъ, чтобы земля не поглотила васъ, какъ нѣкогда Датана и Авирона!

Мы смотрѣли на него выпучивъ глаза и не понимая, шутитъ онъ, или говоритъ серьозно. Я подошла къ нему, и вѣжливо спросила, за что онъ такъ на насъ негодуетъ и за что недоволенъ дѣвицею Депре.

— Дѣвица Депре, отвѣчалъ онъ, безбожница, и общество, которое рукоплещетъ ея неистовымъ рѣчамъ, заслуживаетъ негодованіе не только нашего братства, но и всего міра, покорнаго римскому престолу.

— Да изъ чего вы такъ заступаетесь за Римъ? спросила я.

— Изъ чего? Римъ глава тѣла, котораго я правая рука. Я сейчасъ же напишу отцу Лорике о томъ, что дѣлается въ ва-

шихъ сборищахъ, въ которыя онъ посылалъ меня быть вашимъ руководителемъ по совершенно иному пути.

— Я не имѣю чести знать отца Лорике, и не понимаю, съ чего онъ вздумалъ посылать васъ ко мнѣ.

— Не знаете отца Лорике, да гдѣ же я? вы развѣ не графиня С***?

— Не имѣю чести быть графинею; я просто Дюшенуа, актриса Французскаго театра.

— Актриса! воскликнулъ онъ. Я попалъ къ актрисѣ!...

— Такъ точно, къ актрисѣ.

— И слышалъ...

— Монологъ изъ трагедіи, превосходно продекламированный дѣвицею Депре.

— Надо было посмотрѣть, какую онъ сдѣлалъ рожу! Вы сударь, продолжала я, вѣроятно ошиблись дверью, какъ нерѣдко случается; вы, вѣрно, шли къ моей сосѣдкѣ, которая живетъ на одномъ дворѣ со мною, и которой входъ противъ моего.

— Вы правы, сударыня; привратникъ, дѣйствительно, говорилъ мнѣ направо, а я пошелъ налѣво. Извините, что я васъ потревожилъ.

За тѣмъ онъ умильно поклонился, поглядывая изъ подлобья на хорошенькія личика, которыя едва удерживались отъ смѣху, и вышелъ. Это приключеніе позабавило насъ на весь вечеръ, какъ комедія послѣ трагедіи.

Угроза его писать отцу Лорике подстрекнула мое любопытство; мнѣ захотѣлось узнать, что это за существо. На слѣдующій день я обратилась къ одному пріятелю, который и далъ мнѣ желанныя свѣдѣнія. Отецъ Лорике, членъ іезуитскаго братства, авторъ «Новой исторіи Франціи, для юношества,» въ которой онъ говоритъ, между прочимъ, что Людовикъ XVIII царствовалъ двадцать лѣтъ, и по случаю отлучки своей изъ Франціи, поручалъ управленіе государства маркизу Бонапарту. Такъ-то писалась исторія Имперіи во время Реставраціи!»

ГЛАВА XXIX.

Царство театральныхъ директоровъ никогда не отличалось прочностью; но въ послѣднее время въ особенности стало оно подвергаться частымъ перемѣнамъ. Въ 1839 году мѣсто Дюма-

пуара, въ театрѣ Разнообразія, заступили Жусленъ де Ласаль, Леруа и Опижесъ; ихъ царство ознаменовалось огромнымъ успѣхомъ и въ денежномъ отношеніи, и въ отношеніи славы, добрая часть этого успѣха принадлежала мнѣ и Одри, въ роляхъ Пиктоса и его жены, въ *Сволочи*. Кормило театра не долго оставалось въ рукахъ этихъ господъ; оно перешло отъ нихъ въ руки настоящаго нашего добраго и умнаго директора, Нестора Рокплана.

Прежде, чѣмъ я заключу свои записки, я намѣрена представить еще картину ежедневной жизни. Нужно бы, правда, перо Пиго-Лебреня, для того, чтобы изобразить свадьбу, на которую я была приглашена; но я надѣюсь, что читатели снизойдутъ къ моей слабости, ради оригинальности предмета. Немногіе имѣютъ понятіе о домашнемъ бытѣ и родственникахъ артистовъ. Это лица всѣхъ званій и сословій, представляющія подчасъ самыя странныя противуположности; всѣхъ любопытнѣе въ этомъ отношеніи танцовщицы. Для примѣра вспомнимъ хоть ту оперную богиню, которой одинъ молодой маркизъ говорилъ: «Пора бы тебѣ, моя душа, прогнать своего грубіяна швейцара.» — Я и сама уже объ этомъ думала, любезный маркизъ, отвѣчала она: да какъ это сдѣлать: онъ мой отецъ.

Я была приглашена на свадьбу сестры одной танцовщицы Большей Оперы; сама невѣста была портниха, а женихъ ея портной и притомъ театральный. Сестра жила въ одномъ домѣ со мною, внизу, и была подъ покровительствомъ богатаго банкира. По долгу сосѣдства, она удостоила меня приглашенія на брачный обрядъ и слѣдовавшій за нимъ обѣдъ у ресторатора Дефье. Въ церковь я пріѣхать не могла, потому что у меня была репетиція новой пьесы, назначенной на слѣдующій день; но вечеръ у меня былъ свободенъ и я отправилась къ ресторану. Я пріѣхала туда изъ первыхъ; въ прекрасно-убранной пріемной, передъ столовою, сидѣло четверо гостей, двое мужчинъ и двѣ женщины. По безвкуснымъ, смѣшнымъ нарядамъ ихъ, по ихъ языку и обращенію, страшно отзывавшимся рыбнымъ рядомъ и лакейскою, я подумала сначала, что ошиблась нумеромъ; ибо въ большихъ заведеніяхъ часто бываетъ по нѣскольку свадебъ въ одно время. Я спросила этихъ женщинъ, не приглашены ли онѣ также на свадьбу дѣвицы М.....

— Какъ же, отвѣчала одна изъ нихъ: еще бы не быть мнѣ

на свадьбѣ, мнѣ, ея родной теткѣ. А вотъ это ея двоюродная сестра, двоюродные братья; увидите всю ея семью. Племянница моя, то есть старшая, та, которая платитъ за свадьбу, принадлежитъ къ Большой Оперѣ, и знакома съ однимъ знатнымъ господиномъ; но она все-таки не отказывается отъ родныхъ. Да извольте же присѣсть. Вы пріѣхали раненько, какъ и я сама. Отъ обѣдни до обѣда рѣшительно не знаешь, куда дѣваться; по моему тотчасъ-бы за столъ; но надо же молодой переодѣться! Къ тому же племянница, та, что взяла свадьбу на свой счетъ, пригласила важныхъ господъ, которые могутъ пріѣхать только, когда кончатъ дѣла свои на биржѣ. Скучно, да что же дѣлать? Такая честь, имѣть за обѣдомъ банкировъ.

— Дѣвица Сенъ-Валь стало быть сестра дѣвицы Мишо, молодой?

— Сестра, сударыня, сестра; она называется Сенъ-Валь для своего банкира, потому-что это имя звучнѣе, чѣмъ Мишо. Не то, чтобы это имя было чѣмъ либо осудительно; оно не хуже другаго, я сама Мишо и много вы увидите нашихъ на свадьбѣ; впрочемъ, по мужу я мадамъ Мушоне, и также состою при Оперѣ.

— По части танцованія или пѣнія?

— По части размѣщенія; я при ложахъ; а мужъ мой обуваетъ балетныхъ артистокъ, шьетъ имъ башмаки.

Тутъ другая женщина перебила мадамъ Мушоне. «Чтожъ вы, мадамъ Мушоне, не дадите отдохнуть своей трещоткѣ, вѣдь горло заболитъ. Позвольте спросить, продолжала она, обращаясь ко мнѣ, вы вѣроятно также *аркиска*. Я также очень желала бы быть аркиской, но родители воспитали меня не къ тому. Они обучили меня шитью, и выдали почти дѣвчонкою замужъ.... за человѣка пожилаго, который былъ противъ насъ швейцаромъ, и въ тоже время занимался портнымъ мастерствомъ. Сначала господинъ Шапло очень мнѣ не нравился, но какъ говоритъ пословица: Свыкнешься—слюбишься, и я свыклась съ нимъ. И то сказать, чудо, не человѣкъ; такой смирный, кроткій, сидитъ весь день на верстакѣ; одно не хорошо, не хочетъ, чтобы я читала: занимайся же, говоритъ, хозяйствомъ. Прошу покорно; что мнѣ за охота быть всѣмъ служанкою! Бѣдняжкѣ Шапло нельзя было пріѣхать на обѣдъ, долженъ оставаться смотрѣть за домомъ, но не бойся, голуб-

чикъ, у меня карманы большіе, привезу тебѣ цѣлый запасъ гостинца, тебѣ и Азору.

Я съ любопытствомъ слушала эти разсужденія, испещренныя множествомъ самыхъ отборныхъ простонародныхъ выраженій, которыхъ я даже не припомню. Мужчины молчали; за то мадамъ Шапло, упрекавшая мадамъ Мушоне въ болтовнѣ, и называвшая ее трещоткою, говорила за всѣхъ. Чтоже, говорила она мужчинамъ, чтожъ вы не скажете слова, вы только знаете, что шагать по комнатѣ? Этотъ, сударыня, мой двоюродный братъ, Понше, парикмахеръ, а тотъ мой племянникъ, Крюше, истопникъ. Всѣ наши родные при театрѣ, и сестрица Сенъ-Валь должна непремѣнно опредѣлить и меня, что ни говори Шапло, который не можетъ со мною разстаться ни на минуту.

Это краснорѣчивое увѣщаніе не подѣйствовало; и братъ и племянникъ молчали; наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: Гости не ѣдутъ, пойдемъ выкурить сигарку на бульварѣ или сыграть партію на бильярдѣ въ трактирѣ.

— Вотъ вѣжливые кавалеры! вскричала мадамъ Мушоне, о эти мнѣ мужчины! никогда не научишь ихъ держаться въ хорошемъ обществѣ! Чѣмъ бы занимать дамъ, ихъ такъ и тянетъ пошататься, да сосать сигару. Ненавижу я сигары, и своему Мушоне строго запретила употреблять ихъ, наотрѣзъ объявила ему, что если отъ него будетъ пахнуть табакомъ, никогда не позволю ему цѣловать себя.

Филиппика г-жи Мушоне на мужчинъ и на сигары была прервана приходомъ цѣлаго полка новыхъ гостей, пріятелей и родственниковъ первыхъ, какъ я могла догадаться изъ посыпавшихся чмоканій и величаній: дядюшка, тетушка, племянница, братецъ, сестрица, и проч. Одинъ только молодой человѣкъ изъ вновь пришедшихъ, казалось, былъ не ихъ прихода; онъ подошелъ ко мнѣ, и, называя меня по имени, изъявлялъ удовольствіе, которое доставляла ему встрѣча со мною.

— Я не имѣю чести васъ знать, сказала я.

— Но я васъ знаю, отвѣчалъ онъ, почти съ энтузіазмомъ. Я литераторъ, хотя пьесы мои еще не были играны ни у васъ, ни въ Водевилѣ, ни въ Гимназіи, ни въ Пале-Роялѣ. Туда не скоро проберешься; директоровъ не уломаешь даже прочесть пьесу.

— Ваши пьесы вѣроятно играны на театрѣ Весслости или Драматическихъ шутокъ?

— Двѣ мои пьесы приняты на Сентъ-Антуанскомъ театрѣ и въ Пантеонѣ. Ахъ, если бы вамъ угодно было употребить ваше вліяніе, чтобы моя пьеса была принята на театръ Разнообразія! У меня есть чудесная роль для васъ!!.. Вы скоро увидите, какой я мастеръ сочинять куплеты; за обѣдомъ я спою свои куплеты въ честь молодой.

— Вѣрно очень чувствительные куплеты?

— Я родился куплетистомъ; готовъ бы всю жизнь писать водевили; но матушка хочетъ отдать меня къ дядѣ, мѣднику. Можете себѣ представить до театра ли среди стука молотковъ по наковальнямъ и треску угля въ горнѣ.

Въ эту минуту вошли молодые; со всѣхъ сторонъ посыпались имъ шумныя поздравленія; новобрачная должна была покориться изліяніямъ родственной нѣжности, запечатлѣвшейся яркими знаками на ея щекахъ. Молодой литераторъ не упустилъ случая потребовать и себѣ поцѣлуя.

Молодая была чрезвычайно мила и одѣта съ большимъ вкусомъ; ее можно бы даже принять за дѣвушку гораздо высшаго круга, если бы она не сняла перчатокъ, и не открыла на пальцахъ слѣдовъ иголки. Что же касается до жениха, платье на немъ было довольно щегольское, но онъ будто въ первый разъ его надѣвалъ, а изогнутыя дугою ноги показывали, что онъ проводилъ всю жизнь на верстакѣ.

На всѣхъ прочихъ гостяхъ также было клеймо ихъ ремесла; у одного были закоптѣлыя, грубыя руки слѣсаря; другой, красильщикъ, не могъ смыть свѣтлозеленой краски, которая облекала его руки, будто пара перчатокъ. Въ третьемъ съ удивительною тщательностью завитые волосы, отъ которыхъ несло гвоздичною помадою, изобличали парикмахера; четвертый, вытянувшись въ струнку, откинувъ локти назадъ, припрыгивалъ мелкими шагами, и выдѣлывалъ *па*, какъ танцоръ; краснолицый толстякъ садился раздвинувъ ноги, ставилъ передъ собою стулъ и держалъ спинку его, будто возжи; это очевидно былъ кучеръ.

Женщины лучше скрывали свое званіе, и если бы не кой-какія ухватки, напоминавшія лоретокъ, да не лавочныя вѣжливо-

сти, можно бы, пожалуй, этотъ контрабандный товаръ принять за законный.

Наконецъ явился третій отрядъ гостей; онъ состоялъ изъ полдюжины танцовщицъ, пріѣхавшихъ въ щегольскихъ колясках и впорхнувшихъ въ залу балетными сильфидами. «Гдѣ же эти господа?» воскликнули онѣ, осмотрѣвшись кругомъ; ни«кого еще нѣтъ?» — Мужчины переглянулись, удивляясь, что ихъ считаютъ ничѣмъ. Женщины насмѣшливо осмотрѣли ихъ съ ногъ до головы.

Между тѣмъ, на лѣстницѣ раздались громкіе голоса; съ шумомъ отворилась дверь и вошло человѣкъ пять или шесть щеголей; это были записные посѣтители Оперы и Café de Paris; конторщики, дворянчики, дипломаты мелкой породы; полубанкирчикъ, полуграфчикъ, недоросшій секретарь посольства; и среди ихъ исполиномъ выступалъ банкиръ, подъ руку съ дѣвицею Сенъ-Валь. Все семейство Мишо встало съ почтительнымъ, принужденнымъ видомъ. Оперныя нимфы побѣжали къ щеголямъ и овладѣли ихъ букетами. Дѣвица Сенъ-Валь обняла молодую, поклонилась всѣмъ роднымъ, съ видомъ покровительства, и объявила, что можно садиться за столъ.

Всѣ пошли въ столовую. На всѣхъ салфеткахъ были означены имена гостей. Но всего болѣе забавляло меня смущеніе тѣхъ изъ нихъ, которые не умѣли ѣсть; не то, чтобы они не отдавали должной чести яствамъ, но они принимались за нихъ самымъ уморительнымъ образомъ; и все это сопровождалось шутками, остротами, каламбурами, одинъ другаго забавнѣе. За шампанскимъ бесѣда развеселилась до того, что всѣ стали говорить въ одно время, такъ-что ничего нельзя было разслышать. Банкиръ наклонился ко мнѣ, и шепнулъ: «Куда заводитъ насъ любовь! Эта ватага шумитъ, какъ не шумятъ даже на биржѣ въ самые бурные дни.»

За шампанскимъ послѣдовалъ десертъ, за которымъ, какъ извѣстно, неразлучно пѣніе. Кучеръ, не ожидая приглашенія, затянулъ громовымъ голосомъ:

Lorsque le champagne
Fait, en s'echappant, pan! pan!

— Пускай поетъ молодая, закричали гости....

Молодая стала ломаться, но гости требовали неотступно; къ нимъ присталъ и женихъ; наконецъ, самъ банкиръ сказалъ ей: «Спойте, я прошу васъ.» Бѣдняжка дрожащимъ голосомъ запѣла романсъ Монпу на слова Виктора Гюго:

Castibelza, l'homme à la carabine,
Chantait ainsi, и проч.

Начала она въ одномъ тонѣ, а кончила въ другомъ, и дрожаніе голоса украсило мелодію не слишкомъ изящными фіоритурами; тѣмъ не менѣе ей аплодировали съ восторгомъ. Мужъ обнялъ ее, повторяя припѣвъ: «Me rendra fou!» Танцоръ объявилъ, что сама Дорюсъ-Гра никогда не пѣвала такъ превосходно; съ чѣмъ всѣ щеголи немедленно согласились.

Тутъ юный поэтъ потребовалъ вниманія своимъ куплетамъ; не легко было прекратить звонъ стакановъ, стукъ ножей и вилокъ и говоръ кумушекъ; однако же всемогущее слово хозяина-банкира водворило наконецъ тишину. Поэтъ всталъ и плаксивымъ голосомъ пропѣлъ куплеты, которыхъ къ сожалѣнію, я не записала. Помню только, что они начинались двумя стихами, которые я уже разъ сорокъ слыхала на театрѣ Водевиля:

En deux moitiés, dit-on le ciel
A partagé notre existence.

За тѣмъ слѣдовалъ цѣлый лексиконъ языка цвѣтовъ, а въ заключеніе удивительно новая аллегорія, что де въ саду Гименея Эротъ срываетъ розу.

Женщины плакали, мужчины хлопали; еще разъ выпили за здоровье молодой; потомъ встали изъ-за стола, выпили кофе и начался балъ.

Здѣсь я кладу перо, и умиленно сознаюсь въ безсиліи своемъ описать танцы, которыя я видѣла на этомъ балѣ; забавную важность и жеманное кокетство женщинъ, разгульную веселость лавочниковъ и ремесленниковъ; великолѣпную Мабилевскую эксцентричность щеголей и сильфидъ. Разскажу вамъ только, чѣмъ кончился этотъ оригинальный праздникъ.

Гости, разгоряченные виномъ, начинали уже не на шутку коситься на любезности и шутки щеголей. Банкирскій при-

кащикъ слишкомъ сжалъ талію парикмахерской жены, которая была очень не дурна собою, и покружившись съ нею въ вальсѣ, увелъ ее въ другую комнату прохладиться. Парикмахеръ пошелъ за ними; жена дала ему полновѣсную оплеуху, которую мужъ хотѣлъ вымѣстить на щекахъ любезника. На шумъ сбѣжались всѣ гости; каждый заступался за своего; бутылки и стаканы начали кататься по полу и летать по воздуху; къ счастію, молодая упала въ обморокъ, и все засуетилось около нея. Это обстоятельство пріостановило непріязненныя дѣйствія. Содержатель заведенія, боясь, чтобы они не возобновились, съ согласія банкира, который также довольно уже наглядѣлся на эти сцены, завернулъ кранъ газовой трубки.

Внезапная темнота, которую приписали непредвидѣнному поврежденію трубки, принудила гостей разойтись по домамъ; ихъ уложили, какъ сельдей, въ нѣсколько извощичьихъ каретъ и отправили. Двѣ старыя тетушки повели молодую въ опочивальню. Щеголи развезли сильфидъ. Банкиръ повезъ домой дѣвицу Сенъ-Валь, а какъ я жила въ томъ же домѣ, то онъ посадилъ и меня въ свой экипажъ. Дорогою онъ сказалъ своей возлюбленной:

— Моя милая, если ты вздумаешь выдавать за мужъ другую сестру, я, пожалуй, готовъ дать деньги на свадьбу, но ради Бога, уволь меня отъ присутствія на праздникѣ.

— Однако жъ будешь, если я захочу?.. отвѣчала она.

О сила любви.... и денегъ!

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ.

Скрытый грѣхъ все равно, что прощеный: говорятъ нѣкоторые. По моему не такъ: кто сознается въ грѣхѣ, гораздо болѣе заслуживаетъ прощенія. На дняхъ я проходила по Итальянскому бульвару, въ одной лавкѣ поразилъ меня прекрасный эстампъ: женщина на колѣнахъ, смущенная, со стыдомъ закрываетъ лицо руками; передъ нею мужчина, у котораго на лицѣ написана кротость и милосердіе, говоритъ обвинителямъ несчастной: «Тотъ изъ васъ, кто не знаетъ за собою грѣха, да броситъ въ нее первый камень!»

Теперь, любезные читатели, не угодно ли вамъ будетъ вер-

нуться со мною къ первымъ годамъ моей молодости, къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, которыхъ единственный слѣдъ есть чувство сожалѣнія; къ годамъ счастливыхъ, радостныхъ мечтаній, исчезающихъ, какъ сновидѣніе, и оставляющихъ одно пустое воспоминаніе! Отъ молодой женщины требуютъ, чтобы она была добродѣтельна; тѣ, которые вздоромъ считаютъ обмануть ее, не хотятъ дать ей права обманывать ихъ въ свою очередь. Вы всѣ, судящіе о женщинахъ по ихъ внѣшнему поведенію, посмотрите сколько иногда бываетъ благородства и честности въ сердцѣ той, которую вы называете вѣтренною. Какіе блестящіе дни ни удерживали бы ее, мечта супружества для нея всегда обольстительна.

Положеніе мое было самое счастливое, самое радостное. Явился обольститель, да, обольститель, ибо не одну невинность можно обольстить; каждый, кто совращаетъ ближняго съ пути долга, есть обольститель. А на мнѣ лежалъ долгъ благодарности. Надо сознаться, мой совратитель внушилъ мнѣ нѣжность, любовь; въ особенности же умѣлъ онъ трогать самую нѣжную струну: мечту супружества. Я безразсудно пожертвовала своею счастливою долею обѣщаніямъ, въ чистосердеміи которыхъ не сомнѣвалась; но скоро съ безпокойствомъ замѣтила, что что Б.... подъ разными предлогами все отдалялъ время нашего союза.

Однако-же онъ говорилъ мнѣ: Ахъ, любезная Флора, какое счастье, если бы у насъ былъ ребенокъ; если бы это былъ сынъ, съ какою радостью я далъ бы ему свое отцовское имя.

Это время настало; я убѣдилась, что должна скоро быть матерью. Не могу описать вамъ радости, съ которою Б.... принялъ это извѣстіе. «Теперь судьба наша рѣшена, сказалъ онъ, ты стала моею женою.» Это было самымъ счастливымъ временемъ моей жизни, потому-что я ожидала еще счастливѣйшаго будущаго: настоящее хорошо потому только, что обѣщаетъ будущее. Но никто не властенъ надъ своимъ будущимъ; это волшебный фонарь, въ которомъ мелькаютъ самыя очаровательныя картины; но стоитъ вѣтру задуть свѣчу—и все пропало.

У меня была добрая крестная мать, старая актриса, сошедшая съ театра съ довольно недурнымъ состояньицемъ. Я открыла ей свои надежды.

«Любезная Флора, своихъ дѣтей у меня нѣтъ, я считаю тебя

родною дочерью, и нехочу, чтобы ты выходила замужъ безъ приданаго; не хочу, чтобы мужъ попрекалъ тебя тѣмъ, что взялъ тебя нищею. Я знаю мужчинъ; великодушіе ихъ зависитъ отъ обстоятельствъ; твой мужъ можетъ пожелать сохранить въ супружествѣ раздѣльность имѣнія; въ такомъ случаѣ надо позаботиться о будущности твоего ребенка. Я подарю тебѣ десять тысячъ франковъ, которые ты можешь положить на его имя; посовѣтуйся объ этомъ съ моимъ нотаріусомъ; онъ одинъ изъ самыхъ честныхъ людей своего сословія: я знаю его уже тридцать лѣтъ, и онъ еще не составилъ себѣ состоянія.

Посудите сами, какъ я была благодарна доброй моей крестной матери. У меня было столько же своихъ денегъ, сбереженныхъ въ мои счастливые годы, я присоединила эту сумму къ подареннымъ деньгамъ и отдала двадцать тысячъ нотаріусу. Б. былъ весьма радъ этому извѣстію, которое, говорилъ онъ, доказывало ему, что я гораздо разсудительнѣе, чѣмъ бываютъ обыкновенно женщины моихъ лѣтъ и моего званія.

Вскорѣ послѣ того, Б. долженъ былъ отлучиться на нѣкоторое время изъ Парижа; это было мнѣ тѣмъ прискорбнѣе, что я должна была вписать ребенка въ гражданскіе списки, не показавъ имени его отца; но меня успокоило увѣреніе, что отецъ могъ признать его, женившись на матери. Возвратившись въ Парижъ, Б. чрезвычайно жалѣлъ, что не былъ при мнѣ въ такое время, когда присутствіе его было необходимо, осыпалъ меня ласками, и со слезами радости обнималъ сына.

— Теперь всѣ твои желанія исполнились, сказала я, надѣюсь, что ты исполнишь и мое; дай имя своему сыну; я этого прошу не для себя, а для него.

— Можешь ли ты сомнѣваться въ моемъ словѣ? отвѣчалъ Б. Это значило бы вовсе незнать моей души. Но надо еще повременить; я долженъ, сказалъ онъ, окончить нѣкоторыя семейныя дѣла, весьма важныя для нашей общей пользы.

Дѣла по интересамъ идутъ не такъ скоро, какъ дѣла сердечныя; я ждала, хотя эти безпрестанныя отлагательства нѣсколько и безпокоили меня; Б. ободрялъ меня, увѣряя, что скоро все будетъ кончено къ обоюдному удовольствію.

— Между тѣмъ, прибавилъ онъ однажды, я долженъ дать тебѣ добрый совѣтъ. Нотаріусъ, которому ты ввѣрила свои деньги, не надеженъ; я слышалъ на биржѣ, что кредитъ его сильно

упадаетъ, ты должна бы заблаговременно взять у него свои деньги, и отдать мнѣ: я пущу ихъ въ оборотъ Вѣдь наша польза общая, я долженъ заботиться и о твоемъ добрѣ, какъ о своемъ собственномъ.

Слѣпо вѣря ему на слово, я на слѣдующій же день отправилась къ нотаріусу, и просила его, не безъ смущенія, возвратить мнѣ деньги. Онъ сначала удивился моему требованію; потомъ отщиталъ мнѣ деньги, совѣтуя быть осторожною и не пускать ихъ въ безумныя спекуляціи. Я поблагодарила его за добрый совѣтъ, и отнесла свои двадцать тысячъ франковъ Б., — передавъ ему притомъ предостереженіе нотаріуса.

— Не безпокойся, Флора, отвѣчалъ мнѣ Б., твои деньги не подвергнутся никакой опасности. Самый вѣрный изъ оборотовъ есть пріобрѣтеніе поземельной собственности. Я въ настоящее время торгую прелестное помѣстье въ Нормандіи, съ фермою и съ пахатными землями; доходъ вѣрный. Тамъ мы поселимся, и будемъ жить другъ для друга. Хочешь-ли жить въ деревнѣ?

— Это моя мечта, отвѣчала я.

— Такъ зачѣмъ же откладывать? я поѣду завтра же, недѣли на двѣ, много на три; и потомъ повезу туда прекрасную фермершу, г-жу Б...

Онъ обнялъ меня, и я разсталась съ нимъ въ восторгѣ, создавая въ воображеніи сотни плановъ на будущую жизнь, которую я, на основаніи читанныхъ много романовъ, представляла себѣ какимъ-то земнымъ раемъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я конца двухъ недѣль, потомъ третьей! Но прошелъ мѣсяцъ, а я не получала никакихъ извѣстій о Б...

Меня стало терзать безпокойство; я начала думать, не случилось ли съ нимъ какого несчастія. Я отправилась на его квартиру, узнать, не было ли какихъ вѣстей о немъ. Къ великому моему изумленію дворникъ сказалъ мнѣ, что онъ сдалъ свою квартиру другому жильцу, и ему же продалъ всю свою мебель, а куда онъ переѣхалъ, неизвѣстно. Къ прежнему моему безпокойству присоединилось подозрѣніе; я, однако-же, старалась разсѣяться, объясняя поведеніе Б. тѣмъ, что онъ, уѣзжая со мною изъ Парижа, желалъ скрыть отъ всѣхъ наше мѣстопребываніе.

Прошло шесть недѣль; о Б... ни слуху, ни духу. Я не могла

долѣе выносить этой неизвѣстности, но къ кому обратиться, чтобы узнать, куда онъ дѣвался?

Мнѣ пришла въ голову мысль — мысль самая простая; но извѣстно, что чѣмъ мысль проще, тѣмъ труднѣе попасть на нее. Не могъ онъ выѣхать изъ Парижа безъ паспорта, въ особенности при тогдашней строгости полиціи. Я хорошо знала Порта, правителя паспортной конторы; онъ прежде былъ музыкантомъ при нашемъ театрѣ, а въ это время въ оркестрѣ Большой Оперы. Я отправилась къ нему, и спросила, не выдавалъ ли онъ за шесть недѣль передъ тѣмъ, свидѣтельства на выѣздъ господину Б..., котораго онъ хорошо зналъ, потому что часто видалъ со мною. Портъ вспомнилъ, что выдалъ ему свидѣтельство на выѣздъ въ Эрскій департаментъ, а одинъ изъ его чиновниковъ припомнилъ и самое мѣсто: «Г. Б.... говорилъ, что ѣдетъ покупать помѣстье Тури, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Эвре.

На третій день послѣ этого открытія, я была въ окрестностяхъ Эвре, и ѣхала на какой-то телегѣ, въ Тури; это былъ единственный экипажъ, ходившій въ то время по проселочнымъ дорогамъ. Остановившись на постояломъ дворѣ въ концѣ деревни, я спросила хозяина, нѣтъ ли у нихъ новаго помѣщика, и не зналъ ли онъ его.

— Знаю, отвѣчалъ онъ, это пріѣзжій изъ Парижа; онъ купилъ прекрасную усадьбу въ томъ концѣ деревни, въ полумили отсюда, помѣстье на славу! съ хорошими пашнями, и огромными фруктовыми садами.

— Не знаете ли его имени? спросила я.

— Знаю, г. Б,..., большаго росту, видный мужчина!

— Вы, видно, хорошо знаете его?

— Еще бы не знать! онъ стоялъ у меня цѣлыхъ двѣ недѣли, до подписанія купчей, отъ меня онъ переселился въ свое новое помѣстье, съ женою.

— Съ женою! воскликнула я; не можетъ быть!

— Точно съ женою! я это хорошо знаю, потому-что самъ готовилъ свадебный обѣдъ.

Я поблѣднѣла, ноги мои подкосились, и я упала бы, еслибы не подбѣжала и не поддержала меня жена трактирщика.

— Что съ вами? спросила она: дурно?

Я напрягла силы, и сказала хозяину: повторите то, что вы мнѣ говорили.

— Нѣтъ, сударыня, это васъ слишкомъ огорчаетъ; но клянусь вамъ, что я сказалъ правду.

— Г. Б... женатъ?

— Уже съ мѣсяцъ, какъ онъ вѣнчался въ здѣшнемъ приходѣ; онъ женился на дочери помѣщика, у котораго купилъ имѣніе.

Не знаю, что происходило въ это время въ моей душѣ; я кажется мгновенно сошла съ ума. Я не плакала, не упала въ обморокъ, не сказала ни слова хозяевамъ; сѣла въ свою телегу, и велѣла везти себя обратно въ Эвре; тутъ пересѣла въ дилижансъ, и на другой день была въ Парижѣ, обнимала сына, осыпала его поцѣлуями и пролила надъ его колыбелью всѣ накопившіяся въ два дни слезы.

— Бѣдный малютка, говорила я ему, будто онъ могъ понимать меня; у тебя нѣтъ болѣе отца, но за то осталась мать! мать, которая просила бы смерти, если-бы не должна была жить для тебя.

Есть видно мужчины, для которыхъ нѣтъ ничего святаго на свѣтѣ! Не говоря уже о благородствѣ души, о чувствительности, въ нихъ нѣтъ даже животнаго инстинкта! Несправедливые, неблагодарные люди! вы презираете женщинъ, издѣваетесь надъ ихъ слабостью, обвиняете ихъ въ непостоянствѣ. Навязывайте имъ еще тысячу недостатковъ, но скажите, видѣли ли вы мать, которая бы отрекалась отъ своего ребенка и бросила его?

Вы думаете я помнила въ эту минуту о деньгахъ, ввѣренныхъ Б...? Нисколько, но когда я подумала о своихъ обязанностяхъ къ сыну, о его будущемъ воспитаніи... какъ мнѣ ни больно было, я рѣшилась писать къ Б... Письмо мое было холодно и важно, какъ дѣловая бумага. Мнѣ нечего было ожидать отъ него для себя; онъ воздвигъ между нами непреодолимую преграду, я только просила его объяснить, какъ онъ употребилъ полученныя отъ меня деньги.

Повѣрите ли? три письма остались безъ отвѣта. Я этого почти что ожидала, но никакъ не подозрѣвала всей подлости, которой была жертвою.

Однажды является ко мнѣ какая-то женщина, за важнымъ дѣломъ, подходитъ ко мнѣ съ холоднымъ, принужденнымъ, над-

мѣннымъ видомъ, и говоритъ смѣло : «Я госпожа Б... Случайно попались мнѣ письма, которыя вы изволили писать моему мужу, я сама пришла къ вамъ съ отвѣтомъ».

Это вступленіе такъ поразило меня, что я не нашлась сказать ей слова.

— Вы требуете уплаты какого-то долга, продолжала она, на который не имѣете никакихъ документовъ. У насъ съ мужемъ имѣніе общее, и онъ не можетъ располагать моимъ добромъ. Если онъ моталъ свои деньги съ вами до знакомства со мною, я не въ правѣ съ него взыскивать; онъ тогда былъ волѣнъ дѣлать безразсудства, но теперь совсѣмъ другое дѣло. Перестаньте безпокоить его безполезными просьбами и требованіями.

— Я требую только своей собственности, онъ безсовѣстно воспользовался моимъ довѣріемъ.

— Будьте осторожны, сударыня, отвѣчала г-жа Б..., вы можете подвергнуться отвѣту передъ закономъ за свои клеветы.

— Клянусь вамъ...

— Клянитесь или не клянитесь, это ни къ чему не поведетъ, тутъ нужны не клятвы, а доказательства.

— У меня нѣтъ другихъ доказательствъ, кромѣ совѣсти.

— Вашей совѣсти! отвѣчала она презрительно: а кто положится на вашу совѣсть? Вы хотите вознагражденія за то, что онъ васъ оставилъ? да чего же было ожидать женщинѣ вашего поведенія?

Слыша такія оскорбленія отъ этой женщины, я отъ стыда не могла отвѣчать.

— Но я великодушна, продолжала она: не хочу, чтобы мужъ мой могъ упрекать меня въ несправедливости къ вамъ. Вотъ вамъ шесть тысячъ франковъ, можете ихъ принять или не принять, болѣе вы ничего не получите.

Она положила деньги на столъ. Я хотѣла-было отказаться отъ нихъ, но вспомнила о бѣдномъ младенцѣ и заплакала. Г-жа Б... между тѣмъ встала и сказала : «Если я получу еще отъ васъ хоть одно письмо, ибо мнѣ подаются всѣ письма, присылаемыя на имя моего мужа, я немедленно представлю его королевскому прокурору, и тогда вы будете принуждены доказать свою претензію въ судѣ.»

Затѣмъ она вышла. Я долго имѣла слабость считать Б... невиннымъ, по-крайней-мѣрѣ, въ утайкѣ долга, довольно съ него

и измѣны. Къ несчастію, я узнала впослѣдствіи, что вся продѣлка была улажена между супругами заранѣе.

Эта женщина можетъ быть до сихъ поръ блистаетъ въ обществѣ, а бѣдная актриса тянетъ лямку на театрѣ... Всегда ли справедлива судьба?

Я говорю откровенно, любезные читатели, не скрывая своихъ слабостей, уменьшится ли отъ этого ваше уваженіе ко мнѣ? Не думаю, мужчины будутъ снисходительны, а женщины... если женщины будутъ слишкомъ строго судить меня, я отвѣчу имъ словами, подписанными подъ эстампомъ, о которомъ я говорила въ началѣ главы:

«Та изъ васъ, которая не знаетъ за собою грѣха, первая да броситъ въ меня камень!»

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Я кончила бесѣду о себѣ и о быломъ, позвольте мнѣ теперь замолвить слово о современномъ, именно о настоящемъ состояніи театра и его будущности. «Вотъ дерзость!» скажутъ нѣкоторые. Помилуйте, что за дерзость? Развѣ мнѣ не позволено, какъ и каждому, имѣть свой образъ мыслей? И тѣмъ болѣе, что я заслуженная актриса, слѣдовательно, имѣла случай и время наблюдать и набраться опыту.

Безпрестанно слышу я возгласы: драматическое искусство въ упадкѣ, оно гибнетъ, умерло! Давно извѣстно, что люди никогда ничѣмъ не довольны. Встарину жаловались на недостатокъ театровъ, нынче жалуются на то, что ихъ много. Кто тутъ правъ, кто виноватъ? Всѣ, и никто, плохаго, какъ-бы мало ни было, все лишнее, хорошаго какъ-бы много ни было, все мало.

Къ несчастью, жалобы на упадокъ драматическаго искусства отчасти основательны, потому что драматическое искусство сдѣлалось торгашничествомъ: писатели торгаши, директоры торгаши, критики торгаши, актеры торгаши, зрители торгаши, хлопальщики торгаши.

За пятьдесять лѣтъ назадъ, въ Парижѣ было только три большихъ и шесть мелкихъ театровъ, по бульварамъ. Большіе театры были: Королевская Академія Музыки, или театръ Большой Оперы, Французскій театръ и Итальянскій, или Комической Оперы. Мелкіе: театры господъ Николе, Одино,

Салле, Оперныхъ воспитанниковъ, Комическихъ развлеченій и Забавнаго разнообразія, подъ дирекціею Леклюза. Изъ послѣдняго образовался нынѣшній театръ Разнообразія, существующій съ 1778 года.

Каждый изъ этихъ театровъ имѣлъ свою особую сферу и актеровъ, которыхъ талантъ былъ тѣмъ замѣтнѣе, что каждый ограничивался своимъ спеціальнымъ направленіемъ.

Нынѣ, вмѣсто восьми театровъ, ихъ въ Парижѣ двадцать одинъ, не считая театра Шантрепскаго, кромѣ того нѣсколько театровъ за городской чертою: Монмартрскій, Бельвилскій, Монъ-Парнасскій, Батиньольскій и наконецъ Гипподромъ, соперникъ цирка Елисейскихъ полей.

На этихъ двадцати одномъ театрѣ двѣсти сорокъ актеровъ, и сто восемьдесятъ актрисъ, всего четыреста пятьдесятъ артистовъ. До революціи, то есть до 1790 года, всѣхъ артистовъ было двѣсти десять человѣкъ: сто двадцать актеровъ и девяносто актрисъ. Слѣдовательно, нынче двѣсти сорокъ артистовъ лишнихъ противъ прежняго; а много ли истинныхъ талантовъ? Не стану перечислять ихъ, чтобы не раздразнить тѣхъ, которые не попадутъ въ итогъ.

Скажу однако-же, по своему разумѣнію, что̀ во Франціи убиваетъ, и можетъ быть надолго, драматическое искусство.

Убиваетъ его — равнодушіе къ литературѣ, а равнодушіе это происходитъ отъ неумѣреннаго употребленія сигаръ. Знаю, что я возбуждаю противъ себя всѣхъ виновниковъ табачнаго акцизнаго сбора, и не смотря на то, повторяю съ полнымъ убѣжденіемъ: сигары каждый день наносятъ чувствительные удары драматическому искусству. Публицистъ, купецъ, артистъ, ученый, мыслитель, всѣ рады вечеромъ отдохнуть отъ трудовъ и сходить въ театръ. Но курителямъ сигаръ (а какой публицистъ, купецъ, артистъ, ученый или мыслитель нынче не куритъ сигаръ?) чрезвычайно досадно, что входя въ театръ, онъ долженъ бросить свою недокуренную сигару.

Какъ этому помочь? Ей Богу не знаю; слышала—я, какъ одинъ щеголь не шутя утверждалъ, что де слѣдовало бы позволить курить въ театрѣ. И подлинно такъ. Представте себѣ только столбъ дыма, который взвивался бы изъ партера къ люстрѣ; пьесы и актеры являлись бы въ туманѣ; оно, иной разъ, имѣло бы свои выгоды: женщины казались бы херувимами, какъ вы вѣ-

роятно видали ихъ на картинахъ, парящими въ облакахъ. Истинно фантастическое зрѣлище!

Впрочемъ, если дамы позволяютъ курить мужчинѣ, который идетъ съ ними подъ руку на гуляньѣ или растянулся подлѣ нихъ въ коляскѣ, почему не позволить ему сосать трубку въ ложѣ? Когда подумаешь, какой вздоръ можетъ спасти драматическое искусство!

Послѣ сигаръ, гроза парижскихъ театровъ—концерты. Концерты нынче льются, какъ изъ ведра; а какъ добрые парижане вбили себѣ въ голову, что они удивительные дилетанты, то они и бѣгутъ стремглавъ корчить энтузіазмъ къ яко бы Бетховенскимъ симфоніямъ, къ пѣвцамъ, продающимъ фальцетный *la* за грудной *ut*, къ мнимымъ Каталани и Малибранъ, выдающимъ какія-то завыванія и щебетанія за вокализы. Потѣшаются себѣ, крича на всѣ лады: браво, браво, браво, брависсимо!...

Послѣдній, наконецъ, ударъ нѣкоторымъ изъ нашихъ театровъ наноситъ страсть къ чудесамъ и уродливостямъ. Встарину одинъ Николе имѣлъ исключительное право показывать разныя необыкновенныя явленія, фокусы, ученыхъ обезьянъ, пляшущихъ на канатѣ, и ярморочныхъ скомороховъ. Нынче, театры, которымъ Сегюръ, Дюпати, Піисъ, Барре, Дезожье и множество другихъ писателей доставили прозвище *сундука остротъ*, не стыдятся выѣзжать на карлахъ, на дикаряхъ, на ученыхъ собакахъ, на эквилибристахъ и тому подобныхъ диковинкахъ.

Многое бы я могла еще порязсказать по этому предмету, да не мнѣ давать наставленія нашимъ театральнымъ директорамъ; для нихъ театръ лотерея: одному повезетъ, другаго уколотитъ. Мое дѣло молчать, и пожелать имъ всѣмъ успѣховъ и обильныхъ сборовъ.

Но да будетъ мнѣ позволено въ особенности пожелать счастія театру Разнообразія; тамъ и мнѣ еще можетъ выпасть хорошая роль и случай посмѣшить мою добрую и многоуважаемую публику. Я чувствую, что еще не совсѣмъ застыла въ моей душѣ священная искра; когда же увижу, что пришелъ конецъ моему поприщу, скажу: «Дошла до рубежа..... кувыркъ — и съ глазъ долой!»

Конецъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Русскій театръ.

ЧУДНАЯ ДѢВУШКА ИЛИ РѢДКОСТЬ XIX ВѢКА. Драма-Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французск. *С. Соловьева.*

БАРЫНЯ-СЛУЖАНКА, или СТРАСТЬ КЪ ГОРНИЧНЫМЪ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Альбини*, переводъ съ нѣмецкаго.

ОТЪ ЖЕЛАНЬЯ УСЛУЖИТЬ МОЖНО ХЛОПОТЫ НАЖИТЬ. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *П. И. О-го.*

(*Бенефисъ помощника режиссера, г. Алекина.*)

Концы началъ! что это за рѣчи, почтенный г. Соловьевъ! Вы хотите намъ представить два чуда разомъ: *рѣдкость XIX вѣка* да еще *чудную дѣвушку*! Въ девятнадцатомъ вѣкѣ, когда, кромѣ *семи чудесъ свѣта*, нарисованныхъ волшебникомъ Роллеромъ, нѣтъ уже ничего чуднаго и изумляющаго, когда человѣкъ плаваетъ подъ водою, какъ рыба, ходитъ по водѣ, какъ ладья, когда рѣжутъ васъ на части безъ всякой боли, такъ что вамъ кажется только, что вы выплясываете польку у мадамъ Кессенихъ; когда вмѣсто лошадей запрягаютъ самоваръ и ѣздятъ не на парахъ, а на парахъ, да на воздухѣ; когда дѣлаютъ прогулку за облака такъ вотъ, какъ бы мы съ вами поѣхали въ Безбородкинъ Садъ или Петровскій Паркъ; когда снимаютъ портреты пучкомъ солнечныхъ лучей вмѣсто красокъ и кисти; когда шьютъ сапоги безъ шила и дратвы, и наводятъ на

нихъ глянецъ безъ ваксы; когда шампанское дѣлаютъ изъ ренскаго, порохъ изъ ваты и геніевъ изъ чего угодно; когда человѣкъ сталъ несгараемъ и непромокаемъ, богатъ на выдумки и бѣденъ на радости, гордъ до безумія и себялюбивъ до крайности, въ этотъ-то чудотворный вѣкъ, вы беретесь показать намъ *рѣдкость*! Стоитъ посмотрѣть, нечего сказать! И эта рѣдкость, говорите вы, *чудная дѣвушка*! Должно быть, ваша дѣвушка дѣйствительно чудо изъ чудесъ, потому-что рѣдкостныхъ дѣвушекъ въ нашъ вѣкъ такъ много, что ихъ не оберешься, ихъ до того много, что къ нимъ даже всѣ уже приглядѣлись, и если за ними нѣтъ какихъ нибудь особенныхъ, капитальныхъ, блестящихъ прибавленій, то ихъ обходятъ преравнодушно. Что дѣлать — вѣкъ нашъ эгоистъ, ничего не хочетъ цѣнить, кромѣ собственныхъ достоинствъ! А спросите-ка любую маменьку: она вамъ непремѣнно скажетъ, что дочь ея чудо! И въ самомъ дѣлѣ, чему не обучены эти дочьки: — и редову и польку-мазурку танцуютъ, и на французскомъ языкѣ билье-ду пишутъ, что твоя Севиньи, и на фортепьяно Кажинскаго и Тальберга отработываютъ такъ, что ахти-мнѣ, и *верхнія выводятъ нотки*; и по англійски, и по нѣмецки объясняются, что иной и по русски не переведетъ, не говоря уже о другихъ живыхъ нарѣчіяхъ, какъ напримѣръ, о языкѣ глазокъ, ручекъ и пр. А какая разсудительность: тотчасъ поймутъ достоинство человѣка по однимъ его душамъ, доходамъ и чинамъ, сразу опредѣлятъ на сколько мундиръ красивѣе фрака; въ одинъ мигъ сообразятъ, что бонъ-тонъ, и что mauvais genre! А что за вкусъ! Туалеты примѣрно — взгляните-ка: ни одной нитки русской, ни полъ-ленточки Московской — все отличное, выписное, *самое англицкое*, какъ выражаются гостинодворцы. Ужъ нечего сказать:

.... Можно ли воспитанѣе быть!
Умѣютъ же себя припарядить
Тафтицей, бархатцомъ и дымкой.

Вотъ каковы дѣвушки въ нашъ вѣкъ, или точнѣе — *невѣсты*, потому-что собственно дѣвушекъ у насъ нѣтъ, а есть только *дѣвочки* или дѣти, и *невѣсты*, или, какъ ихъ называютъ свахи, *красный товаръ*.

Какое-же чудо между ними могъ отыскать авторъ или переводчикъ, не знаемъ кто именно, разбираемой нами пьесы? Кажется, онѣ всѣ чудесны, всѣ заглядѣнья, всѣ имѣютъ свойство озадачить хоть кого! Не даромъ же и между Финами даже

ведется на этотъ случай поговорка: «чудныя дѣвушки, послушныя дочери, страстныя матери, откуда-же берутся дурныя жены?»

Посмотримъ-же, какую рѣдкость открылъ намъ г. Соловьевъ. Видите-ли, молодой человѣкъ Бенуа, по ремеслу драпировщикъ, по призванію волокита, по сердцу и уму аркадскій пастушокъ, по страсти—любитель рѣдкостей, рѣшилъ, что величайшая археологическая диковинка въ нашъ промышленный и торговый вѣкъ должна быть безкорыстная любовь и добродѣтель женщины. Вотъ онъ и пустился за поисками такой рѣдкости и началъ ее искать, разумѣется, сперва тамъ, гдѣ всего труднѣе найти такія чудеса, гдѣ все продается на чистоганъ, начиная съ мечты, называемой модою, до поддѣльной природы и красоты, именно—съ моднаго магазина. Представьте же изумленіе чувствительнаго археолога-драпировщика, когда въ вышеръченномъ магазинѣ, между кисейными розами съ стекляной росой и прелестями Медичейской Венеры, мелко простеганными въ хорошо наватенныхъ корсетахъ, онъ вдругъ нашелъ, чего искалъ, нашелъ это чудо, эту рѣдкость XIX вѣка, дѣвушку прелестную, вполнѣ добродѣтельную и безкорыстно любящую. Рѣдкость эта проявилась въ лицѣ мамзель Маріи. Бенуа до того обрадовался своей находкѣ, что тотчасъ-же почувствовалъ вожделѣніе пріобрѣсть ее для себя. Задумано—сдѣлано: добродѣтельная мамзель изъ моднаго магазина не прочь сдѣлаться мадамой Бенуа и тѣмъ укомплектовать его музей рѣдкостей. Завтра свадьба. Но вотъ штука: чувствительный драпировщикъ вздумалъ сдѣлать чудо-дѣвушкѣ ночной сюрпризъ, задать ей ужинъ, напоить ее жженкой и поднести свадебную корзинку еще наканунѣ вѣнчанія. Въ полночь онъ со всѣми припасами и въ сопровожденіи пріятной компаніи стучится къ ней въ дверь—ему не отпираютъ, отнѣкиваются, говорятъ: что я молъ уже раздѣта, и то, и сё, но драпировщикъ неотступенъ и, наконецъ, вся ватага валитъ въ комнату Маріи. Тары-бары, поцѣлуи, поздравленія, примѣриваніе вѣнчальнаго вѣнка и покрывала, любованья-милованья, глядь, и спать пора, разстаются. Восторженный женихъ хвать шляпу: она ему на голову не лезетъ! Что за чудо: или шляпа ссохлась отъ жаркихъ изліяній восторговъ, или голова у него разбухла отъ чаду счастія! Да что еще! его шляпа была старая, лохматая, а эта съ иголочки, модная и приглаженная, его фабрики Козьмы Пѣтухова, подъ Апраксинымъ, № 65, а эта отъ Менье chapeletier de Paris. Общее удивленіе! Наконецъ, отыскивается и Пѣтуховская шля-

па; но теперь ихъ двѣ; чья-же эта, франтовская? Марія не даетъ и не можетъ дать отвѣта,—но улика на лицо: если тутъ шляпа, то была и голова, носившая шляпу, а голова не могла же попасть одна, она вѣрно пришла со всѣми своими принадлежностями, съ ногами, руками, и прочимъ, и пришла ночью, когда Марія была одна и говорила, что спать-де легла; и убѣжала, когда постучались гости.... Дѣло неладное! Послѣ такого логическаго разсужденія аркадскій драпировщикъ высказываетъ Маріи довольно сильныя вещи касательно рѣдкостной стороны ея добродѣтели и дѣло, которое было уже въ шляпѣ, изъ шляпы — разошлось. Огорченный этой неудачею чувствительный Бенуа, видя что диковину, какая ему нужна, трудно найти въ Европѣ вообще, и во Франціи въ особенности, отправляется въ Алжирію, чтобы пошарить между арабскими племенами и завоевать свое чудо съ оружіемъ въ рукахъ. Но пробывъ тамъ годъ, онъ досталъ пару ранъ и крестикъ, а рѣдкости XIX столѣтія все не пріобрѣлъ. Прибывъ къ себѣ на родину, въ Бретань, онъ, наконецъ, рѣшился отказаться отъ своей археологической мечты и взять себѣ жену изъ простыхъ, обыкновенныхъ дѣвушекъ: вотъ и празднуется сговоръ его съ Жоржеттой, дочерью рыбака. Вдругъ, въ минуту его свадьбы, случается тутъ, какъ нарочно, Марія, которая все еще хочетъ доказать права свои на званіе рѣдкости XIX вѣка; но Алжирскій герой опровергаетъ всѣ ея доводы, съ упорствомъ и знаніемъ дѣла, приносящими ему честь. Но является къ развязкѣ г. Карлъ Дерошъ, который объявляетъ, что онъ былъ тотъ самый франтъ, чью шляпу Бенуа нашелъ въ комнатѣ своей невѣсты, а что приходилъ онъ къ ней за тѣмъ единственно, чтобы упросить ее сладить его свадьбу съ сестрой Бенуа, ея пріятельницею; и что Марія, сберегая тайну своей подруги, принесла въ жертву дружбы свое доброе имя, свою любовь и даже жениха. Послѣ такого объясненія, Марія дѣйствительно выходитъ феноменъ и не остается болѣе никакого сомнѣнія, что она «*Чудная дѣвушка и рѣдкость XIX вѣка*».

Г. Самойлова 2-я прекрасно осуществила эту рѣдкость на сценѣ, особенно хорошо выполнены ею сцены третьяго акта. Г. Максимовъ 1-й въ роли Бенуа, былъ очень удовлетворителенъ въ патетической части этаго характера; но за то довольно неестественъ въ наивной. Изображеніе наивной простоты требуетъ неподдѣльнаго добродушія и натуры; подъ нее нельзя поддѣлаться никакими усиліями и натяжками: простота и выражаться должна просто. Въ игрѣ г. Максимова было замѣтно

усиліе поддѣлаться подъ манеру покойнаго Дюра; подражать такому отличному артисту—очень похвально, но подражаніе должно ограничиваться изученіемъ его взгляда на искусство, а не образа передаванія, потому-что послѣдній зависитъ прямо отъ личности человѣка. Что въ одной, оригинальной личности—чистая натура, то въ другой, въ подражательной—выходитъ весьма непріятная карикатура, вредящая настоящей цѣли художника.

БАРЫНЯ-СЛУЖАНКА или СТРАСТЬ КЪ ГОРНИЧНЫМЪ, комедія извѣстнаго нѣмецкаго драматурга Альбини. По идеи, по изложенію, по характерамъ и цѣли, она насквозь проникнута нѣмецкимъ духомъ, то есть, заключаетъ въ себѣ нравоучительный общественный урокъ, разрѣшаемый медленно, безъ шуму, суетни и особенныхъ натяжекъ, но ко всеобщему удовольствію. Альбини принадлежитъ къ числу тѣхъ германскихъ писателей, которые, не увлекаясь французскою ересью въ искусствѣ, не гоняются исключительно за громкими и поразительными эфектами, и даютъ комедіи волю, самыми естественными, жизненными путями, вслѣдствіе неизмѣнимыхъ обстоятельствъ, образовать узелъ комическаго интереса и развивать изъ него забавныя и патетическія сцены, какъ ихъ укажетъ здравый смыслъ и естественный порядокъ вещей. Нѣмецъ по природѣ хладнокровенъ, солиденъ и разсудителенъ, умъ его всегда въ перевѣсѣ надъ сердцемъ, и потому страсти, какъ слѣпыя и безсознательныя побужденія, рѣдко доводятъ его до крайностей. За то умъ его любитъ заноситься въ заоблачныя границы, идеализмъ и задушевная мечтательность составляютъ второе его бытіе и вовлекаютъ его часто въ эксцентризмъ. Потому характеръ чисто германской драмы носитъ въ себѣ элементы, не совсѣмъ доступные другимъ національностямъ, дѣлающіе ее отчасти странною, отчасти непонятною для другихъ народовъ, несмотря на то, что нѣмецкій писатель обыкновенно прилагаетъ всѣ старанія, чтобы внолнѣ обрисовать характеры и показать развитіе и направленіе ума своихъ дѣйствующихъ лицъ. Комедія, о которой мы говоримъ, полна всѣхъ исключительныхъ свойствъ и достоинствъ нѣмецкаго творчества, и на нашей сценѣ, привыкшей къ французскимъ пошлостямъ, была явленіемъ вмѣстѣ поразительнымъ, страннымъ и въ тоже время довольно отраднымъ. Содержаніе ея очень просто. Автору хотѣлось выставить смѣшную сторону надутаго и эксцентрическаго аристократизма, со всѣми его причудами и странностями, и въ противоположность къ нему поставить двѣ натуры чистыя, теплыя, неиспорченныя вѣковыми предубѣжденіями и

предразсудками, сочувствующія другъ другу, несмотря на различіе ихъ происхожденія, степень образованности и мѣру понятій, и сливающіяся подъ конецъ въ чистомъ чувствѣ любви, порожденной силою одинакаго воззрѣнія на природу и жизнь. Артемизія фонъ Лиліенштейнъ, сумазбродная графиня, увлеченная красотами древнихъ классиковъ и называющая всю свою дворню знаменитыми именами Греціи и Рима, имѣетъ дочь Аврору, начитавшуюся романовъ, мечтательницу, которую хочетъ выдать замужъ за графа Горна, сына старинаго друга своего дома, котораго она, впрочемъ, не видала съ его ребяческихъ лѣтъ. Горнъ владѣетъ богатыми помѣстьями, служитъ съ честію отечеству, отличился въ послѣдней кампаніи и теперь на самой лучшей дорогѣ къ почестямъ и славѣ. Стало-быть это чисто бракъ по расчету. Дочка, воспитанная въ правилахъ маменьки, не противится такому союзу, она видитъ въ немъ свою пользу, но какъ романическая героиня, хотѣла бы, чтобъ дѣло совершилось не такъ просто, а хоть съ какой нибудь необыкновенной продѣлкою. Случай къ этому представляется. Поклонникъ ея, баронъ Бергенъ, который мѣтитъ на ея богатство и потому хотѣлъ бы добиться ея руки, гоститъ въ это время въ замкѣ. Онъ старается въ лицемѣрныя похвалы свои Горну вплести какъ можно больше терній, и прославляя его храбрость, великодушіе, благородство—представить его въ тоже время плохимъ солдатомъ, слабодушнымъ мальчикомъ, склоннымъ унижать свое дворянское достоинство снисхожденіемъ и сообществомъ съ низкою челядью. Онъ разсказываетъ объ немъ анекдотъ, что будучи тяжко раненъ при защитѣ какого-то города, графъ лежалъ безъ чувствъ на улицѣ въ то время, какъ непріятель уже врывался въ городъ. Служанка изъ ближняго дома увидѣла несчастнаго молодаго человѣка и, движимая человѣколюбіемъ, унесла его въ свою комнату, ухаживала за раненнымъ и заботами своими возвратила его къ жизни. Съ тѣхъ поръ графъ чувствуетъ особенное уваженіе и сердечное влеченіе ко всѣмъ горничнымъ. На этомъ анекдотѣ основывается завязка и весь ходъ комедіи Альбини. Графъ никогда не видалъ Авроры: романической героинѣ тотчасъ приходитъ мысль одѣться горничной, а дочь управителя Пюнктлиха, Поликсену, нарядить графинею. Маменька, изъ слѣпой любви къ дочкѣ, не смѣетъ противиться ея капризу. Роли тотчасъ же розданы и комедія начинается. Графъ пріѣзжаетъ и находитъ невѣсту чрезвычайно неловкую, глупо принужденную и совершенно необразованную. За то горничная ея ужъ чрезъ-

чуръ вычурна и заносится выше своего званія. Множество комическихъ, умныхъ сценъ вытекаетъ изъ этого положенія, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица принимаютъ одинакое участіе, одни по незнанію, другіе по безотчетному повиновенію, третьи съ умысломъ. Графъ вполнѣ разочарованъ своей суженой и готовъ уже уѣхать, какъ вдругъ, невзначай, открываетъ секретъ Поликсены. Бѣдная дѣвушка, пострадавшая отъ тяжкаго принужденія и вовсе несвойственной ей роли, рада, что хоть на часокъ вырвалась на волю; она спѣшитъ въ садъ, къ своимъ любимымъ цвѣтамъ и птичкамъ, ждущимъ ея заботливой руки, къ своимъ благотворительнымъ занятіямъ у больнаго старика — соловника. Легкая и беззаботная, какъ птичка, она весело напѣваетъ деревенскую пѣсенку и тутъ-то подстерегаетъ ее графъ Горнъ. Дѣло объясняется; графу не понутру эта комедія; въ рѣшительную минуту жизни, онъ не ждетъ счастія отъ союза съ дѣвушкою, которая такъ легко смотритъ на этотъ шагъ, долженствующій открыть передъ ней святой міръ семейной жизни. Наивная откровенность, простосердечіе и здравый умъ Поликсены его, напротивъ, очаровываютъ. Наконецъ, когда молодая графиня хочетъ сбросить маску и кончить комедію, уже поздно: графъ представляетъ ей Поликсену, какъ свою супругу, съ которой онъ только-что обвѣнчался. Стало быть, героиня сама сдѣлалась жертвою сочиненнаго ею романа, и рада съ досады отдать свою руку корыстному барону Бергену.

Въ пьесѣ есть очень забавный, чисто нѣмецкій типъ управителя, Пюнктлиха, который во всемъ руководствуется наиаккуратнѣйшею аккуратностью, и въ избыткѣ заботы своей объ аккуратности, все перепутываетъ и дѣлаетъ на выворотъ. Лицо это представлено превосходно г. Мартыновымъ, который доказалъ этой ролью, что, если характеръ вѣрно и полно нарисованъ, онъ можетъ его передать естественно и поразительно-типически, не смотря на то, что духъ чуждой національности плохо дружится съ чисто-русской натурой его таланта. Были минуты въ роли, сцены нѣмыя, непредвидѣнныя и не предначертанныя авторомъ, въ которыхъ г. Мартыновъ поражалъ всѣхъ зрителей своей глубокой проницательностію и обдуманностію, ясно указывающими на совѣстливый трудъ художника, ибо такія явленія не могутъ быть случайностями, они прямыя внушенія сознательнаго дарованія. Роли Авроры и Поликсены занимали г-жи Самойловы, и мы не можемъ скрыть, что при размѣнѣ этихъ ролей обѣ артистки и самая пьеса мно-

го бы выиграли. Характеръ Поликсены представляетъ наивность скромную, безпечность ребенка, и чувствительность увлекательную, чисто женственную. Это вовсе не попрыгушка и не дурочка, какою представила ее г-жа Самойлова 1-я: иначе она не могла бы плѣнить и увлечь образованнаго и разсудительнаго графа Горна. Сцена, когда ей внушаютъ роль графини, и другая, когда она ее разыгрываетъ, по нашему мнѣнію, должны обличать въ ней только неловкость положенія въ непривычномъ обществѣ ея господъ и внутреннее чувство, противящееся лжи, которую ее заставляютъ высказывать. Она не можетъ ни гримасничать, ни комически, какъ будто сознательно, утрировать свои позы, жесты, движенія и разговоръ. Иначе все очарованіе этого прекраснаго характера пропадаетъ. Врожденная мечтательность и женственность гораздо лучше пошли бы къ г-жѣ Самойловой 2-й и она съумѣла бы почувствовать и передать всѣ оттѣнки этой трудной и блистательной роли. Чтобы дать полное понятіе объ этомъ характерѣ, довольно сказать, что его въ Германіи всегда исполняли г-жи Гагнъ, Лёве, Реттихъ и Штихъ, первыя знаменитости германской сцены. Напротивъ, характеръ Авроры, эксцентрически веселой, капризной, свѣтски причудливой и болѣе всего чуждой скромности, совершенно совпалъ бы съ манерою игры г-жи Самойловой 1-й и на столько же былъ-бы ею скрашенъ, на сколько онъ не гармонировалъ ни съ пріемами, ни съ задушевностію ея талантливой сестрицы. Г. Самойловъ съ достоинствомъ и умомъ передалъ роль графа Горна, а г. Григорьевъ 1-й былъ прекрасенъ въ роли стараго гусара, Морица Флидера.

Не смотря на то, что публика наша непривычна къ такого рода умнымъ и отчетливымъ пьесамъ, напрягающимъ вниманіе и заставляющимъ мозгъ работать, пьеса имѣла прекрасный успѣхъ, и артисты были всѣ вызваны. Стало быть, такого рода явленія могутъ повториться на русской сценѣ, безъ вреда для театра и съ большою пользою для зрителей и для артистовъ!

Водевиль **«ОТЪ ЖЕЛАНЬЯ УСЛУЖИТЬ МОЖНО ХЛОПОТЫ НАЖИТЬ»** вылитъ въ стереотипную форму всѣхъ русскихъ водевилей домашняго изліелія. Онъ не имѣетъ притязаній на новизну вымысла, свѣжесть характеровъ и затѣйливость положеній, но вертится на общихъ данныхъ всѣхъ его старшихъ собратій, мирно почившихъ въ театральномъ книгохранилищѣ, величавшихся, какъ и онъ, эпитетомъ *оригинальныхъ* и столь же неоригинально промелькнувшихъ по сценѣ —

безъ слѣда. Папенька и маменька Калядовы прочатъ свою дочку замужъ, разумѣется не за того, за кого ей хочется; вмѣшивается въ дѣло Маломальскій и, желая услужить, перепутываетъ лица жениховъ, но противъ ожиданія все улаживаетъ къ лучшему. Что можетъ выдти изъ такого положенія дѣлъ, всякій легко самъ вообразитъ.

Бенефисъ г. Алекина былъ однимъ изъ лучшихъ въ нынѣшнемъ году, по крайней мѣрѣ, онъ представилъ публикѣ двѣ пьесы умныя и занимательныя, въ которыхъ и артисты могли показать свои таланты съ выгодной стороны; ничего не было сдѣлано имъ для приманки, спектакль составленъ совѣстливо; за это и публика и критика равно ему признательны!

—

Когда мы видимъ на сценѣ пьесы г. Григорьева 2-го, мы всегда душевно сожалѣемъ, что ему недано дара изобрѣтенія, иначе это былъ бы первый русскій комическій писатель. Г. Григорьевъ 2-й стоитъ недосягаемо выше своихъ собратій актеровъ-водевилистовъ, по авторскому таланту, но къ несчастію онъ никогда не можетъ довести интриги комедіи до конца, запутать завязку и потомъ искусно разрѣшить ее; нѣтъ полноты и силы въ его пьесахъ, нѣтъ господствующей мысли, но за то по цѣли, по подробностямъ, по мѣткимъ наблюденіямъ и жизненнымъ характерамъ онѣ превосходны. Онъ никогда не бросается выше той сферы, съ которой сжился, которую изучилъ, и запасы его наблюдательности изъ этой сферы неисчерпаемы. За то посмотрите на его лица — это живые люди, съ маковки до головы *русскіе*, проникнутые духомъ нашей жизни насквозь, это чисто Гоголевскіе герои, за исключеніемъ каррикатурности и преувеличеній, которыхъ Григорьевъ въ нихъ не допускаетъ. Жаль, что г. Григорьевъ не употребляетъ своей бойкой кисти и вѣрнаго глаза на литературу повѣствовательную, въ этомъ родѣ онъ произвелъ бы что нибудь чрезвычайно замѣчательное, потому-что юморъ его не былъ бы стѣсняемъ условіями сцены; но драматическаго дарованія онъ не имѣетъ.

Такъ и теперешняя пьеса «*Обыкновенные люди*» представляетъ всѣ достоинства и всѣ недостатки творчества г. Григорьева 2-го. Авторъ очень сознательно назвалъ ее *Провинціальными сценами*, потому-что сюжетъ ея бѣденъ, завязка и развязка слабы, правильной комедіи вовсе не выходитъ; но за

то характеры прекрасно схвачены и выдержаны, жизнь вѣрна дѣйствительности, отдѣльныя сцены ведены остроумно и естественно и представляютъ много ѣдкой наблюдательности. Берите любое лицо—оно прямо выхвачено изъ общества! Этотъ помѣщикъ Карпинскій, отставной гусаръ, который пресыщенъ жизнью и ищетъ развлеченія въ сильныхъ ощущеніяхъ, не соображая своихъ расходовъ съ приходами, который черпаетъ полною горстью изъ собственности ввѣренной его опекѣ племянницы и разоряетъ сироту, расточительный—по привычкѣ, черствый—отъ хандры, несправедливый—по нуждѣ; жена его, эта привиллегированная модница, для которой прихоть и суетность составляютъ основный законъ жизни, а Парижъ—идеалъ возможнаго счастія, которая соритъ деньгами и не хочетъ знать изъ какихъ источниковъ онѣ достаются, лишь бы она могла удовлетворять минутнымъ своимъ капризамъ; этотъ управляющій, Ермолай Каблуковъ, проныра и кляузникъ, ловкій на выдумки, хитрецъ и ябеда, безъ всякаго понятія о чести и благородствѣ, для котораго стяжаніе составляетъ главную цѣль жизни и который, разоряя безпечныхъ господъ, затягиваетъ ихъ въ паутинное сплетеніе своихъ происковъ и процессовъ; этотъ Филиппъ Брусковъ, который изъ цѣловальниковъ произошелъ въ откупщики, нуждающійся въ деньгахъ и живущій бариномъ, стяжавшій уваженіе губерніи, и разоряющій бѣдняка, который ввѣрилъ ему послѣднее достояніе; затмѣвающій умы шампанскимъ, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ; словомъ *битка* и *жила*, какъ говорится vulgare; эта барыня Земцова, сваха и сводчица сдѣлокъ изъ корысти, живущая весь вѣкъ займами безъ отдачи, безпрестанно твердящая о своемъ значеніи въ Петербургѣ, гдѣ она жила на Козьемъ болотѣ, и отвѣчающая грубостями и тяжбами за оскорбленіе своего достоинства, когда ей отказываютъ въ просимыхъ взаймы деньгахъ; этотъ отставной герой Данило Сергѣевичъ Ушко, добрякъ, съ умомъ прямымъ и нехитростнымъ, но прикрытымъ формами грубости и невѣжества, достигающій всякой цѣли правомъ сильнаго и крупною рѣчью; — все это типы рѣзкіе, выпуклые, вѣрные до послѣдней черты, мастерски набросанные нѣсколькими взмахами ловкой и сознательной кисти. И они-то составляютъ весь интересъ пьесы, лишенной драматическаго движенія, но занимающей вниманіе зрителя до конца. Къ чести и къ достоинству г. Григорьева 2-го должно отнести то, что онъ приближаясь къ натурѣ Гоголя, отвергъ не только каррикатуру, но еще устранилъ другой, весь-

ма важный недостатокъ своего образца. Рядомъ съ этими типами, весьма неутѣшительными, но къ несчастію не рѣдкими, онъ ставитъ лица, на которыхъ душа отрадно отдыхаетъ отъ непріятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ первыми. Онъ выводитъ вамъ Антипа Пазухина, простаго, русскаго человѣка, который, начавъ съ полтины, достигъ до милліоновъ, ростовщика неумолимаго для мотовъ и аферистовъ, и великодушнаго благотворителя истинно несчастныхъ и бѣдныхъ. Онъ сохранилъ свою наслѣдственную бороду и простоту жизни и нравовъ, не смотря на свое богатство, но подъ этой длинной и убѣленной бородою бьется человѣчное, прекрасное сердце, но въ этой жизни есть русскій патріархальный элементъ, которые невольно возбуждаютъ уваженіе къ этому богатому мужичку. Уму его, не ухищренному наукой, но только наставленному опытомъ, придана истинно русская смѣтка и ловкая увертливость. Это превосходный, мастерски нарисованный характеръ, который самъ авторъ исполняетъ на сценѣ неподражаемо. Далѣе онъ выводитъ вамъ русскаго Регула—въ лицѣ заводчика Безбѣднаго, человѣка простаго, но для котораго честь выше всего на свѣтѣ. Прекрасна также женская фигура, можетъ быть, нѣсколько идеализированная, но возможная, потому что авторъ выводитъ ее прямо изъ сферы лишеній, домашнихъ угнетеній и съ перваго выхода поражаетъ величайшимъ несчастіемъ: беззащитностію и бѣдностію. Но чтобъ обезсилить ударъ судьбы, онъ согрѣваетъ ея душу чистымъ чувствомъ любви, дѣлающимъ ее героинею великодушія и благости. Вотъ главные характеры пьесы г. Григорьева 2-го, которая гораздо важнѣе, чѣмъ, кажется, оцѣнаетъ ее самъ авторъ, не выставившій даже въ первое представленіе своего имени на афишѣ. Содержаніе ея вовсе не изыскано и не хитро. Заводчикъ Безбѣдный арендуетъ у Карпинскаго старый винный заводъ; но несчастію заводъ сгораетъ и Безбѣдный лишается въ немъ всего своего состоянія. Не смотря на его горесть и бѣдность, Карпинскій, по наущенію своего управляющаго, Каблукова, требуетъ съ него 20,000 за старое строеніе, а въ случаѣ неуплаты, грозитъ процессомъ. Честный заводчикъ въ удачные годы сберегъ 18,000, которые отдалъ откупщику Брускову въ ростъ; онъ кидается къ нему. Но срокъ выплаты еще не насталъ, и Брусковъ, разными хитростями и увертками отказывается отъ платежа, подвергая честнаго человѣка совершенному раззоренію и позору. Безбѣдный, наконецъ, бѣжитъ занять денегъ у Пазухина, но прежде, чѣмъ онъ объ этомъ заикнул-

ся, добрый мужикъ, узнавъ о его несчастіи, самъ предлагаетъ ему помощь. Дѣло, однакожъ, обходится безъ нея. Софья, бывшая подъ опекой Карпинскаго, достигла совершеннолѣтія; она любитъ сына Безбѣднаго, и зная, что дядя и опекунъ ея промоталъ все ея имѣніе, въ вознагражденіе требуетъ только уступки долга своему будущему тестю. Пьеса оканчивается счастіемъ благороднаго семейства. Нельзя отвергать жизненной опытности и правды и въ самомъ содержаніи пьесы, но развитіе фактовъ не довольно драматично и положенія лицъ не проникнуты тѣмъ потрясающимъ духомъ страданія, который составляетъ главную стихію всякой драмы. Во всякомъ случаѣ, пьеса эта замѣчательное явленіе на нашей сценѣ, между блѣдными и каррикатурными произведеніями театральной литературы, она замѣчательна и по своей народности, и по духу, и по направленію. Надо желать, чтобы г. Григорьевъ 2-й побольше подвизался на избранномъ имъ поприщѣ, въ родѣ важной и народной комедіи.

Пьеса была разыграна довольно хорошо. Особенно превосходенъ былъ Мартыновъ въ роли героя Ушко.

«СТАТЬЯ 213»—очень хорошенькая комедія, переведенная съ французскаго. Хотя содержаніе ея вертится на довольно избитой темѣ, но изложеніе ново и замысловато. При отличномъ исполненіи гг. Самойловымъ и Максимовымъ 1-мъ, и г-жъ Самойлой 2-й и Жулевой, она имѣла хорошій успѣхъ на сценѣ. Еслибъ г. Каратыгинъ 2-й могъ не придавать слишкомъ много каррикатурности роли Шамбелана, и этотъ характеръ много поддержалъ бы естественность и благородную игривость пьесы. Не разсказываемъ сюжета, потому что читатели «Пантеона» найдутъ всю пьесу цѣликомъ въ нумерѣ «*Репертуара*», приложенномъ къ концу этой книжки.

—

Уѣздный отставной учитель ариѳметики Молотовъ, весьма не математически обращается съ деньгами, вслѣдствіе чего принужденъ былъ занять подъ заемное письмо у отставнаго хориста Солонкина сотни двѣ рублей; срокъ близокъ, но математикъ расчитываетъ, что весьма не вредно было бы возвратить свое заемное письмо, не уплативъ по немъ уплаты. Статья о появленіи кометы подаетъ ему поводъ выполнить хитрый планъ свой. Онъ увѣряетъ легковѣрное семейство Солонкина, что по астрономическимъ вычисленіямъ комета такого

то числа, ровно въ 12 часовъ ночи, должна приблизиться къ землѣ, обовьетъ ее своимъ хвостомъ, взвизнетъ и пуститъ земной шаръ, какъ кубарь, въ безпредѣльное пространство, отчего онъ разсыплется въ дребезги и вслѣдствіе того произойдетъ разрушеніе міра и карачунъ всему человѣчеству. Со страхомъ и трепетомъ ждетъ хористъ страшной минуты перехода въ ничтожество, дѣлаетъ необходимыя распоряженія, раздариваетъ все свое имущество и приготовляетъ семейство къ смерти. Наединѣ съ женою онъ заставляетъ ее исповѣдывать тайные грѣшки, и узнаетъ вещи, отъ которыхъ у него волосъ сталъ бы дыбомъ, еслибъ жизнь могла продлиться хотя нѣсколько недѣль. Дочь открываетъ ему, въ свою очередь, что влюблена въ Чистаго, помощника уѣзднаго землемѣра, какъ видите, человѣка рѣдкаго, и что ей крѣпко хочется за мужъ. Между тѣмъ, приходитъ и самъ Молотовъ, показываетъ опытъ столкновенія кометы съ землею посредствомъ ковша воды и пузыря изъ бумаги и несетъ такую ученую чепуху, что все семейство окончательно убѣждается въ справедливости готовящагося явленія. Наконецъ бьетъ полночь, всѣ падаютъ ницъ, а ловкій ариѳметистъ подбирается къ комоду, гдѣ лежитъ заемное письмо. По счастію, въ это время входитъ Чистой, помощникъ землемѣра, и пробуждаетъ испуганную семью изъ мнимой смерти. Этотъ фарсъ, передѣланный изъ комедіи Ифланда, довольно слабъ, чтобъ даже возбуждать крупный хохотъ. Онъ называется «СТАРЫЙ МАТЕМАТИКЪ».

Что касается до «КУПЕЧЕСКАГО СЫНКА», то это одна изъ тѣхъ интермедій-фарсовъ, какія г. Григорьевъ 2-й обыкновенно пишетъ для того, чтобы сыграть роль витязя Апраксина Двора, или поштеннаго изъ Суровской линіи. Въ этой онъ представляетъ биржеваго дрягиля Обломова — и уморителенъ до нельзя. Содержаніе, какъ говорится, казенное: одинъ женихъ, расторопный и подбритый, оказывается *непригоднымъ*, другой, обстриженный въ кружокъ и въ долгополомъ сюртукѣ — *важнительнымъ и поштеннымъ*. Свадебка кончается горскимъ и горкою, какъ водится.

Ѳ. Кони.

ПАНОРАМА

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

Парижъ. Бѣдствія здѣшнихъ театровъ не прекращаются; на дняхъ еще одинъ театръ, Амбигю, принужденъ былъ закрыться; нѣкоторые держатся только великодушіемъ своихъ труппъ, которыя отказались отъ значительной части своихъ окладовъ. Не смотря, однако-же, на эти горестные примѣры, находятся молодцы, готовые пускаться въ гибельную театральную лотерею; такъ театръ Водевиля, разорившій уже подрядъ нѣсколько директоровъ, открылся снова; директоромъ его былъ сначала нѣкто Пратъ, но отказался послѣ двухъ или трехъ представленій и сдалъ Флери. Долго ли Флери будетъ держаться, вопросъ очень сомнительный. Какъ послѣднее средство спасенія театровъ, придуманъ драматическій конгрессъ, долженствующій состоять изъ драматическихъ писателей, директоровъ и артистовъ, по выборамъ, заняться разборомъ всѣхъ театральныхъ устройствъ, и предложить мѣры для огражденія ихъ на будущее время отъ подобныхъ кризисовъ и для сообщенія имъ направленія, согласнаго съ ихъ нравственно-эстетическимъ назначеніемъ. До сихъ поръ открылись еще только засѣданія временнаго комитета, долженствующаго образовать конгрессъ и приготовить его дѣятельность; предсѣдатель этого комитета Викторъ Гюго.

Мы намѣрены еще возвратиться къ этому конгрессу и поговорить о немъ подробнѣе, когда онъ откроетъ свои засѣданія, а между тѣмъ, обратимся къ новостямъ репертуара, между которыми найдется кой-что любопытное.

Первое мѣсто между ними принадлежитъ, разумѣется, *Ма-*

чихъ, драмѣ въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ, *Бальзака*, игранной на «Историческомъ театрѣ.» Кто читалъ романы Бальзака (а кто ихъ не читалъ?) знаетъ, что изъ всѣхъ современныхъ французскихъ писателей, онъ можетъ быть наименѣе способенъ къ драматической литературѣ; онъ это доказалъ и на дѣлѣ своими прежними опытами. Новый опытъ его, хотя и удачнѣе, но все-таки не имѣлъ бы успѣха, еслибъ недостатокъ драматическаго движенія не выкупался замысловатымъ, подробнымъ, почти до щепетильности психологическимъ, анализомъ. Самое названіе драмы показываетъ, что предметъ ея заимствованъ изъ любимой сферы знаменитаго романиста, изъ семейной жизни: это борьба двухъ женщинъ, мачихи и падчерицы, двухъ характеровъ, равно необузданныхъ въ страстяхъ, равно не знающихъ границъ въ любви и въ ненависти; двухъ характеровъ, напоминающихъ отчасти характеръ старшихъ дочерей Лира, Реганы и Гонерилы, съ тѣмъ различіемъ, что у Шекспира они очертаны вольною рукою, съ пластичностью древней скульптуры, а у Бальзака оттушевана каждая тѣнь, отмѣчена каждая черточка. Гертруда, жена генерала Граншана, и Полина, его дочь отъ перваго брака, любятъ Фердинанда, который имѣлъ связь съ мачихою, а теперь любитъ одну падчерицу. Отсюда между обѣими женщинами непримиримая вражда и безконечныя интриги, въ которыхъ Гертруда всегда одерживаетъ верхъ; наконецъ Полина получаетъ отъ своего возлюбленнаго его переписку съ Гертрудою; такимъ образомъ, она держитъ въ рукахъ свою соперницу; но та, напоивъ ее усыпительнымъ веществомъ, похищаетъ роковыя письма; Полина отказывается отъ борьбы и съ отчаянія отравляется. Всѣ обстоятельства указываютъ на Гертруду, какъ на виновницу отравленія; она сама сомнѣвается въ своей невинности. Ксчастію ея, въ Полинѣ еще довольно человѣческаго чувства, чтобы не оставить ея подъ несправедливымъ подозрѣніемъ; она сознается, что сама приняла ядъ и падаетъ мертвая подлѣ Фердинанда, который также принялъ ядъ, чтобы не пережить своей возлюбленной. Вотъ канва, на которой Бальзакъ снуетъ свои наблюденія, умныя, глубокія, но нерѣдко скучныя по мелочности. Въ чтеніи драма его должна имѣть болѣе успѣха, чѣмъ на сценѣ, она должна болѣе дѣйствовать на воображеніе и на сердце, чѣмъ на умъ.

Рядомъ съ *Мачихою* Бальзака поставимъ *Семейство Тюро*, драму въ пяти дѣйствіяхъ, *Лоренца*, игранную на театрѣ «Ambigu-Comique.» Авторъ молодой человѣкъ, въ первый разъ вы-

ступающій на драматическое поприще, принадлежитъ къ той-же литературной школѣ какъ и Бальзакъ; онъ также старается показать во всей ихъ наготѣ неправды нашего общественнаго и семейнаго быта и ихъ гибельныя послѣдствія; также любитъ ѣдкій анализъ человѣческихъ страстей и дѣйствій; но у него гораздо болѣе драматическаго инстинкта, чѣмъ у Бальзака; надо ему только пожелать болѣе опытности и поменьше юношескаго увлеченія; тогда онъ будетъ дѣйствительно замѣчательнымъ драматургомъ, съ серьезнымъ, благотворнымъ направленіемъ. Вотъ краткое изложеніе его драмы. Максъ, молодой левъ, пресыщенный наслажденіями жизни, мошенникъ высокаго полета, отправляется искать развлеченія на загородныхъ поляхъ; ему надоѣли лоретки Мабилевскія и Ранелагскія; какая-то Цецилія показала ему на опытѣ, какъ дорого онѣ обходятся; вотъ онъ и рѣшился предпочесть имъ простодушныхъ гризетокъ. Туда же является старикъ Тюро, прямой, честный ремесленникъ, любящій по праздникамъ повеселиться у заставы съ своими дѣтьми, Луи и Луизою. Вслѣдъ за нимъ приходитъ и сынъ его, въ ужасномъ волненіи; онъ только что спасъ отъ неминучей смерти какую-то важную барыню, которую несли бѣшеныя лошади. Поддѣльная свѣтскость и хорошій тонъ самозванной графини, не обманываютъ Макса, онъ слишкомъ опытенъ, чтобы не узнать въ ней съ перваго взгляда своей неоцѣнимой Цецилія; но добродушные Тюро вполнѣ даются въ обманъ. Цецилія, поблагодаривъ своего избавителя, приглашаетъ его бывать у нея, потому что замѣтила, что онъ очень недуренъ собою. Максъ, съ своей стороны, также не теряетъ времени, опутываетъ бѣдную Луизу и дѣлаетъ первый шагъ къ исполненію своего гнуснаго замысла. Какія будутъ послѣдствія этой двойной любви? Лоретка, прельстившаяся сначала красотою Луи, наконецъ узнаетъ въ немъ геніяльнаго художника. Его высокіе помыслы, его благородныя чувства, озаряютъ ее свѣтомъ; она стыдится своего прошедшаго, старается скрыть его отъ Луи, выдавая своего покровителя за мужа; любовь до того измѣняетъ ее, что преданная ей камеристка не на шутку начинаетъ бояться за ея будущность и старается образумить ее; но Цецилія не хочетъ золота своего покровителя, не слушаетъ совѣтовъ служанки; Луи любитъ ее, а болѣе она ничего не желаетъ. Къ несчастью она забыла, что тайна ея не въ однѣхъ ея рукахъ. Максу, сдѣлавшемуся другомъ въ семействѣ Тюро, ужасно досадно, что Цецилія предпочла ему Луи; чтобы отомстить ей, онъ пишетъ безъименное письмо къ Тюро,

въ которомъ открываетъ все ея прошедшее; уличенная лоретка сознается во всемъ и сама отрекается отъ чистой любви Луи, которой она недостойна. Это открытіе ввергаетъ бѣднаго Луи въ отчаяніе. Между тѣмъ, Максъ умѣлъ пользоваться временемъ и случаемъ и достигъ своей цѣли; Луиза стала его жертвою; но ему уже надоѣла ея ребяческая любовь, онъ старается сбыть ее съ рукъ. Но Тюро открываетъ его подлый поступокъ и рѣшается отомстить за дочь. Цецилія доставляетъ доказательства его подлостей; его заманиваютъ въ домъ Тюро, гдѣ, вмѣсто Луизы, встрѣчаютъ его отецъ и братъ; они уличаютъ его, позорятъ пощечинами и вызываютъ на дуэль, въ которой онъ остается на мѣстѣ.

«Театръ Республики» довольно несчастенъ на новости. Собственно новую пьесу онъ поставилъ только одну, драму Ансло: *Улица Кемкампуа* (Larue Quincampoix), составленную по рецепту всѣхъ эфектныхъ, невѣроятныхъ, кровавыхъ драмъ. Да и то ново только на этомъ театрѣ. Давно, очень давно, лѣтъ пятнадцать назадъ г. Ансло далъ эту драму, подъ другимъ названіемъ, на театрѣ «Веселости» и она имѣла 99 представленій. Нынѣ вздумалось ему снова вытащить ее изъ подъ спуда и поставить на болѣе почетной сценѣ. Содержаніе ея составляетъ извѣстная всѣмъ любителямъ уголовныхъ дѣлъ трагическая исторія графа Горна, колесованнаго въ Парижѣ, въ 1760 году, за убійство на двадцать третьемъ году. Представьте себѣ молодаго человѣка, прекраснаго, богатаго, любезнаго, словомъ, какъ обыкновенно бываютъ прекрасные молодые люди въ чувствительныхъ драмахъ; онъ, какъ слѣдуетъ, любитъ безъ памяти молодую дѣвушку, Жанну, такую же прекрасную, богатую и любезную. Но хоть графъ Горнъ и прекрасный молодой человѣкъ, у него есть недостатокъ, весьма обыкновенный въ мелодраматическихъ прекрасныхъ молодыхъ людяхъ; онъ страшный игрокъ, кутило, мотъ, такъ, что не успѣлъ оглянуться, какъ не стало его богатства; это было вещью весьма обыкновенною во времена Регентства. Къ молодому графу приставленъ опять, какъ слѣдуетъ, мерзавецъ, злодѣй, готовый продать отца роднаго. Блансе, чтобъ поправить дѣло графа, придумываетъ сломать конторку, въ которой находится милліонъ франковъ. Графъ грозится убить его и пускается въ предлинное и преназидательное разсужденіе, между тѣмъ, какъ Блансе, не слушая его, приступаетъ къ исполненію своего замысла. Если бы г. Ансло зналъ по русски, мы посовѣтовали бы ему прочесть басни Крылова: *Котъ и поваръ*. Только что

Блансе успѣлъ выломать замокъ, какъ слышится шорохъ за дверью; графъ бросается туда съ обнаженною шпагою и убиваетъ свою возлюбленную, которая несла другой милліонъ для выручки его изъ бѣды. Для разнообразія, въ драму введена какая-то чопорная маркиза, какая-то вдовушка, преслѣдующая графа своею чувствительностію и любовію, горбунокъ, и прочая, и прочая. Не смотря на раздававшіеся съ разныхъ сторонъ свистки, пьеса прошла благополучно, и кажется, даже намѣрена держаться, чему не мало содѣйствуетъ очаровательная Жанна, въ образѣ дѣвицы Іудиты.

Это единственная пьеса театра Республики, если не новая, то по крайней мѣрѣ выдаваемая за новую; кромѣ ея было еще нѣсколько пьесъ, возобновленныхъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; изъ нихъ всѣхъ замѣчательнѣе *Нероновы празднества*, трагедія талантливаго, хотя почти забытаго Суме. Она, впрочемъ, не имѣла успѣха, какого заслуживала и какого слѣдовало бы отъ нея ожидать; виною этому отчасти слабое исполненіе.

Текущій мѣсяцъ былъ необходимо богатъ драмами. Кромѣ исчисленныхъ выше, даны еще: одна драма на театрѣ Одеона: *Веронская Пасха*; одна на театрѣ Сенъ-Мартенскихъ воротъ: *Маршалъ Ней*, одна драма-водевиль на театрѣ Разнообразія: *Сынъ Фермера*; и двѣ драмы на театрѣ Веселости: *Эрикъ или Привидѣніе*, и *Гильомъ бурлакъ*.

Веронская Пасха, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, *Альфонса Арно* и *Жудисиса*, могла бы имѣть эпиграфомъ слова Брантома, по поводу похода Карла VII въ Италію: «Итальянцы ревнивы; они косились на французовъ за то, что они были слишкомъ ласковы къ ихъ женамъ; сказать правду, они были не совсѣмъ неправы.» Здѣсь также идетъ дѣло о возстаніи, возбужденномъ преимущественно ревностью. Полковникъ Лоранъ, начальникъ французскаго республиканскаго гарнизона въ Веронѣ любитъ невѣсту какого-то Стефано и внушилъ ей взаимную любовь. Стефано вступаетъ въ заговоръ, котораго цѣль перебить въ день Пасхи всѣхъ французовъ. Отецъ Стефано сначала одобряетъ его; но потомъ, узнавъ, что полковникъ его гость, отказывается отъ участія въ возстаніи и упрекаетъ сына за нарушеніе долга гостепріимства. Возстаніе кончается въ пользу французовъ. Стефано, какъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ, готовится къ позорной смерти, но полковникъ прощаетъ его. Въ пьесѣ немного вымыслу; идея

не нова; но интрига ведена ловко и умно; благодаря этому достоинству и прекрасному языку, пьеса имѣла успѣхъ.

Маршалъ Ней, драма въ пяти дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ, Анисе-Буржуа, Дюпёти и Деннери, принадлежитъ къ разряду пьесъ патріотическихъ, основывающихъ свой успѣхъ не на существѣ мысли и не на художественномъ развитіи, а на сочувствіи публики къ представляемому предмету. Такъ и «Маршалъ Ней» обязанъ своимъ блистательнымъ успѣхомъ единственно общему сочувствію къ памяти благороднаго вождя, павшаго жертвою своей преданности Наполеону. Это рядъ довольно безсвязныхъ, но болѣе или менѣе эфектныхъ картинъ изъ жизни Нея; походъ въ Россію, съ бѣдственнымъ отступленіемъ, отреченіе Наполеона, его возвращеніе съ острова Эльбы, его вторичное паденіе, наконецъ, судъ маршала, его прощаніе съ семействомъ и смерть. Энтузіазмъ, возбудившій рукоплесканія публики, поддерживалъ и актеровъ въ исполненіи пьесы: она была разыграна съ истинно художественнымъ согласіемъ и одушевленіемъ.

Сынъ Фермера, драма-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, *Фабіена*, страшно пахнетъ стариною. Фермеръ Кристофъ кумиръ своей деревни; поселяне избираютъ его депутатомъ въ Дижонскій Парламентъ, защищать права ихъ общины; но вотъ разнесся слухъ, будто онъ слишкомъ погорячился и Парламентъ велѣлъ его арестовать; это извѣстіе производитъ всеобщее негодованіе; крестьяне хватаются за вилы, колья, топоры и хотятъ идти выручить своего депутата; ксчастью, онъ является самъ и успокоиваетъ ихъ. Вскорѣ пріѣзжаетъ и сынъ его, Генрихъ, офицеръ въ драгунахъ королевы. Послѣ первыхъ привѣтствій, старикъ спрашиваетъ сына, какъ идутъ его дѣла съ дѣвицею Флавиньи, племянницею губернатора, и весьма удивляется робости молодаго человѣка, не осмѣлившагося еще объясниться ей въ любви. Но онъ уже приметъ мѣры! Какъ нарочно, въ это самое время пріѣзжаетъ самъ губернаторъ, съ племянницею и съ вѣтренникомъ-женихомъ, маркизомъ Жужу. Губернаторъ, страшный объѣдало, тотчасъ садится за столъ, а жениха отправляетъ нанимать лошадей для продолженія пути. Генрихъ оставшись одинъ съ возлюбленною, по совѣту отца, объясняется ей въ любви; дѣвица Флавиньи принимаетъ это объясненіе довольно благосклонно. На бѣду возвращается женихъ и грозится проучить стараго плута, пославшаго съ нимъ такую глупую дѣвчонку. Причиною этого гнѣва то, что Перинетта, по наставленію Кристофа, вмѣсто того, чтобы вести

его за лошадьми, завела въ болото, гдѣ онъ испачкался по колѣна. «Этотъ плутъ мой отецъ, г. маркизъ!» говоритъ Генрихъ. Можете себѣ представить, что это открытіе не только не усмиряетъ гнѣва маркиза, но еще навлекаетъ на Генриха гнѣвъ и негодованіе дѣвицы Флавиньи.

Второе дѣйствіе происходитъ въ Дижонѣ, въ домѣ губернатора. Кристофъ опять является къ губернатору съ депутаціею; губернатора нѣтъ дома. «Доложите его сіятельству, что мы принесли корзину дичи и боченокъ бонскаго вина,» говоритъ Кристофъ. Губернатору ли, да еще гастроному, отказаться отъ дичи и вина. Онъ принимаетъ депутацію весьма благосклонно, и даже даетъ особую аудіенцію Кристофу. Тутъ старикъ приступаетъ къ великому дѣлу сватовства; губернаторъ, разумѣется, и слышать не хочетъ. Наконецъ, невидя другаго средства, фермеръ открываетъ, что онъ графъ Клерво, скрывшійся за восемнадцать лѣтъ, вслѣдствіе участія въ какомъ-то политическомъ дѣлѣ. Послѣ этого объясненія все улаживается; самъ маркизъ, зная, что отецъ его былъ замѣшанъ въ то же дѣло и спасенъ графомъ Клерво, отказывается отъ руки дѣвицы Флавиньи и предоставляетъ ее Генриху. Самъ авторъ, ветеранъ въ литературѣ, замѣтилъ, вѣроятно, слабость своего произведенія и потому скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ Фабіена. Одно, что будетъ, пожалуй, привлекать публику, это игра Буффе въ роли Кристофа.

Эрикъ или привидѣніе, драма въ трехъ дѣйствіяхъ *Фурнье* и *Біевиля*, такое нелѣпое, растянутое и скучное сплетеніе мелодраматическихъ эфектовъ и ужасовъ, что слѣдовало бы ему упасть подъ свистками. Эрикъ, человѣкъ безъ роду и безъ племени, честолюбивый и алчный, убилъ Родольфа, потому-что Родольфъ, проигравшійся игрокъ и мотъ, получилъ извѣстіе, что тетка завѣщала ему свое имѣніе, съ тѣмъ, чтобы онъ женился на графинѣ Амаліи, въ которую влюбленъ Эрикъ. Убивъ соперника, Эрикъ принимаетъ его имя, женится на Амаліи и получаетъ имѣніе. Счастіе ему улыбается, но совѣсть вездѣ преслѣдуетъ его, не смотря на то, онъ подписываетъ смертный приговоръ человѣка, обвиненнаго въ убійствѣ неизвѣстнаго человѣка (настоящаго Родольфа). Къ счастью, является братъ обвиненнаго, путешествовавшій вмѣстѣ съ Эрикомъ во время совершенія преступленія, уличаетъ преступника и убиваетъ его на дуэли.

Гильомъ бурлакъ, мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, *Дюмерсана* и *Делаборда*, очень напоминаетъ комедіи Беркена, съ

тѣмъ различіемъ, что комедіи Беркена, хотя писаны для дѣтей, гораздо умнѣе и занимательнѣе. Дочь маркизы, которую считаютъ погибшею еще ребенкомъ, во время наводненія, воспитывается у отца Гильома; у него же есть сынъ; молодые люди, свыкшись съ самаго дѣтства, полюбили другъ друга и вступили въ супружество. Вдругъ маркиза узнаетъ, что Розалія ея дочь; гордая маркиза не хочетъ имѣть зятемъ бурлака, находитъ средство засадить Гильома въ Бастилію, а дочь беретъ къ себѣ, въ надеждѣ отдать ее со временемъ за какого нибудь маркиза или графа. Революція подоспѣваетъ на помощь молодыхъ супруговъ; Гильомъ спасаетъ маркизу отъ эшафота, и она соглашается признать его зятемъ!

Отъ драмъ и мелодрамъ, перейдемъ къ комедіямъ и водевилямъ; число ихъ, сравнительно, очень не велико.

На театрѣ «Драматической Гимназіи» дается *Орасъ и Каролина*, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, *Банра* и *Біевиля*. Орасъ молодой человѣкъ, съ прекраснымъ воспитаніемъ, но безъ гроша денегъ и, слѣдовательно, безъ хлѣба. Въ этомъ онъ винитъ не родителей, не судьбу, а банкира Дюрана; онъ знаетъ, что все имѣніе его перешло въ руки Дюрановъ, но не знаетъ, что дѣдъ его проигралъ свое добро въ одну ночь, и что покойный Дюранъ взявъ его имѣніе, спасъ его этимъ отъ несчастья. Орасъ вездѣ преслѣдуетъ своихъ мнимыхъ грабителей оскорбленіями. Дочь Дюрана, Каролина, рѣшается заступиться за честь отца, переодѣвается гризеткою, знакомится съ Орасомъ, но не можетъ убѣдить его въ невинности Дюрановъ; вмѣсто того, она только влюбляетъ его въ себя. Видя его безъ гроша, въ долгу по горло, она присылаетъ ему денегъ, которыя онъ хочетъ отправить назадъ, поколотивъ въ добавокъ подателя; но одна добрая пріятельница похищаетъ ихъ. Орасъ клянетъ Парижъ, банкировъ и гризетокъ, хочетъ оставить столицу, и возвратился только за тѣмъ, чтобы отдать деньги дѣвицѣ Дюранъ. Каролина наконецъ принуждена открыться; ненависть Ораса къ Дюранамъ еще сильнѣе любви къ Каролинѣ; они разстаются, онъ съ проклятіями, она съ негодованіемъ. Ксчастью, между служащими въ торговой конторѣ, въ которой занимается Орасъ, находится старичекъ, бывшій кассиромъ у покойнаго Дюрана, во время сдѣлки его съ дѣдомъ Ораса. Онъ открываетъ молодому человѣку всѣ подробности дѣла и убѣждаетъ въ невинности Дюрана. Послѣдствія не трудно угадать; примиреніе, раскаяніе, супружество,

и такъ далѣе. — Пьеска живая, остроумная и прекрасно разыграна.

Часъ въ Бретани, комедія въ одномъ дѣйствіи, *Ламбера*, (на театрѣ Одеона), пьеска безъ большихъ притязаній, но веселая и забавная. Дѣло вотъ въ чемъ: Морисъ любитъ Маріанну; а Маріанна богатая наслѣдница и любитъ Мориса, казалось бы, чего лучше? но вотъ бѣда: Маріанна сирота, или лучше, не знаетъ отца и не хочетъ безродною выдти за Мориса; ему остается только утопиться съ отчаянія. Ксчастью, сталкивается онъ съ проѣзжимъ кавалеромъ Ногаре, который страшно скучаетъ въ Ландернау, пока чинятъ его экипажъ. Со скуки онъ берется перевоспитать Мориса, научить его похитить невѣсту; Мориса уговорить не трудно; мигомъ все исполнено, но каково его отчаянія, когда, сдернувъ съ похищенной покрывало, онъ узнаетъ не Маріанну, а ея слугу, который употребилъ эту хитрость, чтобы спасти отъ похищенія свою барыню. Дѣло могло бы кончиться драмою, еслибы кавалеръ Ногаре не узналъ въ Маріаннѣ своей дочери и не благословилъ молодыхъ при громкихъ рукоплесканіяхъ публики.

Одинъ и одинъ — одинъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи *Деланда* и *Курселя*, очевидно, заимствованъ изъ допотопной притчи о слѣпомъ и безногомъ. Пивуанъ, славный механикъ, отъ старости лѣтъ сталъ неспособенъ къ своей тяжелой работѣ; голова бодра, да руки молота не поднимаютъ. Задумался старикъ и придумалъ: сосѣдъ у него былъ парень плечистый, дюжій работникъ, но страшно тупъ головою; вотъ онъ и взялъ его себѣ въ товарищи. Загорѣла у нихъ работа. Къ несчастью, дружба эта не понравилась г-жѣ Пивуанъ; показалось ей, будто, ради друга, мужъ ее забываетъ. Она и давай мутить: вбила въ тупую башку Рондо, что мужъ смѣется надъ нимъ, говоритъ, что Рондо де глупъ, безъ меня ему ничего не сдѣлать! Какъ не глупъ Рондо, а глупцомъ прослыть не хочется и онъ разошелся съ Пивуаномъ. Старику стало плохо; заказовъ не можетъ брать, потому-что нѣтъ хорошаго работника; наконецъ, ребята его не слушаются, потому-что въ кулакѣ нѣтъ силы. Еще хуже пошло Рондо; за что ни возьмется, все испортитъ. Вотъ онъ и догадался, что глупо де бабьихъ сплетень слушаться, лучше помириться съ Пивуаномъ и работать вмѣстѣ. Плохо головѣ безъ плечъ, а плечамъ безъ головы еще хуже. — Пьеска очень забавна и полна остроумія.

Нельзя того же сказать о новыхъ пьесахъ театра «Монтансье.»

Домовой, комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, *Мелевиля* и *Кармуша*, подновленное изданіе *Сатаны въ Парижѣ*, и полдюжины другихъ пьесъ. Молоденькая актриса любитъ глупаго повѣсу, который бросилъ ее, распустивъ слухъ о своей смерти. Но она недается въ обманъ, вездѣ преслѣдуетъ его, то въ видѣ повареика, то кухарки, то хорошенькой англичанки, разстроиваетъ его сватовство и заставляетъ жениться на себѣ. Пьеса держится только довольно крупными остротами.

Первый поединокъ въ Германіи (Première lence d'Allemagne), водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Клервиля* и *Фолькемона*, и *Тетушкинъ ангелъ*, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Лажаріетта* и *Делакура*, каррикатуры безъ толку, безъ смысла, вялыя, скучныя до безконечности.

«Театръ Республики» обѣщаетъ въ скоромъ времени комедію Мери, подъ названіемъ: *Клубъ эманципированныхъ женщинъ*.

На оперныхъ театрахъ нѣтъ ничего новаго; къ осени обѣщаютъ Мейерберова *Пророка*; теперь же идетъ одна старина: *Робертъ*, *Вильгельмъ-Тель*, *Жидовка*, *Фаворитка*, *Карлъ VI*, *Гастибельза*, *Гайде*, *Іерусалимъ*. Верли тихомолкомъ сошелъ со сцены; царство этого композитора въ Парижѣ, кажется, кончилось; защитники его замолкли; отъ времени до времени появляются только болѣе или менѣе остроумныя насмѣшки. Справедливы ли онѣ? мы объ этомъ здѣсь разсуждать не намѣрены (хотя и считаемъ Верди достойнымъ, не безусловныхъ куреній, а серьезной, подчасъ даже довольно строгой критики).

Въ послѣднее время было нѣсколько замѣчательныхъ дебютовъ. Въ большой оперѣ теноръ Гемаръ (Gueymard) и пѣвица Жюльенъ (Julienne). Гемаръ имѣетъ пріятный, но довольно слабый голосъ, и получилъ хорошее артистическое образованіе въ здѣшней Консерваторіи, подъ руководствомъ Обера. Главный его недостатокъ вялость и однообразіе; не смотря на то, на него возлагаютъ огромныя надежды. Ему въ особенности покровительствуетъ Оберъ; говорятъ, онъ прочитъ ему главную роль въ новой своей оперѣ: *Блудный сынъ*. Дѣвица Жюльеннъ также воспитанница здѣшней Консерваторіи и даже дебютировала здѣсь года три тому назадъ; но какъ въ то время на сцену Большой Оперы не допускались талантливыя пѣвицы, то она была принуждена довольствоваться Брюсельскимъ и департаментскими театрами; теперь она возвратилась раздѣлить съ двумя, тремя другими наслѣдіе интриганки Штольцъ. Она явля-

лась уже въ роляхъ Алисы, Одетты (въ Карлѣ VI), въ Жидовкѣ, съ блистательнымъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ; у нея обширный, сильный и выразительный голосъ, и много чувства и одушевленія въ пѣніи и въ игрѣ; это будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для Большой Оперы. Въ скоромъ времени ждутъ также дебютовъ провинціальнаго баритона Лафажа, о которомъ отзываются съ большими похвалами. Дюпре ангажированъ снова.

Большая Опера утратила двухъ знаменитыхъ танцовщицъ: Карлотту Гризи и Адель Дюмилатръ; послѣдняя, говорятъ, совсѣмъ отказалась отъ сцены. Въ настоящее время замѣняетъ ихъ молодая артистка, стяжавшая уже довольно громкое имя, дѣвица Плункетъ. Къ октябрю мѣсяцу ждутъ Черриту съ мужемъ.

На театрѣ Республики также дебютировали три молодыя артистки, подающія большія надежды: дѣвица Лютръ, въ роли Абигали (въ пьесѣ *Стаканъ воды*), дѣвица Фаваръ, въ «Валеріи», и дѣвица Даллока. Всѣ онѣ отличаются умною, непринужденною, отчетливою игрою и пріятною наружностью; двѣ послѣднія уже ангажированы; дѣвица Лютръ, вѣроятно, будетъ также ангажирована въ непродолжительномъ времени.

Дирекція «Водевиля» ангажировала вновь талантливую Альберъ, которая уже съ годъ не являлась на Парижскихъ театрахъ.

Въ заключеніе отчета, позвольте пройтись съ вами по двумъ, тремъ новымъ театрамъ, явившимся на Тампльскомъ бульварѣ. Вотъ вамъ, во первыхъ, Café-spectacle; прежде тутъ была грязная харчевня, а теперь вывѣшена афишка, объявляющая водевили и упражненія дикаря, исполняемыя *слѣпымъ гражданиномъ*. Далѣе афишка гласитъ, что за входъ ничего не платится... но посѣтители обязаны что нибудь *потребить*. Такъ и быть, беремъ *рюмку ликеру* и садимся за столъ среди членовъ всевозможныхъ гвардій и особаго класса, извѣстнаго подъ названіемъ *везувіанокъ*.

Слѣпые граждане играютъ какую-то допотопную увертюру, и занавѣсъ поднимается. Дается водевиль: *Первое апрѣля*. Молодой человѣкъ назначаетъ своей возлюбленной свиданіе за заставою. Она не является и заставляетъ его ждать понапрасну, потому что нынче первое апрѣля. Но случилась тутъ ея пріятельница; она утѣшаетъ обманутаго и онъ на ней женится, потому что ей за тридцать, а женщина этихъ лѣтъ, не станетъ позволять себѣ такія глупыя шутки.

Далѣе, по бульвару, еще такой же Cafe-spectacle. Вотъ его вчерашняя афишка: «Большое представленіе. — Новый водевиль, исполненный взрослыми артистами. — Дебютъ г. Антони, бывшаго баритона Рейнскаго театра. Оперные отрывки будутъ исполнены въ сообразныхъ сюжету костюмахъ.»

Многіе еще помнятъ, какъ изъ подохнаго Café-Spectacle мало-помалу образовался театръ Ambigu-Comique. Да и не таково ли начало почти каждаго театра. Комическій пѣвецъ безъ голосу, дѣти, разыгрывающія пьесу, или слѣпые, фокусники, въ грязномъ трактирѣ, освѣщенномъ четырьмя сальными свѣчами, уже зародышъ театра. Почему знать? можетъ быть и здѣсь со временемъ явится новый водевильный театръ.

Вотъ вамъ далѣе еще театръ, находящійся уже во второмъ періодѣ своихъ превращеній. Это бывшій театръ обезьянъ г. Корви. За четырехрукими животными слѣдуютъ двурукія; и, право, трудно рѣшить, которыя изъ нихъ подражаютъ другимъ; во всякомъ случаѣ, артисты г. Корви стоили теперешнихъ, хотя афишка ихъ не была такъ заманчива.

Даютъ *День леченія*, *Крушеніе Медузы*, *Приходскую змѣю*, *Папца-капуцина*. Зала довольно обширна и удобна; есть въ ней даже нѣкоторыя притязанія на изящество. На бѣлой полосѣ трехцвѣтнаго занавѣса колосальное изображеніе Республики. Водевили пахнутъ нѣсколько волтеріянскимъ духомъ: впрочемъ, такъ наивны и незатѣйливы, что даже здѣшняя публика находитъ ихъ недостойными себя, и вслухъ критикуетъ каждую сцену, по мѣрѣ развитія пьесы. Довольно забавны эти пріятельскіе разговоры народа съ играющими; но еще забавнѣе покорность артистовъ сужденію публикѣ. Въ одномъ антрактѣ, актеръ читалъ безконечное стихотвореніе въ честь старой и новой арміи. «Хорошо, да длинно,» сказалъ прехладнокровно кто-то изъ райка. «Будемъ помнить!» отвѣчалъ чтецъ, съ подобострастнымъ поклономъ.

АНГЛІЯ.

Лондонъ. Наконецъ, новая пьеса и еще трагедія! Правда, новая только на сценѣ, ибо она уже давно напечатана и почти всѣмъ извѣстна; все-таки и за то уже спасибо; за Лондонскими театрами грѣха не водится, чтобы они баловали публику новостями; исключая развѣ оперныхъ театровъ, да и тѣ не такъ, чтобы очень щедры.

Эта трагедія: *Лордъ Эллингамъ*, сочиненіе *Генри Спайсера* (Lords of Ellingam, by Henri Spicer). Юдиѳь, жена Латимера, бы-

ла въ юности помолвлена за Лоренси; но развратная жизнь принудила его удалиться на время изъ отечества, а когда онъ возвращается, невѣста его уже за другимъ. Не знавъ никогда границъ своимъ дурнымъ страстямъ, онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы обольстить ее; но все напрасно; тутъ возгараетъ въ немъ желаніе мести, и онъ доноситъ объ участіи Латимера въ политическомъ заговорѣ. Латимера заключаютъ въ тюрьму, а его Эллингамское помѣстье отдаютъ доносчику, который и принимаетъ титулъ лорда Эллингама. Юдиоь наконецъ соглашается цѣною своей чести спасти мужа, но едва онъ освобожденъ, сама спасается отъ безчестія посредствомъ яду. Въ послѣдней сценѣ, трупъ ея является на сценѣ, въ гробу; и мужъ ея и Лоренси умираютъ подлѣ него, также отъ яду. Перваго отравилъ Лоренси, а втораго бѣдная дѣвушка, Мери, которую онъ обольстилъ и бросилъ. Она дочь тюремщика, которому былъ ввѣренъ присмотръ за Латимеромъ, и который изъ своихъ видовъ, далъ ему средство бѣжать.

Эта трагедія имѣетъ два недостатка, общіе почти всѣмъ новѣйшимъ драматургамъ. Во первыхъ, въ ней недовольно стройности: сцены часто обрывочны, въ нихъ не видать идеи, связывающей все въ одно цѣлое. Во вторыхъ, трагедія отзывается устарѣлымъ условнымъ ужасомъ и злодѣйствомъ; болѣе мелодраматическимъ, чѣмъ трагическимъ элементомъ. Къ чему, на-примѣръ, столько умирающихъ и столько отравленій. Впрочемъ, въ ней много неподдѣльной страсти, характеры очерчены ярко и сильно, въ особенности характеръ Лоренси, нѣсколько прекрасныхъ сценъ; интересъ не вездѣ равно поддержанъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вниманіе зрителей напрягается въ высшей степени. Вообще въ Спайсерѣ видѣнъ несомнѣнный драматическій талантъ, но онъ долженъ бы болѣе стараться о сжатости и сценъ, и языка. Лица его всегда говорятъ хорошо, но иногда говорятъ слишкомъ много, а это убиваетъ дѣйствіе.

Эта трагедія давалась на «Олимпійскомъ» театрѣ; главныя роли играли Брукъ (Лоренси), Девенпортъ (Латимеръ) и мистресъ Моатъ (Юдиоь). Мы уже говорили въ одной изъ прежнихъ статей, объ общемъ характерѣ игры Брука. Эта роль еще подтвердила наше мнѣніе о немъ; онъ бѣсился, кричалъ, ломался съ начала до конца. Девенпортъ, недавно пріѣхавшій изъ Америки, по нашему мнѣнію, гораздо лучше; случается и ему слишкомъ кричать, но изрѣдка; многія сцены онъ игралъ просто и съ неподдѣльнымъ чувствомъ; въ сценѣ

прощанія съ мертвою женою онъ былъ превосходенъ; не мало вредитъ ему подчасъ его американскій выговоръ. Мистресъ Моатъ, также американская артистка, прекрасно исполнила роль Юдиѳи; сильныя, бурныя страсти, кажется не по ней; но въ нѣжныхъ чувствахъ, у нея столько простоты и неподдѣльной теплоты, игра ея такъ отчетлива и непринужденна, что невозможно непризнать ея истинною артисткою. Роль Мери играла дебютантка, миссъ Дюретъ и была въ ней очень удовлетворительна.

На «Геймаркетскомъ» театрѣ дается новая комедія Бёкстока: *Приметы и странныя встрѣчи* (Omens and odd coincidenses, by Buckstone); это какъ и всѣ произведенія этого писателя, собственно не комедія, потому-что тутъ нѣтъ ничего цѣлаго; авторъ только вводитъ нѣсколько странныхъ характеровъ, отъ встрѣчи которыхъ происходятъ забавныя сцены; и все это клонится единственно къ тому, чтобы показать особенности разныхъ актеровъ.

Наконецъ дождались мы давно обѣщаннаго событія: дебюта г-жи Віардо-Гарсіи. Онъ былъ, впрочемъ, не совсѣмъ такъ блистателенъ, какъ можно было ожидать. Во первыхъ, когда публика привыкла смотрѣть на роль глазами одного геніальнаго артиста, ей трудно съ одного разу перемѣнить свой образъ воззрѣнія. Лондонская публика привыкла къ *Невѣстѣ лунатикѣ*, къ лиризму Женни Линдъ; ей надо посмотрѣть на Віардо въ другой или третій разъ, прежде, чѣмъ она вполнѣ постигнетъ всѣ красоты ея драматическаго воззрѣнія на эту роль. Другое несчастіе для ея дебюта была болѣзнь Маріо, котораго принуждены были замѣнить какимъ-то синьоромъ Флавіо, вовсе не принадлежащимъ къ труппѣ Ковентгарденскаго театра, а выкопаннымъ неизвѣстно откуда. Первое дѣйствіе и начало втораго, публика прослушала довольно холодно; но она вполнѣ вознаградила великую артистку за эту холодность неистовымъ энтузіазмомъ, который разразился послѣ аріи Ah! non credea, и Ah! non giunge.—Для втораго своего дебюта г-жа Віардо-Гарсія избрала роль донны Анны въ Донѣ-Жуанѣ; тутъ она могла вполнѣ явить могущество своего драматическаго таланта; восторгамъ публики не было конца; зала дрожала отъ рукоплесканій.

«Королевскій» театръ поставилъ *Лучію де Ламермуръ* и *Любовный напитокъ*. И въ той, и въ другой оперѣ главную роль играетъ Женни Линдъ. Сколько обворожительно ея наивное кокетство въ Адинѣ, столько же трогательна ея любовь, ея

горесть, ея кроткая покорность въ Лучіи. Ни въ одной роли, ни даже въ «Невѣстѣ-лунатикѣ», не была она такъ хороша, такъ увлекательна, какъ въ третьемъ дѣйствіи Лючіи; и въ самомъ дѣлѣ, это роль, которая удивительнымъ образомъ согласуется съ лирическимъ характеромъ ея таланта. Прекрасны были въ этой операѣ и Гардони (Эдгардо) и Колетти (Энрико). Это одно изъ самыхъ блистательныхъ представленій нынѣшняго сезона.

Знаменитая Тадолини также дебютировала на дняхъ, въ *Линдѣ ди Шамуни*, въ операѣ Доницетти, написанной, говорятъ, собственно для нея. Однакоже, она не оправдала ожиданій; голосъ у нея силенъ, полонъ, но устарѣлъ, и примѣтно изнуренъ; она имъ хорошо владѣетъ и въ бравурномъ пѣніи дѣлаетъ чудеса.

На «Ковентгарденскомъ» театрѣ дается Доницеттіева *Фаворитка*; она поставлена съ чрезвычайнымъ стараніемъ, но не имѣетъ большаго успѣха, не смотря на то, что главныя роли въ ней занимаютъ Маріо и Гризи. Это безспорно одна изъ слабѣйшихъ партитуръ Доницетти.

Директоръ Парижскаго Историческаго театра, Гостейнъ, вздумалъ было явиться съ своею труппою въ Лондонъ, и дать здѣсь рядъ представленій, преимущественно десяти-актныхъ драмъ Александра Дюма. Предпріятіе его кончилось самымъ траги-комическимъ образомъ. Какъ только разнесся слухъ о его прибытіи въ Лондонъ, по всѣмъ перекресткамъ явились печатныя объявленія, въ которыхъ вызывали отечественныхъ артистовъ къ возстанію противъ незванныхъ гостей, пришедшихъ отнимать хлѣбъ, грозили дерзкимъ пришельцамъ позоромъ и разореніемъ, и бранили публику за пристрастіе къ чужеземцамъ и предпочтеніе ихъ отечественнымъ артистамъ. Благоразумные люди смѣялись, думая, что дѣло этимъ и кончится. Но въ первое же представленіе гостей (давали Монте-Кристо), толпа недовольныхъ заняла весь раекъ и подняла такой шумъ, что невозможно было разслушать ни одного слова пьесы. Тоже повторилось и во второе представленіе, пока зачинщикъ не былъ схваченъ и арестованъ. Это былъ нѣкто Кроуель, плохой актеръ какого-то Лондонскаго театра. Не смотря на арестованіе зачинщика, французы не рѣшились на третій опытъ и отправились обратно въ Парижъ, не доигравъ своего *Монте-Кристо*.

—

ГЕРМАНІЯ.

Вѣна. Великое событіе въ исторіи Вѣнскихъ театровъ! На Придворномъ театрѣ давали знаменитую пьесу Лаубе: *Воспитанники Карловой школы* (Karlschüler). Рѣдкая драма съ перваго появленія своего возбуждала столько противурѣчащихъ сужденій: съ одной стороны безусловное боготвореніе, съ другой безусловное пренебреженіе; по нашему это добрый знакъ, ибо о повседневномъ много не толкуютъ. И дѣйствительно, разсматривая содержаніе, мы съ перваго взгляда убѣдимся, что оно выбрано очень искусно и удачно.

Драма, заимствованная изъ жизни художниковъ, отживала свой вѣкъ: посредственнымъ поэтамъ, которые преимущественно посвятили себя драматизированію художнической жизни, не удалось отыскать въ ней одного истинно драматическаго момента. Лаубе нашелъ его, представя великаго народнаго поэта въ нравственной борьбѣ о жизни и смерти, о вопросѣ: быть и не быть?—Геній его, въ педантическихъ оковахъ Карловой школы, судорожно рвется на волю; и плодомъ этого стремленія является драма *Разбойники*. Этотъ плодъ въ глазахъ герцога есть плодъ запрещенный, и полковой фельдшеръ Шиллеръ долженъ скрывать свое произведеніе, гордость своей юной души, отъ глазъ свѣта, какъ преступленіе. Но на его сторонѣ женщины и молодежь; съ ихъ помощью, подъ ихъ покровительствомъ, поэтъ разрываетъ послѣднюю окову, и бѣжитъ въ Мангеймъ, гдѣ первое торжество освѣжаетъ его горящую голову, торжество, которое поражаетъ строгаго герцога недоумѣніемъ, разрушаетъ всѣ его понятія о жизни, торжество новаго времени надъ старымъ. Впрочемъ, это измѣненіе въ понятіяхъ герцога въ концѣ драмы ошибка противъ вѣрности характера. Герцогъ былъ человѣкъ слишкомъ ограниченнаго, въ себѣ самомъ, слишкомъ неподступнаго характера, чтобъ онъ могъ прійдти въ недоумѣніе предъ такимъ событіемъ, какъ восторженный пріемъ *Разбойниковъ* въ Мангеймѣ, чтобы онъ могъ произнести эти слова уныніе: «успѣхъ или неудача — судъ Божій!» Что это заключеніе драмы невѣрно исторіи, о томъ мы и не говоримъ; гораздо важнѣе по нашему, то, что оно невѣрно въ психологическомъ отношеніи; характеръ принесенъ тутъ въ жертву эффектной развязкѣ; притомъ, слабость герцога тѣмъ непріятнѣе дѣйствуетъ на умъ зрителя, что ему противуполагается Франциска фонъ Го-

генгеймъ, покровительница Шиллера, характеръ благородный, полный и послѣдовательный въ своей женственности. Идея примиренія склонила поэта къ такому заключенію: между двумя столь діаметрально противуположными началами, между старымъ временемъ и новымъ, примиреніе невозможно; новое время гордо, безжалостно попираетъ старое; Франциска, въ прекрасной, впрочемъ, сценѣ съ герцогомъ, должна бы, по логикѣ, разойтись съ нимъ.

Лаубе упрекаютъ въ томъ, что двѣ сцены его драмы слишкомъ сходны съ двумя сценами Шиллера. Мы допускаемъ этотъ упрекъ въ отношеніи одной изъ нихъ, когда Шиллеръ, въ кругу друзей, съ безпокойствомъ ждетъ отвѣта Дальберга. Разбойники въ это время уже написаны; довольно смѣло заставить сцену, когда Карлъ Моръ ждетъ отвѣта отца, повториться послѣ того въ жизни самаго поэта. Что касается до разговора Шиллера съ герцогомъ, въ которой находятъ сходство со сценою маркиза Позы и Филиппа въ *Донъ Карлосѣ*, то это совсѣмъ другое дѣло; *Донъ Карлосъ* еще не написанъ, а мысль, что юноша поэтизируетъ обстоятельства своей жизни, и въ преображенномъ видѣ переноситъ ее въ свою поэму, нисколько не противна здравому смыслу. Упрекаютъ также Лаубе въ томъ, что онъ недовольно ярко показалъ душевную борьбу, происходящую отъ отношеній Шиллера къ родителямъ и къ Лаурѣ, упрекъ этотъ едва ли справедливъ, потому что отъ этого драма утратила бы свою цѣлость и единство. За исключеніемъ нѣсколькихъ долготъ въ первыхъ дѣйствіяхъ, нельзя не признать пьесы Лаубе прекрасною, полною неподдѣльной поэзіи картиною вѣка; сцена, въ которой герцогъ заставляетъ изумленнаго Шиллера читать вслухъ стихотворенія несчастнаго Шуберта, одна изъ самыхъ поразительныхъ, не только въ нѣмецкой, но и во всѣхъ европейскихъ литературахъ.

Исполненіе «Воспитанниковъ Карловой школы,» было превосходно. Фихтнеръ, (Шиллеръ), былъ правда, сначала нѣсколько вялъ, плаксивъ; но этотъ недостатокъ совершенно исчезъ по мѣрѣ хода пьесы. Вдохновеніе и теплое, изъ сердца изливающееся чувство, одушевленная, непринужденная рѣчь, въ особенности въ главныхъ сценахъ, наложили печать истины на характеръ художника; словомъ, Фихтнеръ представилъ поэтически-вѣрное олицетвореніе великаго поэта.

Ларонъ, (герцогъ) превосходно представилъ старовоенный педантизмъ, мастерски умѣлъ слить его ледяную суро-

вость съ мимолетными искрами человѣчества и любви, которыя западаютъ даже въ его холодную душу.

Изъ женщинъ первое мѣсто принадлежитъ безспорно г-жѣ Реттихъ (графинѣ фонъ Гогеймъ). Женское самолюбіе, упивающееся любовью и хвалою, досаду разочарованія, наконецъ, торжество благородной женской души надъ уязвленнымъ самолюбіемъ, все это г-жа Реттихъ представила съ удивительною истиною и художественностью. Г-жа Гайцингеръ (генеральша Ригеръ) и дѣвица Нейманъ (Лаура) могутъ также считать свои роли въ этой пьесѣ въ числѣ лучшихъ своихъ ролей. При такой тщательной обстановкѣ, хорошая пьеса не могла не имѣть успѣха, а тѣмъ болѣе пьеса, которая была предметомъ всѣхъ желаній публики въ продолженіе столькихъ лѣтъ.

Не съ такимъ всеобщимъ одобреніемъ принято другое замѣчательное произведеніе, явившееся недавно на Придворномъ театрѣ, *Магдалина*, трагедія Фридриха Геббеля. Цѣломудренные вѣнцы дивятся, какъ посмѣлъ поэтъ представить имъ грѣшницу, падшую женщину, и еще не въ мишурномъ покровѣ, а въ наготѣ истины. Мы отчасти согласны съ этимъ мнѣніемъ, но только отчасти. Если бы Клара пала вслѣдствіе пламенной, истинной любви къ Леонарду, и гибла чрезъ него жертвою неумолимаго рока, она была бы вполнѣ прекрасна, была бы чиста, какъ должно быть все истинно прекрасное. Но она отдается человѣку, котораго не любитъ, отдается частью случайно, растерявшись, вслѣдствіе встрѣчи съ другомъ дѣтства, частью изъ расчета, чтобы устранить подозрѣніе Леонарда. Такой поступокъ со стороны женщины благородной, возвышенной души, пожалуй, психологически возможенъ, но онъ не заслуживаетъ эстетическаго оправданія. Изъ этой ошибки въ основаніи происходитъ и ужасная мрачность трагедіи. Въ самыхъ мрачныхъ произведеніяхъ Шекспира, напримѣръ, за бурею страстей, за волею рока, видится всегда ясное небо примиренія; какое же примиреніе возможно, когда судьбу человѣка опредѣляетъ не вина, не страсть, а скорѣе случай или расчетъ, какъ въ трагедіи Геббеля?

За исключеніемъ этой ошибки, мы смѣло признаемъ «Магдалину» геніальнымъ произведеніемъ. Характеры послѣдовательны, выхвачены изъ живой природы; старикъ Антонъ, представитель прошедшаго, отживающаго времени, не знающій ничего выше общественной чести, Карлъ Монгардъ, негодяй, дѣлающія зло безъ всякаго злаго умысла, сама Клара, все это живые люди, которыхъ, при внимательномъ наблюденіи,

мы каждый день будемъ видѣть около себя. Дѣйствіе ведено естественно, послѣдовательно, и производитъ тѣмъ сильнѣйшій эфектъ, что авторъ никогда не гоняется за эфектомъ.

Надо сказать спасибо артистамъ за ихъ добросовѣстное, вполнѣ художественное исполненіе этой прекрасной трагедіи, особенно Аншюцу (Антонъ) и г-жѣ Геббель (Клара).

Двѣ прекрасныя драмы, какъ «Воспитанники Карловой школы», и «Магдалина», для Вѣны такое богатство, которое ей никогда и не снилось, потому-что она привыкла къ неподвижности и къ посредственности. Къ этимъ двумъ драмамъ можно бы присоединить еще третью, «*Валентину*» Фрейтага, которая, къ сожалѣнію, была дана въ такое невыгодное время, и была такъ дурно обставлена, что рѣшительно упала: мы надѣемся, однакоже, что когда нибудь за нее примутся снова и отдадутъ ей справедливость.

Мы не будемъ долго останавливаться на новыхъ пьесахъ, поставленныхъ на Вѣнскомъ театрѣ, потому-что онѣ и не стоятъ большаго вниманія, и могутъ быть интересны для одной Вѣны.

На театрѣ an der Wien даются двѣ новыя пьесы: *Тайный агентъ*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная изъ давно извѣстной французской пьески Мелевиля и Дюверье (Michel Perrin), талантливымъ и остроумнымъ берлинскимъ артистомъ Шнейдеромъ. Комедія полная ума, забавная, живая и занимательная.—«*Ньютъ болѣе Езуитовъ*», комедія Шубара, безтолковая путаница, въ которой всѣ интригуютъ и никто не знаетъ, зачѣмъ и къ чему, пока, наконецъ, какой-то водевильный промыслъ не награждаетъ каждаго по заслугамъ, и добрыхъ, и злыхъ.

На «Іозефштадтскомъ» театрѣ поставлена знаменитая, преужасная и превѣроятная драма Александра Дюма: *Нельская башня*, но большаго эфекта не произвела.

На «Карловскомъ» театрѣ освистана самымъ знатнѣйшимъ образомъ новая *пятиактная* шутка поставщика Нестроя, подъ названіемъ: «Милые родные». По окончаніи пьесы публика потребовала даже, чтобы Нестрой вышелъ просить у нея извиненія; но какъ онъ со страху убѣжалъ изъ театра, то она довольствовалась извиненіями, отъ его имени, режиссера.

На оперныхъ театрахъ нѣтъ ничего любопытнаго, кромѣ двукратнаго явленія берлинской артистки Тушекъ (въ *Мартѣ* и въ *Велькѣ*) и г-жи Кюхенмейстеръ-Рудерсдорфъ въ *Робертѣ* (Изабелла) и въ *Пуританахъ*.

—

Штутгартъ. Въ наше безпокойное время, когда всѣ умы заняты политическими событіями, безпрестанно пропускаютъ безъ вниманія замѣчательныя явленія въ другихъ сферахъ. Такъ, на-примѣръ, прошло здѣсь незамѣченнымъ прекрасное произведеніе молодаго поэта, уже стяжавшаго себѣ громкое имя въ лирической поэзіи, и теперь выступающаго въ первый разъ на драматическое поприще. Это трагедія Эдуарда Гартманна, подъ названіемъ: *Обреченный* (der Verheissene). Можно бы этому произведенію сдѣлать кой-какіе упреки въ мелочахъ; но во всякомъ случаѣ оно обличаетъ въ авторѣ даровитаго драматурга. Герой трагедіи, Давидъ, христіанинъ, котораго еврей Асферъ похитилъ ребенкомъ у родителей, и воспиталъ въ Моисеевомъ законѣ и въ вѣрованіи, что онъ обѣщанный Израилю Мессія. Оба пріѣзжаютъ въ Ливорно, родину Асфера, чтобы отсюда начать дѣла освобожденія Божія и мести. Но любовь Давида къ христіанкѣ и убѣжденіе его въ братствѣ всего человѣчества, разрушаютъ всѣ планы еврея. Наконецъ, самъ Асферъ убиваетъ его, въ то время, какъ онъ защищаетъ христіанина, въ которомъ онъ передъ смертью узнаетъ брата своего, дона Гусмана. Асферъ погибаетъ отъ руки единовѣрцевъ, приведенныхъ въ негодованіе его обманомъ.

Эта трагедія имѣла въ Штутгардѣ при первомъ представленіи большой успѣхъ.

—

Петербургскій

ТЕЛЕГРАФЪ.

—

СИГНАЛЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ.

—

Лѣтняя эмиграція изъ Петербурга. — Физіономія дачъ. — Такъ называемые лѣтніе концерты и праздники. — Оркестры: Гунгля, Гильмана и Шпиндлера.—Способы сообщенія.— Экипажъ графа Штейнбока-Фермора. — Новый пароходъ Сильфида. — Французскій актеръ Кларансъ.—Некрологи: Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.—Н. Ѳ. Линдфорсъ.—М. П. Сорокинъ.— Новости музыкальныя и литературныя.

—

Петербургъ можетъ похвастать своими оркестностями передъ другими европейскими столицами: нигдѣ нѣтъ столько разнообразія и величія въ проявленіяхъ природы, какъ около нашего Вавилона. У ногъ его—шумное море; голубая и быстрая Нева широкой лентой вьется на поясѣ; направо вѣковые граниты Финляндіи, налѣво песчанистая возвышенность нѣмецкаго берега, повыше бурное Ладожское озеро, съ историческимъ Ключемъ-городомъ (Шлиссельбургомъ.) Прибавьте къ этому вѣковые сады и лѣса; смѣющіеся острова, выглянувшіе изъ моря съ своими цѣтниками и красными дорожками; живописныя окраины Невы; скалы съ дворцами, памятниками царственнаго величія и роскоши; воздушныя виллы, увитыя плющемъ и экзотическими растеніями; гордые пароходы, разрѣзающіе и пѣ-

нящіе волны; тысячи сѣверныхъ гондолъ, съ ихъ расписными кормами и пестрыми балдахинами — и вы получите приблизительное понятіе о Петербургскихъ окрестностяхъ. За то и нѣтъ города, который бы больше любилъ, не скажу сельскую, но *дачную*, жизнь, потому что въ нашей дачной жизни нѣтъ ничего сельскаго. Петербургъ вообще, можно сказать, образуется изъ двухъ городовъ: *зимняго*, состоящаго изъ дворцовъ и вавилонскихъ башень, крѣпко спаянныхъ изъ гранита и кирпича, и *лѣтняго*, на-живую нитку связаннаго изъ барочнаго лѣса и тщательно раскрашеннаго охрою и муміей. Природа наша дѣйствительно чудесна, но чудесна, какъ и всякое подражаніе натурѣ, сдѣланное трудами рукъ человѣческихъ, и если-бъ не это небо, вѣчно сѣрое и хмурное, не эта земля, всегда сырая и влажная, не этотъ воздухъ, постоянно холодный и болѣзненный, то она могла бы поспорить съ Южной Франціей и даже, пожалуй, съ Италіей. Но на такія бездѣльныя неудобства петербуржецъ не обращаетъ вниманія. Едва начнутъ наигрывать почки на деревьяхъ, едва весеннее солнце изъ за сѣраго войлока, называемаго у насъ небомъ, просунетъ первый жаркій лучь, и весь Петербургъ громоздится на воза, укладывается на барки, съ мебелью, шубами и садами для будущихъ дачъ, то есть, съ огромнымъ запасомъ герани, зелени и цвѣтовъ въ горшкахъ — и начинается всеобщая эмиграція. Грандъ и плебей, чиновникъ и портной, канцелярскій служитель и гостинодворецъ—всѣ переносятъ свои горшки и пенаты за черту, означающую предѣлъ города, въ лоно матери природы, преизобилующей вѣтромъ, сыростью и болотами. Тамъ, окутавшись фланелью, вдыхаютъ они лѣтнюю отраду въ мѣховыхъ шлафрокахъ, байковыхъ пальто и резинныхъ галошахъ, между оглушительною музыкою оркестровъ и онѣмляющей болью зубовъ и ревматизмовъ; той-же вереницей, наконецъ, возвращаются они на зимнія квартиры, когда уже дачныя печи не защищаютъ болѣе отъ барочныхъ дыръ въ стѣнахъ, и возвратясь изъ похода, хвалятся другъ передъ другомъ, что вышли сухи изъ воды. Но все это ничего незначитъ — мода дачной жизни обратилась въ страсть, а страсть постепенно перешла въ болѣзнь—дачеманію, которою одержимъ весь Петербургъ безъ исключенія. Промышленность, которая умѣетъ протереться въ самыя узкія скважинки общественной жизни, подслушать самый завѣтный бредъ прихоти, извлечь пользу изъ каждаго движенія, не разбирая разумно-ли оно или ребячески-наивно, умѣла и въ болѣзни этой найдти свои выгоды и усердно спо-

собствуетъ дальнѣйшему ея разбитію. Барки, облегчившія себя отъ бремени дровъ, сѣна и угольа, превращаются въ итальянскія виллы, въ черновомъ оставѣ своемъ очень похожія на только-что обстрѣлянный равелинъ крѣпости; обои и кисть тщательно скрываютъ ихъ дырявую природу; тощія березки украшаютъ наружность, передъ крыльцомъ двѣ-три квадратныя сажени, обнесенныя форменной рѣшеткою, означаютъ дачный паркъ; посреди̇нѣ его вскопана куртинка съ обводкою изъ дерна, готовая принять англійскій садъ, плывущій въ лоно природы на баркѣ или везомый на возахъ въ десяти или пятнадцати горшкахъ, различныхъ формъ и возрастовъ; канава за рѣшеткою можетъ служить для пылкаго воображенія петербургцевъ и и бурнымъ потокомъ, и свѣтлою рѣчкою, и тихо-журчащимъ ручейкомъ, смотря по обстоятельствамъ: если проливные дожди идутъ три недѣли сряду: это бурный потокъ, затопляющій погреба и кухни, черезъ который обѣдъ можетъ переправиться только въ надежномъ корытѣ; если дождикъ идетъ черезъ день—это свѣтлая рѣчка, въ которой блаженствуютъ домашнія утки; если же дождей нѣтъ вовсе—это тихожурчащій ручей, въ грязномъ днѣ котораго живо отражаются прибрежныя головки цикорій, черезъ который смѣлой стопою перебирается насѣдка съ своимъ недолговѣчнымъ потомствомъ, и который по вечерамъ прохлаждаетъ горячіе нервы жителей усладительными туманами. Это-ли не Италія? Это ли не жизнь въ раю Магомеда?

Но дачи наши подраздѣляются на *вельможныя*, *труженическія* и *плебейскія*. Вельможныя дачи гордо высятся посреди Петергофа, по правому берегу Невы, среди неприкосновенной чистоты Царскаго Села, на широкихъ берегахъ Финскаго залива, начиная отъ Стрѣльни до Рамбова, и на мощеныхъ улицахъ Каменнаго Острова. Это великолѣпные лѣтніе дворцы, которые, скрытую толстыми стѣнами, зимнюю роскошь, выставляютъ на показъ завистливо-изумленной толпѣ, сквозь широкія итальянскія рамы и галлереи, свадебно убранныя тоскующимъ виноградомъ, томными розами, и тропическими растеніями, выродившимися вдали отъ роднаго экватора въ горшечныхъ карликовъ, сродныхъ полюсамъ. Здѣсь то горятъ тысячи огней по вечерамъ, блистаютъ ливреи всѣхъ родовъ, кипитъ суета, раздаются звуки музыки, вьются вихри полекъ. *Труженическія* дачи крѣпко сжимаются и подпираютъ другъ друга подъ бокъ около сада графа Кушелева-Безбородко, за Лѣснымъ Институтомъ, на изнаткѣ Крестовскаго, въ тѣсныхъ

улицахъ Аптекарскаго острова, на грязяхъ Карповки и Черной Рѣчки и въ пыли Новой Деревни. Это домики, по большей части, двухъ-этажные, съ крошечными палисадниками: удобство ихъ состоитъ въ тѣснотѣ и уютности; лучшія на *солнопекъ* (техническое выраженіе хозяевъ, означающее солнечную сторону,) потому-что солнце у насъ цѣнится еще дороже воздуха и воды. Особенная пріятность этихъ дачъ заключается въ томъ, что, при проѣздѣ мимо тяжелыхъ экипажей и возовъ, мебель въ комнатахъ пляшетъ казачка, подъ дребезжаніе оконъ, звонъ стакановъ, цѣлующихся съ рюмками, и удары тарелокъ; дачи эти всѣ снабжены печами, которыя, если хорошо протапливаются, то вмѣстѣ съ мѣховой одеждой, дѣлаютъ петербургское лѣто довольно теплымъ и пріятнымъ.

Пріятно также, что вы, не выходя изъ дому, пользуетесь внутренними тайнами семейнаго быта вашихъ сосѣдей: вы слышите, какъ сосѣдка бранитъ кухарку за передержку чухонскаго масла, какъ нянька назидаетъ довольно чувствительно четырехлѣтняго питомца, какъ дочка выводитъ фальшиво вѣрныя нотки, проходя гаммы, а мужъ воетъ волкомъ отъ притязаній семейства на аристократическую моду посѣщать Гильманову арабскую музыку, или дикое завываньe цыганъ, въ заведеніи Минеральныхъ Водъ, которое лечитъ больныхъ по новой методѣ, не водою съ солью, а музыкою. Музыка вообще одно изъ самыхъ мучительныхъ наслажденій дачной жизни; вездѣ около васъ живутъ члены – артисты этихъ номадныхъ или наскоро импровизированныхъ оркестровъ, одинъ пробираетъ васъ до мозга костей тромбономъ, другой кидаетъ въ потъ контрбасомъ, третій выпиливаетъ душу на альтѣ; цѣлый день они производятъ въ васъ лихорадку поодиночкѣ, чтобы вечеромъ произвесть горячку совокупно. Говорятъ, такое потрясеніе нервовъ, онѣмѣвшихъ отъ форменныхъ работъ, очень полезно, и, въ силу того, труженики охотно ему подвергаются. Вечеромъ настаетъ прогулка, которая выворачиваетъ передъ любознательными глазами весь домашній бытъ населенія на изнанку. При свѣтѣ лампъ или свѣчей, вы легко усматриваете, какъ сосѣдъ направо ремизится въ червяхъ, а пріѣзжій гость сидитъ въ малинѣ; какъ сосѣдка на-лѣво угощаетъ семью непозволительно дынею или соусомъ двусмысленнаго содержанія; какъ на темномъ углу балкона рисуются очень близко другъ отъ друга черная фигура моднаго сюртука и бѣлое пятно зефирнаго платья; какъ за нескромной занавѣской слагается обременительная красота, которая обольщала васъ днемъ подъ

видомъ классическихъ формъ древняго рѣзца; словомъ, открывается новый свѣтъ, котораго изустная исторія составитъ содержаніе бесѣдъ будущей осени.

Поштенное купечество чуждается этихъ дачъ: тутъ ему не такъ привольно и забавы ихъ не льстятъ его воображенію. Оно обыкновенно предпочитаетъ Петергофскую дорогу и Екатерингофъ. Здѣсь, среди облачныхъ клубовъ пыли—днемъ, среди непроницаемыхъ тумановъ—вечеромъ, оно живетъ, какъ бы за естественной завѣсою, въ садахъ съ вышками, плотно скрытыми заборами отъ нескромнаго глаза. Рядомъ «Марьина Роща», «Вокзалы», Нѣмецкіе и Русскіе трактиры и три-четыре другія *заведенія*, которыхъ *въ хотъ* всегда такъ приманчивъ для охотниковъ до чайку и другихъ желудочныхъ упоеній. Эти похвальныя учрежденія общественной жизни представляютъ *поштеннымъ* переселенцамъ обильную пищу для развлеченія. Здѣсь, въ праздничные и воскресные дни, ходитъ *шпанскій балансеръ* по канату, спускаются шары съ куклами и щенками, поютъ Жуковцы, поддѣльные цыганы и хоры военныхъ пѣсенниковъ, играютъ тирольцы на арфахъ и флейтахъ и ломаются скоморохи подъ звуки шарманки, а вечеромъ *люминація* изъ шкаликовъ и плошекъ, и *Фейверокъ* изъ трехъ колесъ и двухъ фонтановъ. Какое разнообразіе! Что за раздолье!

Поютъ цыганы, плещетъ пиво,
Тарелки, рюмки дребежжатъ,
И вкругъ поштенныхъ молчаливо
Рои трактирщиковъ стоятъ.
Махнетъ — и трубы загучали!
Горланитъ подогрѣтый хоръ:
«Ты унеси мои печали...»
Раздолье, нѣга и просторъ!

Третій разрядъ дачъ — составляютъ вросшіе въ землю или бодро избоченившіеся домики въ Колтовскихъ улицахъ на Петербургской сторонѣ и въ безъимянныхъ переулкахъ Выборгской стороны. Это менѣе дачи, чѣмъ лѣтнія квартиры — болѣе дешевыя, чѣмъ въ городѣ, и мелкій людъ слѣдуетъ начеманіи скорѣе изъ расчета, чѣмъ изъ моды. Тутъ уже нѣтъ претензій на прихоти сельскости и удобства лѣтнихъ прогулокъ и наслажденій. Домъ, по большей части, глядится въ грязныя лужи дѣвственной отъ мостовыхъ улицы; кой-гдѣ торчитъ крошечная рябинка или кустикъ шиповника; па-

портникъ и дикая ромашка, окружающія домъ, вмѣсто фундамента, не причисляются къ роскоши дачи. Здѣсь товаръ продается лицомъ съ безпримѣрной въ нашъ вѣкъ искренностію. И здѣсь есть близъ домовъ рвы съ водою, такъ увлекающіе воображеніе другихъ дачниковъ, но порывамъ этихъ потоковъ положены досчатые предѣлы, называемые мостками , или, лучше сказать, трамполины, по которымъ въ дождливую погоду можно достигнуть мѣста назначенія, не потонувъ въ грязи, а въ хорошую на нихъ можно скакать для забавы, какъ это дѣлается почти во всѣхъ русскихъ деревняхъ. Вотъ единственное сельское наслажденіе, которое представляютъ дачи третьяго разряда. Что касается до ихъ внутреннихъ удобствъ, то они почти вездѣ одинаковы: двери безъ замковъ, но съ веревочкою; окна безъ задвижекъ, впрочемъ, такъ крѣпко прихлопнутыя, что отворить ихъ можно только съ явною опасностію для стеколъ, расписанныхъ временемъ всѣми цвѣтами радуги; русская печь или лежанка изъ пестрыхъ изразцовъ; на стѣнахъ графъ Платовъ верхомъ съ булавою, и пожаръ Чесменскаго флота; въ стѣнахъ пять-шесть сверчковъ, хорошо откормленныхъ и довольно голосистыхъ; полъ со скважинами такой величины, что соръ самъ собою въ нихъ проваливается, сберегая надобность выметать его каждый день. Если иногда въ дождливыя ночи, образуются души въ постель постояльца, то это, во-первыхъ, замѣняетъ ему купаніе въ рѣкѣ, во-вторыхъ, удобно устраняется распущеніемъ зонтика, если-же таковаго неимѣется, то хозяева съ величайшимъ самопожертвованіемъ готовы ломашнюю ванну уничтожить посредствомъ старой дранки, рогожи и даже доски, вынутой изъ мостковъ передъ сосѣднимъ домомъ. Мирно течетъ жизнь въ этихъ пріютахъ отъ суеты мірской. Совершивъ путешествіе въ отдаленныя должностныя мѣста, отшельники этихъ дачь спокойно наслаждаются природою, въ пестромъ халатѣ, подпоясанномъ полотенцемъ, у воротъ своего домика, очищая воздухъ обильными клубами Жукова.

Вотъ краткая, но довольно полная физіономика петербургскихъ дачь: онѣ очаровательны, какъ сами изволите усмотрѣть, и наслажденіе лѣтомъ въ нихъ довольно полно, за исключеніемъ маленькихъ неудобствъ, въ родѣ тумановъ, гнилыхъ испареній, легонькихъ наводненій, свиста вѣтра во всѣ щели, видимыя и невидимыя, и вслѣдствіе того, ревматизмовъ, хроническихъ насморковъ, флюсовъ, зубныхъ болей и проч. Но все это сущія бездѣлицы сравнитель-

но съ предметами удовольствія, которые представляются на каждомъ шагу, какъ въ домашней, такъ и въ публичной жизни дачнаго народонаселенія. Во-первыхъ, удовольствіе продовольствованія: ни женѣ вашей, если она хорошая хозяйка, ни экономкѣ, если вы держите этотъ предметъ роскоши, ни повару, ни кухаркѣ ненужно утруждать своей особы отправленіемъ на рынки: какъ бы по щучьему велѣнью, все явится къ вамъ въ домъ, у крыльца вашей кухни, все безъ исключенія, отъ свѣжихъ яицъ до живыхъ лососей, отъ выборгскихъ сухарей до битыхъ цыплятъ, отъ пирожнаго до говядины, отъ половыхъ щетокъ до швейцарскаго сыра, производимаго въ Коломягѣ. Не безпокойтесь, ни поваръ, ни кухарка ужъ васъ не обокрадутъ, но вы только заплатите вчетверо за каждый продуктъ, который такъ услужливо явится по вашему желанію. Цыпленокъ, который на жаркомъ съеживается въ одно крылушко; курица, отжившая всякій позволительный для этихъ пернатыхъ возрастъ, и требующая отъ вкушающаго зубовъ крокодила и желудка страуса; каждый десятокъ яицъ, каждая крынка эликсира, производимаго изъ муки, мѣлу и молока и называемаго *сливками*; каждый корешокъ, по неопредѣлительности своей, могущій ввести въ ошибку любаго Линнея и Гофмана — словомъ, все продается чуть-чуть не на вѣсъ серебра. Вообще на дачахъ серебряный рубль ходитъ наровнѣ съ городскимъ двугривеннымъ, а мелкая монета годна развѣ на подаяніе странствующимъ савоярамъ и шарманкамъ. За этимъ удовольствіемъ слѣдуетъ удовольствіе сообщенія. Промышленность позаботилась объ этомъ съ изумительнымъ усердіемъ — для себя. Почти во всѣ окраины Петербурга ходятъ дилижансы, которые каждочасно переносятъ любителей сельской жизни изъ душныхъ конторъ, изъ заботливыхъ департаментовъ, изъ жаркихъ мастерскихъ, на лоно природы, то въ живописное Парголово, то въ пустынную Стрѣльну, то къ мутнымъ берегамъ Черной Рѣчки, то въ запустѣніе Полюстровское, то на пески Кушелевки, то на зной Новой и Старой деревень, то въ глушь лѣсовъ Крестовскаго острова. Нѣкоторые изъ нихъ благоустроены, заботятся объ удобствѣ и скорости переѣздовъ, поддерживаются со тщаніемъ и совершенствуются съ каждымъ годомъ. Совершенство — цѣль каждаго предпріятія, потому что оно обезпечиваетъ его успѣхъ и обращаетъ его въ потребность общественной жизни. Къ несчастію, не всѣ спекуляторы понимаютъ эту основную мысль каждой промышлен-

ности. Есть и такіе, которые наровятъ только нажить рубль на грошъ, какими бы то средствами нибыло, и сами губятъ лучшее учрежденіе, помышляя объ однихъ барышахъ и упуская изъ виду источникъ, изъ котораго проистекаютъ ихъ выгоды. Въ этомъ отношеніи пальма первенства безспорно принадлежитъ Полюстровскимъ, Новодеревенскимъ и Чернорѣченскимъ дилижансамъ, первымъ по времени и мысли своего учрежденія, послѣднимъ по устройству, порядку и пользѣ. Удовольствіе поѣздокъ въ этихъ публичныхъ каретахъ превосходитъ самое пылкое воображеніе и нужно бы занять краски у Каллота, чтобы достойно нарисовать полную картину этого наслажденія. Начинается съ того, что изъ города-ли, изъ деревни-ли, вы должны съ бою пріобрѣсти высокую честь измять и протрясти все существо свое въ этихъ экипажахъ: кондукторъ, небритый и неразборчивый, какъ фортуна, изъ кармана своего суетъ въ десятки протянутыхъ къ нему здоровыхъ рукъ какія-то испачканныя, мѣдныя бляхи, служащія правомъ на верховное блаженство попасть въ карету. Разумѣется, что при такомъ порядкѣ, основанномъ на рыцарствѣ и отвагѣ, ни одинъ порядочный человѣкъ, ни одна дама не могутъ претендовать на возможность отвѣдать этаго наслажденія, основаннаго на правѣ сильнаго, на дюжихъ локтяхъ и застрахованныхъ отъ излома ребрахъ. Наконецъ, избранные кондукторомъ атлеты размѣщаются въ длинномъ, узкомъ и тѣсномъ ящикѣ, называемомъ каретою. Прежде мѣста въ этихъ экипажахъ стоили 20 коп. сереб.; заботливое правительство, очень справедливо желая сравнять цѣнность этихъ поѣздокъ съ городскими каретами и тѣмъ облегчить для публики возможность переѣздовъ за городъ, не вредя выгодамъ предпріятія, назначило таксу въ 15 коп. сер. за мѣсто. Этого болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы, при умномъ и дѣятельномъ управленіи, дать два рубли на рубль выгодъ. Но промышленникамъ этаго мало, имъ нужно 5 руб. вмѣсто двухъ, и вотъ, вмѣсто прежнихъ 14 пассажировъ, въ древній кузовъ втискиваютъ 18 человѣкъ. По окончаніи этой трудной операціи, блюститель выгодъ требуетъ обратно билеты и деньги. Начинается первое затрудненіе: ни одинъ пассажиръ не можетъ попасть въ свой карманъ, прижатый плотно сосѣдомъ; потомъ второе, въ распросахъ и расчетахъ кондуктора, въ спорахъ и ссорахъ о томъ, кто заплатилъ, кто нѣтъ, кому слѣдуетъ сдача, кому нѣтъ: по большей части, въ подобныхъ случаяхъ, нѣсколько сдачь не достигаютъ до кошелька, въ

который бы имъ слѣдовало попасть. Между тѣмъ, драгоцѣнное время уходитъ и экипажъ трогается съ мѣста четвертью часа позже, чѣмъ слѣдуетъ. Впрочемъ, эта маленькая неакуратность, отъ которой иной пассажиръ, приглашенный на обѣдъ, или поспѣшающій къ должности въ назначенный часъ, не поспѣваетъ во-время, устраняется услужливою стрѣлкою часовъ, которая, по волѣ кондуктора, двигается взадъ и впередъ, смотря по настоятельной надобности. По этому ловкому устройству, неаккуратность отправленій и пріѣздовъ всегда замѣняется поразительною вѣрностію часовъ, придѣланныхъ къ кузову. Начинается, наконецъ, самое путешествіе. Изрѣдка, на мостахъ и поворотахъ, оно перерывается, легкими отдыхами тощихъ лошадей, не могущихъ залпомъ вынести возложенной на нихъ тяжести. При этихъ остановкахъ, всегда почти ставящихъ неуклюжій инструментъ въ довольно двусмысленное положеніе, внутри его происходятъ самыя патетическія сцены страха и чувства самосохраненія, усиливаемыя каждымъ отчаяннымъ движеніемъ возничаго, приглашающаго своихъ четвероногихъ и треногихъ пегасовъ, довольно невѣжливымъ образомъ, къ точному исполненію ихъ обязанности. Другія удовольствія сопровождаютъ путешествіе во все протяженіе дороги: постоянная восточная музыка, какъ будто заимствованная изъ какой нибудь модной польки Кажинскаго, не умолкаетъ ни на минуту: стекла дребезжатъ, экипажъ трещитъ, каждый винтикъ звѣнитъ, дрожина бьетъ тактъ по кузову, рессоры хрустятъ; каждый большой камень въ мостовой сообщаетъ путешественникамъ толчекъ снизу, весьма полезный для организма; а если кто изъ нихъ вздумаетъ погромче чихнуть, то по законамъ механическаго сцѣпленія боковъ и оконечностей, все населеніе кареты вообще ощущаетъ одинакое гальваническое потрясеніе. Вообще такая поѣздка удивительно полезна для здоровья: она полируетъ кровь, производитъ обильную испарину, потрясаетъ нервы и сильно приводитъ желчь въ движеніе. Въ холерное время нельзя ничего лучшаго предписать больному. Для геморроидальныхъ оно имѣетъ также свою пользу; извѣстно, что въ этомъ недугѣ мягкое сидѣнье очень вредно: въ этихъ экипажахъ больной не подвергается опасности; подушки ихъ набиты, если не ошибаемся, не-то желудями, не-то толченымъ кирпичемъ. Заведеніе это учреждено лѣтъ пять тому и съ удивительнымъ постоянствомъ осталось вѣрно своему первоначальному устройству и порядку; ни въ лошадяхъ, ни въ двухъ единственныхъ экипажахъ не

сдѣлано никакого измѣненія къ лучшему, несмотря на передрягу лѣтъ. Даже часы отправленій остались тѣже, не взирая на ихъ несообразность. Лѣтомъ, на пр., въ Полюстровскомъ саду, въ Тиволи, бываютъ иллюминаціи и фейерверки, начинающіеся въ половинѣ одинадцатаго; дилижансъ именно отходитъ передъ самымъ фейерверкомъ; послѣ него, публика, которую онъ свезъ въ теченіе вечера, можетъ отправляться, какъ себѣ знаетъ. Утромъ, когда на дачахъ всѣ или спятъ, или только встаютъ, въ 7-мь часовъ инструментъ отправляется въ городъ и, разумѣется, всегда пустой; а когда дачникамъ нужно ѣхать въ городъ, въ 11 — 12 часовъ, отправленій нѣтъ; за то они есть въ 2½ и 3½ когда, обыкновенно не съ дачи ѣздятъ, а на дачу сбираются къ обѣду. Съ самаго основанія этихъ экипажей мы замѣтили только одну перемѣну: сперва дилижансъ останавливался у воротъ сада графа Кушелева-Безбородко, куда обыкновенно публика стекается для прогулокъ, теперь онъ останавливается у Полюстровскаго трактира, куда заходятъ только люди съ пламеннымъ темпераментомъ и пылкими страстями. Можетъ быть, это сближеніе съ трактирнымъ заведеніемъ и представляетъ какія нибудь выгоды, но ужъ во всякомъ случаѣ не для публики и не для жителей окрестныхъ мѣстъ. Напротивъ, оно почти всегда оставляетъ печать нѣкотораго вліянія на господахъ кондукторахъ и двухъ-трехъ пассажирахъ, вліянія, вовсе неблагопріятнаго для учрежденія. Въ наше время, когда родилось очень похвальное состязаніе между публичными каретами, когда компаніи, одна передъ другою стараются отличиться удобствомъ, опрятностью, точностію и порядкомъ своихъ экипажей, право очень жаль видѣть подобный упадокъ общественнаго учрежденія, еще болѣе необходимаго, чѣмъ городскія кареты, потому-что загородное сообщеніе труднѣе и потребность его ощутительнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, если прекрасныя кареты *Невскаго проспекта*, отправляясь съ Песковъ до глубины Петербургской стороны, находятъ большія выгоды, взимая только по 10 к. с. съ десяти пассажировъ, то какъ бы кажется Полюстровскимъ дилижансамъ, проѣзжающимъ ровно половину этой дороги, и пріобрѣтая по 15 к. съ пассажира, не сажать 14 человѣкъ, вмѣсто 18, не имѣть порядочныхъ лошадей, опрятныхъ кондукторовъ, не позаботиться объ удобствахъ публики и исправленіяхъ экипажей, наконецъ, какъ не завести еще лишнихъ каретъ и не усилить поѣздокъ? Право непонятно,

особливо, когда передъ глазами очевидная, настоятельная потребность въ этомъ, доказываемая драками за мѣста и полнымъ комплектомъ проѣзжающихъ всякій разъ, когда дилижансы отходятъ въ *разумные* часы. Это можетъ происходить или отъ недостатка энергіи компаніи учредителей, или отъ весьма ненадежнаго и беззаботнаго управленія ея дѣлами. Надо бы желать, чтобы ловкіе антрепренеры городскихъ каретъ обратили на это свое вниманіе и пустили свои экипажи въ загородныя мѣста; они въ этомъ нашли бы большія выгоды, ибо брали бы бо́льшую плату за провозъ и не такъ избивали бы колеса по шоссейнымъ дорогамъ, какъ по мостовымъ. Общество Невскихъ пароходовъ такъ же съ пользою могло бы совершать частые рейсы къ саду гр. Кушела-Безбородко, сдѣлавшемуся нынѣ однимъ изъ любимыхъ гульбищъ публики и вслѣдствіе того, кругомъ изобилующему петербургскими выселенцами, друзьями наслажденій въ лонѣ природы.

Теперь слѣдуетъ намъ сказать, какъ Петербургъ веселится въ лонѣ природы. На основаніи его глубокаго убѣжденія, что онъ вполнѣ музыкальный городъ, онъ стекается всюду, гдѣ только слышны звуки, сколько нибудь похожіе на что-то въ родѣ музыки; тамъ же, гдѣ есть дѣйствительные оркестры, онъ непремѣнно образуетъ тѣсный кружокъ, толпу, гулянье, и наслаждается черезъ краі, восторгается превыше небесъ; и хлопаетъ до боли въ локтяхъ. Онъ счастливъ и мы его поздравляемъ! Мѣста, имѣющія оркестръ, самыя посѣщаемыя, самыя населенныя, хотя бы этотъ оркестръ пріютился на восьми квадратныхъ саженяхъ, въ заброшенномъ огородѣ, или на оазисѣ топкаго болота, все равно, онъ будетъ имѣть восторженныхъ слушателей, которые, съ безпримѣрнымъ самопожертвованіемъ, будутъ тѣсниться около драпчатой ротонды, украшенной душистымъ горошкомъ и размалеванными тюльпанами допотопной величины. Таковъ уже обычай! Теперь такихъ оркестровъ развелось довольно много. Несчитая оркестра въ Павловскомъ Воксалѣ,—въ Новой деревнѣ, въ бывшей залѣ Минеральныхъ Водъ, и въ Тиволи, въ саду Безбородко, играетъ оркестръ Шпндлера, въ огородѣ Королевыхъ — оркестръ Гильмана, у трактировъ на Крестовскомъ, въ Александровскомъ паркѣ, въ Екатерингофскомъ воксалѣ, такъ же на Петергофской дорогѣ, и въ Красномъ кабачкѣ — вездѣ оркестры, которые въ сущности, хотя малымъ чѣмъ отличаются отъ первыхъ, но еще не дошли до совершенства въ искусствѣ газетныхъ объявле-

ній и громкихъ выдумокъ и потому дѣйствуютъ въ удовольствіе публики незамѣтно. Теперь, что сказать обо всѣхъ этихъ музыкальныхъ труппахъ, осѣдлыхъ и странствующихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, славныхъ и незамѣчаемыхъ? Ихъ надо классифировать по степени ихъ счастія, а счастіе это зависитъ отъ ловкости и предпріимчивости патроновъ этихъ орфеевъ, содержателей гастрономическихъ заведеній. Павловскій воксалъ всегда беретъ перевѣсъ надъ всѣми: на его сторонѣ скорость и удобство сообщенія, грандіозность заведенія, прелесть окрестности, удовольствіе поѣздки по желѣзной дорогѣ и даже, нѣкоторымъ образомъ, болѣе органическое устройство самаго оркестра Гунгля, совѣстливаго, опрятнаго, трезваго. Въ прошломъ годѣ, изъ ближнихъ оркестровъ, бралъ перевѣсъ Гильманскій, потому-что Доминикъ смѣтливо распорядился своею ресторацією на тѣсной лужайкѣ цвѣтнаго огорода Королевыхъ. Германъ, не смотря на превосходство своего оркестра, не имѣлъ такой удачи въ прекрасномъ саду Кушелева-Безбородко, и по отдаленности сада отъ города, и по дурнымъ мостовымъ, къ нему ведущимъ, освѣщеннымъ на протяженіи всего берега Невы только тремя одинокими фонарями, и по неудобству общественнаго сообщенія. Въ нынѣшнемъ году пальма первенства принадлежитъ оркестру Шиндлера, состоящему подъ покровительствомъ лучшаго нашего кондитера-ресторана Излера. Въ художественномъ отношеніи всѣ эти оркестры одинъ другаго стоятъ и едва ли въ состояніи перещеголять другъ-друга. У Гунгля главный недостатокъ въ духовыхъ инструментахъ и въ безжизненности исполненія; у Гильмана въ преизбыткѣ господствуютъ инструменты, вовсе не музыкальные, какъ то: трещетки, колокольчики, бичи, вѣники, хлопушки и кастаньетки, и придаютъ его музыкѣ колоритъ китайской дисгармоніи. Въ нынѣшнемъ году онъ сдѣлалъ даже значительное усовершенствованіе въ этомъ отношеніи: на эстраду, наконецъ, выпускается человѣкъ съ бородою, который свищетъ птицею подъ музыку! О вѣкъ промышленности и аферъ! чего не изобрѣтешь ты! Оркестръ Шиндлера, составленный изъ подонковъ Германскаго, изъ котораго лучшіе артисты перешли въ Императорскій Циркъ и къ Гунглю, и изъ всякаго сброду чужаго приходу, играетъ, что называется, черезъ пень — колоду, т. е. отработываютъ каждую пьесу со всѣмъ усердіемъ силы, безъ музыкальныхъ оттѣнковъ, безъ поэтическаго увлеченія и строгой соразмѣрности, составляющихъ душу каждаго оркестра. Главный же недостатокъ всѣхъ этихъ оркестровъ вообще со-

стоитъ въ отсутствіи хорошаго хоровода, т. е. капельмейстера-поэта, музыканта въ душѣ, совѣстливо влюбленнаго въ свое искусство, съ душою пылкою, сознательною, умѣющую проникать красоты созданія и художественно передавать ихъ. Такихъ директоровъ воздушныхъ оркестровъ доселѣ въ Петербургѣ было только два: Лабицкій и Германъ, это художники въ полномъ значеніи слова. Но теперешніе оркестры, которыхъ душа лежитъ больше къ звону мелкой монеты у входа, чѣмъ къ звукамъ музыки, на эстрадѣ, ведутъ дѣла по своему и ведутъ ихъ, право, недурно, потому-что скамьи ихъ всегда болѣе или менѣе наполнены слушателями. Они расчитали психически вѣрно: человѣку веселому очень немногое нужно для увеличенія этой веселости до восторга. Было бы новое и поразительное, а что можетъ быть новѣе и поразительнѣе хлопанья бича, свистанія и шума вѣниковъ въ музыкѣ?

Но если вы хотите искать истиннаго наслажденія, то оно въ Петергофѣ: тамъ природа и искусство соединились вмѣстѣ, чтобы окружить воображеніе всѣмъ доступнымъ ему очарованіемъ. Шопотъ столѣтнихъ дубовъ смѣшивается съ игривыми плесками фонтановъ и ропотомъ бурнаго моря; ароматъ цвѣтовъ наполняетъ воздухъ и мимо марморной пристани Монплезира въ глазахъ вашихъ снуютъ дымные пароходы, плывутъ лебеди – корабли, гордо напружа грудь, вьются чайки и ныряютъ челны рыбаковъ. Картина вѣчно живая и привлекательная. Въ нынѣшнемъ году началъ свои рейсы въ Петергофъ прекрасный пароходъ «Сильфида», построенный въ Англіи, въ сто двадцать лошадиныхъ силъ, въ сто-восемьдесятъ футовъ длины, прозванный такъ не напрасно, потому-что онъ точно порхаетъ по волнамъ съ легкостію и граціею Сильфиды. Внутри онъ красавецъ: каюты его блистаютъ роскошью и вкусомъ, устройство его отличается англійскимъ конфортомъ и русскимъ просторомъ и раздольемъ. За то онъ совершаетъ четыре рейса въ день, туда и обратно, чего еще ни одинъ пароходъ не дѣлалъ, и употребляетъ на каждый рейсъ одинъ только часъ, а иногда и менѣе: значитъ, Петергофъ, благодаря *Сильфидѣ*, подвинулся къ намъ на разстояніе Каменнаго Острова.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ въ Петербургѣ открылось общественное зданіе, какого онъ доселѣ не имѣлъ: это *проходъ*

(Passage) графа Штейнбока-Фермора, соединяющій Невскій проспектъ съ Михайловскою улицею. Зданіе великолѣпное, по своей роскоши, по легкости стекляннои крыши, красотѣ и длинѣ, не имѣющее себѣ подобнаго во всей Европѣ. Лучшій пассажъ въ Парижѣ — Орлеанская галлерея, находящаяся въ нынѣшнемъ Народномъ Дворцѣ (бывшемъ Пале-Ройялѣ) — сравнительно съ проходомъ Фермора — грудной ребенокъ. Она на половину короче и вполтора раза ниже, ибо заключаетъ въ себѣ только одинъ этажъ. Нашъ проходъ въ три этажа: нижній и средній назначены для лавокъ, верхній для жилья. Галлереи втораго и третьяго этажей повѣшены легко и красиво, на срединѣ онѣ образуютъ двѣ обширныя площадки, съ которыхъ видъ на обѣ стороны — превосходенъ. На одномъ концѣ зданія находится довольно обширная и высокая концертная зала; это одна изъ важнѣйшихъ потребностей Петербурга, послѣ того, какъ Энгельгардовская зала обращена въ меркантильный рынокъ. На другомъ концѣ долженъ помѣститься хорошій ресторанъ. Все придумано, какъ нельзя лучше и, не смотря на то, донынѣ еще весьма мало лавокъ занято; изъ ста пяти не болѣе двѣнадцати, и пассажъ пустѣетъ и сиротствуетъ. Отчего-жъ бы это? На это, говорятъ, очень много причинъ. Зданіе, какъ мы уже сказали, выстроено съ удивительной роскошью: зеркальныя стѣны, мѣдные газопроводы и лампы, паркетныя полы, бронзовыя рамы, все это придало строенію значительную цѣнность и невольно побудило хозяина наложить высокую плату на лавки. Маленькій, темненькій магазинчикъ, въ которомъ тронмъ съ трудомъ можно повернуться, съ комнаткою при немъ стоитъ тысячу руб. серебромъ. Успѣхъ новаго помѣщенія еще не вѣренъ, каждый торговецъ расчитываетъ, что съ перемѣною мѣста онъ лишается своихъ обычныхъ покупателей и невольно отступаетъ въ виду такой огромной платы. Онъ лучше остается въ подвальной части какого нибудь дома на Невскомъ проспектѣ, чѣмъ перейти въ этотъ торговый дворецъ. Вторая причина та, что ни одному купцу не хочется забираться во второй этажъ, куда неохотно поднимаются покупщики, особливо по довольно скрытымъ и темноватымъ лѣстницамъ, а въ нижнемъ этажѣ лавки для продажи многихъ предметовъ вовсе неудобны, по причинѣ темноты. Свѣтъ въ пассажъ падаетъ сверху, можете судить, какъ слабъ долженъ онъ быть въ лавкахъ нижняго этажа. А у русскаго купца не даромъ ведется поговорка — *продать товаръ лицомъ*; здѣсь-же его никакъ разсмотрѣть нельзя. Наконецъ, представляется

одинъ важный вопросъ для разрѣшенія Гамлетовскаго монолога въ отношеніи нашего пассажа: предпочтетъ ли наша публика прогулку по этой галлереи — прогулкѣ по Невскому проспекту? ибо наша публика закупки свои дѣлаетъ, какъ извѣстно, во время прогулокъ. Мы говоримъ *прогулку*, ибо увѣрены, что собственно какъ связь между Невскимъ проспектомъ и Михайловскою улицею пассажъ этотъ вещь совершенно излишняя: по обѣимъ его сторонамъ двѣ прекрасныя улицы, которыя пешехода кратчайшимъ путемъ приводятъ къ той-же цѣли, и онъ развѣ – что въ непогоду предпочтетъ кровъ пассажа своему зонтику. И такъ, *предпочтетъ-ли публика прогулкѣ по Невскому гулянье по пассажу*? На это одинъ смѣтливый купецъ отвѣчалъ: «Ужъ конечно нѣтъ. Зимой публика выходитъ на проспектъ погрѣться солнышкомъ, нарумяниться морозомъ, посмотрѣть на движеніе и суету улицы, вглянуть на новости, украшающія окна магазиновъ, а главное, привесть себя въ движеніе, послѣ домашняго затворничества; весной — наролъ валитъ встрѣчать первое тепло, вдохнуть свѣжаго воздуха, насладиться свѣтлыми ночами. Ничего этого въ пассажѣ не найдешь, даже за деньги, зимой это закупоренная теплица, лѣтомъ, пустыня съ сквознымъ вѣтромъ. Гуляя по Невскому, пешеходъ по дорогѣ, мимоходомъ, заходитъ въ мою лавку и возметъ, что ему нужно, въ пассажъ — онъ долженъ ѣхать нарочно и отыскивать меня между сто пяти нумерами, въ двухъ этажахъ, поднимаясь и спускаясь по лѣстницамъ и обходя всѣ галлереи. Вотъ оно и выходитъ-съ для нашего брата и дорого, и затруднительно, и неловко!» Мы съ мнѣніемъ нашего торговца вполнѣ согласны. Всякое общественное учрежденіе, которое заводится безъ настоятельной въ немъ потребности, можетъ имѣть успѣхъ блестящій, но временный, а прочный и положительный никогда. Въ Парижѣ и Лондонѣ проходы образовались сами собою, по указаніямъ насущной необходимости, тамъ они открыты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сокращаютъ сообщеніе между населеннѣйшими улицами и сберегаютъ публикѣ значительный обходъ кругомъ; въ нихъ, по большей части, располагаются мелочныя лавки, съ дешевымъ товаромъ, понизившимся въ цѣнѣ, или ремесленники, которые, такимъ образомъ, получаютъ возможность сбывать свои работы прямо публикѣ, безъ посредства торговцевъ. По этому помѣщенія въ пассажахъ значительно дешевле, чѣмъ на большихъ улицахъ. Публика-же заходитъ туда покупать только то, за что нена-

мѣрена платить лишняго или пріобрѣтать ремесленныя произведенія изъ первыхъ рукъ. Тутъ видна и цѣль и польза съ обѣихъ сторонъ. У насъ все это выходитъ напротивъ. Желаемъ отъ души успѣху этой великолѣпной и дорогой спекуляціи, только боимся, чтобы слова нашего умнаго торговца не были пророческими.

Прекрасный Французскій театръ нашъ, слѣдуя за модою, также переселился на дачу, то есть въ Каменноостровскую свою залу, которая, сравнительно съ другими городскими театрами, еще довольно усердно наполняется. Въ послѣднее время сцена его украсилась новымъ, замѣчательнымъ членомъ, о пріѣздѣ котораго мы извѣщали еще въ январѣ, именно Кларансомъ, артистомъ парижскаго театра Сен-Мартенскихъ воротъ. Онъ игралъ тамъ первыхъ любовниковъ и первыя юношескія драматическія роли, рядомъ съ великимъ, неподражаемымъ Фредерикомъ Лемэтромъ. Это амплуа у насъ было прежде занято Брессаномъ; Кларансъ замѣнитъ этого артиста со славою, которую стяжалъ себѣ уже въ Парижѣ, къ величайшей пользѣ нашего театра и къ несказанному удовольствію публики, которой отсутствіе jeune premier, достойнаго стать рядомъ съ г-жами Вольнисъ и Плесси, много препятствовало вполнѣ насладиться прекраснымъ выполненіемъ пьесъ на нашей французской сценѣ. Кларансъ имѣетъ всѣ данныя для занятія перваго мѣста на сценѣ: прекрасная фигура, выразительное лицо, пріятный голосъ, умная и правильная дикція, увлеченіе и теплота, гдѣ они нужны, и главное, артистическая опытность — все располагаетъ въ его пользу. Съ первыхъ дебютовъ онъ стяжалъ уже благосклонность публики; можно предсказать навѣрное, это при новыхъ, значительныхъ роляхъ, когда онъ болѣе свыкнется съ новою для него труппою, онъ сдѣлается любимцемъ Петербурга. Театръ нашъ сдѣлалъ въ немъ значительное пріобрѣтеніе. Тысячекратная благодарность заботливой Дирекціи за это новое наслажденіе!

Литературныхъ новостей на этотъ разъ немного, но всѣ онѣ замѣчательны. На дняхъ получили мы *«Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи,»* превосходно изданное г. Кіевскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Фундуклеемъ. Книга эта чрезвычайно замѣчательна въ археологическомъ отношеніи и открываетъ многія новыя историческія догадки и выводы. Нигдѣ языческая и перво-христіанская Русь не оставила столько памятниковъ, какъ въ Кіевѣ, колыбели русскаго царства

и его очистительной купели. Первый свѣтъ истинной вѣры не вдругъ разсѣялъ обряды и предразсудки язычества, и если въ настоящее время на землѣ остается весьма немного свидѣтельствъ первоначальной эпохи нашей жизни, то ихъ можно за то въ преизобиліи отыскать подъ землею. Древніе курганы и могилы скрыли многія тайны міра, доступнаго для насъ нынѣ только по сомнительнымъ преданіямъ сѣверныхъ и южныхъ сосѣдей, скандинавовъ и византійцевъ, и по догадкамъ, болѣе или менѣе основательнымъ, ученыхъ изыскателей старины. Поэтому задача, которую предположилъ почтенный авторъ разбираемой книги, должна была привести къ самымъ полезнымъ результатамъ. Прежде, чѣмъ написать книгу, предстоялъ трудъ разрыть курганы, могилы, древнія городища, историческія урочища, а это трудъ не легкій и не маловажный. Второй трудъ состоялъ въ археологической оцѣнкѣ и классификаціи извлеченныхъ кладовъ, и наконецъ третій, въ опредѣленіи историческаго ихъ значенія и вслѣдствіе того, выводовъ, бросающихъ новый свѣтъ на эпоху. Вся эта многосложная задача разрѣшается книгою г. Фундуклея, со всею добросовѣстностію, приличною ученому труду. Мы находимъ здѣсь послѣдовательность, систему и заключенія, рѣдко встрѣчаемые въ подобныхъ твореніяхъ и свидѣтельствующія объ истинной любви автора къ наукѣ и къ отечественной исторіи. Передъ глазами вашими раскрывается этотъ подземный міръ, дремавшій непробудно въ теченіе столькихъ столѣтій, и выводитъ за собою свои колоссальные фигуры съ ихъ нравами и обычаями, съ ихъ помыслами и вѣрованіями, и заставляетъ ихъ говорить краснорѣчивыми рунами своихъ изломанныхъ оружій, заздравныхъ ковшей, глиняныхъ прашницъ, металлическихъ пенатовъ и художественныхъ изображеній. Вы прочитываете всю книгу отъ начала до конца съ любопытствомъ, все возрастающимъ, съ занимательностію, постоянно поддерживаемою новизною и оригинальностію предметовъ. Разсказъ простъ, неизысканъ и не щеголяетъ педантствомъ, столь обыкновеннымъ въ нашихъ археологическихъ книгахъ. Къ сочиненію приложено 17 рисунковъ, сдѣланныхъ съ отчетливостію, удовлетворяющею самой строгой требовательности. Надѣемся, что это не послѣдній трудъ нашего почтеннаго соотечественника, и съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ его розысканій.

Второе замѣчательное сочиненіе есть книга г. Классовскаго: «*Описаніе Помпеи.*» Мы имѣли уже очень хорошую книгу

объ этомъ за-живо похороненномъ городѣ, вышедшемъ изъ пепла, спустя тысячелѣтіе, написанную и роскошно изданную г. Левшинымъ, но и сочиненіе г. Классовскаго вовсе не лишнее въ нашей литературѣ. Книга Левшина — поэтическая картина древней жизни римлянъ въ этихъ, нѣкогда великолѣпныхъ и богатыхъ развалинахъ, она сильно говоритъ воображенію и даетъ ему крылья; книга г. Классовскаго, напротивъ, холоднымъ разсудкомъ анализируетъ исторію и современное значеніе этой груды камней и безмолвныхъ ея преданій. Въ хорошей библіотекѣ, она непремѣнно должна служить пополненіемъ книги Левшина, какъ болѣе глубокій трудъ ученаго.

Третье сочиненіе есть: «*Жизнь Фонъ Визина*» князя Вяземскаго. Этотъ трудъ, занимавшій автора въ теченіе многихъ лѣтъ, представляетъ эпоху, жизнь и вліяніе нашего знаменитаго драматурга, съ точки зрѣнія, невольно наводящей на многія размышленія и вызывающей нерѣдко на споръ съ почтеннымъ авторомъ. Мы отведемъ ея разбору критическій отдѣлъ нашего журнала и тогда поговоримъ объ ней подробнѣе.

Музыкальный міръ нашъ обыкновенно съ первымъ шелестомъ листьевъ закрываетъ свои ворота и не представляетъ ничего любопытнаго. На этотъ разъ онъ, для сюрприза, сдѣлалъ самое пріятное исключеніе. Онъ выводитъ намъ новаго русскаго композитора и притомъ композитора съ дѣйствительнымъ дарованіемъ, съ направленіемъ, много обѣщающимъ для скудной русской оперы, на аренѣ которой пока все еще только одинъ Глинка подвизается со славою, знаніемъ дѣла и успѣхомъ. Новый композиторъ, о которомъ мы говоримъ, г. Лазаревъ. Онъ выступилъ въ свѣтъ съ рядомъ кантатъ и романсовъ своего сочиненія, изданныхъ подъ общимъ названіемъ: «Эолъ.» Всѣхъ пять: между ними, по нашему мнѣнію, первое мѣсто занимаетъ кантата: «*Пѣснь Перли*», на слова Бернета, и романсъ: «*Разлука*», на слова Марлинскаго, съ италіянскимъ переводомъ г. Мазини. Остальныя пьесы называются «*Послѣдній поцѣлуй*» (Слова Кольцова), «*Ты прости мой покой,*» «*Поймешь ли ты*». Во всѣхъ этихъ пьескахъ замѣтна оригинальность и свѣжесть стиля, много граціи, а главное, видѣнъ драматическій элементъ, которымъ весьма немногіе изъ нашихъ сочинителей музыки могутъ похвалиться. Первые опыты г. Лазарева обѣщаютъ очень много; желаемъ, чтобы успѣхъ ихъ въ публикѣ поощрилъ композитора къ дальнѣйшимъ и болѣе значительнымъ трудамъ. Поприще широкое,

состязателей мало, съ добросовѣстностію, истинною любовію къ искусству и талантомъ, на немъ можно многаго достигнуть.

По натурѣ русскаго человѣка, начавъ съ плясовой, мы сводимъ за упокой. Прошедшій мѣсяцъ былъ ознаменованъ нѣсколькими литературными утратами. 26-го Мая скончался *Виссаріонъ Михайловичъ Бѣлинскій*, послѣ долговременной болѣзни, отъ которой онъ не могъ освободиться ни поѣздкою на Кавказъ, ни пользованіемъ заграничными минеральными ключами. Бѣлинскій былъ лицо весьма замѣчательное въ нашей литературѣ, хотя дѣятельность его для многихъ осталась неизвѣстною, потому-что большая часть его статей являлись въ свѣтъ безъ подписи имени. Онъ началъ свое поприще съ «Литературныхъ мечтаній» напечатанныхъ въ «Телескопѣ», издававшемся въ Москвѣ Н. И. Надеждинымъ, потомъ писалъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» и наконецъ, переселясь въ Петербургъ, постоянно наполнялъ отдѣлы Критики и Библіографіи въ «Отечественныхъ запискахъ» до исхода 1846 года, когда онъ перешелъ подъ знамена «Современника», гдѣ также подвизался на полѣ критики. Отдѣльно имъ была написана только одна драма, сыгранная на Московской сценѣ, но не имѣвшая никакого успѣха. Первый неудачный опытъ убѣдилъ его, что онъ не созданъ для литературнаго творчества, и съ тѣхъ поръ онъ исключительно посвятилъ себя критическому анализу. На этомъ поприщѣ Бѣлинскій былъ явленіемъ замѣчательнымъ, по своему оригинальному взгляду, благородному направленію и способу передавать свои идеи. По разнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ жизни, Бѣлинскій не получилъ основательнаго, предварительнаго воспитанія, что вмѣстѣ съ другими семейными препятствіями, помѣшало ему вступить въ Московскій Университетъ, куда его влекла жажда знаній и непреодолимая наклонность къ литературѣ. Самому себѣ, своему постоянному, усидчивому труду, безпрерывному чтенію, Бѣлинскій былъ обязанъ своей образованностію и тѣмъ значительнымъ мѣстомъ, которое занялъ въ русской словесности. Многія жизненныя неудачи и постоянная борьба съ разными препонами въ его стремленіяхъ, наполнили характеръ Бѣлинскаго горечью и сдѣлали его постоянно желчнымъ, иногда даже пристрастнымъ, или лучше сказать, одностороннимъ, въ сужденіяхъ и приговорахъ. Уже поздно онъ началъ знакомиться съ нѣкоторыми иностранными языками и вслѣдствіе того и съ основными произведеніями европейскихъ литературъ. Это было причиною шаткости основаній его критеріума и неодно-

кратныхъ измѣненій въ образѣ мыслей. Впрочемъ, убѣжденія его всегда были искренни и высказывались задушевно, хотя иногда и въ довольно рѣзкой формѣ. Во всякомъ случаѣ, Бѣлинскаго, при всѣхъ его крайностяхъ, никогда не можно было упрекнуть въ побочной мысли (arrière pensée); онъ могъ ошибаться, но писалъ только изъ однихъ благородныхъ побужденій. Постоянно былъ онъ проникнуть духомъ пользы отечественной литературы, желалъ ей преуспѣнія и очищенія отъ обвѣтшалыхъ понятій и отъ чужеземнаго вліянія, старался обратить ея творчество къ самороднымъ, національнымъ источникамъ, и потому нерѣдко разбивалъ критическимъ жезломъ старые кумиры, которые, держа ее въ оковахъ, совращали съ пути оригинальнаго и самостоятельнаго развитія. Въ этомъ стремленіи, возвышенномъ и сознательномъ, состоитъ главная заслуга покойнаго. Онъ былъ, если не представителемъ, такъ основателемъ того направленія въ нашей литературѣ, которое, Богъ вѣсть почему, назвали «*натуральною школою*», неразумѣющіе его важнаго, народнаго значенія. Какъ человѣкъ, Бѣлинскій принадлежалъ къ числу небольшаго остатка баснословно-честныхъ людей, которые внутренняго своего судію ставятъ выше всѣхъ благъ земныхъ и, въ ущербъ житейскихъ выгодъ, ищутъ только успокоенія своей душевной религіи. Участь ихъ — страдать, трудиться и быть постоянно обманутыми судьбою и людьми. Но Бѣлинскій могъ похвалиться передъ многими тѣмъ, что имѣлъ жаркихъ, преданныхъ поклонниковъ и приверженцевъ. Миръ праху твоему, старый товарищъ и страдалецъ!

27-го іюня скончался *Н. Ѳ. Линдфорсъ*, извѣстный на русской сценѣ подъ псевдонимомъ *Акселя*. Онъ нѣсколько лѣтъ уже трудился для русскаго театра и написалъ до десяти маленькихъ шутокъ, которыя имѣли то преимущество передъ своими собратіями, что смѣшили зрителей до упаду, безъ всякой претензіи на *глубину остроумія* и на *міровое значеніе*. Наши водевильные Шекспиры липнлись въ немъ опаснаго для себя соперника, потому-что на сторонѣ Акселя былъ образованный вкусъ, знаніе русскаго языка и наблюдательность дѣйствительно саркастическая. Онъ всегда умѣлъ подмѣтить смѣшную сторону общества и прекрасно изучилъ чиновничій бытъ, изъ котораго обыкновенно выбиралъ своихъ героевъ. Изъ водевилей его, имѣвшихъ наибольшій успѣхъ, укажемъ на «*День домашняго квартета*», «*Приключеніе въ Полюстровѣ*» и «*Новый Русланъ*».

Въ началѣ этаго мѣсяца умеръ жертвою холеры *М. П. Сорокинъ*, учитель словесности здѣшняго Театральнаго училища, бывшій сотрудникъ «Литературной газеты», «Пантеона», и «Русскаго Инвалида», извѣстный въ литературѣ переводомъ многихъ стихотвореній Виктора Гюго, изданныхъ имъ отдѣльною книжкою, и нѣсколькими, весьма удачными строфами собственнаго произведенія. Онъ любилъ свое искусство отъ души и занимался имъ ревностно. Журнальная литература потеряла въ немъ трудолюбиваго и знающаго дѣятеля.

Ѳ. КОНИ.

СМѢСЬ.

—

ЗНАКОМСТВО ШЕКСПИРА СЪ ЕЛИСАВЕТОЮ.

(Разсказъ Тика.)

I.

Въ одинъ знойный іюльскій день, по всѣмъ окрестностямъ Кенильвортскаго замка было замѣтно необыкновенное движеніе. Причиною этого движенія былъ большой праздникъ, который владѣлецъ замка, лордъ Лейстеръ, готовилъ въ честь великой государыни, соизволившей посѣтить своего усерднаго служителя. Все неслось на праздникъ, старъ и молодъ, мужчины и женщины; кто шелъ пѣшкомъ, кто ѣхалъ верхомъ, или въ экипажахъ; все надѣялось, съ помощью добрыхъ покровителей, или собственной смѣлости и здоровыхъ плечъ, а кто и просто на авось, увидѣть хоть одинъ кончикъ великолѣпнаго зрѣлища, котораго волшебство еще увеличивалось сквозь призьму воображенія. Одинъ только домикъ въ Стратфордѣ на Авонѣ смотрѣлъ съ будничнимъ равнодушіемъ и холодностью, и не заботился о суетѣ людской. Хозяинъ этого домика былъ страшный бука, никогда не говорилъ лишняго слова, и жена до того боялась его, что едва смѣла раскрыть ротъ, чтобы говорить о хозяйскихъ дѣлахъ, не только что разсуждать о праздникахъ и лордовъ и ихъ потѣхахъ.

Хозяинъ, человѣкъ лѣтъ тридцати шести, сидѣлъ, насупивъ брови, надъ своими торговыми книгами и лобъ его морщился все болѣе и болѣе, по-мѣрѣ того, какъ онъ подводилъ итоги подъ столбцами выручки и убѣждался, что она многимъ отставала отъ расходовъ. Жена сидѣла у небольшаго, отвореннаго окна, и отъ времени до времени поднимала глаза съ работы, чтобы поклониться знакомымъ, весело отправлявшимся со смѣхомъ и съ пѣснями на Кенильвортскій праздникъ.

— Эта проклятая торговля шерстью, возкликнулъ купецъ: барышей съ каждымъ днемъ меньше и меньше, а заботы все больше и больше. Незнаю, куда дѣваться съ своими собственными дѣлами, а тутъ еще управляй дѣлами города. Нѣтъ, надоѣло, пускай примутся за нихъ другіе; у нихъ болѣе досуга, чѣмъ у меня. — Да кто тамъ стучится?

— Кумъ, Томасъ Натавей, отвѣчала жена съ выраженіемъ удовольствія: славный человѣкъ, такой веселый, обходительный!

— Шутъ, возразилъ мужъ сердито. Когда въ гостяхъ, болтаетъ безъ умолку; а попробуйка съ

нимъ о чемъ нибудь посовѣтоваться, слова путнаго не добьешся!

Въ это время вошелъ въ комнату старшій сынъ хозяина, Уильямъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, съ книгою въ рукахъ, и робко усѣлся въ углу.

— Что тебѣ здѣсь надо? спросилъ отецъ.

— Мои маленькія сестры такъ шумятъ на верху, отвѣчалъ мальчикъ, что нѣтъ возможности удержать ни одной мысли.

— Ни одной мысли!—повторилъ отецъ, упирая на это слово; да, удерживай мысли, это тебѣ не мѣшаетъ; до сихъ поръ не много ихъ набрался.

За тѣмъ послѣдовало опять молчаніе. Отецъ продолжалъ подводить итоги, Уильямъ углубился въ свою книгу, а глаза матери долго съ грустью останавливались на ребенкѣ, котораго желаніе она знала, но не смѣла передать. Блестящіе, каріе глаза Уильяма бросали ей отъ времени до времени огненный, умоляющій взглядъ; но она только отрицательно качала головою, будто желая сказать ему, что еще не пришла пора приступить къ смѣлому дѣлу.

— Войдите! вскричалъ вдругъ отецъ. Что тамъ за дьявольскій стукъ за дверью?

— Это я, любезный Шекспиръ, отвѣчалъ вошедшій молодой человѣкъ; это былъ тотъ же Томасъ Натавей, который за минуту передъ тѣмъ проходилъ подъ окномъ и пѣлъ во все горло.

— Не помѣшалъ ли я вамъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ сердито, поднявъ глаза съ своихъ книгъ. Я полагалъ, что вы уже отправились.

— Сестра моя еще одѣвается; вы знаете, женщины никогда не поспѣваютъ къ сроку. А вы, любезный Шекспиръ? Ну, да про васъ можно впередъ сказать, что вы не станете пускаться въ такія безразсудства.

— Еще бы! впрочемъ я и самъ долженъ на короткое время отлучиться; завтра поѣду и вернусь дня чрезъ четыре.

— Тѣмъ лучше. Вы позволите намъ, въ такомъ случаѣ, взять съ собою вашего сына; мы будемъ смотрѣть за нимъ, какъ бы за роднымъ.

— Вотъ что! воскликнулъ отецъ, да вы, если не ошибаюсь, подбираетесь къ этому уже нѣсколько дней, вы всѣ, не исключая и жены моей. Этотъ негодный мальчишка не только ничему не учится, но еще наполняетъ голову романами и всякою дрянью; онъ даже не готовитъ своихъ школьныхъ уроковъ.

— Въ школѣ на эту недѣлю шабашъ.

— Все равно, онъ не пойдетъ!

Мать встала съ тяжелымъ вздохомъ; но Томасъ взялъ Шекспира за руку и сказалъ:

— Пройдутъ вѣка до другаго такого праздника, а мы уже упустимъ добрую половину. Приготовленія, сдѣланныя лордомъ, превосходятъ всякое описаніе. Не хуже круглаго стола при дворѣ короля Артура. Ни въ чемъ не уступятъ.

Въ эту минуту прелестная дѣвушка восемнадцати лѣтъ, во всѣмъ цвѣтѣ красоты, просунула голову въ полуотворенную дверь, и спросила съ очаровательною улыбкою:

— Прикажи войти.

— Войди Іоанна, отвѣчалъ Томасъ, и помоги мнѣ умилостивить нашего друга, онъ несогласенъ на нашу просьбу.

Дѣвушка впорхнула въ комнату и, положила бѣлую, полную

ручку на плечо хозяину, котораго лицо начало проясняться:

— Любезный кумъ, сказала она, когда же я увижу васъ не съ наморщеннымъ лбомъ?

— Сумасшедшіе! отвѣчалъ Шекспиръ; вздумали разнѣжить меня ласками; но ошибаетесь вы въ расчетѣ. Этотъ негодный мальчишка и безъ того уже думаетъ объ однихъ пустякахъ и забавахъ: вѣчно ходитъ взадъ и впередъ по чердаку и твердитъ на память стихи. Оставьте меня въ покоѣ; меня бѣситъ уже одна мысль, что сынъ мой будетъ, пожалуй, представлять какого нибудь пана, или сатира, или Меркурія, или Ганимеда. Въ наше время молодые люди падки на такое скоморошничество; не понимаю только, какъ есть родители-христіяне, позволяющіе имъ это.

При этихъ словахъ, Уильямъ, покраснѣвъ, устремилъ проницательный взоръ на отца и откинулъ назадъ бѣлокурыя кудри.

— Нѣтъ, любезный сынъ, продолжалъ отецъ; я знаю, что ты не дойдешь до такого безразсудства, я слишкомъ хорошо воспиталъ тебя, чтобы ты могъ до того забыться.

— Потому то, батюшка, отвѣчалъ мальчикъ кротко, я и прошу васъ позволить мнѣ идти на придворный праздникъ. Я потомъ стану усерднѣе заниматься.

— Дядя Стренджъ идетъ также съ нами, сказала Іоанна: онъ присмотритъ за нами; онъ беретъ съ собою и жену и сестру.

— О ребята, сумасшедшіе! отвѣчалъ Шекспиръ, захохотавъ. Но Уильямъ такъ слабъ на ногахъ, онъ не поспѣетъ за вами.

— Они пойдутъ тихонько, сказала мать, присоединившись къ просителямъ. При томъ же, онъ не такъ слабъ, и не такъ нѣженъ, какъ можно бы судить по наружности. Посмотрѣлъ бы ты только на него, когда онъ бѣгаетъ и прыгаетъ по улицѣ; жаль только, что рѣдко бываетъ ему случай.

Іоанна, между тѣмъ, обняла прелестнаго ребенка.

— Отецъ Шекспиръ, сказала она улыбаясь, вы знаете, что Уильямъ мой мужъ, мое сокровище, онъ принадлежитъ и мнѣ столько же, какъ и вамъ. Мы давно уже помолвлены, и когда я иду въ Кенильвортъ, онъ долженъ идти со мною, чтобы присмотрѣть за моею вѣрностью.

Уильямъ покраснѣлъ и хотѣлъ вырваться изъ объятій Іоанны.

— Оставьте меня, сказалъ онъ ей, нахмурившись, вы знаете, что я не люблю такихъ шутокъ. Я для васъ молодъ, а когда буду въ такихъ лѣтахъ, чтобы жениться, у васъ уже будутъ дѣти съ меня ростомъ.

— Ахъ, ты негодный мальчикъ, отвѣчала она, принимая обиженный видъ, и толкнувъ его въ плечо. Что ты за чепуху разсказываешь о дѣтяхъ? Не бойся, я дождусь, пока ты выростешь, и будешь великъ и ростомъ и умомъ; за другаго никогда не выйду.

Съ этими словами она, не смотря на его сопротивленіе, опять расцѣловала его.

— Да, моя душа, продолжала она кротко и торжественно, ты увидишь, что будешь моимъ мужемъ; но я постараюсь не слишкомъ постарѣть къ тому времени, когда ты поведешь меня къ налою. А почтенный, глубокомысленный Шекспиръ будетъ тогда моимъ свекромъ, и будетъ удѣлять намъ въ хорошихъ совѣтахъ частицу своей опытности. Кстати, знаете, какой чудный сонъ приснился на-

шему Уильяму какъ-то весною? Онъ никому, кажется, не разсказывалъ его, кромѣ меня и своей матери.

— Сонъ? спросилъ отецъ пытливо. Ну, посмотримъ, что за сны такіе ему снятся.

— Ему снилось, отвѣчала Іоанна, что онъ купилъ намъ тотъ прекрасный домъ, что называется большимъ домомъ, противъ церкви; отдѣлалъ его на славу; что вы переѣхали къ намъ жить, что вамъ возвращено ваше дворянское достоинство, и онъ поставилъ вашъ гербъ на воротахъ; и домъ этотъ сдѣлался такъ хорошъ и славенъ, что сама королева, пріѣхавъ въ Стратфордъ погостить нѣсколько дней, не нашла себѣ лучшаго помѣщенія, какъ у насъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ отецъ, улыбаясь, ему снились такія прекрасныя вещи? Ну, такъ и быть, позволяю ему идти съ вами, потому что онъ хорошо велъ себя вчера и сегодня.

Лица всѣхъ присутствующихъ озарились несомнѣнною радостью. Одинъ Уильямъ отвернулся, и отошелъ въ уголъ, чтобы скрыть свои слезы.

— Батюшка, сказалъ онъ, вы ко мнѣ слишкомъ милостивы.

— Чѣмъ же, мой милый? ты это заслужилъ, отвѣчалъ отецъ; потомъ, обращаясь къ другимъ, продолжалъ: вотъ книга, въ которой онъ со вчерашняго дня учится безпрерывно.

Страшно было смотрѣть на отца, когда, взявъ книгу, и раскрывъ ее, онъ бросилъ ее, дрожа отъ бѣшенства, затопталъ ее ногами, и закричалъ гнѣвнымъ голосомъ: Нѣтъ, это самый отчаянный негодяй! всѣ учители жалуются на него; между тѣмъ, какъ товарищи его ходятъ въ школу, онъ только стоитъ на мосту и смотрится въ воду. Слушаетъ только всякія бабьи сказки, да бредитъ какими-то Гаями и Бивзами; все мать и невѣста, жена, какъ она говоритъ, балуютъ его. Я думалъ, онъ сидитъ надъ грамматикою, или надъ латинскою книгою, а онъ изволитъ читать вирши сумазброда и негодяя, солдата Гасконья! Это бездѣльникъ изъ числа тѣхъ, которые во всю жизнь не знаютъ другаго занятія, какъ только лгать, обманывать, да писать стихи. Сначала сочинялъ комедіи, потомъ таскался солдатомъ по Нидерландамъ и воротился поэтомъ, старымъ поэтомъ, то есть, старымъ сумасбродомъ и нищимъ. Сколько разъ уже я отбиралъ у него эту проклятую книжонку, и все опять нахожу ее въ его рукахъ. Tam arte quam Marte, вотъ что за прозвище придумалъ себѣ безмозглый стихоплетъ, съ тѣхъ поръ, какъ понюхалъ пороху и надѣлалъ чортъ знаетъ сколько проказъ. Но погоди, Уильямъ, мы съ тобою расчитаемся! Ступай на верхъ, въ свою комнату, и не смѣй выходить до возвращенія моего изъ Бристоля; мать будетъ приносить тебѣ обѣдъ и чтобы никто кромѣ ея не смѣлъ ходить къ тебѣ, ни братья, ни сестры, ни пріятели. Возьми съ собою свои латинскія книги, и займись своими уроками. Да смотри, берегись; если они не будутъ готовы, я переломаю тебѣ все ребра!

Какъ друзья ни заступались за бѣдняжку, все было напрасно; отецъ самъ взялъ его за руку и заперъ въ его комнаткѣ.

II.

Подъ вечеръ, Шекспиръ выѣ-

халъ изъ города, съ однимъ купцомъ, своимъ пріятелемъ. Между тѣмъ, сосѣди еще не отправились изъ Стратфорда; Іоанна и братъ ея считали дѣло столь важнымъ, что убѣдили старика Стренджа подождать. Узнавъ, что Шекспиръ уѣхалъ, они пошли посовѣтоваться съ его женою, и узнать значеніе знаковъ, которые она дѣлала имъ при разставаньи. Дѣйствительно, бѣдная мать боялась за здоровье, едва не за жизнь ребенка; на нѣжное его сложеніе этотъ внезапный переходъ отъ радости къ страху и горю могъ имѣть сильное вліяніе, тѣмъ болѣе, что онъ въ своей скромной, ограниченной жизни не зналъ еще большихъ печалей. Нѣсколько разъ подходила она къ двери его тюрьмы и слышала, какъ онъ валялся по полу съ плачемъ и рыданіемъ, то съ криками бѣшенства и негодованіями, то со стонами. Отецъ его не уѣхалъ бы такъ рано, еслибъ не былъ убѣжденъ, что сумасбродные пріятели давнымъ давно отправились въ путь, не заботясь болѣе о бѣдномъ узникѣ.

За то, какъ обрадовалась мистрисъ Шекспиръ, когда вошелъ Томасъ съ сестрою. Томасъ утверждалъ, что на этотъ разъ слѣдовало сдѣлать исключеніе изъ общаго правила безусловнаго повиновенія главѣ семейства, во первыхъ потому, что онъ сперва самъ же далъ позволеніе, а во вторыхъ, что опасно было доводить Уильяма до отчаянія. Іоанна сначала испугалась этого предложенія, однакоже скоро согласилась съ нимъ, и замѣтила только, что лучше бы вовсе не говорить строгому отцу о нарушеніи его воли, что было тѣмъ удобнѣе, что они должны были возвратиться за день до него. Мистрисъ Шекспиръ, поблагодаривъ ихъ за дружбу къ сыну, возразила, что они могутъ встрѣтиться на праздникѣ съ знакомыми, чрезъ которыхъ ложь тотчасъ обнаружится.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ Томасъ, можно все уладить. Вы только ничего не говорите ему въ первый вечеръ, чтобы гнѣвъ его не обрушился на васъ; а на другой день, мы поведемъ его къ Сиру Люси, вы знаете какъ онъ уважаетъ сира Люси, и какое тотъ имѣетъ на него вліяніе; онъ разскажетъ ему все такъ, чтобы онъ не сердился. Все пройдетъ безъ бури, а Уильямъ увидитъ праздникъ; хоть одинъ пріятный день въ его печальной жизни; потомъ легче будетъ ему выносить бѣшеный нравъ отца.

Они отправились на верхъ; Уильямъ блѣдный, съ заплаканными глазами, сидѣлъ надъ книгою.

— Ну, какъ ты поживаешь, мой бѣдный Уильямъ, спросила мать.

— Я виноватъ, отвѣчалъ онъ, но и батюшка не правъ. Мнѣ слѣдовало бы быть послушнѣе, но и ему не изъ чего было такъ сердиться. Посмотрите, какъ онъ истопталъ эту несчастную книжку. Tam arte, quam Mercurio, называется поэтъ, а не Tam arte quam Marte, какъ говорилъ отецъ; разница, правда, не велика, а все таки не одно и тоже. Эти книги все мое утѣшеніе, потому что я люблю поэтовъ. И не поэтовъ развѣ читаемъ мы въ школѣ? не ими ли такъ прославилась Грецiя? А хотятъ, чтобы я только сводилъ счеты, да зубрилъ грамматику, да училъ законъ, чтобы быть когда нибудь писцомъ у какого нибудь законника, или въ шерстяной лавкѣ. Не позволяютъ

мнѣ останавливаться на мосту, чтобы любоваться водою и ландшафтомъ; не позволяютъ бѣгать по деревнямъ съ товарищами, одинъ только разъ былъ я въ паркѣ. А вѣдь я уже выхожу изъ ребятъ, и въ школѣ считаюсь не послѣднимъ, и не самымъ глупымъ. Но мнѣ не даютъ свободы быть умнымъ по своему; не всѣмъ же быть въ моего отца!

— Утѣшься, мое сокровище, сказала Іоанна; ты пойдешь съ нима, сегодня же! Мать позволяетъ, а мы съ Томасомъ беремъ все на свой страхъ.

Ребенокъ смотрѣлъ на нее краснѣя и блѣднѣя отъ восторга. Онъ поспѣшно отеръ слезы радости, заблиставшія въ его глазахъ, и бросился на шею дѣвушкѣ. «Никогда не были вы для меня такъ прекрасны, какъ теперь, сказалъ онъ; позволяю вамъ во все время нашего путешествія называть меня своимъ мужемъ и не буду за это сердиться. Ну, милая, моя супруга, цѣлуйте меня, я не буду противиться.»

Эти слова онъ произнесъ съ уморительно-серьезнымъ выраженіемъ. Іоанна, держа одною рукою его головку, а другою расправивъ его шелковые бѣлокурые кудри, поцѣловала его съ веселымъ смѣхомъ.

Мистрисъ Шекспиръ дала молодымъ людямъ на прощаніе нѣсколько совѣтовъ, за тѣмъ путники, запасшись деньгами и съѣстными припасами, отправились въ сосѣднюю деревушку, гдѣ уже съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ старикъ Стренджъ съ семействомъ.

III.

И такъ, вотъ весельчаки наши въ дорогѣ. Шли они не спѣша, съ роздыхами, и къ вечеру пришли въ небольшую деревушку между Стратфордомъ и Варвикомъ. Тутъ они съ вниманіемъ осмотрѣли Варвикскую церковь и замокъ. Особенно въ восторгѣ, былъ молодой Шекспиръ.

— Доволенъ ты своимъ путешествіемъ? спросила Іоанна.

— И какъ доволенъ! отвѣчалъ онъ. Какое удовольствіе вырваться изъ своего дома, видѣть новые города! я бы никогда не вообразилъ себѣ всего этого! Видѣли вы изъ оконъ башни нашъ прелестный Эвонъ? — видѣли уединенную мельницу, которая клокочетъ въ сторонѣ? слышали щебетаніе птицъ сквозь глухой шелестъ лѣса и журчаніе воды? Здѣсь жилъ великій, могучій Варвикъ, тотъ самый, который столько разъ возводилъ и свергалъ королей и умеръ такою страшною смертью! А вотъ мѣсто, гдѣ жилъ отшельникъ, древній богатырь Гай, прадѣдъ знаменитыхъ графовъ. Какъ великъ былъ этотъ Гай, этотъ храбрый рыцарь-богатырь! Онъ побѣдилъ наконецъ лютыя чудовища, и изъ простаго оруженосца сталъ затемъ богатаго, знаменитаго графа. Но среди богатства и счастья ему стало неспокойно на душѣ, и онъ отправился на богомолье въ Палестину. Много лѣтъ бился онъ тамъ противъ враговъ Христовыхъ, и много ихъ положилъ на землю. Наконецъ, послѣ долговременнаго отсутствія, онъ возвратился такимъ худымъ и изрубленнымъ, что едва можно было его узнать. Уже былъ онъ въ виду своего замка, какъ увидѣлъ эти чудесные утесы и пещеры; сердце его забилось вѣрою, онъ вошелъ въ пещеру и остался жить въ ней отшельникомъ; толь-

ко каждый день ходилъ онъ подъ окна своего замка, просить милостыни у своей прекрасной, милосердой супруги. Она узнала его, и была глубоко тронута его разсказами о долгой жизни его на чужбинѣ. Такъ прошло много лѣтъ. Наконецъ онъ почувствовалъ приближеніе послѣдняго своего часа; тогда онъ послалъ женѣ ея обручальное кольцо, и велѣлъ просить ее придти съ нимъ проститься. Но когда она пришла, онъ уже отходилъ. Не правда ли, какая трогательная повѣсть!

Путники наши въ это время подошли къ густому дереву, и остановились въ тѣни его; Іоанна, устремивъ свои большіе голубые глаза на Уильяма, громко захохотала.

— Дитя; сказала она, и ты всему этому вѣришь? а еще умнѣе и разсудительнѣе своихъ одногодѣтокъ! И вся эта чепуха трогаетъ тебя! да вѣдь это все сказки!

— Въ самомъ дѣлѣ! возразилъ Уильямъ; да какое мнѣ дѣло, правда-ли или сказка, если мнѣ пріятно вѣрить? Во всякомъ случаѣ, тутъ есть и правда; сила вѣры— утѣшеніе нашихъ праотцевъ. Это первая повѣсть, которую разсказывала мнѣ мать; хотя мнѣ былъ только третій годъ, однакоже я очень плакалъ надъ нею. Матушка также плакала, когда была ребенкомъ, а потомъ съ благовѣніемъ ходила смотрѣть эти мѣста. Самъ Генрихъ V, герой Азенкурскій, ходилъ пѣшкомъ къ этой пещерѣ. За чѣмъ бы ему было ходить, еслибы онъ не вѣрилъ преданію? или мы умнѣе величайшаго героя Англіи?

По мѣрѣ приближенія путниковъ нашихъ къ Кенильворту, толпа становилась все многочисленнѣе; горожане, поселяне сходились, толкались, расходились во всѣ стороны, кто изъ барышей, кто просто изъ любопытства. Многіе ночевали подъ открытымъ небомъ, другіе укрывались въ лѣсу; ибо всѣ дома въ посадѣ были заняты, съ погребовъ до чердаковъ. Наши пріятели также остались бы безъ пристанища, еслибы старикъ Стреджъ не нанялъ еще за два мѣсяца комнатки у одного лѣсничаго, котораго домъ былъ не въ дальнемъ разстояніи отъ города. Многіе, насмотрѣвшись на великолѣпіе первыхъ дней, съ радостью возвращались подъ свой кровъ. Вся эта суета, этотъ безпрерывный шумъ, такъ оглушали людей, что даже самые неустрашимые съ нетерпѣніемъ ждали часа, когда бы имъ можно отдохнуть, и успокоить уставшія головы; ибо если любопытство видѣть нѣчто необыкновенное можетъ доходить до неистовой страсти, наслажденіе скоро утомляетъ толпу, и она расходится съ такимъ же усердіемъ, какъ и сходилась.

Между тѣмъ семейство лѣсничаго и его постояльцы безъ умолку говорили о чудесахъ предъидущихъ дней, о торжественномъ шествіи королевы и ея свиты, о великолѣпныхъ нарядахъ мужчинъ и женщинъ, объ аллегорическихъ представленіяхъ, въ которыхъ было соединено все, что только могли придумать воображеніе и искусства; о томъ, какъ богини подносили дары королевѣ; какъ *дѣва озера*, прославляемая въ старинныхъ пѣстняхъ, предстала ей на искуственномъ кораблѣ; какъ всѣ сочиняли и пѣли стихи въ честь великой монархини, которая отвѣчала кому шуткою, кому серьозно, но всѣмъ равно милостиво.

На слѣдующій день (это было въ понедѣльникъ), путники наши поднялись на разсвѣтѣ; ночь была чрезвычайно душная, и хотя небо начинало задергиваться тучами, однако-же день повидимому долженствовалъ быть такъ же зноенъ. Скоро разнеслась вѣсть, что королева намѣрена провести весь день въ замкѣ, чтобы укрыться отъ зноя, и что лордъ приказалъ отложить праздники и процессіи. Только на вечеръ была назначена псовая охота. На послѣдніе дни праздниковъ были оставлены охота за медвѣдями, канатные плясуны, сельскія увеселенія и другія представленія.

Наконецъ, наши пріятели отправились осмотрѣть прекрасныя окрестности замка. Это было дѣло не легкое, въ особенности по большимъ дорогамъ, которыя были загромождены обозами съ машинами и съ съѣстными припасами. Приходившіе пѣшкомъ и пріѣзжавшіе верхами или въ колымагахъ путники, прислуга вельможъ, свита дворянъ, толпились, толкались, бранились, кричали, хохотали, словно на лондонскихъ улицахъ во время народнаго возмущенія.

Вдругъ, на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ, Уильямъ пропалъ. Спутники его проглядѣли всѣ глаза, прокричали гортани, и все напрасно. Въ толпѣ, при ужасномъ шумѣ, нельзя было искать, какъ слѣдовало, нельзя было много разспрашивать. Томасъ безпокоился, Іоанна была въ отчаяніи; они не хотѣли одни сдѣлать шагу впередъ; но, не видя никакихъ средствъ отыскать ребенка, принуждены были предоставить его на волю судьбы. Старикъ Стреджъ сказалъ съ досадой:

— Надоѣли мнѣ проказы вашего мальчишки. Этотъ разбойникъ одинъ разъ уже разошелся съ нами; пускай въ другой разъ будетъ осторожнѣе. Жена, сестра, пойдемте, куда намъ вздумается. Вечеромъ сойдемся въ домѣ лѣсничаго.

IV.

Уильямъ не случайно разошелся съ спутниками. Строгій присмотръ во все время путешествія стѣснялъ его. Первый выходъ изъ родительскаго дома, видъ лѣсовъ, горъ, замковъ съ ихъ зданіями, великолѣпіе праздника, красота и богатые наряды всадниковъ и знатныхъ дамъ, блиставшіе подъ лучами солнца, и рѣзко отличавшія ихъ отъ неуклюжихъ, нерѣдко смѣшныхъ поселянъ, все это наполняло его молодое сердце восхищеніемъ и восторгомъ. Ему хотѣлось одному, на свободѣ, бѣгать по всѣмъ этимъ группамъ, теряться въ толпѣ, мечтать въ уединеніи, и не слышать пустозвонной бесѣды своихъ спутниковъ. Онъ былъ увѣренъ, что безъ чужой помощи отыщетъ домъ лѣсничаго и не считалъ преступленіемъ оставить товарищей при первомъ удобномъ случаѣ, чтобы на нѣсколько часовъ насладиться полною свободою. Онъ зналъ также, что если-бы сталъ просить у нихъ позволенія, то это только побудило бы ихъ строже смотрѣть за нимъ.

Притомъ онъ замѣтилъ въ отдаленномъ концѣ лѣса нѣчто, невольно, будто волшебною силою, привлекавшее его къ себѣ. Ему казалось, будто онъ ясно видѣлъ полунагаго дикаря, увѣнчаннаго цвѣтами, плющемъ, мохомъ и дубовыми листьями, съ палицею въ рукѣ, словомъ, похожаго на фавновъ, которыхъ онъ видалъ изображе-

нія на картинкахъ. И такъ, воспользовавшись минутою, когда нахлынула новая толпа народу, онъ отсталъ отъ товарищей, и пока они засмотрѣлись на нѣсколькихъ, странно разодѣтыхъ всадниковъ, побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ противуположную сторону, оглядываясь по временамъ назадъ, чтобы видѣть, не гонятся ли за нимъ. Пробѣжавъ довольно большое пространство, онъ повернулъ къ той части лѣса, куда влекло его странное видѣніе. Тамъ не было никого; вся толпа ушла къ замку и городу. Онъ вошелъ въ лѣсъ; хотя онъ невольно вздрагивалъ при мысли о дикарѣ, однакоже любопытство влекло его все далѣе въ чащу; наконецъ онъ зашелъ такъ далеко, что уже не слышалъ ни говора толпы, ни шума экипажей. Онъ сталъ вслушиваться, и скоро ему послышался голосъ, который, то громко и звонко что-то декламировалъ, то бранился и ворчалъ. Онъ пошелъ въ ту сторону, откуда слышался ему голосъ, и едва прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ очутился противъ дикаря, сидѣвшаго у шалаша, кое какъ построеннаго изъ вѣтвей, досокъ и ковровъ. Подлѣ него сидѣлъ мальчикъ, по видимому, больной, и бывшій не въ духѣ. Уильямъ и дикарь выпучили другъ на друга глаза. Дикарь всталъ; это былъ человѣкъ огромнаго росту, плотный, здоровый, сильный; его вѣнокъ, густыя, сходившіеся брови, огонь горѣвшій въ его глазахъ, мохъ въ его густыхъ, черныхъ волосахъ, плющъ, обвивавшій его поясницу и плечи, обувь, трико тѣлеснаго цвѣта, гладко обхватывавшее его ноги,— все это давало ему престранный, пренеуклюжій видъ.

— Кто ты? что тебѣ надо? спросилъ онъ изумленнаго ребенка.

— А самъ ты кто, дикарь? Спросилъ въ свою очередь ребенокъ, нѣсколько ободрившись.

При этихъ словахъ Фавнъ расхохотался.

— Ужъ не принимаешь ли ты меня за дикаря не на шутку? спросилъ онъ. Полно, другъ, мой, это только нарядъ, въ честь нашей возлюбленной королевы. Ты, можетъ быть, заговорилъ бы со мною повѣжливѣе, если бы зналъ, что я знаменитый Гасконъ. Такъ называютъ меня всѣ, кто меня знаетъ здѣсь—какъ поэта, за границею какъ воина.

— Какъ! воскликнулъ Уильямъ, совсѣмъ оправившись отъ перваго страха, вы знаменитый, прекрасный Tam arte quam Mercurio?

— Онъ самъ, отвѣчалъ Фавнъ, котораго самолюбіе пріятно разшевелилось отъ этого вопроса. Ты развѣ знаешь меня, молодчикъ? и знаешь мои стихотворенія?

— Знаю, отвѣчалъ ребенокъ; они стоили мнѣ уже не мало побоевъ отъ отца, который увѣряетъ, будто я только попусту трачу время, читая ваши прекрасные стихи.

— У тебя чистый, пріятный голосъ, только немного слабый. Попробуй-ка покричать, какъ можно громче, но внятно.

Уильямъ повиновался. Слушая его, дикарь сталъ прыгать съ радостными криками, и кружилъ палицу надъ головою.

— Нашелъ, кричалъ онъ, нашелъ! фортуна сжалилась надъ бѣднымъ поэтомъ, и прислала мнѣ тебя, моего ангела, чтобы спасти меня отъ стыда и отчаянія. Позволь мнѣ обнять тебя, моя душа; но смотри, не сотри моихъ румянъ и не сомни накладныхъ волосъ. — И дикарь крѣпко при-

жалъ его къ груди; потомъ, обращаясь къ больному мальчику, сказалъ:

— А ты ступай въ шалашъ, ѣшь, пей, и завернись въ одѣяло, чтобы отогрѣться, и вечеромъ быть въ состояніи воротиться къ родителямъ.

Мальчикъ исполнилъ приказаніе.

— Вотъ видишь, мой милый, продолжалъ Гасконъ, въ чемъ дѣло: вчера вечеромъ, почти уже въ ночь, нашъ Добертъ Дедлей, то есть графъ Лейстеръ, приказалъ мнѣ сказать, чтобы я поскорѣе сочинилъ стихи въ честь королевы, которые произнесъ бы какой нибудь фавнъ; потому-что всѣ праздники были отложены, а назначена только на вечеръ охота. Вотъ я написалъ на скорую руку сотню стиховъ, премилую пьеску, въ которой мнѣ отвѣчаетъ эхо; у меня говорится объ этихъ великолѣпныхъ праздникахъ и о многомъ другомъ, что должно понравиться королевѣ. Я взялъ мальчика, который уже помогалъ мнѣ въ подобныхъ случаяхъ; да вотъ угораздила его нелегкая объѣсться вишнями, онъ слегъ какъ скотина; охрипъ такъ, что слова не можетъ вымолвить. Я былъ въ ужасномъ затрудненіи; Зевсъ или Панъ услышалъ мою молитву и прислалъ тебя выручить меня.

— Но, любезный Гасконъ, возразилъ Уильямъ, я никогда не игрывалъ никакой роли, не умѣю; да и времени не хватитъ выучить эти стихи такъ, чтобы говорить ихъ передъ ея величествомъ.

— Вздоръ, теперь не до разсужденій. Голосъ у тебя звонкій, самъ ты мальчикъ разумный, потому что отецъ уже колотилъ тебя за чтеніе моихъ стиховъ, будь же моимъ помощникомъ. Къ тому же, ты играть не будешь, и даже не явишься передъ королевою, а только будешь повторять, вмѣсто эхо, одно слово двадцать пять разъ, послѣ каждыхъ двухъ стиховъ; вступленіе же и заключеніе я скажу самъ; но это слово должно быть произнесено внятно и съ толкомъ, ибо въ немъ то мысль и красота стихотворенія. Вотъ видишь, я взываю къ Зевсу и къ другимъ божествамъ, чтобы они объяснили мнѣ причину всей этой тревоги и этихъ праздниковъ. Они не отвѣчаютъ; я обращаюсь къ Эху, и Эхо отвѣчаетъ мнѣ послѣднимъ слогомъ стиха; это повторяется двадцать пять разъ. Но можешь ли ты оставаться при мнѣ? не будутъ ли искать тебя родные?

— Любезный господинъ Гасконъ, отвѣчалъ ребенокъ, мнѣ чрезвычайно пріятно, что я такъ нечаянно сошелся съ вами; я готовъ отдать за васъ жизнь. Мои друзья, съ которыми я пришелъ, обойдутся безъ меня до вечера. Гдѣ мнѣ лучше быть, какъ не при васъ, знаменитомъ, божественномъ поэтѣ?

— Ну, такъ давай твердить стихи; это единственный списокъ моего стихотворенія, некогда мнѣ было дать его переписать. Если ты его затеряешь, мнѣ не съ чего будетъ его печатать; смотри же, береги его, какъ зѣницу ока.

— Будьте спокойны; отвѣчалъ Уильямъ: я вѣдь не ребенокъ.

Они принялись репетировать поэму. Фавнъ прочелъ первые стихи, и ребенокъ, послѣ нѣкотораго молчанія, повторилъ послѣднее слово внятно, смѣло, и давая постепенно замирать голосу. Поэтъ-воинъ былъ въ восторгѣ, и божился, что никогда не слыхалъ эха, болѣе похожаго на настоящее. Это занятіе продолжалось до

полудни; потомъ они вошли въ шалашъ закусить.

— Только не ѣшь слишкомъ много, мой юный поэтъ, сказалъ Гасконъ; бери примѣръ съ меня, чтобы голоса наши хорошо звучали нынче вечеромъ, и чтобы намъ быть достойнѣе милости музъ, чѣмъ этотъ больной щенокъ, который тутъ свернулся въ клубокъ, какъ угорь, запутавшійся въ осокѣ. А пуще всего, не смущайся присутствіемъ королевы и не сбивайся съ размѣру и съ такта, чтобы намъ не ударить лицомъ въ грязь.

Послѣ обѣда, новые друзья опять принялись за репетицію, но не надолго, чтобы не утомить поэтическаго вниманія, какъ говорилъ Гасконъ.

Около четырехъ часовъ стало сходиться множество людей съ факелами, масками; они должны были нарядиться, кто въ дикарей, кто въ крестьянъ, чтобы освѣтить ночную сцену въ лѣсу. Наши поэты вышли на опушку лѣса, близь большой дорогѣ, гдѣ королева и ея свита должны были остановиться во время охоты, на большой полянѣ. Ребенокъ, забившись за огромную статую, еще разъ повторилъ свое эхо, которое было еще лучше и естественнѣе прежняго. Наконецъ, солдаты и слуги стали по мѣстамъ, чтобы не допускать толпы слишкомъ близко къ назначенному для королевы мѣсту. Вечеръ былъ свѣжій; легкій вѣтерокъ игриво порхалъ по полянѣ и улеталъ въ чащу лѣса. Скоро послышались охотничьи рога, топотъ коней и лай собакъ. Со всѣхъ сторонъ стекалась толпа народа и съ глухимъ рокотомъ разсѣвалась по равнинѣ. Королева гналась за оленемъ, со множествомъ лордовъ и придворныхъ дамъ, на богатоубранныхъ лошадяхъ. Наконецъ громкіе клики охотниковъ провозгласили смерть оленя. Старшій ловчій устроилъ все съ удивительною смѣтливостью. Кромѣ борзыхъ въ сворахъ, онъ разставилъ по холмамъ и перелѣскамъ множество собакъ разныхъ голосовъ, которыхъ лай переговаривался по знаку охотничьихъ роговъ. Клики охотниковъ, лай, прерывистые звуки трубъ и роговъ, возбудили самое разнообразное, самое фантастическое эхо, которое охотники то усиливали, то прерывали. Наконецъ, наступила ночь. Уильямъ плакалъ отъ восторга.

— Что съ тобою? спросилъ Гасконъ. Полно дѣлать такія кислыя рожи.

— Развѣ вы не слыхали? отвѣчалъ мальчикъ; вотъ эхо, въ сравненіи съ которымъ наше булетъ новорожденнымъ ребенкомъ!

— Молчи, крошка-поэтъ. За то это эхо неразумное, а наше полно смысла и поэзіи. Посмотримъ, которое лучше понравится королевѣ, эхо собакъ, или эхо двухъ поэтовъ! Но тише! вотъ она сама! за дѣло, душа моя!

V.

Дѣйствительно, въ это время подъѣхала королева. На ней было длинное, темнозеленое бархатное платье, обшитое жемчугомъ, съ кружевными, шитыми золотомъ рукавами, сквозь которые бѣлыя руки и плечи виднѣлись во всей своей красотѣ; зеленая, отогнутая вверхъ шляпа, съ которой развѣвались бѣлыя и красныя перья, на лбу сверкали нѣсколько алмазовъ полукругомъ, и терялись въ бѣлокурыхъ волосахъ, точно на портретѣ Цинтіи, которой имя очень льстило ея самолюбію. Ло-

шадь, убранная въ бархатъ того же цвѣта, съ гордостью красовалась подъ своею ношею. Рядомъ съ королевою ѣхалъ графъ Лейстеръ, во всемъ блескѣ своей мужественной красоты, въ царскомъ охотничьемъ нарядѣ. Переряженные факелоносцы стали немедленно по опушкѣ лѣса. Дорогіе яхонты королевы и ея придворныхъ дамъ играли и сіяли всѣми цвѣтами радуги при свѣтѣ столькихъ огней. Глубокое молчаніе послѣдовало за шумомъ охоты. Вдругъ по данному тайно знаку, является Фавнъ, махая палицею, взываетъ къ богамъ, чтобы они объяснили ему причину празднествъ. Боги не отвѣчаютъ. Онъ обращается къ эху, которое отвѣчаетъ, что все это дѣлается въ честь королевы, которой дворяне и горожане желаютъ дать свидѣтельство своей преданности. Этотъ поэтическій разговоръ продолжался довольно долго, и королева и Лейстеръ были, повидимому, очень довольны хвалами поэта. Только къ концу случилось непредвидѣнное обстоятельство, возбудившее смѣхъ всѣхъ зрителей. Топотъ лошадей и стукъ оружія помѣшалъ Уильяму разслушать Фавна, и онъ произнесъ слово *королева* прежде него, такъ, что поэтъ былъ будто эхомъ своего эха. Лейстеръ вслухъ посмѣялся этому преждевременному эху, и сама королева невольно усмѣхнулась. Между тѣмъ, поэма шла своимъ чередомъ, и по окончаніи ея Гасконъ бросился къ ногамъ королевы, переломивъ въ порывѣ восторга свою палицу, которая затрещала подъ его мощными мышками, не смотря на то, что была надломана заранѣе. Онъ хотѣлъ въ энтузіазмѣ своемъ отбросить обломки назадъ, но одинъ узковатый кусокъ, ударившись объ дерево, отлетѣлъ въ противуположную сторону, прямо въ голову королевиной лошади. Лошадь отскочила назадъ, и слова замерли на устахъ испуганнаго дикаря. Лейстеръ хотѣлъ было броситься на него, но королева остановила его, сказавъ кроткимъ голосомъ:

— Оставьте его, бѣды большой нѣтъ.

Обломокъ палицы упалъ въ толпѣ и былъ подобранъ, въ память этого дня, однимъ молодымъ человѣкомъ. Гасконъ былъ еще у ногъ королевы, которая отвѣчала ему весьма кротко и милостиво, когда новое зрѣлище привлекло взоры толпы. Уильямъ, кончивъ свое дѣло, невольно заглядѣлся на великолѣпный дворъ и на королеву; шутливый вѣтеръ воспользовался этимъ мгновеніемъ, и вырвалъ у него изъ рукъ драгоцѣнный листокъ, на которомъ была написана поэма. Когда онъ замѣтилъ эту злую шутку вѣтра, листокъ уже порхалъ надъ нимъ, какъ птичка; онъ пустился за нимъ въ погоню самыми странными прыжками, и такимъ образомъ вышелъ изъ лѣсу. Зрители смотрѣли на него съ удивленіемъ, стараясь угадать, не новая ли это аллегорія; но всѣхъ болѣе былъ изумленъ владѣлецъ палицы, Томасъ, когда узналъ въ этомъ плясунѣ шалуна Уильяма.

Іоанна, стоявшая подлѣ брата, вскрикнула отъ радости; но Уильямъ, не безпокоясь ни о нихъ, ни о ропотѣ толпы, все преслѣдовалъ свой листокъ, и уже хотѣлъ его схватить, какъ вдругъ новый порывъ вѣтра понесъ его прямо на факелъ. Видя эту неминуемую опасность, Уильямъ въ одинъ прыжокъ бросился къ огню, и схвативъ листокъ, толкнулъ фа-

келъ въ лицо державшему его; накладные волосы, ленъ и мохъ, мигомъ загорѣлись, и несчастный слуга, весь въ огнѣ, съ воплемъ побѣжалъ къ лѣсу. Лейстеръ, воспылавъ гнѣвомъ, хотѣлъ поскакать къ Уильяму; но королева остановила его.

— Не будьте такъ вспыльчивы, любезный Дёдлей, сказала она: это премилый ребенокъ; а того шута *затушать*!

Уильямъ между тѣмъ оправился отъ страха, и отнесъ листокъ поэту, который съ отчаяніемъ смотрѣлъ на все это происшествіе. Королева подозвала ребенка.

— Кто ты, мой милый? спросила она.

Гасконъ, видя, что эхо его, оробѣвъ, не смѣлъ отвѣчать, сказалъ: Ваше величество, это мое эхо; я случайно встрѣтилъ его въ лѣсу, и за исключеніемъ одного промаха, онъ очень хорошо исполнилъ свое дѣло.

Уильямъ, по примѣру своего учителя, также бросился къ ногамъ королевы, когда она, поклонившись, спросила его имя.

— Я Уильямъ, сказалъ онъ смѣло, старшій сынъ Джона Шекспира, въ Стратфордѣ на Эвонѣ. Отецъ мой, вѣрный слуга вашего величества, ольдерманъ своего города.

Елизавета сказала что то одному изъ ѣхавшихъ за нею вельможъ и онъ далъ ребенку золотую медаль съ портретомъ королевы.

— Возьми эту медаль, любезный эхо, сказала королева, и помни этотъ день. Не желаешь ли какой милости?

— Чтобы мнѣ и женѣ моей, отвѣчалъ Уильямъ, позволено было присутствовать при представленіяхъ, которыя знатный лордъ дастъ вашему величеству.

— Твоей женѣ! воскликнула Елисавета; развѣ ты уже женатъ.

— Извините, ваше величество, я это сказалъ по привычкѣ; это дѣвушка, которая въ шутку называетъ себя моею женою; вотъ она, Іоанна Гетевей.

Дѣвушка, покраснѣвъ отъ стыда, подошла къ королевѣ. Лейстеръ, котораго эта сцена очень забавляла, приказалъ допускать Ульяма и его семейство на всѣ представленія. Поэтъ еще разъ обнялъ свое эхо, а Іоанна и Томасъ не смѣли уже журить его за побѣгъ и за причиненное имъ безпокойство; они смотрѣли на него съ невольнымъ почтеніемъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ честь говорить съ королевою и получилъ отъ нея золотую медаль.

VI.

Между тѣмъ, старикъ Шекспиръ, противъ всякаго ожиданія, возвратился на слѣдующій день послѣ отъѣзда. Онъ не засталъ купца, съ которымъ ему нужно было видѣться, въ условленномъ мѣстѣ. Жена, испугавшись этого скораго возвращенія, не знала, что ей дѣлать, въ особенности, когда мужъ, поздоровавшись съ дѣтьми, сказалъ со вздохомъ:

— О времена, о нравы! самый умный, самый степенный человѣкъ въ Англіи, человѣкъ разсудительный и благочестивый, и тотъ увлекся общимъ безразсудствомъ, бросилъ дома дѣла и отправился смотрѣть Кенильвортскія потѣхи, хотя замокъ отъ него вдвое дальше, чѣмъ отъ насъ! Ну, если старики, которымъ, кромѣ дѣлъ, надо еще подумать о смерти и о будущей жизни, пускаются въ такія ребячества и прельщаются погремушками, что мудренаго, что онѣ нравятся дѣтямъ. И то сказать,

что моему парню житье не больно веселое; безпрестанно хвораетъ,— товарищей нѣтъ, — некогда погулять; — да и безъ того уже у него такая залетная голова. Однако-же, если тѣ сорванцы еще не отправились.... видно праздникъ не совсѣмъ обыкновенный, когда всѣ бѣгутъ, забывая дѣла, болѣзни, смерть, нужду и религію. Ступай, жена, позови нашего проказника, надо потѣшить его; я вчера поступилъ съ нимъ слишкомъ круто.

Жена дрожала всѣмъ тѣломъ; она несмѣла поднять глазъ на мужа, съ тѣхъ поръ, какъ онъ говорилъ такъ кротко. Шекспиръ, видя блѣдность и колебанія жены, самъ испугался за здоровье, за жизнь сына и поблѣднѣлъ.

— Я все тебѣ открою, сказала она наконецъ. Томасъ и невѣста нашего сына соблазнили меня, и я отпустила его съ ними. Не сердись на меня, мы не ожидали тебя назадъ такъ скоро. Притомъ я въ первый разъ нарушаю твою волю.

— Такъ-то? отвѣчалъ мужъ гнѣвно; вотъ каково твое повиновеніе, твоя любовь ко мнѣ; я только за дверь, и ты тотчасъ забываешь мои приказанія...

И онъ вышелъ, не удостоивъ жены взгляда; прошелъ день, ночь, а онъ не возвращался. Послѣ жена узнала, что онъ уѣхалъ въ сосѣдній городъ покончить одно дѣло, которое, не случись этого, онъ отложилъ бы до другаго времени. — Но и наши путники воротились днемъ ранѣе, чѣмъ предполагали.

Вскорѣ по возвращеніи ихъ, воротился и самъ отецъ. Мать колеблясь между радостью и страхомъ, съ безпокойствомъ ожидала развязки. Отецъ, противъ всякаго ожиданія, протянулъ сыну руку и сказалъ ему ласково:

— На этотъ разъ прощаю тебя, проказникъ, потому что самъ степенный старикъ Бенсонъ сыгралъ со мною туже штуку.

Мать съ судорожною радостію обняла сына, и въ восхищеніи даже не отвѣчала на прощанія Стреньджа и его семейства. Томасъ и Іоанна остались, чтобы извиниться передъ сосѣдомъ, и разсказать ему, что видѣли. Впрочемъ, они сговорились ни слова не говорить ему объ участіи его сына въ представленіи, зная его ненависть къ всякимъ представленіямъ, и надѣясь, что эта продѣлка не дойдетъ до него, потому что не встрѣчали въ Кенильвортѣ почти никого изъ его знакомыхъ. Когда Іоанна разсказала, какъ Уильямъ, вслѣдствіе своего побѣга, былъ замѣченъ Королевою, говорилъ съ нею, и получилъ отъ нея на память медаль, мать заплакала отъ восторга, а глаза отца загорѣлись радостью. Уильямъ подошелъ къ нему, и подалъ ему медаль.

— Батюшка, сказалъ онъ, я знаю, какъ вы любите нашу дорогую королеву; примите медаль, которую она пожаловала мнѣ: мнѣ она не нужна, потому что я имѣлъ счастіе видѣть собственныя ея ясныя очи, слышать ея кроткій голосъ.

Отецъ съ радостью принялъ медаль, обнялъ сына, и сказалъ:

— Благодарю тебя, любезный сынъ, за это неоцѣнимое сокровище, я сохраню его для тебя, когда ты выростешь, и никогда не забуду, что Елисавета изволила говорить съ тобою.

При этихъ словахъ, онъ вышелъ изъ комнаты, чтобы скрыть свое волненіе. Мать была внѣ се-

бя отъ счастья, видя, что мужъ не только помирился съ нею, но и сыну начиналъ оказывать болѣе снисходительности. Она дружески благодарила его пріятелей, и просила ихъ разсказать ей еще разъ все, что было; причемъ они, разумѣется, опять пропустили эпизодъ Гаскона. Вдругъ, подъ окномъ послышался громкій, веселый хохотъ, который тѣмъ болѣе всѣхъ изумилъ, что въ хохотавшемъ голосѣ, они несомнѣнно узнали голосъ старика Шекспира. Это было чудо; никто не помнилъ, чтобы онъ когда либо хохоталъ; и теперь никто не зналъ, чему приписать эту необычайную веселость, пока онъ не вошелъ самъ, съ обломкомъ палицы въ рукѣ, который Томасъ принесъ изъ Кенильворта.

— О сумасшедшіе! сказалъ Джонъ, нахохотавшись досыта; надо же, чтобы въ самыхъ великихъ, самыхъ благородныхъ дѣлахъ была своя ребяческая, своя глупая сторона! Вмѣстѣ съ золотою медалью, принесли мнѣ дубину, которою размахивалъ въ лѣсу старый сумасбродъ Гасконъ, и которою онъ хватилъ въ голову бѣднаго Томаса, чтобы выбить изъ его башки какую нибудь поэтическую мысль въ память путешествія его въ Кенильвортскую Аркадію. Мнѣ разсказалъ Сиръ Люси, который все видѣлъ собственными глазами. Вотъ какъ, любезный Уильямъ! такъ ты сталъ великимъ актеромъ, артистомъ, эхомъ, повторявшимъ слова этого стараго шута-поэта. Сынъ мой былъ эхомъ! Да знаешь ли, что это плохой знакъ! Если, чего добраго, вздумается тебѣ когда нибудь самому подвизаться на скользкомъ поприщѣ поэзіи, будешь однимъ подражателемъ, эхомъ старыхъ шутовъ-поэтовъ. Трудись, сынъ, учись; былъ эхомъ сынъ мой; знать надѣлать тебѣ шуму по бѣлому свѣту! кто такъ начнетъ, тотъ далеко уйдетъ!

Послѣдніе слова онъ произнесъ съ явною ироніею; но Томасъ, замѣтивъ, что ребенокъ обижался ими, отвѣчалъ:

— Если вы все знаете, такъ знайте же, что эта же безразсудная продѣлка довела его до королевы. Такъ послѣдняя бездѣлица въ жизни можетъ вести къ самымъ важнымъ событіямъ. И поэзія развѣ не отголосокъ дѣйствительности?

Шекспиръ пожалъ ему руку, и, подошедъ къ конторѣ, вынулъ изъ нея книгу въ щеголѣскомъ переплетѣ.

— Любезный Уильямъ, сказалъ онъ, я долженъ подарить тебѣ что нибудь за твою медаль: вотъ Чосеръ, котораго я приготовилъ къ твоимъ именинамъ; ты его теперь не поймешь, но все равно, возьми его.

Такъ мы всѣ, люди разсудительные, считаемъ себя умниками, а подаемъ руку безразсудству!

—

ИСТОРИЧЕСКІЯ КЛАВИКОРДЫ.

Инструментъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь не Вирта и не Лихтенталя, не Брейткопфа и не Эрара, по клавишамъ его не бѣгали пальцы ни одного богатыря фортепьянной игры, да и богъ знаетъ, захотѣлъ ли бы хоть одинъ изъ извѣстныхъ намъ виртуозовъ марать себѣ руки, играя на такой трещоткѣ, у которой тону не больше, чѣмъ у гитары; это клавикорды въ родѣ тѣхъ, какія вы вѣроятно слыхали въ какомъ нибудь

захолустьи, какія, можетъ быть, ваша матушка или тетушка получила въ наслѣдство со всякимъ хламомъ отъ своей бабушки. А, между тѣмъ, эти клавикорды для многихъ людей были бы дороже любаго инструмента самаго моднаго мастера; они служили четыремъ композиторамъ; четыре композитора поочередно повѣряли имъ, первымъ, свои вдохновенныя пѣсни. Вѣдь извѣстно, что композиторы и въ наше время рѣдко имѣютъ дорогіе рояли, потому что они имъ не всегда по карману; да они и не гонятся за нами, потому что богатство фантазіи замѣняетъ имъ превосходство инструмента; въ душѣ ихъ разыгрывается ихъ твореніе такъ, какъ не разыгрывается ни на какомъ роялѣ. А если нынче композиторы часто довольствуются трещотками вмѣсто фортепьянъ, то въ XVII и въ XVIII вѣкѣ и подавно.

Но возвратимся къ нашимъ историческимъ клавикордамъ, бывшимъ причиною непримиримой вражды двухъ музыкантовъ.

Въ 1767 году вышелъ въ Женевѣ *Музыкальный словарь* Жанъ-Жака Руссо, автора *Деревенскаго знахаря*, обогатившаго нѣсколько театровъ, и *Эмиля*, обогатившаго нѣсколько книгопродавцевъ. Музыкальный словарь произвелъ столько шуму, что изданія слѣдовали за изданіями, въ Женевѣ, въ Парижѣ, въ Амстердамѣ, въ Лондонѣ. Много породилъ онъ ѣдкихъ критикъ, но столько же и восторженныхъ приверженцевъ.

Однажды вечеромъ, возвращаясь изъ Парижа въ свою Эрменонвильскую келью, Руссо съ удивленіемъ увидѣлъ въ первой комнатѣ небольшую мебель, накрытую синимъ ковромъ; открылъ: это были клавикорды краснаго дерева, довольно изящной по тому времени отдѣлки, работы извѣстнаго лондонскаго мастера Джона Цумпе. Болѣе мѣсяца имя того, кто прислалъ этотъ прекрасный подарокъ, оставалось для Руссо тайною; три незнакомые человѣка принесли клавикорды, поставили и ушли, сказавъ только, что имъ велѣно ихъ принести и оставить. Послѣ многихъ розысковъ, онъ успѣлъ, однакоже, отгадать, что этотъ таинственный даритель былъ никто иной, какъ кавалеръ Глукъ; видя несправедливыя гоненія критиковъ на даровитаго писателя-композитора, авторъ *Ифигеніи* и *Армиды* рѣшился изъявить ему свое уваженіе, прислалъ свои клавикорды, затѣмъ, говорилъ онъ, чтобы дать ему средства учиться и усовершенствоваться въ гармоніи.

По смерти Руссо, въ 1778 году, эти клавикорды купилъ Гретри; на нихъ сочинялъ онъ *Непредвидѣнное происшествіе*, *Окассена и Николетту*, *Сельское испытаніе*, *Ричарда — львиное сердце*, *Говорящую картину*, *Мнимое колдовство*, *Вильгельма Телля*, *Земиру и Азора* и множество другихъ оперъ.

Въ 1813 году, Гретри умеръ, и все его имущество было продано съ молотка. Охотники на вѣсъ золота покупали принадлежавшія ему вещи; одна вещь въ особенности прельщала двухъ знаменитыхъ композиторовъ; клавикорды, принадлежавшія тремъ знаменитымъ людямъ, Глуку, Руссо и Гретри. По нѣсколку разъ въ день прибѣгали Боэльдё и Николо, освѣдомляться, когда будутъ продавать эти клавикорды. Николо поднялся даже на хитрость; онъ обѣщалъ цѣновщику сто билетовъ въ Комическую Оперу, если онъ

извѣститъ его о днѣ продажи прежде Боэльдё.

Въ назначенный день Боэльдё едва успѣлъ войти въ залу аукціона, какъ слышитъ роковыя слова: проданы господину Николо за четыреста франковъ. Можно себѣ представить отчаяніе Боэльдьё; онъ хотѣлъ, чтобы торгъ былъ объявленъ недѣйствительнымъ, подъ предлогомъ неправильности, предлагалъ вдвое противъ данной цѣны; но нечего было дѣлать; продажа была объявлена, молотокъ простучалъ, ему оставалось покориться судьбѣ.

Кипя бѣшенствомъ, сходилъ онъ съ лѣстницы. Николо, нагнавъ его, вздумалъ потрунить надъ его неудачею; Боэльдьё отвѣчалъ остротою, которая задѣла противника за живое; завязалась ссора; Николо замахнулся на Боэльдьё кулакомъ; тотъ отвѣчалъ тѣмъ же, пошла драка, и оба покатились съ лѣстницы, къ великой потѣхѣ всѣхъ присутствовавшихъ. Всего болѣе досталось Боэльдьё; болѣе недѣли синяки напоминали ему двойное торжество хитраго Николо, который, между тѣмъ, взялъ клавикорды и далъ цѣновщику обѣщанные сто билетовъ.

Въ 1817 году Николо уступилъ ихъ своему пріятелю, пѣвцу Роже, въ Монпелье, за туже цѣну, за которую купилъ самъ; одинъ парижскій журналистъ, Эваристъ Демуленъ, говорилъ по этому случаю, что *лира Гретри перешла съ береговъ Сены на берега Геро.* У Роже они сохраняются донынѣ, какъ святыня.

—

АСТРОНОМЪ АРАГО.

Жизнь ученаго, думаютъ многіе, должна быть непремѣнно проведена въ кабинетѣ, надъ книгами или снарядами: по большей части оно дѣйствительно такъ, но если порыться повнимательнѣе въ лѣтописяхъ ученыхъ, найдутся между ними и такіе, которыхъ жизнь представляетъ столько же событій, выходящихъ изъ роду обыкновенныхъ явленій, какъ и жизнь Сервантеса или Камоэнса. Къ числу такихъ исключеній принадлежитъ жизнь знаменитаго астронома Араго.

26-го февраля 1786 года, въ небольшомъ городкѣ Эстажелѣ, близъ Перпиньяна, въ зажиточномъ семействѣ земледѣльца, родился ребенокъ и нареченъ въ святомъ крещеніи Доминикомъ-Франсуа. Отецъ его былъ человѣкъ прямой и честный; мать была женщина благочестивая и готовая всѣмъ жертвовать для благодѣянія. Первые годы жизни Франсуа прошли чрезвычайно спокойно, не смотря на окружавшую его бурю революціи. Въ 1783 году, когда побѣдоносныя войска республики принудили испанцевъ очистить Русильонъ, отецъ его былъ избранъ въ члены перваго округа Восточныхъ Пиринеевъ, и переселился со всѣмъ семействомъ въ Перпиньянъ. Дѣтей, въ томъ числѣ и маленькаго Франсуа, онъ отдалъ въ Перпиньянскій коллегіумъ.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, умственные успѣхи Франсуа были такъ же удивительны, какъ и физическое его развитіе. Въ 1803 году, онъ поступилъ первымъ въ Политехническую школу, по артиллерійскому отдѣленію. Онъ намѣренъ былъ посвятить себя артиллерійской службѣ; но знаменитый астрономъ Монжъ, понявъ его рѣдкія способности, убѣдилъ его предпочесть ученое званіе. Съ этого времени начинается его слав-

ное поприще. Въ 1805 году онъ былъ причисленъ къ комитету измѣренія долготъ, въ должности секретаря и библіотекаря обсерваторіи, а въ слѣдующемъ году отправленъ съ извѣстнымъ ученымъ Біо окончить измѣреніе дуги меридіана въ Испаніи, оставшееся недоконченнымъ по смерти Мешена. Это порученіе, которое онъ исполнилъ съ честью, подвергало его многимъ опасностямъ, и даже едва не стоило ему жизни.

Простившись съ своими товарищами въ Парижѣ, и заѣхавъ въ Перпиньянъ повидаться съ родными, молодой ученый отправился въ Испанію и приступилъ къ дѣлу. Уже сѣть, долженствовавшая связать берега Испаніи съ Балеарскими островами была окончена, уже была измѣрена широта Форментеры, составлявшей южную оконечность дуги, когда вдругъ комитетъ измѣренія долготъ рѣшилъ островъ Майорку связать съ Ивисою и Форментерою, треугольникомъ, направленнымъ съ востока къ западу. Эта задача, которую молодой астрономъ долженъ былъ исполнить одинъ, также подходила уже къ концу; оставалось только исчислить широту самой возвышенной горы острова, (Галасо), какъ вдругъ прибытіе адъютанта Наполеонова, Бертми, съ приказомъ испанской эскадрѣ, стоявшей въ Магонѣ, отправляться въ Тулонъ, возбудило мятежъ въ главномъ городѣ острова, Пальмѣ.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ молодой астрономъ былъ свидѣтелемъ неистовствъ Майоркскаго народонаселенія противъ всего, что имѣло что либо общее съ Княземъ Мира; между прочимъ, сожженія экипажей епископа и семейства министра финансовъ, Солера. Но какъ скоро разнесся слухъ о Мадридскомъ мятежѣ, и о кровавой мести Мюрата, общее негодованіе обратилось на Французовъ.

Араго находился въ то время на горѣ Галасо; гора эта командуетъ низкій берегъ, къ которому присталъ донъ Хаймъ, el conquistador, чтобы выгнать мавровъ съ Балеарскихъ острововъ. Этого было достаточно, чтобы увѣрить народъ, что единственною цѣлью огненныхъ сигналовъ, которые французскій ученый разставлялъ каждую ночь, было освѣтить путь французской эскадрѣ, долженствовавшей завоевать весь Архипелагъ.

Нѣсколько отчаянныхъ головъ рѣшились немедленно идти въ избу француза и умертвить его. Къ счастью, Даміанъ, лоцманъ корабля, даннаго испанскимъ правительствомъ ученой комиссіи, предупредилъ ихъ, онъ открылъ астроному угрожавшую ему опасность и принесъ ему крестьянское платье, въ которое онъ переодѣлся, и бѣжалъ съ Даміаномъ. Подъ горою встрѣтили они толпу бѣшеныхъ сорванцовъ, которые спросили ихъ, гдѣ находится проклятый Французъ. Араго, зная хорошо майоркское нарѣчіе, совѣтовалъ имъ поспѣшить, потому, что ему извѣстно изъ вѣрныхъ рукъ, что Французъ намѣренъ сойти съ горы и бѣжать къ Майорккѣ обходною тропинкою.

Избѣжавъ первой опасности, Араго долженъ былъ идти съ Даміаномъ, сквозь разъяренную толпу, тѣснившуюся по всѣмъ улицамъ Пальмы, и съ трудомъ наконецъ достигъ гавани и корабля, который доселѣ повиновался ему. Онъ хотѣлъ немедленно отплыть въ

Барселону; но командиръ корабля, донъ Маноэль де Вакаро отговаривался подъ разными пустыми предлогами; потомъ объявилъ даже астроному, что пребываніе его на кораблѣ не могло долго оставаться тайною, и предлагалъ ему, въ случаѣ нападенія народа, спрятаться въ ящикъ, въ который Араго, по огромному своему росту, очевидно не могъ даже влѣзть. Не трудно было понять, чего хотѣлъ капитанъ: наконецъ, онъ и самъ прямо сказалъ, что единственнымъ средствомъ спасенія для Араго было скрыться въ Бельверскую башню, у входа въ гавань.

Генералъ-капитанъ Вивесъ въ тотъ же вечеръ прислалъ предписаніе принять его въ тюрьму. И пора было. На слѣдующее утро, когда Араго съ вѣрнымъ своимъ Даміаномъ и двумя матросами сходилъ въ шлюбку, чтобы отправиться въ тюрьму, плотина была покрыта толпою сорванцовъ, которые немедленно побѣжали кругомъ, на противуположный край гавани, чтобы схватить свою добычу, какъ скоро она пристанетъ къ берегу. Усердіе матросовъ спасло его; но онъ былъ на краю гибели. Наконецъ, пробившись сквозь толпу, которая успѣла его окружить, измученный, достигъ онъ воротъ Бельверскаго замка. Бывали примѣры, что люди подвергались страшнѣйшимъ опасностямъ, спасаясь изъ заточенія, но это былъ кажется первый примѣръ, что человѣкъ пробивался въ тюрьму. Среди преслѣдовавшей его опасности, онъ не замѣтилъ даже полученной имъ въ толпѣ раны стилетомъ въ ногу.

Бертми уже былъ въ замкѣ, въ которомъ генералъ-капитанъ изъ предосторожности поставилъ только швейцарскій конвой; не смотря на то, нѣсколько фанатиковъ не разъ пытались убѣдить или подкупить солдатъ, ходившихъ въ городъ за съѣстными припасами для заключенныхъ; они хотѣли просто отравить обоихъ французовъ.

Не станемъ разсказывать всѣхъ подробностей этого заключенія, продолжавшагося до конца іюля мѣсяца; достаточно будетъ одного обстоятельства. Въ одной испанской газетѣ, которая вѣроятно была ему доставлена не безъ цѣли, прочиталъ Араго подробный отчетъ о мучительной казни, которой онъ самъ и Бертми были будто бы подвергнуты на Пальмской площади. Онъ боялся, что въ такое время безпорядковъ и ожесточенія, отъ разсказа недалеко было и до осуществленія его и съ той же минуты задумалъ бѣжать. Опасность утонуть казалось ему ничтожною въ сравненіи съ тѣмъ, что могло ожидать его на площади, судя, по сдѣланному заранѣе описанію.

Родригесъ, одинъ изъ двухъ испанскихъ комиссаровъ при экспедиціи для измѣренія меридіана, согласился съ мнѣніемъ Араго, и сталъ тотчасъ придумывать средства къ освобожденію своего друга съ примѣрною неустрашимостью и постоянствомъ. Онъ убѣдилъ генералъ-капитана Вивеса въ томъ, что пребываніе двухъ узниковъ въ Бельверскомъ замкѣ не безопасно, ни для нихъ, ни для него самого. Однакоже Вивесъ былъ слишкомъ слабъ характеромъ, чтобы согласиться на рѣшительное дѣло; онъ обѣщалъ только смотрѣть сквозь пальцы на ихъ бѣгство и дать изустное приказаніе коменданту не замѣчать и не разстроивать принимаемыхъ ими мѣръ;

самыя же средства побѣга, и мѣры, необходимыя для довершенія этого опаснаго предпріятія внѣ замка, онъ предоставлялъ самому Родригесу, подъ собственною его отвѣтственностью.

Родригесъ, по необходимости, довольствовался и этимъ; купилъ шлюбку, которая была за нѣсколько дней передъ тѣмъ брошена на берегу; положилъ въ нее достаточное количество хлѣба и три или четыре корзины апельсиновъ; и въ ночь 27 іюля, Араго, Бертини, и еще третій узникъ, племянникъ знаменитаго корсара Бабастро, незадолго передъ тѣмъ заключенный въ Бельверскій замокъ, сошли на берегъ. Въ шлюбкѣ ждалъ ихъ вѣрный Даміанъ, бѣжавшій за тѣмъ, чтобы содѣйствовать бѣгству Араго, съ тремя матросами, скрывавшимися подъ видомъ рыбаковъ, но отъ которыхъ Даміанъ не счелъ нужнымъ скрыть, что дѣло шло о спасеніи Араго и *его слуги*.

Шлюбка отплыла безъ всякаго затрудненія, и остановилась на нѣсколько часовъ у островка Кабреры. Потомъ она прошла сквозь англійскую эскадру и англійскій конвой; она была такъ мала, что ей достаточно было опустить мачту и свой косой парусъ, чтобы проплыть незамѣченною. Наконецъ 1-го августа она вступила въ Алжирскую гавань.

Бѣглецы боялись сначала, что имъ не позволятъ выдти, или отправятъ обратно въ Майорку; одинъ кораблестроитель, родомъ испанецъ, служившій въ Алжирѣ, дѣйствительно приказывалъ Даміану отчалить. Но генуэзецъ, проживавшій въ Алжирѣ безъ всякой должности, бывшій свидѣтелемъ спора, приказалъ ему оставаться. Право того и другаго приказывать было совершенно одинаково — произволъ. Завязалась между ними драка на баграхъ; генуэзецъ остался побѣдителемъ, и наши бѣглецы вышли на берегъ, не безъ полудюжины синяковъ, полученныхъ съ той и другой стороны по ошибкѣ. Мусульмане, случившіеся при этомъ, преспокойно смотрѣли, ни во что не мѣшаясь.

Араго и Бертми явились къ французскому консулу Дюбуа-Тенвилю, который принялъ ихъ чрезвычайно ласково. Корабль, принадлежавшій какому-то важному лицу въ Алжирѣ, готовъ былъ плыть въ Марсель, съ греческимъ экипажемъ; послѣ многихъ усилій, Дюбуа-Тенвиль доставилъ несчастнымъ французамъ мѣста, съ тѣмъ однако-же, чтобы они были снабжены австрійскими паспортами. Австрійскій агентъ согласился на эту услугу, и Араго отправился, 8-го августа 1808 года, подъ именемъ какого-то венгерскаго купца.

Начало плаванія было весьма благополучно; но почти въ виду Марсели корабль былъ бомбардированъ испанскимъ карсаромъ изъ Паламоса, взятъ и отведенъ въ Розасъ. На кораблѣ былъ одинъ только человѣкъ, умѣвшій объясняться съ испанскими властьми, и протестовать отъ имени шкипера противъ самовольнаго, противнаго праву народовъ захваченія корабля, принадлежавшаго союзному народу: этотъ человѣкъ былъ Араго. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Испаніи, онъ такъ хорошо выучился испанскому языку, что знаніе его послужило предлогомъ, чтобы отвергнуть требованія алжирскаго раиса. Не смотря на Австрійскій паспортъ Араго, въ жадныхъ глазахъ корсара и его эки-

пажа онъ былъ просто испанецъ, бѣжавшій со всѣмъ своимъ богатствомъ въ непріязненную Францію. Во время карантина, они всѣми силами старались доказать свое предположеніе, чтобы такимъ образомъ конфисковать все находившееся на кораблѣ имущество. Тщетно Араго увѣрялъ ихъ, что знаетъ множество языковъ, вызывался даже говорить по венгерски, по далматски и по волошски, корыстолюбіе одерживало верхъ надъ удивленіемъ. Его рѣшительно признали бы испанцемъ, еслибы онъ не сказалъ, что знаетъ также по французски; его тотчасъ свели съ однимъ офицеромъ, который, поговоривъ съ нимъ, объявилъ, что онъ болѣе похожъ на француза, чѣмъ на испанца.

Между тѣмъ, какъ шли эти переговоры, экипажъ выдерживалъ карантинъ на вѣтренной мельницѣ, стоявшей на морскомъ берегу, между Розасомъ и Фигіеромъ. Это мѣстопребываніе было не изъ самыхъ пріятныхъ. Не имѣя никакихъ сообщеній съ жителями, экипажъ однажды не на шутку подумалъ, что его хотятъ извести, ибо вокругъ мельницы безпрестанно летали ядра англійскаго линейнаго корабля; впрочемъ они скоро узнали, что онъ только пробовалъ силу своихъ орудій, готовясь къ защитѣ противъ подходившихъ французовъ.

По окончаніи карантина, вокругъ плѣнныхъ сдѣлали всѣ приготовленія военной казни, въ надеждѣ, что Араго, чтобы спасти жизнь, признаетъ себя испанцемъ: хитрость не удалась, и плѣнныхъ отвели въ Розаскую цитадель, а оттуда перевели въ фортъ Ботонъ де Розасъ. Тутъ они также пробыли не долго; комната ихъ потребовалась для англійскихъ матросовъ, которымъ ввѣрена была защита форта; и ихъ всѣхъ, то есть двадцать семь человѣкъ, марокцевъ, арабовъ, турокъ, жидовъ, грековъ, европейцевъ, перевели въ какой-то подвалъ, гдѣ ихъ часто оставляли безъ пищи, и гдѣ ихъ пожирали насѣкомыя. Наконецъ, отсюда вытѣснили ихъ англичане, и они были переведены въ Паламосъ на понтонъ.

На алжирскомъ кораблѣ, на которомъ находился молодой астрономъ, было два льва, посланные Деемъ въ подарокъ Наполеону; одинъ изъ этихъ львовъ околѣлъ отъ болѣзни, а можетъ быть и съ голоду. Араго во время заключенія своего въ Розасѣ успѣлъ послать Дею письмо, въ которомъ извѣщалъ, что испанцы убили его льва. Заточеніе подданныхъ можетъ быть не тронуло бы Дея; но онъ не могъ такъ легко простить смерти льва; онъ призвалъ испанскаго консула Ониса, потребовалъ 80000 франковъ вознагражденія, и грозилъ Испаніи войною, если корабль не будетъ немедленно освобожденъ.

Между тѣмъ, какъ бѣдные узники уже отчаявались въ своемъ освобожденіи, они получили отъ Хиронской юнты позволеніе возвратиться на свой корабль и плыть куда имъ заблагоразсудится. Они, разумѣется, не ждали повторенія приказа, и тотчасъ-же отправились въ Марсель.

Но имъ не суждено еще было достичь цѣли своего плаванія. Едва началъ показываться вдали городъ Марсель, какъ подулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, и отбросилъ ихъ къ берегамъ Сардиніи; на бѣду Алжирскій дей велъ тогда войну съ Сардинскимъ королевствомъ, и потому алжирскій корабль не могъ искать убѣ-

жища въ сардинскихъ гаваняхъ, а принужденъ былъ оставаться въ открытомъ морѣ. Шкиперъ рѣшился идти къ Майоркѣ; но и онъ и экипажъ его были такъ не искусны, что, проблуждавъ пять сутокъ, корабль очутился у береговъ Африки, противъ Бужіи. Судно было сильно повреждено, такъ, что опасно было бы съ нимъ отправляться вторично въ открытое море. *Сандалы* же, то есть мелкія суда, плавающія вдоль Африканскихъ береговъ, не могли отправляться въ Алжиръ ранѣе шести мѣсяцевъ. Араго, даже послѣ всѣхъ мученій испанской тюрьмы, не могъ рѣшиться сидѣть полгода въ Бужіи, переодѣлся арабомъ, и пустился въ Алжиръ сухимъ путемъ, подъ ненадежнымъ покровительствомъ одного марабута. Надо замѣтить, что и нынѣ даже переходъ сухимъ путемъ изъ Бужіи въ Алжиръ считается не только весьма опаснымъ, но почти невозможнымъ; и изъ поселившихся въ Африкѣ европейцевъ, немногіе рѣшаются на такое отважное дѣло.

Этотъ переходъ продолжался съ недѣлю. Но когда Араго пришелъ въ Алжиръ, тамъ все перемѣнилось противъ прежняго. Дей Ахмедъ, выручившій его изъ испанскаго плѣна, погибъ отъ руки своихъ приближенныхъ, преемникъ его также погибъ вскорѣ по прибытіи Араго, новый дей, нуждаясь въ деньгахъ, вздумалъ требовать съ Франціи уплаты какого-то мнимаго долга. Получивъ отъ французскаго правительства рѣшительный отказъ, онъ приказалъ французскаго консула и всѣхъ французовъ, находившихся въ Алжирѣ, внести въ списки невольниковъ, и грозился употребить ихъ на каторжную работу. Араго былъ вырученъ изъ этой новой бѣды заступленіемъ шведскаго консула Нордерлинга, который выпросилъ позволеніе держать его у себя.

Наконецъ, въ іюлѣ 1809 года, послѣ трехъ лѣтъ испытаній, Араго возвратился въ Марсель; посѣтивъ свой родной городъ Перпиньянъ, онъ отправился въ Парижъ, гдѣ Институтъ, не смотря на его молодость, назначилъ его своимъ членомъ, а Наполеонъ далъ ему должность профессора въ Политехническомъ училищѣ.

Съ этого времени начинается почти исключительно ученая жизнь Араго, жизнь безпрестаннаго труда и новыхъ открытій. Здѣсь не мѣсто разбирать въ подробности всѣ услуги, оказанныя имъ наукамъ; говорить о замысловатыхъ снарядахъ, придуманныхъ имъ, и посредствомъ которыхъ онъ съ удивительною точностію опредѣлилъ діаметры планетъ и скорость лучей; объ открытіи цвѣтной поляризаціи и ея приложеніи къ физической астрономіи и метеорологіи, о магнетизмѣ происходящемъ отъ круговращенія, о феноменѣ цвѣтныхъ колецъ, объ оптическихъ эквивалентахъ, о законахъ возбужденія магнетизма въ стали, посредствомъ электричества, о единовременныхъ отступленіяхъ магнитной стрѣлки на самыхъ дальнихъ разстояніяхъ, о соотношеніи между упругостью и температурою водянаго пара. Кто желаетъ получить понятіе о важности и разнообразіи его трудовъ, пускай заглянетъ въ *Лѣтописи физики и химіи*, изданныя имъ вмѣстѣ съ Гелюссакомъ, въ *Записки комитета измѣренія долготъ* (Annuaire du bureau des longitudes); въ отчеты и записки Парижской Академіи наукъ, въ Записки Аркелья, въ которыхъ

участвовали съ нимъ Лаплассъ, Бертолле, Шапталь, Гумбольдтъ и др.; наконецъ въ собраніе его академическихъ рѣчей, которыя могутъ служить образцами по глубинѣ оцѣнки и анализа, и по силѣ и красотѣ слога; это уже не голые біографическіе очерки, какъ въ рѣчахъ его предшественниковъ, а полныя, вѣрныя картины развитія наукъ въ данное время и дѣятельности того или другаго ученаго.

Но Араго не только ученый и мыслитель, онъ великій ораторъ и писатель, прелестный, неистощимый разсказчикъ, остроумный собесѣдникъ. Обо всемъ онъ можетъ говорить, и самымъ простымъ вещамъ придать занимательность своею дивною рѣчью. Въ эпоху Реставраціи, онъ былъ божествомъ общества г-жи Ремфоръ, вдовы знаменитаго Лавуазье, и общества г-жи Буань, въ которыхъ собирались всѣ замѣчательнѣйшіе люди того времени, всѣ знаменитости литературы, наукъ и искусствъ. Тутъ уже онъ заслужилъ прозваніе обнародователя науки, которое онъ впослѣдствіи вполнѣ оправдалъ публичнымъ курсомъ астрономіи, который нѣсколько лѣтъ читалъ по порученію комитета измѣренія долготъ.

Когда знаменитый астрономъ входитъ въ залу, его всегда встрѣчаетъ продолжительный залпъ рукоплесканій. Его благородная осанка, высокій ростъ, прекрасное лицо, глубоко всаженные и прикрытые густыми бровями глаза, точно у орла, привыкшаго смотрѣть на небо и на солнце, все въ немъ дышетъ величіемъ науки и мысли.

Курсъ Араго не просто курсъ для любителей; это курсъ серьезный, ученый, систематическій, полный, но изложенный въ формѣ, понятной для всѣхъ. Къ положительнымъ даннымъ науки и къ числамъ присоединяется еще богатство его фантазіи и мысли. Профессоръ не имѣетъ въ виду никакой частной цѣли; не читаетъ ни для ученыхъ, ни для моряковъ; онъ обращается къ разнообразной публикѣ столицы; не предполагаетъ въ слушателяхъ ни малѣйшихъ свѣдѣній, все толкуетъ, все объясняетъ, все доказываетъ словомъ и положительными результатами науки, основанными на простыхъ, ясныхъ, но неоспоримыхъ фактахъ и числахъ. Чтобы увѣриться, что всѣ его понимаютъ, онъ употребляетъ весьма замысловатое и оригинальное средство.

Войдя въ залу, Араго прежде всего отвѣчаетъ на письменныя возраженія, представленныя ему на предъидущую лекцію. Исполнивъ этотъ долгъ, онъ обводитъ глазами всю аудиторію; не многіе знаютъ настоящую цѣль этого осмотра, но не трудно догадаться, что профессоръ чего-то ищетъ. И дѣйствительно, Араго отыскиваетъ изъ числа своихъ слушателей наименѣе понятливую физіономію. Отыскавъ такую физіономію, онъ уже не спускаетъ съ нея глазъ; это его путеводитель, это вѣрное мѣрило ясности его изложенія. Пока эта физіономія остается холодна, пока она сохраняетъ неопредѣленность, нерѣшительность во взглядѣ, онъ все начинаетъ свое толкованіе снова до тѣхъ поръ, пока глаза его мѣрила не загорятся, лицо не заиграетъ удовольствіемъ. Рукоплесканіе слушателей для него ничего не значитъ; ему нужно, чтобы выбранная имъ физіономія выразила

довольство ; тогда только онъ идетъ далѣе, будучи увѣренъ, что всѣ его поняли.

Кстати, по этому случаю разсказываютъ анекдотъ, о которомъ очевидцы никогда не могутъ вспомнить безъ хохоту. Это было въ обсерваторіи. Араго завтракалъ съ братьями и съ нѣсколькими пріятелями. За десертомъ онъ разсказывалъ средство, которое онъ употребляетъ для удостовѣренія въ совершенной ясности своего изложенія, въ доступности его для всѣхъ умовъ. Между тѣмъ доложили о какомъ-то посѣтителѣ; Араго велѣлъ его просить, а самъ продолжалъ говорить о своемъ курсѣ астрономіи.

— Г. профессоръ, сказалъ посѣтитель; вы не повѣрите, въ какую честь, въ какое счастье я ставлю себѣ посѣщать вашъ превосходный курсъ. Но скажите, пожалуйста, зачѣмъ вы всегда такъ пристально смотрите на меня?

Можно себѣ представить, что большая часть гостей выбѣжала изъ комнаты, чтобы хохотать на свободѣ.

При талантѣ и учености Араго, при его многолѣтней славѣ, неудивительно, что почти всѣ ученыя общества, французскія и иностранныя старались имѣть его своимъ членомъ. Берлинская Академія наукъ избрала его на мѣсто Вольты, знаменитое италіянское общество, на мѣсто автора *Небесной механики*. Во время поѣздки его въ Англію, Единбургъ и Глазго дали ему гражданство. Въ 1836 году ему было предложено званіе члена Французской Академіи, но онъ уклонился отъ этой чести, говоря, что всѣ парижскія Академіи составляютъ одно цѣлое, и что принадлежать къ нѣсколькимъ изъ нихъ, значитъ отнимать заслуженную награду у другихъ. Онъ почетный президентъ парижскаго общества литераторовъ, членъ Французскаго Института, вѣчный секретарь Академіи наукъ, членъ комитета измѣренія долготъ, профессоръ астрономіи при обсерваторіи, членъ почти всѣхъ иностранныхъ академій и обществъ, имѣетъ орденъ почетнаго легіона и множество иностранныхъ орденовъ. Въ февралѣ же 1848 года онъ получилъ отъ своихъ соотечественниковъ самую высшую награду, самую лестную дань ихъ уваженія къ его дарованіямъ и благородному характеру; онъ сдѣланъ членомъ временнаго правленія.

—

САМЫЙ МИРОЛЮБИВЫЙ ИЗЪ БОНАПАРТОВЪ.

Миляхъ въ восьми отъ Флоренціи, по дорогѣ въ Сіену, на роскошномъ, хорошо обработанномъ холмѣ, стоитъ большое село Санъ-Каччіано, извѣстное постоялымъ дворомъ della Campana, въ которомъ жилъ Макіавель, и на порогѣ котораго онъ частенько, въ лаптяхъ и крестьянскомъ платьѣ, бесѣдовалъ съ проѣзжими, и спрашивалъ у нихъ извѣстій о ихъ сторонѣ, или спорилъ съ хозяиномъ, съ мельникомъ или съ булочникомъ села. По утрамъ, онъ обыкновенно ловилъ птицъ клеемъ, или наблюдалъ за рубкою лѣса, для того, говорилъ онъ, чтобы этою хозяйственною жизнью умѣрить пылъ своего ума. Миляхъ въ двадцати отъ села находится Чертальдо, несправедливо прослывшее родиною Бокаччіо, который между тѣмъ родился въ Парижѣ, и если называется il Certaldese, то это толь-

ко потому, что долго жилъ въ этомъ селѣ и тутъ умеръ; скромная деревушка, окруженная роскошными нивами и виноградниками, съ простою, никому неизвѣстною церковью, потому что въ ней нѣтъ ни одного произведенія искусства, какими такъ обильна вся Италія. Въ 1807 году, приходскимъ священникомъ этой церкви былъ Бонапарте. Этотъ священникъ былъ бѣденъ и неизвѣстенъ, не смотря на то, что однофамилецъ его вызвалъ папу изъ Ватикана, чтобы заставить вѣнчать себя на престолѣ въ храмѣ Парижской Богоматери; онъ былъ кротокъ и нечестолюбивъ, и не заботился о томъ, что былъ дядею Летиціи и дѣдомъ молодаго полководца, котораго слава гремѣла въ Италіи и подъ пирамидами; онъ велъ тихую, скромную жизнь въ саду приходскаго дома, подрѣзывалъ деревья, сажалъ виноградныя лозы, ходилъ какъ отецъ Улиссовъ, въ дырявомъ плащѣ и сапогахъ съ заплатками. Шумъ, надѣланный въ свѣтѣ его внукомъ, проходилъ мимо его деревушки, не останавливаясь въ такомъ захолустьи.

Никто изъ прихожанъ и не подозрѣвалъ его знатнаго родства; онъ самъ давно забылъ свою родную Корсику, посвятивъ всю жизнь свою паствѣ, столь-же простой и беззаботной, какъ и онъ; за церковью было отведено мѣсто для послѣдняго его жилища; въ приходскомъ домѣ висѣло ружье, съ которымъ онъ отъ времени до времени ходилъ стрѣлять себѣ дичь къ обѣду, и нѣсколько удочекъ для ловли рыбы въ сосѣднемъ пруду. Прибавьте къ этимъ занятіямъ хожденіе за цвѣтами, и два объѣзда въ годъ для сбора съ прихожанъ церковной десятины, вотъ вамъ всѣ мірскія заботы отца Бонапарте. Что касается до его духовныхъ дѣлъ, они также были не сложны; онъ не гонялся за нововведеніями, служилъ обѣдню два раза въ недѣлю, а по воскресеньямъ читалъ проповѣдь послѣ вечерень.

Но было въ приходѣ три существа, которыя пользовались особенною благосклонностью священника и были предметомъ особенной его заботливости. Эти три существа были: Біянка, Маттеа и Томазо.

Біянка была бѣлая, ручная курочка, преисправно носившая яйца, и клевавшая хлѣбныя крошки изъ его руки, когда онъ завтракалъ подъ бесѣдкою въ своемъ садикѣ; она прибѣгала къ нему на зовъ, и иногда даже клала свои яйца въ запыленныхъ складкахъ его рясы; словомъ, добрый старикъ былъ съ нею въ самой тѣсной дружбѣ.

Не такою уже любовью любилъ онъ хорошенькую Маттею; онъ видѣлъ ее еще младенцемъ, крестилъ ее, воспиталъ, и съ дѣтскою радостью видѣлъ, какъ она росла и хорошѣла. Любимою его мечтою было устроить будущее счастіе дѣвушки; онъ уже отыскалъ ей чудеснаго жениха, именно дюжаго парня, исправлявшаго должность ризника, Томазо, третій предметъ своихъ попеченій.

Много лѣтъ прожилъ старикъ среди этихъ неразнообразныхъ занятій и заботъ, всѣми любимый и уважаемый, какъ, вдругъ въ одинъ лѣтній вечеръ, въ деревнѣ раздался необычайный шумъ; конскій топотъ по улицѣ, и дворъ приходскаго священника наполнился всадниками въ богатыхъ мундирахъ. Адъютантъ французскаго императора, весь въ золотѣ, въ

пляпѣ съ бѣлымъ перомъ, вошелъ къ священнику, который смутился, подалъ ему стулъ, а самъ сталъ передъ нимъ, сложивъ руки на груди и не постигая, откуда на него такая напасть.

— Успокойтесь, батюшка, сказалъ адъютантъ, графъ Н..., успокойтесь, вѣдь ваша фамилія Бонапарте? Вы дѣдъ Наполеона, императора французовъ и короля Итальянскаго?

— Точно такъ, пробормоталъ священникъ, ибо онъ слыхалъ вскользь о славной участи внука, но мало заботился о ней, какъ о чемъ-то слишкомъ далекомъ, о чемъ-то за горами, за морями, за тридевятью землями...

— Мать его величества...

— Летиція! подхватилъ священникъ.

— Императрица-мать, продолжалъ адъютантъ, изволила говорить о васъ его величеству...

— Маленькому Наполеону? перебилъ опять священникъ.

— Императору, батюшка. Такому близкому и почтенному родственнику его величества не слѣдуетъ жить въ неизвѣстности, въ бѣдной деревушкѣ, между тѣмъ, какъ всѣ члены вашего высокаго семейства правятъ Европою, а имя и подвиги вашего внука наполняютъ вселенную. Императоръ прислалъ меня къ вамъ; вамъ стоитъ только потребовать, стоитъ только пожелать. Какую епархію угодно вамъ будетъ принять въ свое завѣдываніе? во Франціи или въ Италіи? Или вы пожелаете промѣнять свою бѣлую рясу на багряную мантію кардинала? Его величество все можетъ сдѣлать; а онъ слишкомъ любитъ и уважаетъ васъ, чтобы вамъ въ чемъ нибудь отказать.

— Неужели это все правда, сударь? Неужели моя племянница Летиція императрица?.. а я еще въ первый разъ исповѣдывалъ ее! Давно очень, очень давно!... когда она еще была дѣвочкою лѣтъ этакъ!...

Адъютантъ улыбнулся.

— Господинъ адъютантъ, продолжалъ священникъ, позвольте мнѣ сначала подумать; нельзя же рѣшиться на такую перемѣну, не подумавъ.

Съ этими словами священникъ оставилъ адъютанта одного въ пріемной, а самъ пошелъ на верхъ, въ свою свѣтелку, съ однимъ окошечкомъ на дворъ.

На дворѣ, между тѣмъ, была страшная суматоха. Свита генерала разъуздала лошадей, всадники курили, кричали и хохотали. Маттеа, забившись въ уголокъ, съ любопытствомъ смотрѣла на это невиданное зрѣлище, между тѣмъ какъ Томазо восхищался тяжелыми палашами, блестящими мундирами, а Біянка, перепуганная, бросалась подъ ноги лошадямъ.

Мало-по-малу глаза Маттеи освоились съ новыми лицами и нарядами; въ то же время одинъ драгунъ замѣтилъ дѣвушку, подошелъ къ ней, и сталъ разговаривать; онъ былъ статный, красивый молодецъ, бойко говорилъ; Маттеа была хороша, молода, нѣсколько кокетлива, и сердце ея вовсе не лежало къ тому, кого судилъ ей священникъ. Что и о чемъ они бесѣдовали, какими волшебными словами солдатъ прельстилъ пылкую итальянку, не знаемъ; а знаемъ только, что когда Томазо подбѣжалъ къ ней на выручку, она съ сердцемъ оттолкнула его, напомнивъ ему, что уже двѣнадцать часовъ, и что пора ему на колокольню. Томазо запѣтушился, драгунъ взялъ его за ушко, повернулъ на право кру-

гомъ, ногою скомандовалъ маршъ! и Томазо, почесывая спину, очутился среди группы помирающихъ со смѣху драгуновъ.

— Какъ! этотъ верзило изволитъ здѣсь звонить въ колокола, воскликнули солдаты, вмѣсто того, чтобы служить государю! честь и слава будетъ тебѣ, когда тебя пожалуютъ въ пономари, въ этомъ проклятомъ захолусьѣ. Эхъ братъ, брось-ка лучше колокола и иди съ нами. Одѣнемъ тебя въ славный мундиръ, дадимъ палашъ и коня, и будешь ты не такимъ молодцомъ! Ужъ не эта ли дѣвка держитъ тебя? продолжали они, указывая на Маттею, которая въ своемъ уголку шопотомъ бесѣдовала съ новымъ возлюбленнымъ; да она не любитъ тебя, чудакъ, она полюбила нашего парижанина; смотри, какъ онъ обнимаетъ ее, злодѣй!

Между тѣмъ, какъ парижанинъ готовъ былъ сманить невѣсту, а товарищи его пытались сманить жениха, одинъ здоровый драгунъ, для котораго уже прошла пора любви, и который болѣе заботился о своемъ желудкѣ, чѣмъ о сердцѣ, преслѣдовалъ куръ священника, и бѣдная Біянка тщетно старалась скрыться отъ рукъ похитителя.

— Маттеа, иди домой, къ матери, кричалъ священникъ изъ окна... Эй, служба, оставь, пожалуйста, Біянку въ покоѣ.

Увы! слабый голосъ священника былъ не то, что могучій голосъ его однофамильца Наполеона. Парижанинъ по прежнему волочился за дѣвушкою; драгунъ продолжалъ гоняться за Біянкою, а Томазо, въ нерѣшительности, одною рукою гладилъ крутую шею лошади, а другою игралъ палашемъ. Наконецъ, парижанинъ взнуздалъ свою лошадь, вскочилъ въ сѣдло; подалъ руки Маттеѣ, посадилъ ее къ себѣ за спину, не смотря на крики изумленнаго старика, пришпорилъ коня, и былъ таковъ. Въ то же мгновеніе толстый драгунъ овладѣлъ трепещущею Біянкою.

— Маттеа, Маттеа!... господинъ драгунъ, оставьте курицу, кричалъ священникъ дрожащимъ голосомъ.

Тутъ только Томазо услышалъ крики своего покровителя, и бросился на помощь похищенной курицѣ; бѣднякъ не успѣлъ защитить своей невѣсты, но за то спасъ Біянку.

Священникъ Бонапарте сошелъ внизъ, къ ожидавшему его адъютанту; несчастный былъ блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что съ вами, батюшка? спросилъ генералъ; что васъ вдругъ такъ опечалило?

— Генералъ, печально отвѣчалъ священникъ, оставимъ это. Здѣсь была дѣвушка кроткая, скромная, благочестивая, вы пріѣхали, и вотъ она пропала.

— Какъ, пропала? что это значитъ?

— Это значитъ, генералъ, что моя крестница Маттеа ушла съ однимъ изъ вашихъ драгуновъ; ушла въ моихъ глазахъ.

— Похищеніе, у васъ! воскликнулъ адъютантъ; въ домѣ дѣда его величества! Виновный будетъ наказанъ, разстрѣлять его! Эй, бригадиръ, кто здѣсь осмѣлился похитить дѣвушку?

— Нѣтъ, генералъ, не нужно, я не хочу крови! но если этотъ солдатъ хорошій человѣкъ, пусть его женится на Маттеѣ и сдѣлаетъ ее счастливою.

Бригадиръ разсказалъ все дѣло; похищеніе было не насильственное; а похититель, новый Парисъ, овладѣвшій сердцемъ сельской Елены, былъ добрый малый и храб-

рый солдатъ, по прозванію парижанинъ, представленный къ должности квартирмейстера и къ кресту.

— Онъ женится на ней, сказалъ генералъ, ручаюсь за него.

Священникъ тоскливыми глазами осматривался кругомъ; онъ искалъ своей бѣлой курочки, не хотѣлось ему разстаться съ нею, но строгость генерала, грозившая разстрѣлять похитителя Маттеи, удерживала его; неужели подвергать опасности жизнь человѣка изъ любви къ птицѣ? Къ-счастью, въ эту минуту вбѣжалъ Томазо, неся на рукахъ его любимицу; Біянка была въ обморокѣ; круглые глаза ея закатились подъ посинѣлыми вѣками, лапки окоченѣли, и не могли держать ее. Старикъ схватилъ ее, разинулъ ей клювъ, влилъ нѣсколько капель вина; Біянка стала мало-по-малу приходить въ себя, какъ жеманная красавица, послѣ истерическаго припадка; уныло открыла глазки, встрехнула гребешокъ, расправила лапки, встрепенула крылышки. Томазо воспользовался этою минутою, чтобы открыть свое намѣреніе.

— Батюшка, сказалъ онъ, у меня отняли Маттею, мнѣ обѣщаютъ, что я выслужусь въ офицеры, въ полковники, пожалуй въ фельдмаршалы... почему знать?... я иду въ драгуны.

Священникъ печально взглянулъ на генерала, и сказалъ ему, гладя свою курочку:

— Поблагодарите отъ моего имени моего внука императора, и скажите ему, что я останусь приходскимъ священникомъ въ своей бѣдной деревушкѣ, гдѣ провелъ столько лѣтъ въ спокойствіи и въ счастіи. На одно мгновеніе забилось въ сердце мое честолюбіе, и видите, Богъ наказалъ меня. Скажите Летиціи, что я надѣюсь и увѣренъ, что совѣсть ея такъ же чиста, какъ въ то время, когда она была еще простою дѣвушкою. Обнимите за меня моего внука Наполеона; да сохранитъ Богъ ему и роднымъ его ихъ престолы; они добрые ребята, не забыли старика дѣда; мнѣ не нужно ни епархіи, ни богряной рясы, ни кардинальской шапки. Идите, генералъ, и, если имѣете сколько нибудь уваженія къ волѣ дѣда, своего императора, не возвращайтесь ко мнѣ въ другой разъ.

Когда Наполеонъ давалъ приказанія, ихъ надо было исполнять согласно его желанію, онъ давно привыкъ каждую мысль свою считать закономъ. Такъ, когда онъ говорилъ: Вы возьмете городъ! это значило, что городъ долженъ быть взятъ, во что бы то ни стало, и что городъ будетъ взятъ. А Наполеонъ сказалъ генералу N:

— Поѣзжайте къ моему дѣду, въ его деревушку, и везите его въ Парижъ или въ Римъ. Будетъ ли онъ при мнѣ, или при папѣ, это все равно; вездѣ ему будетъ хорошо; но больше ему быть нигдѣ не приходится; онъ долженъ быть по крайней мѣрѣ епископомъ.

По этому генералъ настаивалъ, просилъ, умолялъ, даже грозилъ; онъ не понималъ, какъ можно было отказываться отъ епископскаго креста и доходовъ съ епархіи, или отъ могущества кардинала. Но старикъ былъ непоколебимъ; не слушалъ убѣжденій, а когда дошло до угрозъ, отвѣчалъ съ гордостью оскорбленнаго корсиканца, съ твердостью дѣда, не подлающагося безразсудному самовластію внука. Генералъ принужденъ былъ его оставить, ѣхать обратно безъ успѣха, съ нимъ вышелъ

изъ деревни и безпокойный его отрядъ, и все пришло въ обычный порядокъ.

Услышавъ о неудачѣ своего посла, и о скромности члена семейства Бонопартовъ, Наполеонъ только улыбнулся и пожалъ плечами.

Маттеа вышла за парижанина, и со временемъ сдѣлалась полковницею. Томазо пошелъ въ драгуны, и былъ уже капитаномъ императорской гвардіи во время Реставраціи.

Добрый старикъ Бонапарте умеръ до сверженія Наполеона. Онъ былъ едва ли не счастливѣйшій изъ членовъ своего дома!

—

АРТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Новый талантъ на Русской сценѣ.

За девятнадцать лѣтъ до настоящаго времени въ Нижнемъ Новгородѣ, у одного бѣднаго мелочнаго торговца, богатаго, впрочемъ, многочисленнымъ семействомъ, родилась, не помню которая счетомъ, дочь, которую назвали Любовью. Говорятъ, что будущій характеръ женщины всего яснѣе обрисовывается въ ея первыхъ играхъ съ куклами..... Не разбирая строго справедливо ли это замѣчаніе, или нѣтъ, скажемъ только, что маленькая Любочка играла съ своими куклами вовсе не такъ, какъ играли другія ея сестры и сверстницы. Она не наряжала ихъ въ пестрые лоскутки, не убаюкивала на колѣнахъ, не давала имъ именъ и характеровъ любимыхъ подругъ, какъ это обыкновенно бываетъ у маленькихъ дѣвочекъ; нѣтъ; она придумывала въ своей головкѣ сюжетъ какой нибудь сказки, обрисовывала дѣйствующія лица и разставляла своихъ куколъ на небольшой деревянной скамьѣ, какъ на театральномъ помостѣ. Само собою разумѣется, что каждая изъ этихъ наскоро импровизированныхъ кукольныхъ драмъ разыгрывалась ею самою съ безпрестанными перемѣнами въ голосѣ, по мѣрѣ того, какъ она или гремѣла за тирана, или плакала за бѣдную жертву, или пѣла за молодую крестьянку, что обыкновенно собирало вокругъ нея кучу малолѣтныхъ зрителей, а отца съ матерью заставляло говорить: — «Любочка у насъ какой-то мудреный ребенокъ! она и въ куклы-то играетъ какъ-то не по ребячьи? Что-то изъ нея будетъ! Подъ часъ говоритъ такія рѣчи съ своими куклами, что просто страшно за нее!»

По бѣдному состоянію своихъ родителей Любочка не могла, разумѣется, получить никакого образованія, кромѣ того, что ее выучили читать съ грѣхомъ по поламъ, вязать чулокъ, да шить платье для домашняго обиходу. Но сколько первое занятіе нравилось молодой дѣвочкѣ, столько два послѣднія были ей не по сердцу. Всего больше любила она уходить одна въ сосѣдній лѣсъ съ замасленою книжонкою, купленною на ярмаркѣ и вычитывать тамъ, что попадетъ подъ руку — ну а вѣдь вы знаете, что у насъ на Руси попадаетъ подъ руку охотникамъ до чтенія изъ ярмарочныхъ книжныхъ балагановъ? Прелестныя картины природы, которыми было окружено родимое гнѣздо впечатлительнаго ребенка, еще болѣе расположили душу ея къ мечтательности. Часто сиживала она по цѣлымъ часамъ молча и устремя голубые глазенки свои въ безпредѣльную даль и потомъ вдругъ, безъ всякой

видимой причины, или запѣвала веселую пѣсню, какъ будто прозрѣвъ для себя счастливую будущность, или принималась рыдать, какъ бѣдная узница, сквозь желѣзную рѣшетку, видящая только голубое небо и ласковый лучь солнца, грѣющій все въ природѣ, кромѣ ея. Домашніе часто думывали, не больна ли она? — Что съ тобою, Любочка? спрашивали они съ безсмысленнымъ участіемъ. — Ничего, отвѣчала мудреная дѣвочка и глотала тихонько свои тоскливые вздохи, не умѣя сознать сама, что въ ней разгарается Божія искрочка, которая западаетъ въ грудь не каждаго человѣка.

Такъ росла она до четырнадцатилѣтняго возраста своей жизни. Во время извѣстной ярмарки, когда въ Нижній съѣзжаются и торговцы и артисты во всѣхъ родахъ, старшая сестра взяла скучающую дѣвочку для развлеченія въ театръ — играли, не знаю ужъ хорошо ли, дурно ли, піэсу Кукольника *Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій* — и этотъ спектакль окончательно рѣшилъ всю будущность, до сихъ поръ безсознательно тосковавшей дѣвочки. Что перечувствовала она, увидѣвъ театръ, съ его волшебными, по ея понятіямъ, декораціями, блестящими, какъ ей казалось, костюмами и геніальными способностями (?) артистовъ, этого не выразишь никакими словами и ни на какомъ языкѣ. Она перенеслась въ какую то новую, свѣтлую сферу жизни и тутъ только поняла, что настоящее назначеніе ея есть — театръ. Въ одинъ вечеръ въ слабой, робкой дѣвочкѣ созрѣла женщина съ сильною твердою волею, которая сказала себѣ: я хочу быть актрисой и буду актрисой. Смѣлою поступью я войду на эту блестящую и заманчивую сцену; я заговорю съ этою толпою народа, жадно вслушивающагося въ каждое слово артиста и пристально всматривающагося въ каждое его движеніе, и я увлеку толпу силою моего слова, я потрясу ея душу воплемъ души, который вырвется изъ моей восторженной груди, я заставлю ихъ то смѣяться, то рыдать, то безмолвствовать въ страхѣ, — я дамъ имъ постепенно перечувствовать все то, что перечувствовала до сихъ поръ больная душа моя — и она сдержала свое слово, какъ увидитъ въ послѣдствіи читатель.

Нужно ли сказывать, что воротясь домой, дѣвочка энтузіастка не могла заснуть и преслѣдовалась на уединенномъ ложѣ своемъ какими-то дивными видѣніями? Надобно ли прибавить, что въ продолженіе всей ярмарки она не пропустила ни одного спектакля и съ жадностію пересмотрѣла весь ярмарочный репертуаръ? Но надобно было дѣйствовать теперь уже рѣшительно на счетъ своей будущей участи, а какъ дѣйствовать? Отецъ былъ въ отлучкѣ по дѣламъ торговли. Воля матери была закономъ для всего семейства и надобно сказать, что эта воля была довольно твердая, подъ часъ даже желѣзная, но какъ бы то ни было, дѣвочка рѣшилась заговорить съ строгою матерью въ первый разъ голосомъ человѣка. Она открыла ей свое желаніе поступить на театръ и быть актрисою... Боже ты мой! Какая же поднялась тутъ буря! И чего съ этого роковаго дня не перенесла въ своемъ семействѣ бѣдная дѣвочка. Ее не пускали ни на шагъ вонъ изъ дому, запирали на цѣлыя недѣли одну, надъ нею смѣялись колко; ее унижали до слезъ. Но все не помогло, ибо

сильные характеры похожи на тѣ вѣковыя деревья, которыя можно сломить бурею, но согнуть никогда.

Страдалица артистка затаила на время въ душѣ завѣтное желаніе своего сердца, дала улечься бурѣ и потомъ, когда постепенно ей воротилась свобода дѣйствовать, улучивши первое отданное ей утро, смѣло явилась къ содержателю театральной труппы, помнится Никольскому и просила его убѣдительно принять ее на сцену.

— А къ чему же ты чувствуешь себя способною, моя милая? спросилъ ее содержатель труппы.

— Ко всему, сударь.

— Умѣешь ты пѣть?

— Умѣю.

— Что?

— Пѣсни.

— Какія?

— Много.

— Я бы хотѣлъ послушать

Дѣвушка, забывши свою обычную застѣнчивость, пропѣла ему какую-то первую, попавшую ей на мысль русскую пѣсню.

— Не дурно, моя милая! сказалъ содержатель труппы. У тебя порядочный голосокъ: поучиться немного — и дѣло пойдетъ, какъ нельзя лучше А на какія же роли чувствуешь ты себя преимущественно способною?

— Не знаю ... Но думаю, что сыграю все, что ни дадутъ мнѣ.

— Не много ли ты берешь на себя, моя милая?

— Попробуйте, и тогда увидите.

— Хорошо. Побывай у меня послѣ завтра.

Въ три свиданія участь будущей артистки была рѣшена окончательно. Она принята была въ труппу, и даже по настоятельному ея требованію законтрактовалась на годъ за сто восемьдесятъ рублей ассигнаціями, чтобы и пѣть, и играть и даже плясать на сценѣ, буде окажется въ томъ надобность содержателю театральной труппы! Ну, не правда-ли, что все это похоже на сказку давно прошедшаго времени? Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Но неволѣ повторишь съ Грибоѣдовымъ!

Законтрактовалась на годъ наша артистка для того, чтобы мать не могла отнять ее у театра; но и это еще было не главное: надобно было во всемъ признаться строгой матери, выпросить у ней прощеніе, и потомъ уже посвятить себя совершенно на службу Аполлону, Таліи и Мельпоменѣ, которыхъ, впрочемъ, ни именъ, ни званія до сихъ поръ и не слыхивала наша энтузіастка!

Долго думать было нѣкогда, улучивши за обѣдомъ минутку, когда мать была веселѣе обыкновеннаго, наша новопринятая артистка Нижегородскаго театра призналась ей въ присутствіи всей семьи въ томъ, что она противъ ея воли поступила въ актрисы. Результатъ этого, признаюсь, былъ очень простой и котораго надобно было ожидать: раздраженная непослушаніемъ дочери мать, во первыхъ, велѣла ей встать изъ-за стола, а во вторыхъ, убраться совсѣмъ вонъ изъ дому. Содержатель театральной труппы, сжалившись надъ изгнанною, далъ ей уголокъ при театрѣ до времени. Бѣдная дѣвушка съ горя схватила горячку да и такую, что нѣсколько времени опасались и за разсудокъ ея и за жизнь.

Первымъ дебютомъ страстной къ театру дѣвушки, послѣ ея выздоровленія, былъ дивертисментъ, въ которомъ она въ платьѣ крестьянки, должна была пропѣть русскую пѣсню. Она исполнила ее такъ хорошо и съ такимъ чувствомъ,

что публика заставила повторить ее нѣсколько разъ и привѣтствовала громкими и единодушными аплодисманами молодую дебютанку. Въ темномъ уголкѣ театра сидѣла въ этомъ спектаклѣ худенькая старушка и на ряду съ другими хлопала въ ладоши и плакала отъ преизбытка чувствъ. Это была мать дебютантки, тайкомъ ото всѣхъ пришла она, съ сжатымъ сердцемъ, въ театръ, посмотрѣть на паденіе своей непокорной, но все еще любимой дочери. Удачно пропѣтая пѣсенька, успѣхъ и торжество дочери превратили гнѣвъ и страхъ въ умиленіе: враждующая мать поняла, что дочь ея имѣетъ призваніе къ театру— дала ей свое согласіе и даже въ послѣдствіи времени переѣхала жить къ ней на квартиру.

Таланты всегда порождаютъ зависть. Новая артистка, дебютировавшая съ блестящимъ для перваго раза успѣхомъ сдѣлалась бѣльмомъ на глазу для Нижегородскихъ театральныхъ примадоннъ. По ихъ интригамъ ей не давали никакой значительной роли, а выпускали на сцену въ какихъ нибудь пустыхъ водевилишкахъ, гдѣ она впрочемъ все-таки умѣла слишкомъ рельефно выказать себя передъ другими и сдѣлаться любимицею публики, издавна привыкшей довольствоваться одною жалкою посредственностію.

Когда кончился годъ контракта, молодая артистка по совѣту кой какихъ добрыхъ людей, замѣтившихъ въ ней необыкновенныя способности, уговорила мать отправиться съ нею въ Ярославль, гдѣ въ то время была довольно порядочная театральная труппа. Тутъ она дебютировала также съ успѣхомъ въ роли Наріели въ операѣ *Аскольдова Могила* и кой какихъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ пьесахъ. Но и тутъ какъ ограниченный репертуаръ театра, такъ и новые происки и гоненія театральнаго соперничества не давали ей возможности развернуть вполнѣ предъ публикою свой талантъ. Счастливый для артистки случай привелъ въ этотъ городъ извѣстнаго московскаго пѣвца Бантышева, который увидя и услышавъ ее на сценѣ, въ одинъ мигъ понялъ и оцѣнилъ въ молодой дѣвушкѣ то, чего бы, можетъ быть, не подмѣтили въ ней цѣлые годы другіе. Онъ посовѣтовалъ ей оставить Ярославскій театръ, отправиться въ Москву и опредѣлиться тамъ къ театру.

Но какъ было пуститься на такой важный шагъ робкой, беззащитной дѣвушкѣ, съ бѣдною матерью и почти безъ копѣйки денегъ въ карманѣ. Но чего не сдѣлаетъ твердая воля и желаніе достичь любимой и давно задуманной въ душѣ цѣли; дочь умѣла уговорить старушку-мать, въ то время уже овдовѣвшую, и слѣдовательно сдѣлавшуюся бѣдною, проводить ее до столицы. Кой-какъ собрали у добрыхъ людей немного денегъ, и скуднымъ образомъ, то пѣшкомъ, то въ телегѣ, добрались до Москвы. Но тутъ предстояло величайшее затрудненіе. Попасть въ многолюдный городъ, безъ знакомства, безъ денегъ, безъ протекціи. .. и съ перваго шага начать искательствомъ: это страшная задача. И эту-то задачу взялась геройски разрѣшить молодая провинціалка, безъ всякой сторонней поддержки, кромѣ своего таланта и упованія на Бога и на добрыя, справедливыя сердца.

И въ самомъ дѣлѣ, ни Богъ, ни

добрые люди не оставили бѣдную дѣвушку, съ такою горячностію и любовію посвятившую себя благородному искусству. Прежде всего она отправилась въ театръ отыскивать Бантышева.

— Здравствуйте, Александръ Олимпьичъ!

— А, здравствуйте матушка; отвѣчаетъ разсѣянно артистъ.

— Ну, вотъ-съ я и явилась.

— Явились. Ну-чтожъ, хорошо. Очень радъ.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать?

— Какъ что? — Да все, что вамъ вздумается.

— Какъ-же это? вѣдь вы приказали мнѣ явиться къ вамъ, а теперь ...

— Я приказалъ?... Да позвольте — это что нибудь да не такъ.

— А помните... молодая пѣвица, на Ярославскомъ театрѣ; вы еще говорили...

— А, а, а! вспомнилъ... виноватъ, я неузналъ васъ. Радъ, душевно радъ, что вы меня послушались. Я уже говорилъ объ васъ; пойдемте, я представлю васъ начальнику. И попечительное начальство Императорскихъ театровъ пріютило странницу въ театральную школу, гдѣ она и пробыла годъ, приготовляя себя къ появленію на столичной сценѣ.

Въ прошломъ 1847 году артистка эта появилась въ первый разъ на сценѣ Московскаго театра въ роли Параши сибирячки. Нужно ли прибавить для поясненія, что артистка эта *госпожа Косицкая*?

Съ перваго своего шага на Московскую сцену г-жѣ *Косицкой* суждено было сдѣлаться любимицей московской публики. И дѣйствительно, она одна, послѣ незабвенной Н. В. Рѣпиной, дала намъ увидѣть въ полномъ блескѣ выполненную роль Параши. Сколько простоты, добродушнаго горя, нѣмаго отчаянія, слезъ въ голосѣ было у этой сибирской страдалицы, когда она, собираясь идти нѣшкомъ въ Москву, чтобы вымолить у царя Благословленнаго прощеніе преступному отцу своему! Были минуты, въ которыя рѣдкій изъ зрителей не плакалъ отъ умиленія. Положеніе Параши въ эти минуты довольно схоже было съ ея собственнымъ; тоже стремленіе, таже робость и надежда, тоже геройство при достиженіи цѣли... и вся роль прямо вылилась у нея изъ сердца, глубоко чувствующаго и умѣющаго тепло выражаться, за то какими единодушными рукоплесканіями награждена была счастливая артистка! Немногимъ такъ дружно рукоплещетъ Москва. Ее вызывали семь разъ послѣ перваго дебюта.

Во второй разъ г-жа Косицкая появилась на сцену въ ролѣ кроткой, мечтательной Луизы въ трагедіи Шиллера: *Коварство и любовь*; исполненіе этой трудной роли еще болѣе упрочило за нею любовь московской публики. Черезъ нѣсколько времени одного имени г-жи Косицкой на театральной афишѣ довольно было для того, чтобы привлечь толпы зрителей, а послѣдняя ея игра въ драмѣ «*Материнское благословеніе*» имѣла такой триумфъ, съ которымъ можно развѣ только сравнить появленіе Рашели въ Парижѣ, или Тальони въ Петербургѣ. Безчисленные вызовы, громовыя рукоплесканія, букеты цвѣтовъ — всего этого досталось вдоволь талантливой артисткѣ. Въ прошедшую масляницу почти во всѣхъ домахъ разговоры начинались съ

вопроса: видѣли ли вы *Косицкую* въ «Материнскомъ благословеніи»? Отвѣчать почти каждому приходилось: видѣлъ, потому что, не смотря на частое повтореніе этой пьесы, нашъ Большой Театръ ломился отъ народу, а въ послѣдніе дни ни за какія деньги нельзя было добиться не только ложи, даже билета въ кресла, если кто не былъ столько счастливъ, что заблаговременно запасся имъ. Въ театрѣ видѣли старичковъ, любителей драматическаго искусства, которые уже давнымъ-давно оставили театръ, но теперь снова явились взглянуть на *Косицкую*. Я, съ своей стороны, долгомъ считаю сказать что дѣйствительно въ этой послѣдней пьесѣ *г-жа Косицкая* дѣлаетъ на душу зрителя такое впечатлѣніе, котораго не чувствовалъ онъ въ жизнь свою, даже и тогда, когда онъ видѣлъ знаменитости европейскія, то есть Марсъ и Рашель, которыя упрочили за собою славу геніальныхъ артистокъ: сцена свиданія съ отцомъ и матерью, переходъ отъ безумія къ памяти и счастію, были такіе моменты, которые, увидѣвши одинъ разъ, не забудешь во всю жизнь.

Г-жа Косицкая на московской сценѣ такой феноменъ, который заслуживаетъ, чтобы о немъ поговорить попространнѣе и поотчетливѣе и потому дальнѣйшій анализъ ея таланта и критическій взглядъ на ея игру будутъ въ свое время сообщены во второй отдѣльной статьѣ о ней. На первый разъ довольно, хотя и не высказалось сотой доли того, что хотѣлось и что нужно-бы сказать, ибо молчаніе о такихъ самобытныхъ и рѣдкихъ талантахъ было бы непростительною холодностію со стороны каждаго, хотя нѣсколько образованнаго любителя драматическаго искусства.

М. В—й.

МЕХИКАНСКОЕ ПРАВОСУДІЕ.

(*Разсказъ путешественника.*)

—

Самымъ богатымъ и самымъ важнымъ мехиканскимъ портомъ на Тихомъ океанѣ, во время владычества испанцевъ, былъ Санъ-Блазъ. Тутъ сходились богатые гальоны, торговавшіе съ Китаемъ, цѣль всѣхъ желаній корсаровъ и пиратовъ; здѣсь имѣли свое мѣстопребываніе торговцы, которые пользовались такимъ уваженіемъ во всей Испаніи, что посылаемые ими въ метрополію мѣшки золота и серебра принимались безъ счету. Восковая печать ихъ, означавшая сколько денегъ въ каждомъ мѣшкѣ, была достаточнымъ ручательствомъ для самыхъ подозрительныхъ умовъ.

Когда я пріѣхалъ въ Санъ-Блазъ, городъ представлялъ уже однѣ только развалины; прежнее богатство его составляло одно преданіе и едва не обратилось въ легенду. Это было печальное послѣдствіе быстраго перехода отъ слишкомъ суроваго владычества къ преждевременной свободѣ.

Поручивъ лошадь гостепріимному попеченію *леперо* (мехиканскаго лазорани), который одинъ занималъ цѣлый дворецъ, правда до того развалившійся, что оставалась одна только пріемная зала, въ которой можно было укрыться во время дождя, я отправился гулять по морскому берегу. Санъ-Блазская гавань находится въ полумилѣ отъ города, и дорога къ ней идетъ по глубокому, по боль-

шей части раскаленному солнцемъ песку; поэтому я очень обрадовался, увидѣвъ на берегу родъ бамбуковой лачуги съ пышною надписью на крышѣ: fonda, то есть, гостинница.—Я вошелъ отдохнуть.

Передъ треногимъ столомъ, сколоченнымъ изъ двухъ необтесанныхъ досокъ краснаго дерева, на камышевомъ стулѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, въ матроскомъ платьѣ; а противъ него пожилой мехиканецъ, окутанный до половины тѣла въ старое бумажное одѣяло, допивалъ стаканъ лимонаду.

Встрѣча съ европейцомъ на берегу Тихаго моря всегда пріятна для путешественника, поэтому не мудрено, что молодой человѣкъ, какъ я вошелъ, тотчасъ поспѣшилъ отодвинуть свой стулъ и показать мнѣ мѣсто подлѣ себя.

Послѣ обычныхъ пошлыхъ фразъ, которыми начинается каждый разговоръ двухъ лицъ, встрѣчающихся въ первый разъ въ жизни, молодой человѣкъ разсказалъ мнѣ свою исторію.

Онъ былъ англичанинъ, прибылъ за два года передъ тѣмъ, въ качествѣ юнги, на купеческомъ суднѣ *Скольфильдъ*, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ времени возвращенія на родину.

— Матушка, говорилъ онъ, не пускала меня, но отецъ хотѣлъ непремѣнно, чтобы я ѣхалъ. Тяжела жизнь моряка, но я надѣюсь въ Лондонѣ увидѣться съ матерью и съ моею Женни: онѣ ждутъ меня и эта мысль даетъ мнѣ силу безропотно переносить свою горькую участь.

— Давно вы въ Санъ-Блазѣ? спросилъ я.

— Уже съ мѣсяцъ, отвѣчалъ онъ; мы простоимъ здѣсь еще недѣли двѣ, по крайней мѣрѣ, чтобы нагрузиться красильнымъ деревомъ.

— А какъ проводите время?

— И не спрашивайте; самымъ несноснымъ и самымъ глупымъ образомъ. Вотъ уже три недѣли, какъ я сошелся съ этимъ молодцомъ, что сидитъ противъ меня, и съ тѣхъ поръ мы неразлучны. Онъ пріѣхалъ изъ Тепина съ тремя боченками водки, которыя долженъ былъ наложить въ Санъ-Блазѣ на каботажную лодку и везти для продажи въ Масатланъ; но встрѣтился со мною, и я, ради скуки, познакомился съ нимъ. Въ двѣ недѣли нашего знакомства, двухъ боченковъ не стало; разсудивъ, что съ остальнымъ ѣхать не стоило, онъ остался въ Санъ-Блазѣ.

— За чѣмъ же вы не выпили третьяго боченка?

— Ей Богу, не знаю; этотъ мехиканецъ говоритъ, что его надо приберечь на черный день, что надо всегда имѣть что нибудь на всякій случай. За то, вотъ уже недѣля, какъ онъ заставляетъ меня подчивать его и мнѣ это уже порядкомъ надоѣло; у него горло также ненасытно, какъ песокъ въ степи; онъ пропьетъ всѣ деньги, которыя я успѣлъ отложить на подарокъ моей невѣстѣ, Женни.

Поговоривъ еще немного съ англичаниномъ, я съ нимъ простился, нанялъ лодку съ двумя гребцами, отправился кататься по морю и осмотрѣлъ Санъ-Блазскую гавань, которая славится, какъ одна изъ первыхъ въ мірѣ. Когда я возвратился съ своей прогулки и вышелъ на берегъ, то увидѣлъ толпу оборванныхъ мехиканцевъ, каковы почти всѣ жители Санъ-Блаза, и среди ихъ нѣсколько матросовъ.

— Что такое? спросилъ я, подходя къ одному леперо.

— Пустое дѣло, ваша милость, отвѣчалъ онъ, человѣка зарѣзали.

Не знаю почему, какое-то тайное предчувствіе сжало при этихъ словахъ мое сердце, и я, вопреки своему обычному равнодушію, пробился въ толпу любопытныхъ. Я вскрикнулъ отъ изумленія и негодованія, увидѣвъ бѣднаго англійскаго юнгу, лежащаго на землѣ, въ крови, съ перерѣзаннымъ горломъ.

— Кто убилъ его?

— Я, ваша милость, сказалъ мнѣ преспокойно тотъ-же мехиканецъ, котораго я часа за два передъ тѣмъ видѣлъ за однимъ съ нимъ столомъ, въ кабакѣ.

— А за что же ты убилъ его, мерзавецъ?

— А вамъ какое дѣло? отвѣчалъ онъ. Пускай ведутъ меня къ алькаду, тамъ я объяснюсь. Впрочемъ, я ни въ чемъ не виноватъ.

— Къ алькаду же его, къ алькаду! вскричали англійскіе матросы, схватили убійцу за руки и потащили къ алькаду, жившему недалеко, въ хижинѣ изъ пальмовыхъ деревъ. Его милость была въ то время занята развѣшиваніемъ бѣлья для сушки, ибо жена его занималась прачешнымъ ремесломъ. Ему объяснили дѣло въ двухъ словахъ.

— Что жъ тутъ долго думать, сказалъ алькадъ, послѣ нѣкотораго размышленія, отправить убійцу въ Санъ-Блазъ, пускай посидитъ въ тюрьмѣ!

— Позвольте, ваша милость, возразилъ подсудимый, позвольте объяснить, какъ было дѣло.

— Молчи, негодяй! разбойникъ! закричалъ алькадъ въ бѣшенствѣ.

— Нечего дѣлать, пойду въ тюрьму, когда вашей милости неугодно меня выслушать, возразилъ убійца. А желалъ-бы я предъ тѣмъ сказать вамъ слова два на ухо.

Съ этими словами онъ поспѣшно подошелъ къ алькаду и шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ, которыя мы не могли разслушать; но слова эти произвели волшебное дѣйствіе на алькада, котораго физіономія немедленно смягчилась и просвѣтлѣла.

— Такъ и быть, братецъ, сказалъ онъ; если у тебя есть спѣшное дѣло и тебѣ накладно сидѣть въ тюрьмѣ, такъ, пожалуй, выслушаемъ твое дѣло. Говори.

— Вотъ какъ это было, сказалъ убійца; этотъ человѣкъ выпилъ два боченка водки, изъ трехъ, привезенныхъ мною.

— Стало-быть у тебя точно еще остался одинъ? подхватилъ алькадъ.

— Точно остался, божусь вамъ! Этотъ человѣкъ безбожно отказалъ мнѣ въ нѣсколькихъ рюмочкахъ, которыхъ я у него просилъ. Выведенный изъ терпѣнія его отказомъ, я сталъ его попрекать, онъ началъ мнѣ грозить; я и разсудилъ, что лучше предупредить его, и перерѣзалъ ему горло. Вотъ и все.

Это безстыдное признаніе возбудило ропотъ негодованія между англійскими матросами. Онъ лжетъ! сказалъ одинъ изъ нихъ алькаду, ломанымъ испанскимъ языкомъ. Я вамъ разскажу, какъ все было на самомъ дѣлѣ!

— Молчать, клеветникъ, тебя не спрашиваютъ! крикнулъ алькадъ; потомъ, обращаясь къ подсудимому, продолжалъ кротко и привѣтливо: Ты, братецъ, слишкомъ погорячился. Впрочемъ, дѣло шло о твоей личной безопа-

сности.... ты долженъ былъ защищаться.

— Согласенъ, я точно погорячился, сказалъ убійца, съ удивительнымъ простодушіемъ; но я же самъ за то наказанъ.... Видите-ли, я увѣренъ, что если-бы я не такъ запальчиво требовалъ, англичанинъ заплатилъ бы мнѣ за *квартилью* водки, и даже не за одну.... Теперь же, я всего этого лишился; но я самъ виноватъ.... въ другой разъ это послужитъ мнѣ урокомъ; не буду такъ горячь...

— Это хорошо, что ты такъ откровенно сознаешься въ своихъ грѣхахъ, сказалъ алькадъ; это доказываетъ, что у тебя благородная душа. Ступай-же, и въ другой разъ будь осторожнѣе.

Произнесши этотъ достопамятный приговоръ, судья всталъ, поклонился подсудимому и принялся снова развѣшивать свое бѣлье. Я слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ мехиканскимъ правосудіемъ, чтобы это происшествіе могло удивить меня; не такъ думалъ англійскій матросъ, которому алькадъ не далъ разсказать дѣла. Онъ побѣжалъ въ негодованіи къ судьѣ, крича:

— Это ни на что не похоже; твой приговоръ несправедливъ, и ты самъ подлецъ!

Алькадъ при этихъ словахъ бросился было съ яростію на него, но потомъ, обращаясь къ собравшейся толпѣ *леперосовъ*, сказалъ:

— Схватить его, въ тюрьму!

Мехиканскій народъ отъ души ненавидитъ иностранцевъ, въ особенности же англичанъ; всѣ бросились исполнить приказаніе. Человѣкъ двадцать схватили несчастнаго матроса и потащили въ тюрьму.

— Вотъ до чего доводитъ гнѣвъ, сказалъ убійца, нравоучительнымъ тономъ: до забвенія всѣхъ обязанностей, до оскорбленія самаго святаго учрежденія.... судебной власти....

Боченокъ вина, принесенный нѣсколько спустя алькаду, объяснилъ мнѣ его внезапную перемѣну и милосердіе къ виновному. Онъ видѣлъ тутъ поживу для себя.

Я поспѣшилъ домой, гдѣ засталъ своего хозяина въ гостиной, въ бесѣдѣ съ моею лошадью: я въ этотъ день не могъ обѣдать, не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь, мнѣ все представлялась бѣдная мать и несчастная Женни, утратившія, сами того не зная, одна сына, а другая жениха, и все изъ-за того, что ему хотѣлось привезти невѣстѣ мехиканскій гостинецъ.

—

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

—

Bald iſt es dieß, bald iſt es das,
Bald iſt es nicht's, bald iſt es was!

—

РУССКІЙ ГЕЛИКОНЪ.

Стихоплетущихъ нынѣмного,
На нихъ въ Россіи урожай.

—

Былъ вѣкъ поэтамъ золотой,
Когда стишки еще цѣнились
Когда и съ *дѣвой* и съ *луной*
Стихокропатели возились;
Когда, бывало, въ двадцать лѣтъ
Внимали лань рукоплесканья,
Брань жестоко шумный свѣтъ
Въ наивно дѣвственныхъ посланьяхъ.
Теперь не то, вѣкъ золотой
Прошелъ, поэты измѣнились.
Теперь не тѣшатъ насъ *мечтой*;
Но всѣ *страдать* за то пустились,
Въ стихахъ рыданія и стонъ,
Разочарованность, отрава...
Какъ жалокъ русскій Геликонъ,
Когда лѣнятся мыслить здраво,
И всѣмъ мірскимъ пресыщены
Его убогіе сыны.!

Н. Андреевскій.

Химическое открытіе Клоеса (Cloez) въ Парижѣ обѣщаетъ обильные результаты. Онъ нашелъ что хлороформъ самое лучшее средство для разствора каучука (гуми-резины) и копала, и, что разтворяя ихъ, онъ по испареніи, не лишаетъ ихъ ни одного изъ первобытныхъ свойствъ. Хлороформическій растворъ каучука и копала можетъ съ большою пользою быть употребленъ въ фабричномъ производствѣ, въ видѣ лака. Кромѣ того, всѣ издѣлія каучуковыя, при содѣйствіи хлороформа, должны сдѣлаться гораздо легче и дешевле, тѣмъ болѣе, что самое добываніе хлороформа по системамъ Субейрана и Либиха нынѣ чрезвычайно упрощено молодыми французскими химиками Ларокомъ и Гюро. Килограмъ хлороформу, добытому по ихъ способу, обходится не дороже 15 франковъ, т. е. 12 рублей 75 коп. сер. на наши деньги.

—

Германскіе театры гибнутъ совершенно; многіе изъ нихъ уже совершенно закрылись, другіе дышатъ на ладонъ. Недавно, знаменитѣйшій теноръ и пѣвецъ Германіи, Тихачекъ, ангажированный постоянно въ Дрезденѣ, пріѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы тамъ спѣть нѣсколько оперъ. За участіе его въ представленіи, онъ долженъ былъ получать одну треть сбора. Въ первый спектакль на его долю очистилось ровно два талера, т.

е. 1 руб. 80 коп. серебромъ! А гогель – могелю въ этотъ вечеръ онъ выпилъ на три рубли: выгóдно!

—

Новая ода – симфонія Фелисьена Давида — будетъ называться «*Адамъ и Эвва.*» Она будетъ исполнена въ первый разъ въ *Шато-де-флеръ*, загородномъ цвѣточномъ саду, который съ своими драгоцѣнными растеніями и чудными иллюминаціями дѣйствительно похожъ на земной рай. Завистники Давида распускаютъ остроту, что посѣтители въ этотъ вечеръ увидятъ настоящее паденіе Адама и Эввы.

—

На дняхъ умеръ знаменитый пѣвецъ Батистъ. Онъ принадлежалъ къ старинной труппѣ Комической Оперы въ Парижѣ и въ роляхъ слугъ былъ опаснымъ соперникомъ славнаго Мартеня. Онъ былъ актеръ старательный, естественный, съ очень толстой фигурой, но чрезвычайно гибкимъ и пріятнымъ голосомъ. Флора, въ своихъ запискахъ, достаточно познакомила насъ съ его личностію и талантомъ. Батистъ былъ уже очень старъ и давно сошелъ съ сценическаго поприща. Во все царствованіе Луи - Филиппа онъ занималъ должность почетнаго прислужника Палаты Перовъ. Февральскій переворотъ, уничтоживъ Палату, лишилъ его мѣста и дохода. Онъ оставилъ по себѣ сына, который извѣстенъ въ музыкальномъ мірѣ и занимаетъ должность профессора въ Консерваторіи. Батистъ былъ надѣленъ самымъ благословеннымъ аппетитомъ и самымъ умѣстительнымъ желудкомъ. Въ дни, когда ему слѣдовало пѣть, онъ обѣдывалъ по два раза и ѣлъ за четверыхъ. «Желудокъ мой сердитъ, говаривалъ онъ; если я не удовлетворю его, онъ начнетъ ворчать, и я того и гляди изъ пѣвца сдѣлаюсь чревовѣщателемъ.» Это напоминаетъ намъ незабвеннаго Брейтинга, который передъ началомъ партіи Роберта, оканчивалъ свой плотный обѣдъ парою бутылокъ шампанскаго — и потомъ пускалъ въ ходъ высокое грудное la съ силою и чистотою, которыя у него не скоро кто переймetъ.

—

Новый композиторъ, Бенуа, недавно появился въ Парижѣ съ партитурою оперы въ двухъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ «*Привидѣніе!*» (L' Apparition). Журналы въ запуски прославляютъ эту музыку и предсказываютъ ей громадный успѣхъ. Боимся, чтобы эта преждевременная слава при появленіи привидѣнія не обратилась также въ призракъ.

—

Въ Турипъ открытъ новый театръ. Онъ названъ «Teatro Nazionale» *Народнымъ театромъ*. На занавѣсѣ изображена прекурьозная аллегорія: полунагіе всадники удерживаютъ бьющихся, неукротимыхъ коней, за ними паритъ Минерва, во всеоружіи. На порталѣ изображены пять женщинъ съ разными атрибутами, обозначающими каждую изъ пяти главныхъ земель Италіи. Театръ былъ открытъ оперою «Лукреція Боржія,» въ самый день кончины ея композитора. Странная игра случая!

Труппа его очень хороша, въ особенности отличаются при-

мадонна Карлотта Грейцъ и теноръ Евгеній Музихъ, у обоихъ прекрасные голоса, съ хорошею методою, съ выраженіемъ, и съ замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ. Оркестръ также очень хорошъ, и состоитъ по большей части изъ музыкантовъ королевской капеллы, которые во время карнавала играютъ и на королевскомъ театрѣ. Хоры слишкомъ малочисленны.

—

Приключеніе изъ жизни Жуи. Кто у насъ незнаетъ французскаго юмориста Жуи? Имя его и у насъ было когда-то въ модѣ, его «Шоссе-д'Антенскаго пустынника» всѣ читали съ жадностію, и книга эта породила многое множество пустынниковъ во всѣхъ столицахъ и на всѣхъ языкахъ. Но вѣрно для всѣхъ будутъ новы приключенія, которыя о немъ самомъ разсказываетъ поэтъ Энпи (Empis), занявшій теперь его кресло во Французской Академіи. Извѣстно, что каждый новый членъ этой Академіи, при вступленіи своемъ, обязанъ сказать похвальное слово своему предшественнику. Мы извлекаемъ разсказъ изъ слова, произнесеннаго Энпи.

«Жуи, какъ извѣстно, много путешествовалъ. Во время пребыванія его въ Индіи, онъ влюбился въ прелестную индіанку съ острова Цейлона. Она отвѣчала его страсти, но, къ несчастію, одинъ бѣшенный ласкаръ (жрецъ) увидалъ ее и непремѣнно хотѣлъ на ней жениться. Отецъ ея былъ согласенъ, но сама Ламеа (имя дѣвушки) и слышать объ этомъ нехотѣла. Влюбленный фанатикъ, оскорбленный до глубины сердца и мучимый ревностію, поклялся отмстить. Прибыли послы царя Кондійскаго и, по принятому обычаю, должны были торжественнымъ образомъ отправиться въ пагоду, находившуюся верстахъ въ четырехъ отъ города. Въ день торжества, Ламеа также пожелала посмотрѣть церемонію: ее посадили на носилки и понесли; четыре французскихъ офицера Люксамбургскаго легіона вызвались быть ея провожатыми: это были Жуи и друзья его Фабронъ, де Боннель и Морисъ Матье. Молодые люди хотѣли воспользоваться временемъ, которое Ламеа употребитъ на молитву, взяли съ собою ружья, чтобы поохотиться въ окрестностяхъ пагоды, потому-что непризваннымъ входъ въ храмъ Гинду возбраняется. Ламеа съ молодой невольницей вошла въ храмъ, провожатые ея остались у порога. Наконецъ, торжество отошло. Офицеры возратились съ охоты, а молодой индіанки все нѣтъ, какъ нѣтъ. Вдругъ выбѣгаетъ изъ пагоды, запыхавшись, невольникъ и объявляетъ, что ласкары захватили Ламею и, какъ невольницу, не хотятъ ее выпускать изъ храма. Жуи врывается въ пагоду, но жрецы окружили свою жертву и не выдаютъ ее. Онъ разгоняетъ ихъ оружіемъ и освобождаетъ свою возлюбленную. Но едва онъ съ нею переступилъ порогъ храма, какъ раздаются звуки роговъ и болѣе сотни вооруженныхъ индійцевъ спѣшатъ на помощь своимъ жрецамъ. Раздается страшный крикъ: *амокъ*! предвѣстникъ убійства и кровопролитія. Четыре друга рѣшаются защищаться до послѣдней капли крови. Оборотясь тыломъ къ рѣкѣ, они нѣсколько времени отражаютъ фанатическую толпу. Градъ камней и стрѣлъ сыплется на нихъ; Морисъ Матье падаетъ

раненный въ двухъ мѣстахъ: надъ головой его уже занесена сѣкира, но Жуи ловко отражаетъ ударъ и однимъ выстрѣломъ повергаетъ индійца къ его ногамъ. Но пронзительный вопль поражаетъ его сердце: это вопль Ламеи. Жрецъ схватилъ ее въ крѣпкія объятія и бросился съ нею въ рѣку. Жуи кидается за нимъ; и похититель и защитникъ плывутъ съ величайшимъ усиліемъ. Жуи уже настигаетъ злодѣя и готовъ его схватить, но неистовый жрецъ въ туже минуту поражаетъ свою жертву ножемъ въ грудь. Жуи съ остервенѣніемъ схватываетъ убійцу и послѣ кратковременной борьбы топитъ его въ волнахъ, окрашенныхъ кровью Ламеи. Но его преслѣдуютъ; большинство одолѣваетъ: онъ схваченъ, связанъ и брошенъ въ склепъ, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ быть принесеннымъ въ жертву Гинду, раздраженному за оскверненіе его святыни. По счастью, одинъ изъ офицеровъ успѣлъ извѣстить Люксамбургскій легіонъ о всемъ случившемся, двѣнадцать офицеровъ бросаются тотчасъ въ лодку и во-время еще пристаютъ къ берегу, чтобы спасти своего товарища. Вскорѣ храбрецы на своей утлой лодкѣ въ открытомъ морѣ. Порывъ вѣтра опрокидываетъ ихъ судно: по счастію англійскій корабль видитъ ихъ погибель, принимаетъ на свою палубу несчастливцевъ и довозитъ ихъ до Мадраса.» — Читая такія подробности изъ жизни писателя, отличавшагося игривостью ума и сарказмомъ, невольно думаешь, что читаешь какой нибудь несбыточный романъ Александра Дюма.

—

Торговля дѣтьми въ Парижѣ и Лондонѣ. На первой недѣлѣ Мая мѣсяца бываетъ въ Парижѣ каждый годъ такъ называемый *Пряничный рынокъ.* Это одна изъ достопримѣчательностей Парижа. За безчисленными палатками, въ которыхъ продаются пряники, конфекты и всякія сласти, находится большая палатка, въ которой выставлены таланты, ждущіе себѣ найма, и всякаго рода живыя диковины, въ томъ числѣ и человѣческія. Тутъ показываютъ ученыхъ свиней, ословъ-артистовъ, говорящихъ рыбъ, расхваливаютъ ихъ достоинства; и тутъ же между тѣмъ ведется торговля дѣтьми, не хуже, чѣмъ торговля неграми въ Африкѣ. Промышленники, шатающіеся съ диковинами по городамъ и селамъ, собираются сюда искать новыхъ чудесъ. Здѣсь, по вечерамъ, продаются съ молотка, и свиньи, и собаки, и ослы, и обезьяны, и рыбы, и дѣти. Въ нынѣшнемъ году самою замѣчательною диковиною былъ тюлень, котораго выучили пѣть гамму. Онъ былъ проданъ за шестьсотъ франковъ. Еще болѣе, тысячу двѣсти франковъ, далъ одинъ промышленникъ за бѣдную дѣвочку, которая умѣетъ стоять на головѣ и кружится на ней съ невѣроятною скоростью. Разумѣется, на словахъ эти человѣческія диковины не продаются, а ангажируются безъ всякаго контракта; промышленникъ даетъ деньги, и уводитъ ребенка съ собою. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ, которыхъ жалкую судьбу Евгеній Сю описалъ въ «Мартынѣ-найденышѣ,» безъ всякаго преувеличенія, умираютъ отъ истощенія въ первый же годъ своихъ странствій; другіе выносятъ всѣ пытки и достигаютъ иногда

даже славы и богатства. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ наѣзниковъ труппы Франкони былъ проданъ на пряничномъ рынкѣ родителями, которыхъ онъ уже не помнитъ. Одна изъ первыхъ парижскихъ пѣвицъ также разсказываетъ, что она два года была выставлена на рынкѣ, но къ счастію, не нашлось на нее охотника.

Въ Англіи, въ городѣ Лидсѣ, одинъ промышленникъ, кочевавшій съ такими несчастными дѣтьми, былъ призванъ къ суду. Этотъ человѣкъ, Диксонъ О'Падди, хирургъ, землякъ великихъ предводителей репиля,» какъ онъ величалъ себя въ объявленіяхъ, показывалъ нечувствительныхъ дѣтей, которыя кололи себѣ тѣло ножами, или держали руки на горящихъ угольяхъ, не обнаруживая ни малѣйшей боли. Афишка говорила правду; кровь текла изъ рукъ малютокъ, а они улыбались. Промышленникъ велъ свои дѣла прекрасно, пока одна женщина, по имени Драксонъ, не подала на него жалобу, за причиненіе смерти ея ребенку. Трупъ семилѣтняго мальчика былъ представленъ судьямъ. На вопросъ судей, фокусникъ отвѣчалъ хладнокровно: «Эта женщина отдала мнѣ своего сына въ наемъ за деньги; я вездѣ нанимаю дѣтей, чтобъ ихъ показывать. Я ей говорилъ заранѣе: раны, которыя я наношу дѣтямъ, не опасны, если самъ ребенокъ здоровъ; но если кровь у нихъ не совсѣмъ чиста, они могутъ умереть отъ этихъ ранъ. Подумайте хорошенько; я вамъ дамъ за Уильяма пятьдесятъ гиней; но если онъ нездоровъ, я за него не ручаюсь. — Ребенокъ былъ золотушенъ.» На вопросъ, чемъ онъ производилъ нечувствительность къ боли, онъ отвѣчалъ: «Средствомъ, которое не я придумалъ. Дѣти должны ѣсть мыло; это притупляетъ нервы и дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ боли.» Просительница созналась, что сынъ ея былъ золотушенъ, но сказала, что крайняя нужда побудила ее рѣшиться на эту торговлю, и требовала 300 фунтовъ стерлинговъ вознагражденія. Свидѣтели показали, что ребенокъ дѣйствительно нѣсколько разъ съ улыбкою кололъ себѣ правую руку ножемъ передъ публикою. Присяжные признали промышленника виновнымъ, и онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ на десять лѣтъ, и къ денежной пенѣ въ 500 фунтовъ стерлинговъ. — «А мнѣ развѣ не будетъ вознагражденія за потерю сына?» спросила мать. — «Вы, отвѣчалъ судья, заслуживаете одно всеобщее презрѣніе, ибо вы сами виноваты въ смерти сына.»

—

Письмо Мейербера. Мейерберъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Парижа въ Берлинъ, откуда онъ долженъ возвратиться въ сентябрѣ, (для репетиціи *Пророка*), написалъ слѣдующее письмо къ комитету *общества музыкантовъ*. «Почтенные и любезные собратья, неутомимая ревность, которую общество музыкантовъ не переставало оказывать, съ самаго своего основанія, къ истинной пользѣ музыки и драматическаго искусства, которымъ посвятило всѣ свои силы и жизнь, побуждаютъ меня представить вниманію общества особу, вполнѣ заслуживающую его участіе. Вдова послѣдняго потомка Глука находится въ крайности. Еслибы геніяльный художникъ, которому Европа, и преимущественно Фран-

ція, обязана созданіемъ истинной драматической музыки, могъ пользоваться всѣми авторскими льготами, которыя съ тѣхъ поръ справедливо присуждены творцамъ произведеній искусства, то послѣдній членъ его семейства не находился бы теперь въ необходимости прибѣгать къ великодушію страны, имѣвшей двойную честь, быть родиною величайшихъ произведеній Глука, и оцѣнить впервые ихъ достоинства. Я увѣренъ, что артисты, въ благоговѣніи своемъ къ предку, примутъ участіе въ судьбѣ потомка, и окажутъ немедленную помощь бѣдной вдовѣ: чѣмъ общество совершитъ похвальное дѣло, свидѣтельствующее въ пользу его благотворительности и чувства справедливости, и заплатитъ священную дань памяти безсмертнаго Глука.

«Въ надеждѣ, что вы не оставите моего предложенія безъ вниманія, прошу, почтенные собратія, принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи и дружбѣ.»

«Мейерберъ.»

Парижъ, 8-го апрѣля 1848.

Комитетъ съ радостію принялъ предложеніе знаменитаго собрата, и, зная, что онъ послалъ такое же письмо комитету общества драматическихъ писателей и композиторовъ, положилъ снестись съ этимъ комитетомъ, чтобы дань, назначенная вдовѣ послѣдняго потомка геніальнаго художника, была по возможности достойна его памяти.

—

Г-жа Віардо-Гарсія ангажирована въ Большую Французскую оперу за 8000 франковъ въ мѣсяцъ. Дюпре, въ новомъ своемъ контрактѣ, заключенномъ на годъ, сошелъ съ прежнихъ 80000 франковъ въ годъ, на 24000. Оцѣнка его грудному ut!

—

Новое изданіе сочиненій Фридриха II, предпринятое профессоромъ Прейсомъ, быстро подвигается впередъ. Недавно вышли еще два тома, шестой и седьмой, которыми заключается первый отдѣлъ твореній вѣнценоснаго писателя. Это первое отдѣленіе обнимаетъ всѣ его историческіе труды; между прочимъ: «Достопримѣчательности исторіи Бранденбургскаго дома,» (томъ I), «Исторія моего времени» (т. II и III), «Исторія Семилѣтней войны.» (т. IV и V) «Достопримѣчательности съ Губертсбургскаго мира до послѣдняго раздѣла Польши,» «Записки о войнѣ 1778 года,» (т. VI)), «Академическія похвальныя слова» и «Разсужденіе о нѣмецкой литературѣ» (т. VII). Каждый томъ этаго полезнаго изданія служитъ новымъ доказательствомъ неутомимаго трудолюбія и добросовѣстности ученаго издателя, и показываетъ, какъ небрежно и произвольно прежніе издатели обращались съ этимъ трудомъ. Кромѣ общаго введенія ко всѣмъ историческимъ сочиненіямъ, въ изданіи Прейса находится особенное предисловіе передъ каждымъ сочиненіемъ, въ которомъ онъ, показываетъ сдѣланныя имъ въ текстѣ поправки и пополненія, на основаніи хранящихся въ архивѣ рукописей Фридриха Великаго. Эти пополненія дѣлаются многочисленнѣе и важнѣе, по мѣрѣ того, какъ повѣствованіе короля приближается къ времени изданія, при его преемникѣ, его посмертныхъ твореній. Сохранившееся

письмо графа фонъ Герцберга къ Фридриху Вильгельму II, отъ 30 января 1788 года, представляетъ простодушное указаніе особенныхъ обстоятельствъ, которыя принимались въ соображеніе при изданіи «Достопримѣчательностей съ Губертсбургскаго мира,» и которыя относились не только къ личности царствовавшаго монарха, но и принца Генриха и другихъ лицъ. Кромѣ того, издатель и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ разсказѣ о смерти датскаго министра Струэнзе, позволялъ себѣ произвольныя перемѣны, безъ всякой другой причины, кромѣ страсти измѣнять и исправлять. Между прочими любопытными приложеніями, при шестомъ томѣ находится снимокъ собственноручнаго, писаннаго на гербовой бумагѣ, духовнаго завѣщанія Фридриха, отъ 8 января 1769 года; также факсимиле двухъ прежнихъ его завѣщаній, отъ 11 января и 27 августа 1758 года. Вотъ слова, которыми прусскій герой заключаетъ свое завѣщаніе: «Послѣдніе помыслы мои, въ минуту смерти, будутъ обращены на благо моего отечества, послѣднимъ моимъ желаніемъ будетъ: чтобы оно всегда управлялось правосудіемъ, мудростью и силою; чтобы оно было счастливѣйшимъ изъ государствъ, по кротости своего законодательства и благоразумному управленію финансовъ; и имѣло всегда для своей защиты войско, одушевленное честью и жаждою благородной славы; словомъ, чтобы оно процвѣтало и благоденствовало до скончанія вѣка.»

—

Странный юридическій вопросъ представился недавно въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ германскихъ игорныхъ домовъ. Человѣкъ среднихъ лѣтъ сидѣлъ за зеленымъ столомъ, съ кучею луидоровъ на картѣ. Банкометъ метнулъ нѣсколько картъ; карта понтера выиграла восемь сотъ луидоровъ, банкометъ придвинулъ къ нему деньги, и спросилъ: «прикажете продолжать?» Понтеръ неотвѣчалъ, и не бралъ денегъ; взоры его были неподвижно устремлены на карту.» Извольте взять деньги; продолжалъ банкометъ. Тоже молчаніе. «Вы прерываете игру.» Понтеръ не трогался. Прочіе посѣтители, ждавшіе своей очереди поставить карту, начинали уже досадовать; сосѣдъ схватилъ чудака за руку... она была холодна, какъ ледъ; онъ умеръ отъ удара въ то самое время, какъ шла игра. Мертваго вынесли изъ залы, банкометъ взялъ восемьсотъ луидоровъ, утверждая, что игра между живымъ и мертвымъ не можетъ считаться дѣйствительною. Но скоро явились наслѣдники умершаго и потребовали выигрышъ на томъ основаніи, что умершій игралъ правильно и банкъ обязанъ исполнить свое обязательство. Достовѣрно, что понтеръ былъ совершенно здоровъ, когда сѣлъ за столъ, и игралъ въ полномъ разсудкѣ; вопросъ въ томъ, умеръ ли онъ до выигрыша, или послѣ выигрыша? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ рѣшеніе самаго спора.

—

Вотъ послѣднія нѣмецкія оперы, игранныя на разныхъ театрахъ Германіи: *Леила*, Эдгара Мансфельда, въ Гамбургѣ; *Біанка и Джузеппе*, романтическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, Китя, въ Прагѣ имѣла огромный успѣхъ;

Бернскій голова, Конрата, и *Барбаросса*, Германна, въ Лейпцигѣ; послѣдняя имѣла необыкновенный успѣхъ; *Цезаріо*, Карла Гольмика, въ Дюссельдорфѣ; *Донъ Родриго Діасъ де Вавиръ, по прозванію Сидъ*, слова Шмидта, музыка Эмиля Майера, въ Линцѣ.—Дюссельдорфскій капельмейстеръ Дорнъ кончилъ новую партитуру: *Ахенскіе музыканты.*

—

Покойный Прусскій король, Фридрихъ-Вильгельмъ III, одинъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ монарховъ, любилъ театръ до страсти и каждый вечеръ посѣщалъ его. Духовникъ его, епископъ Эйлеръ, человѣкъ не-вполнѣ очищенный вѣкомъ, часто дѣлалъ королю упреки, говоря, что онъ своимъ примѣромъ поощряетъ народъ къ грѣховнымъ удовольствіямъ. «Конечно, сказалъ онъ разъ, видя что Фридриху – Вильгельму не совсѣмъ нравятся его наставленія, — «конечно для *чистаго* все *чисто*, и для такихъ театръ, по моему, безвредное *времяпрепровожденіе*...» Тутъ король его прервалъ: — А по моему, онъ не *времяпрепровожденіе*, а высшее и пріятное средство къ духовному облагороженію народа и потому я причисляю его къ нравственно-воспитательнымъ учрежденіямъ!—

Золотыя слова! хорошо, еслибъ и директоры театровъ смотрѣли на него съ той же точки зрѣнія!

—

Драма въ Египтѣ. Въ Египтѣ теперь развелось много національныхъ театровъ, которыхъ представленія служатъ потѣхою для простаго народа. Драмы египтянъ движутся всегда только на двухъ главныхъ основахъ: на религіи и на взяткахъ. Въ религіозныхъ драмахъ обыкновенно выводится какой-нибудь иновѣрецъ, котораго убѣждаютъ къ переходу въ магометанскую вѣру, посредствомъ палочныхъ ударовъ по пяткамъ. Въ драмахъ втораго разряда, всегда выведенъ на сцену какой-нибудь сборщикъ податей, который требуетъ съ бѣдняка сто піастровъ, тогда какъ у него нѣтъ и цѣхина за душою. За то, что онъ не исполняетъ требованія, которое исполнить не въ состояніи, ему насчитываютъ сто палочныхъ ударовъ и публика въ конечномъ удовольствіи. Видно, у Мехмета-Али довольно взяточниковъ, которыхъ не иначе можно наказать, какъ публичнымъ осмѣяніемъ. Значитъ и въ Египтѣ главная стихія драмы — палка; и тѣ, которые почитаютъ это новое орудіе драматическаго интереса за свое изобрѣтеніе — крайне ошибаются.

—

БАЛАГУРЪ.

Въ одномъ ученомъ обществѣ завязался споръ. Самый скромный изъ членовъ сдѣлалъ главному говоруну очень дѣльное замѣчаніе, но тотъ обидѣлся. «Вы не можете мнѣ возражать, сказалъ онъ съ запальчивостію; я каждое засѣданіе подаю какое-нибудь мнѣніе, а вы еще никогда здѣсь и рта не разѣвали.» — Извините, отвѣчалъ другой, я очень часто зѣвалъ, слушая ваши мнѣнія.

—

Въ Москвѣ показывали кабинетъ восковыхъ фигуръ, между которыми одна группа изображала Уголино въ башнѣ голода. Онъ былъ представленъ страшнымъ бородачемъ, кусающимъ ребенка. — А что же это, батюшка, такое? спросила одна провинціальная барыня хозяина кабинета. — «А это, — отвѣчалъ онъ — господинъ Уголинъ, поѣдающій своихъ дѣтей, чтобы сберечь имъ отца.»

—

Карлъ Карлычъ недавно женился. Жена его чрезвычайно мала ростомъ. На дняхъ встрѣтилъ его пріятель Иванъ Иванычъ и спросилъ: «Скажите, почтеннѣйшій Карлъ Карлычъ, вы человѣкъ такой аккуратнѣйшій, а вотъ женуто выбрали такую крошечную?» — Это оттого, отвѣчалъ супругъ, что я всегда привыкъ выбирать изъ всѣхъ золъ меньшее.

—

Одинъ чадолюбивый родитель представилъ своего сынка ученому своему покровителю. «Удивительный-съ мальчикъ вашъ крестникъ, части рѣчи всѣ вытвердилъ и басни разныя наизусть читаетъ.» — Ну, это я вамъ скажу напрасно! Что такое басни? — Глупость — больше ничего: звѣри разговариваютъ, — будто это можетъ быть въ природѣ. Я-бы, просто, запретилъ этаго Крылова. Ну-ка, братъ, а что ты знаешь?—Ребенокъ началъ:

Оселъ увидѣлъ соловья...

— Постой, продолжалъ экзаменаторъ, ну вотъ, *оселъ*, какая часть рѣчи? — Имя. — Какое имя, собственное или прилагательное? — Собственное, кому принадлежитъ, и прилагательное, кому прилагается.... — Э, братъ, да этакъ ты, пожалуй, скажешь, что осла можно спрягать... — Можно, отвѣчалъ мальчикъ. — Да, какъ же это? — Можно сказать: я оселъ, ты оселъ, мы ослы, вы ослы.

—

Одинъ нѣмецъ имѣлъ привычку скупать всѣ лечебники и по нимъ лечиться домашними средствами. Знаменитый Гуфеландъ, встрѣтясь съ нимъ однажды, спросилъ: Что, вы еще лечитесь по книгамъ? — Да, по-прежнему. — Берегитесь: вы когда нибудь умрете отъ опечатки.

—

МОДНАЯ ДУМА.

Какъ шпанская мушка, тоска
Легла мнѣ на сердце; и въ споръ
Съ сердитой судьбой, какъ треска
Шотландская, высохъ я вскорѣ.

Съ тѣхъ поръ я таскаюсь едва.
Увы! говорить-ли и пѣть-ли
Начну я, страдальца слова
Скрыпятъ, будто ржавыя пѣтли.

А по небу ходитъ луна;
Въ толкучій несутъ груду хлама,
Испанка сидитъ у окна
И грудь моя взрыта, какъ яма.

И. Гуляевъ.

Петръ Елизарычъ большой экономъ: онъ не довѣряетъ портнымъ, самъ покупаетъ сукно и пуговицы и платитъ только за фасонъ. Но онъ имѣетъ привычку выбирать сукно необычайныхъ цвѣтовъ.

Недавно, онъ требуетъ своего портнаго, который снявъ мѣрку, объявляетъ, что изъ купленнаго сукна сюртука никакъ не выйдетъ. Петръ Елизарычъ, глубоко убѣжденный, что онъ не выросъ и не потолстѣлъ, видитъ въ отвѣтѣ портнаго злоумышленіе, и, какъ врагъ всякихъ безпорядковъ, выгоняетъ его и зоветъ другаго портнаго. Этотъ приходитъ, беретъ сукно и обѣщаетъ изготовить сюртукъ черезъ два дня. Въ назначенный срокъ онъ является съ платьемъ: оно очень ловко рисуетъ природныя достоинства Петра Елизарыча и нисколько не съужено.

— А счетъ?

— Ахъ, Боже мой! виноватъ: я забылъ его дома.

Въ эту минуту звонятъ. Входитъ слуга и говоритъ:

— Пришелъ сынъ портнаго!

Портной въ смущеніи.

— Что ему надо? Пусть войдетъ.

Портному не хочется, чтобы сынъ его вошелъ.

— Онъ вѣрно принесъ счетъ, говоритъ онъ.

— Ну, такъ пусть войдетъ!

Смущеніе портнаго все болѣе и болѣе увеличивается, особенно, когда входитъ мальчишка-сынъ его, въ курточкѣ изъ сукна точно такого же необычайнаго цвѣта и качества, какъ сюртукъ Петра Елизарыча.

— Что тебѣ нужно, разбойникъ?

— Маменька прислала меня со счетомъ.

— Дай сюда и убирайся проворнѣе!

Но въ это время чуткій глазъ Петра Елизарыча успѣлъ уже удостовѣриться, что курточка мальчика сродни его сюртуку.

— Послушай-ка, любезнѣйшій! сказалъ онъ; отъ чего же другой портной не брался мнѣ сдѣлать изъ этого сукна сюртука; тогда какъ ты смастерилъ и сюртукъ, и курточку для своего сына?

— Вѣроятно отъ того, отвѣчаетъ портной, совершенно оправившійся отъ смущенія: что у него сынъ побольше моего.

—

За общимъ столомъ, на Баденскихъ водахъ, шелъ разговоръ о бывшей тогда въ Баденѣ пѣвицѣ Ф***ни. «Я ее очень коротко знаю!» замѣтилъ одинъ молодой человѣкъ, который явился тутъ въ первый разъ, намекая, что онъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ прекрасной актрисой. Одинъ толстякъ, въ досадѣ на наглое хвастовство франта, отвѣчаетъ ему, что онъ лжетъ. — Какъ! закричалъ хвастунъ, по какому праву вы смѣете обвинять меня во лжи?

— Потому, что я такъ хочу; я братъ этой артистки.

— Это дѣло другое, возразилъ молодой человѣкъ, извинясь: я позволилъ себѣ шутку и охотно сознаюсь, что я не любовникъ г-жи Ф***ни. — А я, отвѣчалъ весело толстякъ: охотно сознаюсь, что я не братъ ея и вовсе ея не знаю. Съ этими словами онъ вышелъ.

Молодой человѣкъ, пришедшій сперва въ смущеніе, снова собрался съ духомъ, продолжалъ разсказъ о своей побѣдѣ и прибавилъ, что онъ только изъ приличія отказался отъ своихъ словъ при толстомъ господинѣ, но что онъ въ самомъ дѣлѣ въ тѣсной связи съ прелестной артисткой.

— Ахъ, какъ вы лжете! проговорилъ нѣжный голосокъ на другомъ концѣ стола: я та самая пѣвица, на которую вы такъ клевещете.... я требую отъ васъ удовлетворенія.

Молодой человѣкъ былъ такъ смущенъ этимъ неожиданнымъ объявленіемъ, что взялъ шляпу и при хохотѣ всѣхъ присутствовавшихъ поспѣшно вышелъ изъ залы.

— Какой несчастный день для этого господина! продолжалъ тотъ же милый голосокъ: я не только не г-жа Ф***ни, но даже вовсе ее не знаю.

—

Въ передней Фридриха Великаго двѣ дамы спорили о первенствѣ при входѣ такъ долго и громко, что король самъ подошелъ къ нимъ, чтобы рѣшить этотъ важный, этикетный споръ. — Пусть та войдетъ прежде, сказалъ онъ: которой мужъ занимаетъ высшее мѣсто.

— Мужья наши имѣютъ равныя мѣста.

— Ну такъ та, которой мужъ дольше служитъ.

— Они оба поступили на службу въ одно время.

— Ну такъ пусть войдетъ прежде та, сказалъ разгнѣванный король, которая глупѣе!

Обѣ дамы остались за дверьми.

—

Одинъ врачь лечилъ больнаго отъ разстройства печени. Больной умеръ. При вскрытіи тѣла находился другой молодой докторъ. Осмотрѣвъ печень, онъ обратился къ лечившему:

— Посмотрите, докторъ, печень совершенно здорова, а вы ее лечили у покойнаго.

— Тѣмъ болѣе для меня чести, отвѣчалъ врачъ: очевидно, что моими стараніями я совершенно воз-

становилъ печень; а что онъ умеръ отъ другой болѣзни, такъ это не моя вина.

—

Естествоиспытатели утверждаютъ, что у кузнечиковъ только самецъ кричитъ, а самка нѣтъ. По этому случаю одна Сѣвероамериканская газета восклицаетъ: «что за счастливый народъ должны быть эти кузнечики: у нихъ женщины — нѣмыя!»

—

Любимый поваръ Фридриха Великаго приготовилъ однажды королю превосходный пастетъ. Король сказалъ ему шутя: — Смотри, не введи меня во искушеніе!.... Я объѣмся и за мою неумѣренность мы оба попадемъ въ адъ.

— Ничего, ваше величество, отвѣчалъ поваръ: цѣлый свѣтъ знаетъ, что мы огня не боимся.

—

Въ Сѣверной Америкѣ, по словамъ одной изъ газетъ, какой-то черезъ чуръ чувствительный человѣкъ, женился на 13-ти женахъ въ разныхъ городахъ. Правительство наконецъ назначило награду тому, кто его поймаетъ и доставитъ въ руки судей. Ловкій трактирщикъ успѣлъ съ нимъ познакомиться, заманилъ его къ себѣ въ домъ и поручилъ своей женѣ полюбезничать съ нимъ, пока онъ сходитъ за полицейскимъ чиновникомъ. Каково же было удивленіе трактирщика, когда онъ, возвратясь, узналъ, что жена его убѣжала съ гостемъ.

—

Не смотря на то, что поэты нынче не въ модѣ, число ихъ увеличивается все болѣе и болѣе. Вотъ образчики генія, новаго сына Аполлона, который проситъ себѣ вакансію перваго русскаго поэта:

Въ минуту жизни трудную
Я горе погашу....
Одну поэму чудную
Потомству напишу.

Есть сила безпрерывная
Въ созвучьи словъ пустыхъ
И дышитъ прогресивная
Гуманность часто въ нихъ.

Когда поэма кончится,
Начнутъ объ ней кричать...
Мнѣ страхъ, скорѣе хочется
Отдать ее въ печать.

—

Извѣстный повѣса и волокита вздумалъ жениться. Выходя изъ церкви, по окончаніи обряда, теща отвела жениха въ сторону и сказала: «Важный шагъ уже сдѣланъ; я надѣюсь, что вы теперь не будете дѣлать никакихъ глупостей.» — О, будьте спокойны, отвѣчалъ молодой супругъ: обѣщаю вамъ, что это была послѣдняя моя глупость.

—

Для многихъ неразборчивый почеркъ Наполеона былъ настоящею стенографіею. Въ словѣ, написанномъ его рукою, не было и половины составляющихъ его буквъ. Однажды, въ первые дни Имперіи, является къ Наполеону очень скромно одѣтый человѣкъ.

— Кто вы? спрашиваетъ Наполеонъ.

— Государь, я имѣлъ честь давать въ Бріеннѣ уроки чистописанія вашему величеству.

— Нечего сказать! славно выучили! возразилъ императоръ: есть съ чѣмъ васъ поздравить!

— Однако-жъ, ваше величество, я думаю...

— Вы думаете, что я назначу вамъ пенсію: пожалуй! Скажите Талейрану, чтобы онъ назначилъ вамъ по три тысячи франковъ въ годъ, съ тѣмъ однако-жъ, чтобы вы впредь никого не учили каллиграфіи

—

Въ Парижѣ, на театрѣ Драматической Гимназіи, разыгрывалась недавно въ партерѣ слѣдующая комическая сцена. Два зрителя, сидѣвшіе рядомъ, съ усердіемъ выражали мнѣнія свои о представляемой пьесѣ, впрочемъ совершенно различно. Одинъ яростно аплодировалъ, другой неутомимо шикалъ. — Наконецъ, выбившись изъ силъ, оба были готовы оставить поле битвы, какъ вдругъ защитнику пьесы приходитъ въ голову блестящая мысль. — Послушайте, говоритъ онъ своему противнику: я не могу болѣе аплодировать; посмотрите, какъ вспухли мои руки; у васъ же, какъ я замѣчаю, сдѣлалась одышка; обмѣняемся ролями: вы будете за меня аплодировать, а я за васъ шикать. Авторъ отъ этого ничего не потеряетъ; только вы будете представителемъ моего мнѣнія, а я вашего.

—

Байронъ такъ любилъ свою собаку, что когда она издохла, онъ велѣлъ похоронить ее самымъ торжественнымъ образомъ и написалъ слѣдующую эпитафію: «Здѣсь покоятся остатки того, кто обладалъ красотою—безъ суетности, силою—безъ тщеславія, мужествомъ—безъ жестокости и всѣми добродѣтелями человѣка—безъ его пороковъ». Этого знаменитаго пса звали «Боцманъ»; онъ былъ ньюфундлендской породы и умеръ въ Ньюкестелѣ, 16 ноября 1818 года.

—

Одинъ лондонскій купецъ объявилъ недавно чрезъ газеты, что желаетъ взять къ себѣ прикащика, который былъ бы пріученъ къ уединенной жизни. Послѣ публикаціи является къ купцу одинъ желающій и увѣряетъ, что онъ очень хорошо знакомъ съ уединенною жизнію, потому что семь лѣтъ высидѣлъ въ тюрьмѣ. Отказъ купца показался крайне удивительнымъ кандидату съ такими правами.

—

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6.

СТАТЬЯ 213

ИЛИ

МУЖЪ ОБЯЗАНЪ ЗАЩИЩАТЬ....

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Деннери и Гюстава Лемуана.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. Андреева.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДЮРИВО } **ШАМБЕЛЛАНЪ** }	Биржевые маклера (40 лѣтъ) . .	*Г. Самойловъ.* *Г. Каратыгинъ.*
ОГЮСТЪ ВАЛЬВИЛЬ, (25 лѣтъ)		*Г. Максимовъ 1.*
КЛАРА, жена Дюриво		*Г-жа Самойлова 2.*
ЛЮЦІЯ, жена Шамбеллана.		*Г-жа Жулева.*
ЖАКЪ, старый слуга.		*Г. Сосновскій.*

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ.

—

Комната.—Налѣво рабочій столъ.—Направо бюро съ конторкой.— Бумаги, книги, чернильница, перья. — Посреди театра столикъ съ остаткомъ завтрака на четыре прибора. — Дверь въ глубинѣ и налѣво. — Окошко направо.

I.

ЛЮЦІЯ, КЛАРА, ДЮРИВО, ЖАКЪ и ШАМБЕЛЛАНЪ.

(*Люція задумчива въ продолженіе всего этого явленія. — Дюриво и Шамбелланъ еще около столика, на которомъ завтракали. — Люція вышиваетъ, сидя налѣво. — Клара стоитъ подлѣ рабочаго столика, ищетъ что-то въ корзинкѣ. — Шамбелланъ куритъ. — Дюриво читаетъ журналъ.*

ЖАКЪ (*готовится снять завтракъ*).

ШАМБЕЛЛАНЪ (*вставая и относя свое кресло направо*). Смотри, Жакъ, чтобъ коляска.... была готова (*Жакъ хочетъ уйти*). Да, постой! Ты зайдешь къ Лепажу за моимъ ружьемъ.... оно мнѣ скоро понадобится.... (*куритъ, стоя передъ открытымъ окномъ*).

ЖАКЪ. Слушаю, сударь! (*Уходитъ, унося столикъ*).

ДЮРИВО (*все читая*). Послушайте-ка, дамы!... Вы такія любительницы ощущеній. Вотъ происшествіе-то!...

КЛАРА. Что такое? (*Садится*).

ДЮРИВО, (*читая*). «Маленькій городокъ Барръ, сдѣлался недавно свидѣтелемъ чрезвычайно печальнаго событія: Подозрѣвали г-жу N (три точки) въ дружескихъ связяхъ съ молодымъ Виконтомъ Б (пять точекъ). Увѣдомленный объ этомъ г. N (три точки), побѣжалъ къ сопернику, вызвалъ его на дуэль, и былъ смертельно раненъ.»

ШАМБЕЛЛАНЪ. Глупецъ!

ДЮРИВО. Какъ! Ты называешь его глупцомъ за то, что онъ умеръ?

ШАМБЕЛЛАНЪ, (*оборотясь къ нему, не отходя отъ окна*).

За то, что онъ дрался!... Оскорбленный мужъ не долженъ драться, онъ долженъ убить!... жену, разумѣется...

ВСѢ. Жену?

ШАМБЕЛЛАНЪ. Да! сперва жену.... потомъ любовника... и наконецъ себя... если найдетъ нужнымъ...

ДЮРИВО. Ну, я-бы не застрѣлился! За это ручаюсь... что же касается до моей жены...

КЛАРА (*быстро*). Развѣ вы-бы меня убили?

ДЮРИВО (*удивленный*). Гмъ! (*прежнимъ тономъ*). Ни мало! А на это есть у меня много причинъ: Первая та, что моя жена не будетъ любить никого... (*запинаясь*) кромѣ меня....

КЛАРА. А другія?

ДЮРИВО. Какъ другія? Ты хочешь любить...

КЛАРА, (*нетерпѣливо*). Другія причины?

ДЮРИВО. А! другія причины!... А то, что это не въ моихъ правилахъ, и не въ сводѣ законовъ.... и такъ какъ я клялся слѣдовать статьѣ 213-й.... (*показывая на Шамбеллана*). Такъ-же, какъ и онъ...

ШАМБЕЛЛАНЪ (*подходя*). Какъ я? Что такое?

ДЮРИВО (*вставая и бросая свой журналъ на бюро на-право*). Какъ, несчастный! Онъ не помнитъ статьи 213-й?.. Закона о семейномъ благосостояніи.... Этого краеугольнаго камня общественной жизни!... Статьи 213-й, которой руководствуются всѣ адвокаты... которая говоритъ такъ много въ такихъ малыхъ словахъ... (*относитъ стулъ въ глубину комнаты*).

ШАМБЕЛЛАНЪ. Въ этомъ отношеніи, она на тебя не похожа... (*садится на-право*).

ДЮРИВО. Но о чёмъ-же ты думалъ, въ тотъ незабвенный день, когда мы оба стояли передъ меромъ?... и наши жены!.. Двѣ такія хорошенькія, свѣженькія... Вы это помните, милые друзья?

КЛАРА (*холодно*). Помню... Еще платье на мнѣ тогда такъ дурно сидѣло... Это меня ужасно безпокоило...

ДЮРИВО. О! а мнѣ такъ хорошо было стоять.., я слушалъ съ уваженіемъ этого почтеннаго сановника, когда онъ провозгласилъ голосомъ трогательнымъ и звучнымъ: (*ударяя на слова*) «Жена обязана защищать мужа; мужъ обязанъ повиноваться женѣ!»

ШАМБЕЛЛАНЪ. Что? что такое?

ДЮРИВО (*быстро*). Нѣтъ, нѣтъ... я ошибся,.. это со всякимъ можетъ случиться... (*снова*) «Мужъ обязанъ защищать жену; жена обязана повиноваться мужу.»

ШАМБЕЛЛАНЪ (*быстро*). Да, вотъ это дѣло другое. Да, это помню...

ДЮРИВО. Но мужъ защищать жену!...

ШАМБЕЛЛАНЪ. (*вставая*). Ну, чтожъ? Развѣ я не защищаю мою жену? Развѣ я не бываю съ нею на гуляньяхъ, и на балахъ, и въ театрѣ... вездѣ... Развѣ я не готовъ за нее отомстить, если-бы кто ее оскорбилъ?

ДЮРИВО. Да, держать надъ ней зонтикъ, когда идетъ дождь?... Онъ это называетъ защищать свою жену!

ШАМБЕЛЛАНЪ (*настойчиво*). А ты что-же сдѣлаешь больше для твоей?

ДЮРИВО. Во первыхъ, я буду всегда ее любить... одну ее... стану наблюдать за ея спокойствіемъ, за ея счастіемъ.... наконецъ, буду стараться сдѣлать ее такъ довольною, чтобы у ней и въ мысли не было обмануть меня...

КЛАРА (*задумчиво*). А! Это очень хорошо, съ вашей стороны!

ДЮРИВО. Свѣтъ всегда обвиняетъ падшую женщину; ая такъ говорю, что значитъ не кому было ее поддержать! Потому-что въ паденіи жены всегда виноватъ только мужъ.... Мы ее оставляемъ безъ помощи въ этой трудной борьбѣ, которую мы могли-бы прекратить однимъ словомъ... Мы далеки въ минуту паденія... но за то, когда пойдетъ на упреки... мы тутъ какъ тутъ... (*становится за стулъ Клары и оборачивается*).

ШАМЛЕЛЛАНЪ. А я такъ всегда говорилъ, что во всемъ виноваты женщины... и что мудренаго? они питаются романами... поэмой!.. Весеннія ласточки! Поэтическія вдохновенія! Посланіе къ розѣ!.. Мало ли тамъ у нихъ!.. (*бросаетъ въ окно остатокъ сигары и запираетъ окно, потомъ беретъ съ бюро журналъ, который положилъ Дюриво*).

ДЮРИВО (*подходя къ своему бюро*). Э! э! Да онъ ничего не уважаетъ... этотъ сорванецъ! Онъ ужъ теперь нападаетъ на Ламартина! нѣтъ, позволь... это мой любимой поэтъ... еще со школы... даже теперь постоянно его читаю... (*беретъ книгу*) и что-жъ? это нисколько не заставляетъ меня измѣнять моимъ обязанностямъ мужа... напротивъ!., (*открываетъ книгу и читаетъ*). «Природа!» (*говоритъ*) какъ это хорошо! какая чистота!.. (*декламируя*):

«Въ тотъ ясный день, въ началѣ міросданья,
«Все было свѣтъ, и радость, и покой;

«Но новыя, безплотныя созданья.
«Святаго дня,—родили тьму собой!

ШАМБЕЛЛАНЪ. Ну! чтоже ты хочешь этимъ доказать?

ДЮРИВО. Да это гармонія, музыка! Неужели тебѣ это не нравится? а еще играешь на скрышкѣ! Да это Моцартъ! Россини!..

ШАМБЕЛЛАНЪ (*громко смѣясь*). Ха, ха, ха... полно заниматься музыками... подумай-ко лучше про биржевую прозу...

ДЮРИВО (*кладя книгу*). А! биржа! Спасибо, что напомнилъ! Вѣдь давно пора туда отправиться... (*вынимаетъ часы*).

КЛАРА. Вѣчно на биржу!

ДЮРИВО. Что же дѣлать, милый другъ! Когда сдѣлался биржевымъ маклеромъ...

КЛАРА (*вставая*). Но развѣ вы не можете послать туда, кого-нибудь вмѣсто васъ... хоть Бремона, вашего перваго повѣреннаго?..

ДЮРИВО. Кого?.. Гюгюса?.. Ребенка!

КЛАРА. Ребенка 20 лѣтъ... и котораго, я не знаю почему, только одинъ вы считаете ребенкомъ,..

ДЮРИВО. Гюгюса! Ему 20 лѣтъ! правда, правда. А онъ мнѣ все кажется десятилѣтнимъ, какимъ мнѣ его поручилъ мой старый товарищъ Бремонъ. Съ тѣхъ поръ прошло ужъ десять лѣтъ. Однако-жъ, все это не мѣшаетъ ему еще быть ребенкомъ... на биржѣ. Ужъ лучше я самъ буду туда ѣздить, а онъ можетъ оставаться здѣсь, на моемъ мѣстѣ.

КЛАРА, (*холодно*). Какъ вамъ угодно. (*Оборачивается къ столику, гдѣ работаетъ*).

ДЮРИВО. Да кстати, Шамбелланъ! что ты сдѣлалъ съ тѣми... фондами, которые я бралъ для твоего пріятеля, Вальвиля?

ШАМБЕЛЛАНЪ (*который во все время былъ около бюро Дюриво, разсматривая бумаги*). Онъ самъ намъ это скажетъ. Я его жду сегодня. (*Люція дѣлаетъ движеніе*).

ДЮРИВО. А! онъ пріѣдетъ?

ШАМБЕЛЛАНЪ. Непремѣнно.

ЛЮЦІЯ (*вставая, всторону*). Боже мой!

КЛАРА (*смотря на нее, всторону*). Что это съ ней? (*переходитъ на-право, смотря на свою сестру*).

ДЮРИВО (*смотря на свои часы*). Ѣдемъ же! и безъ того опоздали!

ШАМБЕЛЛАНЪ. Въ самомъ дѣлѣ пора!.. (*Цѣлуя Люцію*).

Прощай, мой другъ!.. (*Дюриво*). Цѣлуй же твою жену! (*Дюриво цѣлуетъ Клару*). Тебѣ и это нужно напоминать!

ДЮРИВО. Ни мало!.. Я самъ объ этомъ часто думаю... даже слишкомъ часто; но въ наши лѣта, мой другъ...

ШАМБЕЛЛАНЪ. Отъ чего же: въ наши лѣта?

ДЮРИВО. А сколько тебѣ лѣтъ?

ШАМБЕЛЛАНЪ. Да мнѣ... 40 лѣтъ, какъ и всѣмъ!

ДЮРИВО (*удивленный*). Какъ, какъ и всѣмъ?

ШАМБЕЛЛАНЪ. Да кому же нынче нѣтъ 40 лѣтъ?

ДЮРИВО. Но, позволь; у насъ есть во-первыхъ, молодые люди... 25, 26 лѣтъ... потомъ другіе, есть и еще моложе...

ШАМБЕЛЛАНЪ. Да развѣ это люди?... впрочемъ, полно болтать! въ самомъ дѣлѣ пора на биржу... скорѣе вернемся... вѣдь это служба!.. (*уходятъ въ глубину сцены*).

—

II.

ЛЮЦІЯ, КЛАРА. (*Едва Дюриво и Шамбельянъ ушли, какъ Люція садится на стулъ, смотритъ, бросаетъ работу, и схватываетъ рукою за голову, съ видомъ отчаянія*).

КЛАРА (*быстро подходя къ ней*). Что съ тобой, сестрица?

ЛЮЦІЯ (*быстро поднимая работу*). Со мной?.. Ничего...

КЛАРА. Какъ ничего? Вѣдь это очень хорошо видно! Со вчерашняго дня ты печальна, встревожена... ты что-то отъ меня скрываешь...

ЛЮЦІЯ (*посмотрѣвъ на нее пристально, кладетъ работу, и говоритъ вставая*). О! да! да!.. Я сама не знаю, отчего... Но я только и думаю о томъ, что сейчасъ сказалъ мой мужъ... я боюсь...

КЛАРА. Боишься?.. Чего?..

ЛЮЦІЯ. Ты значитъ меня не понимаешь!.. Я люблю, Клара! я влюблена!.. (*смотритъ со страхомъ на-лѣво*).

КЛАРА (*разсѣянно*). Ахъ, Боже мой! и ты то-же!.. (*Движеніе Люціи, которая на нее смотрѣла. Клара вдругъ останавливается, и отворачивается*). Ахъ!

ЛЮЦІЯ. Что ты хочешь сказать?

КЛАРА. Ничего... ничего... такъ ты говоришь, что влюблена?

ЛЮЦІЯ. И ты меня за это осуждаешь, неправда ли?

КЛАРА. Я? ни мало... то есть, немного... эти вещи... не зависятъ отъ насъ... кто же этотъ молодой человѣкъ?

ЛЮЦІЯ. Ты развѣ знаешь, что это молодой человѣкъ?

КЛАРА. Что жъ тутъ мудренаго? Еслибъ онъ не былъ молодъ, онъ былъ бы какъ наши мужья, и тогда... гдѣ ты его видѣла?

ЛЮЦІЯ. На водахъ... мѣсяцъ тому назадъ... мой мужъ подружился съ нимъ...

КЛАРА *(разсѣянно)*. Удивительно, право, какъ эти мужья наживаютъ себѣ друзей на водахъ!

ЛЮЦІЯ. Мой мужъ звалъ его охотиться въ нашу деревню... Сначала онъ совсѣмъ не обращалъ на меня вниманія; даже казалось едва замѣчалъ меня... я была этимъ обижена...

КЛАРА. Надѣюсь!

ЛЮЦІЯ. Тогда я начала съ нимъ немного кокетничать; я хотѣла наказать его, хотѣла вскружить ему голову... О! неправдали, я поступила очень дурно?

КЛАРА. Разумѣется, но это было очень натурально... *(быстро)*. Что же было потомъ?

ЛЮЦІЯ. Вотъ что. Однажды Вальвиль...

КЛАРА. А! такъ это г-нъ Вальвиль?

ЛЮЦІЯ. Огюстъ Вальвиль...

КЛАРА *(всторону)*. А! Огюстъ! какъ Огюстъ Бремонъ!.. *(громко)* а вѣдь прекрасное имя Огюстъ? неправда ли?.. Такъ ты сказала, что однажды...

ЛУЦІЯ. Онъ осмѣлился ко-мнѣ писать, что меня любитъ... проситъ взаимности...

КЛАРА. И ты отказала?

ЛЮЦІЯ. Разумѣется!... *(вздыхая)*. Но за-то чего это мнѣ стоило! сколько слезъ!.. потому-что оскорбленный моимъ отказомъ, онъ уѣхалъ, сказавъ мнѣ, что я играла его любовью, и что я никогда болѣе не увижу его, если не сжалюсь надъ нимъ, и сама не призову его...

КЛАРА. Но твой мужъ сейчасъ сказалъ, что онъ сегодня будетъ; ты значитъ его звала?

ЛЮЦІЯ. О! это не я... третьяго дня мой мужъ писалъ къ нему пріѣхать какъ можно скорѣе... не знаю, по какому дѣлу... и настаивалъ, чтобъ и я приписала нѣсколько строчекъ внизу письма...

КЛАРА. Не нужно было писать... нужно было ему все сказать...

ЛЮЦІЯ (*взявъ ее за руку, живо*). Ему сказать? Моему мужу? но ты значитъ не знаешь, какой ужасъ онъ мнѣ внушаетъ? — За одно подозрѣніе, онъ убьетъ меня!

КЛАРА. Да, въ самомъ дѣлѣ, это очень затруднительно,...

ЛЮЦІЯ (*быстро*). И Шамбелланъ уѣзжаетъ завтра на охоту!.. Вальвиль безъ-сомнѣнія воспользуется этимъ временемъ... придетъ сюда... о! я боюсь, что каждую минуту... (*звонятъ*) Боже мой! если это онъ!

КЛАРА (*быстро*). Хорошо-же! я приму его... я съ нимъ буду говорить... я ему скажу... еще не знаю, что я ему скажу, но все равно... не нужно только, чтобы онъ тебя видѣлъ... уйди поскорѣй!..

ЛЮЦІЯ. О! сестрица!.. я совершенно на тебя полагаюсь! (*уходитъ на-лѣво*).

III.

КЛАРА и ЖАКЪ.

ЖАКЪ. Сударыня, г-нъ Огюстъ...

КЛАРА. (*прерывая его*). Г-нъ Огюстъ Вальвиль? хорошо, хорошо, зови!

ЖАКЪ. Извините сударыня, это г-нъ Огюстъ Бремонъ!..

КЛАРА (*всторону, очень удивленная*). Онъ!

ЖАКЪ. Г-нъ главный повѣренный барина, желаетъ видѣться съ вами (*переходитъ въ глубину на-лѣво и приводитъ въ порядокъ стулья*).

КЛАРА (*всторону*). О Боже мой! вотъ я уже и растерялась!.. а еще сей-часъ говорила Люціи... удивительно, какое имѣешь мужество... когда хочешь говорить не за себя...

ЖАКЪ. Прикажете принять, сударыня?

КЛАРА (*быстро и съ ужасомъ*). Нѣтъ, нѣтъ!.. скажи ему, что я занята!.. что очень занята!.. что я не хочу его принять!.. (*Жакъ уходитъ*). Видители, какъ это опасно!.. едва Дюриво отправляется на биржу, какъ сей-часъ-же .. Но нѣтъ, впередъ я ни за что въ свѣтѣ не останусь одна съ нимъ!.. Да, разумѣется, я была не-права... (*перемѣняя тонъ*).

IV.

КЛАРА и ЖАКЪ.

ЖАКЪ (*входя*). Сударыня...

КЛАРА (*подходя къ нему съ нетерпѣніемъ*). Опять? но я ужь тебѣ сказала...

ЖАКЪ. Вы мнѣ сказали, что вамъ нельзя было ихъ принять; но г-нъ Огюстъ, главный повѣренный, говоритъ, что дѣло очень важно...

КЛАРА. Какъ?

ЖАКЪ. И это его кажется очень безпокоило, потому что г-нъ Огюстъ, главный.....

КЛАРА (*съ нетерпѣніемъ*). Главный повѣренный его..! дальше?

ЖАКЪ. Видя, что вы не хотѣли его принять, написалъ къ вамъ эту записку...

КЛАРА (*трепеща*). Письмо! (*всторону*) О! я не должна его принимать! (*громко*) Скажи ему..... что какъ это касается до дѣлъ... то до этого мнѣ нѣтъ дѣла... чтобъ онъ обратился къ моему мужу... къ нему самому...

ЖАКЪ. Какъ вамъ угодно! (*Клара отходитъ на-лѣво*) Но какъ г-нъ Огюстъ уже ушелъ, то я положу это письмо на бюро... (*кладетъ на бюро, и уходитъ въ глубину, кончая фразу*). И когда баринъ вернется, то его прочтетъ.

КЛАРА. (*Одна, останавливается передъ дверью, на-лѣво*). Его прочтетъ!.. Когда вернется! да это не-возможно!.. (*подходитъ къ бюро*). Какая дерзость!.. (*беретъ письмо*) позволить себѣ писать ко мнѣ... (*перемѣняетъ тонъ, смотря на письмо*) гмъ!.. У него недурной почеркъ! но каково мое положеніе!.. я очень хорошо знаю, что тутъ идетъ не о дѣлахъ,.. не о биржевыхъ дѣлахъ (*разсѣянно развертываетъ*). Прошу покорно! что сказалъ бы мой мужъ?.. (*читаетъ съ ужасомъ*) увидя подобное письмо?.. (*читаетъ*): «Сжальтесь надъ моею любовью... умоляю васъ на колѣняхъ!.. (*говоритъ быстро*). Онъ мнѣ это писалъ на колѣняхъ!.. еслибъ его застали! (*читая*) «сжальтесь надо-мною, или я.. о Боже! онъ хочетъ застрѣлиться! проситъ минуту свиданія!.. одну минуту! (*въ волненіи*). Что мнѣ дѣлать? И нѣтъ ни-кого, кто-бъ меня подкрѣпилъ, защитилъ! Боже мой! кто-то идетъ! это онъ! я погибла! (*пробѣгаетъ сцену и облокачивается на столикъ, на-лѣво*).

—

V.

КЛАРА И ДЮРИВО.

ДЮРИВО (*входя быстро, и не смотря на нее.*) Это я, моя милочка! Я забылъ свой портфёль.... и заѣхалъ за нимъ. (*отворяетъ конторку и ищетъ.*)

КЛАРА (*всторону, живо.*) Мой мужъ! О! само небо мнѣ его посылаетъ!... Нечего тутъ думать... Я ему во всемъ признаюсь!...

ДЮРИВО (*запирая конторку.*) Вотъ онъ!... Я бѣгу....

КЛАРА (*бѣжа за нимъ*). Мой другъ!

ДЮРИВО. Гмъ? Что такое?... (*уходя.*) Послѣ биржи, мой другъ, послѣ биржи.

КЛАРА (*удерживая его.*) Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ... непремѣнно...

ДЮРИВО. Невозможно: Шамбелланъ ждетъ меня, фонды опускаются... это паровозъ, когда они опускаются... идутъ... идутъ... нужно, чтобъ я былъ тамъ. Это очень важно! (*доходитъ до двери въ глубинѣ.*)

КЛАРА. Но это вѣдь тоже очень важно.... Дѣло идетъ о моемъ спокойствіи, о моемъ счастіи!

ДЮРИВО (*быстро возвращаясь.*) О твоемъ спокойствіи?.. О твоемъ счастіи? О! когда такъ, это разница! Къ чорту биржа! Ты мнѣ важнѣе всего на свѣтѣ!... (*съ нѣжностью.*) Ну, посмотримъ, что же ты мнѣ скажешь, моя добрая Кларочка.

КЛАРА (*трепеща*). То... что... я вамъ хочу сказать... разумѣется... васъ немного удивитъ... я сама право незнаю... я вся трепещу.

ДЮРИВО (*всторону.*) И я самъ не знаю, отчего я тоже весь трепещу... (*содрогаясь*) брръ!... Я слушаю...

КЛАРА (*скромно, и съ опущенными глазами.*) Помните вы, что вы говорили мнѣ, когда просили моей руки?...

ДЮРИВО. Разумѣется, — какъ сей-часъ помню... Я тебѣ говорилъ о разницѣ нашихъ лѣтъ.... что ты не могла же меня полюбить съ перваго взгляду.

КЛАРА (*тихо*). И вы прибавили, что въ сердцѣ молодой дѣвушки... или молодой женщины... (*запинаясь*) рано или поздно, любовь... наконецъ... придетъ...

ДЮРИВО. Непремѣнно... и я надѣюсь, что со временемъ..

КЛАРА (*рѣшительно.*) Нѣтъ, нѣтъ, не со временемъ.

ДЮРИВО (*удивленный.*) Какъ?

КЛАРА. Она уже пришла!

ДЮРИВО (*въ восхищеніи, беря ее за руку*). Что ты говоришь?

КЛАРА (*затрудняясь.*) Да, мой другъ!... О защитите меня!... Подкрѣпите .. (*въ отчаяніи.*) Я влюблена!

ДЮРИВО (*пораженный.*) Какъ? Влюблена?... Въ другаго?... Въ другаго, кромѣ меня... (*скрестя руки.*) И вы мнѣ смѣете это въ глаза говорить, сударыня?

КЛАРА (*отодвигаясь.*) Но...

ДЮРИВО. Говорить это мнѣ,... вашему мужу?

КЛАРА (*трепеща,*) Но.. вы сей-часъ сами... сказали.

ДЮРИВО. Развѣ говорятся такія вещи мужу... сударыня?... Да это просто невидано... Неслыхано!... Я не знаю, что это такое!... (*бросается въ кресла.*)

КЛАРА (*подходя къ нему.*) Другъ мой! Я васъ умоляю!... Не сердитесь! Я сама не знала, что мнѣ было дѣлать!... Эта тайна меня мучила, нужно было ее открыть кому-нибудь... вамъ или ему! И я думала, что будетъ лучше.

ДЮРИВО (*быстро вставая и отходя на-лѣво.*) Надѣюсь что лучше, чортъ возьми!... Лучше пускай мнѣ, чѣмъ... (*успокоиваясь.*) И даже, раздумавъ хорошенько... несмотря на всю странность этого признанія... я все таки скажу, что вы сдѣлали хорошо!... Вы поступили какъ добрая жена!... Я вамъ очень бладодаренъ за вашу откровенность.

КЛАРА. О нѣтъ, я вижу, что я очень виновата...

ДЮРИВО. Нѣтъ, нѣтъ... это я!

КЛАРА. О нѣтъ, я... я знаю!

ДЮРИВО (*стуча ногою.*) Да когда я тебѣ говорю, что это я!... Что я больше не сержусь!... Что я даже доволенъ!... очень доволенъ!...

КЛАРА (*довѣрчиво.*) Это правда?

ДЮРИВО (*холодно.*) Я въ восхищеніи!... (*всторону.*) Задыхаюсь! (*громко.*) Но... скажи же мнѣ... (*Клара подходитъ.*) Какимъ же образомъ эта любовь могла придти къ тебѣ?

КЛАРА. О Боже мой!... мало по малу... такъ что я даже и не замѣтила...

ДЮРИВО (*всторону.*) И я тоже...

КЛАРА. Сперва онъ мнѣ все присылалъ букеты... А я такъ люблю цвѣты!

ДЮРИВО (*всторону*). Только его! Она даже и не замѣчала моихъ, которые я велю носить ей каждое утро.

КЛАРА. Потомъ, когда онъ приходилъ ко мнѣ... всегда во время биржи...

ДЮРИВО (*встороиу.*) Во время биржи!... Плати же послѣ этого 6000 франковъ, чтобъ быть... биржевымъ маклеромъ.

КЛАРА. Онъ былъ всегда такъ хорошо одѣтъ... прекрасныя палевыя перчатки... (*Дюриво, посмотрѣвъ на свои руки прячетъ ихъ за спину.*) Прекрасные лакированные сапоги... (*Дюриво ищетъ куда бы спрятать свои ноги*) и маленькіе чорные усики!... Ахъ!.. (*Дюриво хочетъ погладить свои, и дѣлаетъ гримасу, замѣчая, что ихъ у него нѣтъ.*)

ДЮРИВО (*прерывая ее съ нетерпѣніемъ.*) Наконецъ... онъ тебѣ говорилъ, что тебя любитъ..... что тебя обожаетъ... глупыя фразы!...

КЛАРА (*быстро и перемѣняя тонъ.*) Нѣтъ, нѣтъ,... какъ можно!... Развѣ бы я его слушала?

ДЮРИВО. А! Прекрасно!... Если такъ...

КЛАРА (*робко.*) Но... глазами.

ДЮРИВО. А! глазами говорилъ..... что онъ... (*встороиу съ гнѣвомъ.*) Нынче ужъ говорятъ всѣмъ на свѣтѣ!

КЛАРА (*прерывисто.*) И какъ я не хочу, чтобъ .. мои...ему отвѣчали... такъ я прошу васъ, мой другъ, защитить меня... спасти!...

ДЮРИВО (*съ усиліемъ*). И я спасу тебя!... Я пожертвую для тебя всѣмъ на свѣтѣ!... Боже мой!... Добрая жена разсказываетъ мнѣ.... прежде нежели... (*встороиу*) То, что мужья узнаютъ обыкновенно только послѣ,... если еще узнаютъ! (*громко и съ добротой*) Да, другъ мой, да... я спасу тебя... ты мнѣ все будешь откровенно говорить? неправдали?... будетъ ли тебѣ лучше или хуже... и ты увидишь, что вниманіемъ, сильными средствами...

КЛАРА (*съ боязнью*) Сильными средствами?

ДЮРИВО. Да, почаще на балахъ.... въ театрахъ... а для начала: ты любишь музыку!... Я возьму сегодня ложу въ операѣ... въ сильныхъ болѣзняхъ, немного опіума... даже полезно!... И потомъ, у тебя нѣтъ бриліантовъ?...

КЛАРА. Э! мой другъ!... Это такъ дорого стоитъ!...

ДЮРИВО (*къ публикѣ.*) Чортъ возьми!... То бы гораздо дороже стоило!... Еслибъ... (*женѣ*) бриліянты?... Это превосходное средство!... (*себѣ*) Къ тому-жъ они такъ много дѣлали вреда, что неужели хоть одинъ разъ не принесутъ пользы?... (*громко*) У меня тамъ въ портфѣли 40,000 франковъ... при-

быль отъ фондовъ, совсѣмъ неожиданная... я на нихъ и не разсчитывалъ... возьми ихъ себѣ, ты купишь...

КЛАРА. Какъ?... Вы хотите?...

ДЮРИВО. Я требую... ты должна повиноваться!... Потому-что безъ доброй воли больнаго, и воля доктора... ничего не значитъ!...

КЛАРА. Я сдѣлаю все, что вы хотите!

ДЮРИВО. Ну смотри-же, рѣшено!... Я твой докторъ и ты мнѣ должна вполнѣ повиноваться... Это мнѣ не будетъ дорого стоить, потому-что въ тотъ день, когда ты мнѣ скажешь: я счастлива!... Этимъ однимъ словомъ ты мнѣ заплатишь за всѣ издержки.

КЛАРА (*съ этой минуты уже не холодна съ своимъ мужемъ.*) О мой другъ, какъ вы добры!... Все, что мнѣ бы теперь хотѣлось, это — чтобъ вы были всегда такъ тихи... и хладнокровны... какъ теперь.

ДЮРИВО. Всегда, всегда... клянусь тебѣ.

КЛАРА. И особливо, не оставлять меня во время биржи...

ДЮРИВО. Никогда!... Шамбелланъ будетъ ѣздить безъ меня... впродолженіе цѣлаго мѣсяца... впродолженіе двухъ, если это будетъ нужно... а я буду здѣсь!... Я поселюсь въ этой комнатѣ, и если бъ какъ-нибудь меня не случилось... когда непріятель предстанется...

КЛАРА. Я васъ позову... сей часъ же...

ДЮРИВО. Ты позвонишь...

КЛАРА. Позвоню...

ДЮРИВО. И по первому звонку, я буду подлѣ тебя.

КЛАРА. Непремѣнно.

ДЮРИВО. Да, кстати, ты мнѣ еще не сказала имя этого непріятеля, этого дружка, который...

КЛАРА (*смущенная*). Какъ? Вы хотите?...

ДЮРИВО. Да какъ же? (*Клара опускаетъ глаза*) Ты понимаешь, что послѣ того, что я уже знаю... будь это Петръ или Павелъ, это...

КЛАРА (*прерывисто.*) Это... Огюстъ...

ЖАКЪ. (*докладываетъ очень громко, прерывая ее.*) Г-нъ Огюстъ Вальвиль!

КЛАРА (*быстро отходя въ сторону*). Вальвиль!... Въ эту минуту!...

ДЮРИВО. (*который замѣтилъ это движеніе.*) А! это онъ! (*громко.*) Хорошо, я его приму... Клара, поди въ свою комнату...

КЛАРА. Но... мой другъ...

ДЮРИВО. Ты обѣщала мнѣ повиноваться... Поди къ себѣ. Я этого хочу!...

КЛАРА (*всторону, выходя.*) Пойти сказать Люціи, что я не могла говорить съ Вальвилемъ. (*Дюриво провожаетъ ее до дверей, и остается подлѣ нихъ*).

ВАЛЬВИЛЬ (*входя и подходя къ авансценѣ*). Ея нѣтъ!

—

VI.

ДЮРИВО и ВАЛЬВИЛЬ.

ДЮРИВО (*ходитъ по сценѣ, говоря про себя*). Усы!... Лакированные сапоги!... Палевыя перчатки!... Все какъ слѣдуетъ!... И вотъ чѣмъ они обольщаютъ женщинъ! (*пожимая плечами*) Ужасы!... Завтра же закажу себѣ такія!...

ВАЛЬВИЛЬ (*который дойдя до аванъ-сцены и осмотрѣвшись кругомъ, замѣтилъ Дюриво, подходитъ къ нему съ привѣтливымъ тономъ*). А! здравствуйте, мой милый г-нъ Дюриво!

ДЮРИВО (*всторону*). Его милый!...

ВАЛЬВИЛЬ. Я не надѣялся имѣть удовольствія теперь васъ здѣсь встрѣтить... вы въ этотъ часъ обыкновенно на биржѣ...

ДЮРИВО (*всторону.*) Вотъ оно!

ВАЛЬВИЛЬ. Но дамы вѣроятно въ залѣ, и я пойду... (*хочетъ идти.*)

ДЮРИВО (*останавливая его.*) Нѣтъ... нѣтъ, дамы не въ залѣ... (*ударяя на слова*) самъ я, если позволите, хочу имѣть честь поговорить съ вами...

ВАЛЬВИЛЬ (*удивленный.*) Со мной? А! это вѣрно на счетъ моихъ облигацій?..

ДЮРИВО. Да, да... именно на счетъ вашихъ облигацій... (*вѣжливымъ тономъ*) но, сдѣлайте одолженіе, садитесь... (*всторону и принося стулъ Люціи*) нужно удержаться!... (*Вальвиль беретъ кресло, которое было подлѣ бюро, и они раскланявшись садятся. — Громко*) Г-нъ Вальвиль!... Я не оспориваю вашихъ личныхъ достоинствъ!... Они велики.... они даже очень велики...

ВАЛЬВИЛЬ (*кланяется, не понимая*). Помилуйте!..

ДЮРИВО (*ударяя на слова.*) Вашъ портной,... вашъ сапожникъ, перчаточникъ... безъ сомнѣнія, лучшіе...

ВАЛЬВИЛЬ (*наивно.*) Желаете вы имѣть ихъ адресы?

ДЮРИВО (*съ гнѣвомъ.*) Ге?... (*потомъ увлеченный мыслію*). Я не говорю, нѣтъ,... нѣтъ... даже, я думаю... (*возвышая голосъ*) что въ ваши лѣта, въ вашемъ положеніи.... весьма мало заботятся о чести семействъ...

ВАЛЬВИЛЬ (*озадаченный.*) Что вы говорите?

ДЮРИВО (*съ откровеннымъ видомъ.*) А то, что если вы ѣздите такъ часто въ этотъ домъ, то я увѣренъ, что это не для Шамбеллана... и не для меня...

ВАЛЬВИЛЬ (*всторону.*) Великій Боже! Ужъ не открыта ли моя любовь къ Люціи?

ДЮРИВО (*всторону.*) Онъ понялъ!

ВАЛЬВИЛЬ. Но, позвольте...

ДЮРИВО. Не безпокойтесь!... Я не скажу вамъ ничего, кромѣ одного слова. (*наклонялся къ нему, говоритъ шопотомъ.*) Мужъ знаетъ все!

ВАЛЬВИЛЬ (*съ испугомъ*) Мужъ?

ДЮРИВО (*ударяя на слова*). Знаетъ... всё!

ВАЛЬВИЛЬ. Но кто-жъ могъ ему открыть?

ДЮРИВО. Его жена!

ВАЛЬВИЛЬ. Его жена?.. О Боже!.. Онъ ее убилъ!

ДЮРИВО. Нѣтъ, сударь, онъ ее не убилъ! Онъ ее и не убьетъ! потому-что это не въ его правилахъ, и не въ сводѣ законовъ!... И такъ, какъ онъ поклялся слѣдовать статьѣ 213-й, то онъ обѣщалъ, напротивъ, поддержать ее, руководить... спасти, если можно!

ВАЛЬВИЛЬ (*съ жаромъ*). Но вѣдь она меня любитъ, сударь! Она меня любитъ!

ДЮРИВО (*отодвигая кресла*). Она васъ любитъ?.. Вы говорите, она васъ любитъ? (*вставая*). Ну, такъ она васъ разлюбитъ!

ВАЛЬВИЛЬ (*съ жаромъ*). Меня забыть? ей?.. О! да это невозможно!

ДЮРИВО (*одушевляясь*). О! позвольте мнѣ думать, что это не такъ невозможно... даже очень возможно... и вѣроятно, вы будете столь благоразумны... что сами поможете...

ВАЛЬВИЛЬ. Нѣтъ, нѣтъ... сударь. Никогда!

ДЮРИВО. Однако-жъ, молодой человѣкъ...

ВАЛЬВИЛЬ (*падая на плечо Дюриво*). О! вы незнаете, какъ я теперь страдаю!

ДЮРИВО. Не думаетъ ли онъ меня разжалобить?.. (*освобождаясь*). Воздержитесь же, молодой человѣкъ... воздержитесь! (*всторону*). Его печаль слишкомъ тяжка, чтобъ ее снести!

(*освободившись*). Побольше мужества, молодой человѣкъ, энергіи!. Чортъ возьми!

ВАЛЬВИЛЬ. Ахъ, сударь...

ДЮРИВО. А теперь будьте благоразумны!... вы должны избѣгать случая видѣться съ ней гдѣ нибудь.

ВАЛЬВИЛЬ (*не слушая его*). Ахъ, сударь...

ДЮРИВО. Не дѣлать больше шагу въ этотъ домъ....

ВАЛЬВИЛЬ. Ахъ!

ДЮРИВО. Вы мнѣ обѣщаете?

ВАЛЬВИЛЬ (*все неслушая*). Ахъ, сударь...

ДЮРИВО. Примите мое уваженіе... оно васъ поддержитъ! А теперь... я конечно вамъ не отказываю отъ дому,... но вы сами совершенно свободны... (*показывая ему на дверь. Вальвиль какъ убитый, идетъ взять свою шляпу*). Выйдемъ вмѣстѣ. Мнѣ нужно еще забѣжать въ оперу...

ВАЛЬВИЛЬ (*всторону*). Я долженъ непремѣнно ее увидѣть!.. (*оба идутъ къ выходу. Дюриво уходитъ первый. Люція показывается въ дверяхъ Клары*).

ЛЮЦІЯ. Это онъ!

ВАЛЬВИЛЬ (*всторону*). Люція! (*кланяется ей*).

ДЮРИВО (*за кулисами и не видя Люціи*). Я васъ жду.

ВАЛЬВИЛЬ (*кланяется и уходитъ*).

ЛЮЦІЯ. Онъ уходитъ! Ни одного слова!... И Клара не могла съ нимъ говорить! Какъ бы ему теперь сказать...

ВАЛЬВИЛЬ (*быстро показывается*). Люція, милая Люція...

—

VII.

ЛЮЦІЯ и ВАЛЬВИЛЬ, (*съ шляпою въ рукахъ*).

ЛЮЦІЯ. Боже мой!

ВАЛЬВИЛЬ. О Люція! Что вы сдѣлали?.. Что я сей часъ узналъ?

ЛЮЦІЯ. Что же такое?

ВАЛЬВИЛЬ. Признаться въ нашей любви мужу! Какая неосторожность!

ЛЮЦІЯ. Признаться? Я? моему мужу? Кто вамъ это могъ сказать?

ВАЛЬВИЛЬ. Дюриво.

ЛЮЦІЯ. Дюриво?

ВАЛЬВИЛЬ. Сейчасъ. Здѣсь! Сію минуту!

ЛЮЦІЯ. Но все это мужъ, сударь... я ни въ чемъ не признавалась.

ВАЛЬВИЛЬ (*удивленный*). Какъ?

ЛЮЦІЯ (*съ достоинствомъ*). Я бы, можетъ быть, и должна была это сдѣлать, но ужасъ... сказать мужу...

ВАЛЬВИЛЬ (*подходя*). Но когда такъ, это были сѣти... западня!...

ЛЮЦІЯ (*думая*). Сѣти? О! я теперь всё понимаю! Теперь все ясно!.. Мужъ мой имѣлъ подозрѣніе... онъ хотѣлъ разъяснить... потому-что, эту приписку, которую вы получили... это не я.... это мой мужъ мнѣ диктовалъ... онъ хотѣлъ васъ призвать сюда... онъ сговорился съ Дюриво...

ВАЛЬВИЛЬ (*раздумывая*). Низкій шпіонъ! А я даже и не подозрѣвалъ!...

ЛЮЦІЯ (*падая на кресло*). О! Мы теперь погибли!.. Онъ меня непремѣнно убьетъ!. И васъ тоже... о! уѣзжайте, уѣзжайте поскорѣе, я васъ умоляю.

ШАМБЕЛЛАНЪ (*за кулисами*). Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

ЛЮЦІЯ (*вставая*). Это онъ! Ужъ поздно!

ВАЛЬВИЛЬ (*отходя*). Если-бъ это мнѣ стоило даже жизни.. я васъ защищу!

—

VIII.

ЛЮЦІЯ, ШАМБЕЛЛАНЪ и ВАЛЬВИЛЬ. (*Шамбелланъ выходитъ изъ глубины сцены, съ ружьемъ въ рукахъ, которымъ громко ударяетъ о землю у дверей*).

ШАМБЕЛЛАНЪ. А! Вотъ и я! (*Люція вскрикиваетъ, и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ,*) (*смѣясь*). Ха, ха, ха... Боже мой! Какъ эти женщины пугливы!.. (*Вальвилю*). Наконецъ то я тебя вижу! Мое средство подѣйствовало... письмо достигло цѣли....

ВАЛЬВИЛЬ (*всторону*). Западня!

ШАМБЕЛЛАНЪ (*подходя и показывая ружье*). Завтра... въ бой! И я надѣюсь низложить врага!

ВАЛЬВИЛЬ (*всторону*). Онъ меня убьетъ, какъ зайца!

ШАМБЕЛЛАНЪ (*ударяя его по плечу*). Я его убью на мѣстѣ!

О! я себя покажу! Объ моемъ выстрѣлѣ весь Парижъ заговоритъ! (*кладетъ ружье и шляпу въ глубинѣ*).

ЛЮЦІЯ (*въ сторону*). Что онъ хочетъ этимъ сказать?

ВАЛЬВИЛЬ (*чрезвычайно заинтересованный*). А! это на охотѣ.

ШАМБЕЛЛАНЪ (*подходя*). О да! Чудесная охота!.. завтра въ Рапси... за этимъ то я тебя и звалъ сюда,.. а ты что думалъ (*громко хохочетъ*) ха, ха, ха... вотъ сюрпризъ то!.. признайся, что неожидалъ....

ВАЛЬВИЛЬ (*улыбаясь*). Нѣтъ, неожидалъ... (*встороиу*). Но онъ даже и не подозрѣваетъ!.. (*Дюриво входитъ въ глубинѣ и кладетъ шляпу на-лѣво*),

ЛЮЦІЯ (*вскрикивая*). Боже мой! Дюриво! (*быстро отодвигается къ двери Клары*).

IX.

ТѢЖЕ и ДЮРИВО.

ШАЛБЕЛЛАНЪ (*Люціи*). Что, это? Тебя сегодня все пугаетъ!.. (*Дюриво*). А ты?.. Гдѣ ты это цѣлый часъ пропадалъ?

ВАЛЬВИЛЬ (*на авансцену въ сторону, не смотря на него*). Они не видались!

ДЮРИВО. Я сей часъ изъ оперы; обѣщалъ женѣ ложу, и... (*подходитъ и замѣчаетъ Вальвиля.*) Какъ? Опять здѣсь!.. Это ужь слишкомъ! —

ВАЛЬВИЛЬ (*встороиу.*) Онъ не скажетъ ни слова.... или я его задушу!..

ШАМБЕЛЛАНЪ (*подходя къ Дюриво.*) Ложу?.. а!. прекрасно!.. Мы всѣ поѣдемъ въ театръ (*оборачиваясь.*) И Вальвиль съ нами...

ДЮРИВО (*встороиу, сзади Шамбеллана.*) Вальвиль?.. Но я надѣюсь, что онъ откажется... (*дѣлаетъ ему знаки*).

ВАЛЬВИЛЬ (*дразня Дюриво.*) Напротивъ... я принимаю... и съ большимъ удовольствіемъ...

ДЮРИВО (*встороиу.*) Онъ принимаетъ?.. Да это ужь дерзость!.. (*дѣлаетъ ему усиленные знаки*).

ШАМБЕЛЛАНЪ. Дай ему нумеръ ложи..

ДЮРИВО, Ну...ну..меръ?. (*Шамбелланъ отходитъ. — Вальвиль занимаетъ его мѣсто. Встороиу.*) Онъ еще хочетъ, чтобъ я ему далъ нумеръ?.. (*Думая, что говоритъ Шамбеллану.*) Но.. позволь.. я...

ВАЛЬВИЛЬ. Разумѣется, г-нъ Дюриво.. чтобъ я могъ васъ найти....

ДЮРИВО. Но я и не нуждаюсь... то есть, я хочу сказать... я и не знаю... У меня вовсе нѣтъ памяти на нумера.

ШАМБЕЛЛАНЪ. Такъ посмотри купонъ.

ДЮРИВО (*разстроенный.*) О! да! да... купонъ...

ВАЛЬВИЛЬ (*встороиу.*) Какъ разувѣрить Люцію?.. чтожь больше... (*вынимаетъ бумажникъ и говоритъ съ ироніей.*) Если бы г-ну Дюриво угодно было мнѣ... дать записать... потому-что у меня, такъ же какъ у него, во-все нѣтъ.. памяти.. на нумера...

ДЮРИВО (*встороиу.*) Да онъ меня просто дразнитъ!.. просто дразнитъ... (*Вальвиль идетъ къ бюро, кладетъ шляпу, садится и пишетъ быстро нѣсколько словъ карандашомъ*).

ШАМБЕЛЛАНЪ. (*Дюриво.*) Ну же? Купонъ!

ДЮРИВО. Сей-часъ! (*вынимаетъ бумажникъ.*) Это... нумеръ 552-й?

ВСѢ. 552-й!

ШАМБЕЛЛАНЪ (*беря отъ него билетъ и читая.*) Что ты тамъ говоришь?.. всего 52-й!

ДЮРИВО (*подхватывая.*) Ахъ да, да... 52-й!.. Это хвостикъ отъ пяти.. и мнѣ показалось... (*встороиу и кладя билетъ въ бумажникъ*) я было хотѣлъ заставить поискать... но ужь вышло черезъ чуръ...

ВАЛЬВИЛЬ. 52-й!. Покорно васъ благодарю! (*встаетъ*).

ШАМБЕЛЛАНЪ. Теперь, пока я васъ оставляю.... вѣроятно вернулся мой посланный.. до свиданія — въ оперѣ.

ДЮРИВО (*встороиу.*) Я потребую у него отчета за теперешній поступокъ! (*отходитъ и говоритъ съ Шамбелланомъ*).

ВАЛЬВИЛЬ (*встороиу.*) Записка моя должна ее разувѣрить!.. (*дѣлаетъ знаки Люціи, и быстро кладетъ записку въ книгу, которая лежала на бюро*).

ЛЮЦІЯ (*въ сторону.*) Въ эту книгу? О! какая неосторожность!.

ШАМБЕЛЛАНЪ (*беря ея за руку.*) Пойдемъ, душенька... нужно приготовиться... (*уводитъ Люцію въ заднюю дверь. Дюриво и Вальвиль идутъ, не смотря другъ на друга и затворяютъ каждый по половинкѣ этихъ дверей. — Они сталкиваются и*

оборачиваются лицомъ къ лицу. — Вальвиль уже взялъ свою шляпу, — и во всю слѣдующую сцену шляпа у него надѣта на головѣ).

—

X.

ДЮРИВО И ВАЛЬВИЛЬ.

ВАЛЬВИЛЬ (*грубо.*) Мы теперь вдвоемъ, милостивый государь!

ДЮРИВО (*тѣмъ же тономъ.*) Да, М. Г. мы теперь вдвоемъ! (*Вальвиль и Дюриво, скрестивъ руки, говорятъ вмѣстѣ.*)

ВАЛЬВИЛЬ. Вы объясните мнѣ, сударь, ваше поведеніе...

ДЮРИВО (*удивленный*) Г-мъ!. Что это?.. Онъ мнѣ говоритъ всё то, что бы я ему долженъ былъ сказать.. (*подходитъ къ Вальвилю*).

ВАЛЬВИЛЬ и ДЮРИВО (*вмѣстѣ.*) Ваше поведеніе, которое недостойно честнаго человѣка!

ДЮРИВО (*всторону.*) Да онъ любитъ всѣ мои слова! — Онъ дразнитъ меня! (*громко.*) Вы меня еще смѣете спрашивать, М. Г. послѣ того, какъ я васъ нахожу опять въ этомъ домѣ?

ВАЛЬВИЛЬ (*упирая на слова.*) Гдѣ я съ этой минуты поселяюсь!.. И мы еще увидимъ... будете ли вы мѣшаться въ дѣла.. которыя до васъ не касаются...

ДЮРИВО (*разсерженный.*) Въ дѣла, которыя... (*всторону.*) Онъ это называетъ дѣлами, которыя до меня не касаются. (*Слышенъ звонокъ, Дюриво быстро оборачивается и бѣжитъ къ комнатѣ жены.*) Жена звонитъ! (*подойдя къ двери, разувѣряется, показывая на Вальвиля.*) Но онъ вѣдь здѣсь! Это вѣрно не меня!.. (*подходитъ къ Вальвилю*).

ВАЛЬВИЛЬ (*озабоченному Дюриво.*) Но это вамъ такъ даромъ не пройдетъ! — А! вы у меня хотѣли вынудить признаніе... (*опирая*) Помощію подлой лжи...

ДЮРИВО (*себѣ.*) Онъ просто бѣшенъ!. да это мнѣ слѣдуетъ бѣситься!..

ВАЛЬВИЛЬ. Вы мнѣ сказали, что она призналась! — Это ложь!.. Онъ ничего не знаетъ! (*говоритъ глухо, пожимая ему руку.*) И я требую, сударь, чтобъ онъ ничего не узналъ!

ДЮРИВО (*къ публикѣ.*) Онъ меня теперь хочетъ заставить позабыть, что ли?

ВАЛЬВИЛЬ. И если онъ что нибудь узнаетъ... Мы съ вами будемъ драться сударь... понимаете ли? до вашей смерти!. (*отходитъ*).

ДЮРИВО (*разсерженный, переходя направо.*) Хорошо! будемъ драться!.. до моей смерти.! нѣтъ!. ужь лучше до вашей смерти!. (*всторону.*) Я обѣщалъ быть хладнокровнымъ, но вѣдь нѣтъ никакой возможности! (*подходитъ къ Вальвилю.*) Да, будемъ драться! — рѣзаться!. я хочу (*Звонятъ другой разъ. Дюрив обросается на Вальвиля, который заслоняетъ ему дорогу*).

ДЮРИВО. Но она не знаетъ, что онъ у меня тутъ въ рукахъ!

ВАЛЬВИЛЬ (*удерживая его.*) О! вы отъ меня такъ не ускользнете!

ДЮРИВО. Я вовсе не думаю ускользать.

ЖАКЪ (*выходя изъ глубины и показывая на дверь Клары.*) Сударь, барыня изволили звонить!..

ДЮРИВО (*удерживаемый Вальвилемъ, Жаку.*) Скажи женѣ, что я тутъ съ г-мъ Вальвилемъ... (*увѣряя.*) Съ Огюстомъ Вальвилемъ... скажи ей только, что съ Огюстомъ Вальвилемъ.. (*Жакъ уходитъ.*) Она пойметъ! (*подходитъ*).

ВАЛЬВИЛЬ (*глухо.*) Такъ какъ вы рѣшились драться, значитъ, вы рѣшились и говорить... погубить...

ДЮРИВО. Погубить! Кого?

ВАЛЬВИЛЬ. Вы хотите ее подвергнуть бѣшенству вашего страшнаго друга...

ДЮРИВО (*громко.*) Бѣшенству кого?

ВАЛЬВИЛЬ. Но я съумѣю оградить ее отъ его мщенія.

ДЮРИВО (*во все горло.*) Мщенію кого? но о комъ мы говоримъ, Боже мой!

ВАЛЬВИЛЬ. О! вы это сами очень хорошо знаете! О той, которую я люблю... О! Люціи.

ДЮРИВО (*пораженный.*) Что? Что такое? Такъ это Люція! значитъ вы любите не... (*разувѣрившись.*) О! если это Люція, то я совершенно спокоенъ... (*отходитъ*). Но зачѣмъ же она звонила (*Звонокъ. Тогда пораженный мгновенною мыслію, онъ вскрикиваетъ.*) А! тамъ есть другой!... (*хочетъ бѣжать, Вальвиль его схватываетъ.*) Пустите меня!... пустите ради Бога!...

ВАЛЬВИЛЬ. Не прежде, какъ вы поклянетесь молчать (*продолжаютъ звонить.*)

ДЮРИВО (*отбивается крича.*) Но я вамъ говорю, что тамъ есть другой!... Пустите меня.

ВАЛЬВИЛЬ. Не прежде, какъ вы мнѣ поклянетесь.

ДЮРИВО (*тоже*.) Все, что вы хотите, только пустите меня!

ВАЛЬВИЛЬ (*громко у дверей*) Ваше слово!

ДЮРИВО (*вырвавшись*.) Что хотите, только пустите меня... (*Вальвиль уходитъ*.)

II.

КЛАРА И ДЮРИВО.

(*Дюриво бросается въ дверь, но видя входящую Клару, падаетъ обезсиленный на кресло на право*.)

КЛАРА (*останавливаясь подлѣ стола*.) Вы были здѣсь, и чтожъ вы не приходили?... Когда дали слово...

ДЮРИВО (*всторону*.) Ясно, что у ней былъ другой!... Я погибъ!

КЛАРА (*неслушая и очень скоро*.) А я надѣялась на васъ... на вашу защиту...

ДЮРИВО (*оборачивается къ Кларѣ, подвигаясь на креслахъ*.) Но это невѣроятно!

КЛАРА (*тоже*.) Я была тамъ... одна... пробовала не думать о немъ...

ДЮРИВО (*вставая*.) О немъ!... О немъ!... Но скажешь ли ты мнѣ наконецъ?...

КЛАРА. Вдругъ я увидѣла его подлѣ себя!...

ДЮРИВО. Нѣтъ возможности ее остановить!

КЛАРА (*тоже*.) О! Я очень испугалась, но все равно... я не потеряла присутствія духа, и сейчасъ же позвонила.

ДЮРИВО. Да, да... я слышалъ...

КЛАРА (*оборачиваясь къ нему*.) Вѣдь это было условлено?

ДЮРИВО. Да, да... потомъ?

КЛАРА. Потомъ... онъ меня умолялъ простить его...

ДЮРИВО (*быстро*.) Простить? за что?

КЛАРА (*наивно*.) Да вѣроятно за посѣщеніе.... потомъ онъ мнѣ подалъ какую-то бумагу... я думаю стихи...

ДЮРИВО (*съ презрѣніемъ*.) Стихи!

КЛАРА (*оборачиваясь къ нему*.) Тогда я позвонила во 2-й разъ.

ДЮРИВО. Позвать подкрѣпленіе?.. А оно было здѣсь!... Не двигалось!... Потомъ?...

КЛАРА (*съ затрудненіемъ.*) Ахъ! потомъ!

ДЮРИВО (*испугавшись.*) Какъ ахъ, потомъ?

КЛАРА Видя, что я ему неотвѣчаю.... онъ бросается къ моимъ ногамъ.

ДЮРИВО (*всторону.*) Мои отказываются меня поддерживать.

КЛАРА. Говоритъ мнѣ: «Одинъ только взглядъ!... изъ состраданія!»

ДЮРИВО. И ты на него не посмотрѣла?

КЛАРА (*быстро.*) Нѣтъ!... Какъ можно!... (*смотря въ зеркало.*) Но я очень хорошо видѣла.... я была такъ разстроена... что схватилась за сонетку...

ДЮРИВО. Въ 3-й разъ.

КЛАРА. Но онъ схватилъ тогда мою руку... и даже кажется поцѣловалъ ее... немного...

ДЮРИВО (*трепеща.*) Немного! не... не... неболѣе?

КЛАРА. О нѣтъ, нѣтъ .. будьте увѣрены!... потому-что въ ту минуту.... я сама какъ-то незнаю... думала объ васъ!

ДЮРИВО. Вотъ какъ счастливо!

КЛАРА. И хотя вы не были со мной, но мнѣ все таки слышался вашъ голосъ, который говорилъ: Мужайся!... побольше храбрости! И тогда...

ДЮРИВО (*быстро.*) И тогда?...

КЛАРА (*съ усиліемъ.*) Я убѣжала!

ДЮРИВО. Уфъ!... Слава Богу!... Я отдыхаю?... Она убѣжала!... Какая храбрая женщина!... (*послѣ минутнаго молчанія, дыша тяжело*). Ну, а теперь !... каково тебѣ?

КЛАРА (*вздыхая.*) Очень дурно... мой другъ! О! очень дурно..

ДЮРИВО (*безутѣшно.*) Очень дурно!... И подумать, что это проклятый Вальвиль меня тутъ душилъ, меня удерживалъ.

КЛАРА. Вальвиль?

ДЮРИВО. Да, чортъ возьми! Его я принялъ за Огюста... твоего...

КЛАРА. Какъ? Вы думали?...

ДЮРИВО. Да, чтоже мнѣ оставалось думать?... но теперь, когда я знаю, что это любезный твоей сестрицы... (*Шамбелланъ показывается въ глубинѣ*).

КЛАРА. Какъ? Вы знаете?... (*примѣтивъ Шамбеллана.*) О, молчите!... Ради Бога! Шамбелланъ!...

—

XII.

ТѢЖЕ и ШАМБЕЛЛАНЪ.

ШАМБЕЛЛАНЪ. (*очень встревоженный.*) Мой бѣдный Дюриво! Курьеръ намъ привезъ слишкомъ дурныя вѣсти...

ДЮРИВО. Еще одну?... Что такое? (*отводя Шамбеллана всторону.*)

КЛАРА (*немного позади.*) Какъ Шамбелланъ разстроенъ.

ШАМБЕЛЛАНЪ. (*по секрету, Дюриво.*) Нашъ другъ Бремонъ, отецъ Огюста...

КЛАРА (*которая слушала.*) Его отецъ! (*слушаетъ.*)

ШАМБЕЛЛАНЪ (*тихо.*) Близокъ къ банкрутству!... Онъ умоляетъ тебя выручить его, спасти отъ несчастія...

КЛАРА (*всторону.*) Боже мой! Еслибъ онъ теперь узналъ!

ДЮРИВО. О! Какое несчастіе!... Мы объ этомъ основательно поговоримъ. (*Кларѣ.*) Милый другъ, у насъ есть важное дѣло...

КЛАРА. Я вамъ не мѣшаю... не мѣшаю... (*идетъ въ свою комнату.*)

ДЮРИВО (*слѣдуетъ за ней, и останавливаетъ подлѣ двери.*) Да, но только прежде,... чтобъ давишнія недоразумѣнія не возобновились... ты мнѣ скажешь имя... то есть фамилію... ты понимаешь?

КЛАРА. О мой другъ,... теперь не требуйте.. я васъ умоляю!...

ДЮРИВО. Какъ...

КЛАРА. Послѣ... вы узнаете, я вамъ клянусь,... но теперь это невозможно!.. (*быстро уходитъ.*)

—

XIII.

ДЮРИВО И ШАМБЕЛЛАНЪ.

ДЮРИВО, (*у котораго подъ носомъ заперли дверь, пораженный.*) О, какое положеніе!

ШАМБЕЛЛАНЪ, (*сидя подлѣ бюро.*) Ужасно! (*показывая письмо.*)

ДЮРИВО, (*удивленный, въ сторону.*) Какъ? и онъ знаетъ?... Но значитъ, уже всѣ знаютъ!... (*Подходя къ Шамбеллану*). Что теперь дѣлать?

ШАМБЕЛЛАНЪ. Поспѣшить на помощь... Предупредить несчастіе.

ДЮРИВО (*быстро*). Я самъ это знаю, но какъ?

ШАМБЕЛЛАНЪ (*вставая.*) Послать 200,000 франковъ.

ДЮРИВО (*удивленный.*) 200,000 франковъ?

ШАМБЕЛЛАНЪ (*подавая ему письмо.*) Да, 200,000 франковъ, которые онъ проситъ.

ДЮРИВО (*перебивая его, съ гнѣвомъ*). Ты думаешь, что... да это не о Бремонѣ, я тебѣ говорю... я тебѣ говорю о нашихъ женахъ... (*прерываясь*) о твоей (*снова прерываясь*) нѣтъ, о моей...

ШАМБЕЛЛАНЪ, (*бросая письмо на столъ*). Что? что такое?

ДЮРИВО (*пожимая ему руку*). О моей женѣ... которая влюблена въ кого-то... въ Огюста,..

ШАМБЕЛЛАНЪ (*крича*). Въ какого Огюста?

ДЮРИВО (*крича громче*). Да, въ какого Огюста?.. Я у тебя спрашиваю, въ какого?..

ШАМБЕЛЛАНЪ. Огюстъ! Но ихъ тысячи!

ДЮРИВО (*со вниманіемъ*). Въ самомъ дѣлѣ, это довольно затруднительно... думаешь поймать своего Огюста... какъ бы не такъ!.. (*показывая на Шамбеллана, всторону*). Попадаешь на чужого!.. (*бѣшено*) И нѣтъ галеры для подобныхъ разбойниковъ!.. (*какъ-бы пораженный мыслію*). Такъ нѣтъ же, есть!.. Они женятся въ свою очередь... и тогда... (*съ гнѣвомъ*) новые Огюсты!..

ШАМБЕЛЛАНЪ (*беря его за руку*). Полно, успокойся! поищемъ лучше вмѣстѣ!

ДЮРИВО (*бѣшено*). Да, поищемъ!

ШАМБЕЛЛАНЪ Есть, напримѣръ, Вальвиль...

ДЮРИВО (*быстро и смотря на него съ иронією*). Нѣтъ, нѣтъ... я этого не подозрѣваю... у меня есть свои причины...

ШАМБЕЛЛАНЪ. Постой, постой! Вальвиль красивый мальчикъ!... Прекрасный молодой человѣкъ!.. И что жъ мудренаго... этотъ повѣса... (*смѣясь*) хе, хе, хе...

ДЮРИВО (*холодно*). И ты еще смѣешься? (*публикѣ*). Онъ смѣется! Боже мой!

ШАМБЕЛЛАНЪ (*все таки смѣясь*). Нѣтъ, нѣтъ... извини...

ДЮРИВО. Наконецъ.. если ты хочешь смѣяться...

ШАМБЕЛЛАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ... и если ты не подозрѣваешь... тѣмъ лучше... потому-что я только-что пригласилъ его обѣдать... онъ будетъ совсѣмъ готовъ къ оперѣ...

ДЮРИВО. Да, да... онъ будетъ совсѣмъ готовъ... къ... (*съ*

всторону, пожимая плечами). И подумать, что вѣдь мы всѣ таковы!.. Это ужасно!..

ШАМБЕЛЛАНЪ (*ища*). А! Огюстъ Барбье?.. Маленькій адвокатъ?

ДЮРИВО (*съ презрѣніемъ*). Горбатый-то? поди ты!.. Тутъ дѣло идетъ объ Огюстѣ красавцѣ... усы, лакированные сапоги, желтые, нѣтъ... нѣтъ, что я? усы желтые... ахъ! я незнаю уже, что я говорю!..

ШАМБЕЛЛАНЪ (*который все искалъ*). Та, та, та!.. Чортъ возьми! зачѣмъ далеко забираться... да Бремонъ!.. Твой первый повѣренный!..

ДЮРИВО. Огюстъ-то? Дитя? Ты съ ума сошелъ... честное слово!.. (*пораженный мыслію*). Такъ нѣтъ же, есть средство окончить все, потому-что наконецъ это положеніе невыносимо... (*подходитъ къ рабочему столику, звонитъ, потомъ отходитъ направо*).

ШАМБЕЛЛАНЪ. А кто жъ виноватъ? Ты самъ во всемъ... довольно тебѣ заниматься поэзіей... Ламартиномъ... читать глупые стихи...

ДЮРИВО (*раздраженный*). Стихи!.. Боже мой! онъ ей читалъ стихи въ то время какъ... брръ!.. Я ихъ теперь ненавижу... презираю!.. (*беретъ соч. Ламартина съ бюро*). На! вотъ, возьми эту книгу, унеси ее... я ее не могу теперь видѣть... возьми!.. (*кладетъ за сюртукъ Шамбеллана и застегиваетъ его*).

ШАМБЕЛЛАНЪ. Хорошо, хорошо... я тебѣ въ замѣнъ оставляю письмо этого бѣднаго Бремона... нечего говорить, что я заранѣе согласенъ на все, что ты придумаешь для него сдѣлать...

ДЮРИВО (*возвращаясь къ столу*). Хорошо, хорошо!.. А что этотъ Жакъ нейдетъ! (*снова звонитъ. Шамбелланъ выходитъ. Позвонивъ, онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ въ комнатѣ Клары*). Звонили!.. (*радостно*) А! это я самъ!.. (*садится подлѣ бюро*).

XIV.

ДЮРИВО, *потомъ* **ЖАКЪ.**

ДЮРИВО (*у своего бюро*). Нужно отвѣчать Бремону!.. Если дѣлать, такъ ужъ дѣлать скорѣе... я знаю, какъ это важно... но чортъ знаетъ гдѣ достать столько денегъ?..

ЖАКЪ, (*входя*). Вы изволили звонить?

ДЮРИВО (*сидя у бюро*). Разумѣется!.. что ты тамъ дѣлалъ?

ЖАКЪ. Извините сударь, я искалъ...

ДЮРИВО. Хорошо! Послушай... (*оборачиваясь къ Жаку*). У всѣхъ, кто сюда будетъ приходить, ты будешь спрашивать имя, понимаешь?

ЖАКЪ. Слушаю, сударь! (*хочетъ уйти*).

ДЮРИВО. Постой же, постой... (*Жакъ возвращается*). И для всѣхъ, кто называется Огюстомъ, насъ нѣтъ дома... насъ нѣтъ никогда дома... слышишь?

ЖАКЪ. Совершенно-съ. Это имя запрещенное... которое непроходитъ.

ДЮРИВО (*начиная снова писать*). Ну, такъ помни!

ЖАКЪ (*подходя*). Извините, сударь... г-нъ Огюстъ... первый повѣренный... въ этомъ ли числѣ?

ДЮРИВО. Какъ ты глупъ... онъ домашній!

ЖАКЪ. Кстати, не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ онъ теперь... я его вездѣ ищу...

ДЮРИВО. Зачѣмъ?

ЖАКЪ. Нужно отдать ему эту бумагу, которую онъ давича уронилъ... выходя отъ барыни...

ДЮРИВО (*пораженный и оборачиваясь на креслахъ*). Отъ жены?

ЖАКЪ. Точно такъ, сударь, вотъ сейчасъ... когда барыня изволила такъ звонить...

ДЮРИВО (*всторону*). А! мой Боже! (*громко и вставая*). Подай мнѣ эту бумагу...

ЖАКЪ (*отдавая*). Вы значитъ потрудитесь сами...

ДЮРИВО (*беря бумагу*). Да, да... поди прочь!.. Оставь меня! (*Жакъ уходитъ*).

XV.

ДЮРИВО (*одинъ*). Сейчасъ!.. у моей жены!.. О? нѣтъ, это невозможно!.. однакожъ эта бумага... (*пробѣгаетъ*). Стихи! Кларѣ!.. Онъ!.. Такъ, это былъ онъ!.. Онъ, кого я менѣе всѣхъ подозрѣвалъ!.. кого я любилъ, какъ сына!.. О! это очень дурно! это очень неблагодарно!.. Это слишкомъ подло!.. Мое положеніе теперь еще невыносимѣе... (*съ силою*). А его отецъ!

Отецъ его, который только-что проситъ меня спасти ему честь... въ ту минуту, какъ сынъ его лишаетъ ея меня!.. Но нѣтъ! я не буду глупцомъ до такой степени!.. Я ему напишу! (*садится*) онъ все узнаетъ... (*пишетъ съ волненіемъ*). Онъ узнаетъ эту любовь... которую я скрываю тутъ... въ моемъ сердцѣ... эту любовь, которую не подозрѣваетъ даже моя жена! Она, все мое счастіе... моя жизнь!.. И онъ... почти мое дитя!.. (*пишетъ*).

ЖАКЪ (*выходя отъ Клары*). Сударь!... (*Дюриво не слыша его, продолжаетъ писать. Жакъ подходитъ и послѣ минутнаго молчанія говоритъ*) Сударь!...

ДЮРИВО. Опять? Что тебѣ надо?

ЖАКЪ. Извините, сударь, это не я...

ДЮРИВО (*продолжая писать*). Какъ не ты?

ЖАКЪ. Это ювелиръ, пришелъ къ вамъ изъ магазина...

ДЮРИВО. Ахъ, да.... бриліянты.... Мнѣ теперь некогда.... скажи, что я занятъ... пишу... (*Жакъ хочетъ уйти*). Нѣтъ, нѣтъ... постой!... Я слишкомъ разстроенъ, чтобъ кончить это письмо... (*встаетъ и запираетъ бюро*) Потомъ... завтра... когда буду спокойнѣе... (*Жаку*) Пойдемъ!... (*Уходитъ въ глубину, Жакъ ему показываетъ, что ювелиръ у Клары*).

ДЮРИВО. (*занятый своею мыслію, оборачивается къ Жаку и, подумавъ нѣсколько времени, говоритъ*) Нѣтъ, я не буду глупцомъ до такой степени! (*Входитъ къ своей женѣ. Жакъ слѣдуетъ за нимъ*).

—

XVI.

КЛАРА. (*Полуотворяя дверь въ глубинѣ*) Никого!... (*входитъ*) Поищемъ поскорѣй! Бѣдная Люція!... Она не смѣла сама сюда придти.... Да, вѣдь какая неосторожность!.... Переписываться такъ... въ книгѣ... Но гдѣ-же она?... (*идетъ къ рабочему столику*) Она мнѣ сказала, что на столѣ.... на какомъ-же?... Можетъ-быть Дюриво куда-нибудь переложилъ... (*подходитъ къ бюро и ищетъ между бумагами*). Она была у него всегда на бюро... Ужъ не унесъ-ли онъ ее? (*отпираетъ бюро, и видитъ письмо, которое началъ Дюриво*) Что это?... Мое имя!... Огюстъ!... (*пробѣгая*) Что я прочитала?.... (*читаетъ*): «Я любилъ мою жену болѣе всего на свѣтѣ! даже до того, «что готовъ быть смѣшнымъ въ ея глазахъ!.... до того, что «находилъ счастіе удовлетворять всѣмъ малѣйшимъ ея капри-

«замъ... Посылалъ ей каждое утро цвѣты.... которые она принимала посланными отъ другаго.» (*говоритъ*) Это былъ онъ!... (*читаетъ*) «И дѣлая это, я утѣшался еще, думая, по крайней «мѣрѣ, она никого не любитъ и, можетъ быть, придетъ вре«мя, когда она оцѣнитъ мою любовь и заплатитъ мнѣ тѣмъ«же! Но твой сынъ, *наше* дитя; да, я говорю: наше дитя, по«тому-что я любилъ его не меньше твоего... Твой сынъ унич«тожилъ эту послѣднюю надежду... разрушилъ всѣ мои счаст«ливыя мечты...» (*Она утираетъ слезы. Быстро оборачивается, и кладетъ письмо въ бюро, думая слышать шумъ*) Кто-то идетъ!... Нѣтъ, кажется, я ошиблась!.... (*подходитъ къ авансцену. Молчаніе*). Онъ меня любитъ до такой степени!.... И послѣ этого я ему сказала... что люблю другаго!... О! что онъ долженъ былъ вытерпѣть!... (*Отходитъ на-лѣво въ глубину и плачетъ*).

—

XVII.

ДЮРИВО и КЛАРА.

ДЮРИВО (*выходя отъ Клары, подходитъ къ авансцену, съ твердостію*). Я все обдумалъ, и.... рѣшился!.... (*замѣчая*) Жена!

КЛАРА (*утирая слезы, подходитъ къ нему, улыбаясь*). Какъ вы долго со мной не были, мой другъ!...

ДЮРИВО (*холодно*). Долго? Вы находите?.... Это очень любезно съ вашей стороны ..

КЛАРА (*весело*). Это потому, что я хотѣла васъ видѣть.... чтобъ сказать вамъ, что теперь лучше!...

ДЮРИВО (*недовѣрчиво, съ нѣжностію*) Право?.... теперь.... немного лучше?

КЛАРА (*тоже*). Гораздо лучше!

ДЮРИВО. О! какъ ты хорошо сдѣлала, что теперь мнѣ это сказала, потому-что я имѣлъ въ этомъ большую нужду.... я только-что хотѣлъ у тебя просить небольшой жертвы...

КЛАРА (*быстро и съ готовностію*). Все, что ты хочешь, мой другъ!... все, что ты хочешь...

ДЮРИВО. Я такъ и думалъ, милая Клара!... Тутъ дѣло идетъ о брилліянтахъ.... о тѣхъ 40,000 франковъ.... Ты знаешь?...

КЛАРА (*быстро*). Они вамъ нужны?...

ДЮРИВО. Да, чтобы дополнить до 200,000... (*движеніе Клары*) Одинъ мой пріятель, котораго дѣла довольно запутаны... другъ...

КЛАРА (*отгадывая*) Другъ! (*пристально смотритъ на мужа до конца этого явленія*).

ДЮРИВО. Ты его не знаешь! Честный и добрый человѣкъ, котораго я люблю, уважаю... и нужно ему помочь теперь.... необходимо нужно...

КЛАРА (*смущенная*) О! какое-жъ вы дѣлаете доброе дѣло!

ДЮРИВО. Вовсе нѣтъ... Онъ тоже бы самое сдѣлалъ и для меня... онъ мнѣ почти братъ... (*съ волненіемъ*) Я смотрѣлъ на его дѣтей, какъ на своихъ... и еслибъ ты его знала, то ни мало-бы и не подумала...

КЛАРА. Но я ни мало и не думаю!... Такое благодѣяніе! И если я теперь молчу, то это отъ того, что удивленіе!... восторгъ!... (*съ усиліемъ*) Но развѣ я слѣпа была до сихъ поръ! (*всхлипываетъ*).

ДЮРИВО. (*быстро*) Ты плачешь! Развѣ тебѣ хуже?

КЛАРА (*взволнованная*). Хуже? Нѣтъ, напротивъ, я теперь совсѣмъ выздоровѣла!...

ДЮРИВО. (*пораженный*). Выздоровѣла?... Какъ это?.. Такъ — вдругъ?.... Ты его больше не любишь?.... Совсѣмъ не любишь?... И даже не думаешь....

КЛАРА (*зло*). Но я думаю, что я теперь люблю другаго!

ДЮРИВО (*безутѣшно*). Боже мой! Начнется снова!

КЛАРА (*съ душой*). И тотъ, кого я люблю, лучше всѣхъ между ними, это доброта, честь...

ДЮРИВО. Но кто-же это? кто?

КЛАРА (*съ усиліемъ*). Да развѣ вы не видите, что это вы! (*подавая ему руку*).

ДЮРИВО (*ослушенный, не смѣя взять ея руку*). Я?.. какъ я?... Я, Дюриво?... Твой мужъ!... Да это невозможно!

КЛАРА (*нетерпѣливо*). Да какъ невозможно... но когда я вамъ говорю... Онъ теперь не вѣритъ!

ДЮРИВО (*въ восхищеніи, беря ея руку*). Вѣрю, вѣрю.... О! я тебѣ вѣрю!

КЛАРА (*улыбаясь*). А если такъ, то поцѣлуйте-же меня въ доказательство...

ДЮРИВО. Поцѣловать тебя?... (*подходя*) два раза!... (*еще цѣлуетъ*) Три раза!... Ахъ! какъ это хорошо! какъ хорошо!

—

XVIII.

ТѢЖЕ и ШАМБЕЛЛАНЪ.

ШАМБЕЛЛАНЪ (*за кулисами*). Гдѣ она? гдѣ она?...

ДЮРИВО. Кто она? что это съ тобой?

ШАМБЕЛЛАНЪ (*показывая записку*). Я хочу ее видѣть! Я хочу ее убить!... Я хочу ихъ обоихъ убить!... Письмо! любовное письмо! И въ этой книгѣ! (*бросаетъ съ бѣшенствомъ книгу на столъ*).

КЛАРА (*тихо Дюриво*). Боже мой! Люція!... О, мой другъ! Спасите ее!...

ДЮРИВО (*тихо.*) Молчи же... (*громко.*) А! ты нашолъ это письмо?

ШАМБЕЛЛАНЪ. Да, письмо, доказательство ихъ измѣны!... преступленія!

ДЮРИВО (*переворачивая бумагу, съ презрѣніемъ.*) Поди ты! называть преступленіемъ письмо сумасшедшаго... къ моей женѣ...

ШАМБЕЛЛАНЪ. Къ твоей женѣ?... Нѣтъ, братъ, тутъ дѣло идетъ не о твоей женѣ,... а о моей... послушай-ка!..

ЛЮЦІЯ (*показывается въ дверяхъ Клары*) Боже! (*Клара ей дѣлаетъ знаки невходить. Она остается у двери и дрожитъ*).

ШАМБЕЛЛАНЪ (*читая.*) «Вашъ мужъ ничего не знаетъ, и цѣною моей крови я заставлю, чтобъ наша любовь осталась для него неизвѣстна»...

ДЮРИВО (*холодно.*) Неизвѣстна!... дальше!

ШАМБЕЛЛАНЪ. «И если я этого не достигну, то послѣ охоты... съумѣю избавить васъ отъ его тиранства.»

ДЮРИВО (*тоже.*) Моего тиранства! Потомъ?

ШАМБЕЛЛАНЪ. Слышишь: рѣчь идетъ объ охотѣ, а?.. Вѣдь это не ты, кажется, ѣдешь на охоту? (*движеніе испуга у обѣихъ женщинъ.*)

ДЮРИВО (*холодно.*) А почему же нѣтъ? Развѣ ты думаешь, что только для тебя созданы рябчики и куропатки?... У меня тоже есть билетъ... ружье... все какъ слѣдуетъ.... а вотъ и мое приглашеніе въ Ранси... (*вынимаетъ изъ своего портфеля.*)

КЛАРА (*встороиу, съ радостью.*) Она спасена!... (*Люція выходитъ на сцену.*)

ШАМБЕЛЛАНЪ (*удивленный.*) Такъ это не ко мнѣ!... И ты знаешь, отъ кого эта записка?

ДЮРИВО. Совершенно!... Моя жена во всемъ мнѣ призналась!... И я ее не убилъ!... Я напротивъ помогъ ей! Ты видишь, статья 213 пригодилась таки кое къ чему... Ты совершенно отгадалъ: сегодня утромъ... это былъ Вальвиль!...

ШАМБЕЛЛАНЪ. Какъ? Вальвиль?

ДЮРИВО. Огюстъ, котораго мы не знали!... Огюстъ этого письма... Огюстъ Вальвиль!...

ШАМБЕЛЛАНЪ (*послѣ минутнаго молчанія, разрывался смѣхомъ.*) Ха, ха, ха... Я бы держалъ... это забавно (*Дюриво отходитъ.*) Ха, ха, ха,... бѣдный Дюриво... онъ просто слѣпъ, рѣшительно слѣпъ!... (*увидя свою жену.*) А! вотъ и вы, мой другъ!... Послушайте-ка, я вамъ разскажу... (*идетъ къ ней.*)

ДЮРИВО (*останавливая его*). Что съ тобой? Что ты ей станешь говорить?

ШАМБЕЛЛАНЪ (*возвращаясь на свое мѣсто.*) А нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... твоя правда! (*встороиу.*) Лучше одинъ посмѣюсь! (*слышенъ звонокъ. Дюриво бросается, но останавливается, увидя тутъ же свою жену, и схватывается руками за уши*).

ДЮРИВО (*встороиу.*) Кончено! Я не могу больше слышать звонка!

—

XIX.

ТѢЖЕ и ЖАКЪ (*входя изъ глубины.*)

ЖАКЪ (*Дюриво*). Г-нъ Вальвиль! дожидаются тамъ, но какъ они называются Огюстомъ... то я не зналъ, можно ли...

ДЮРИВО (*быстро.*) Скажи, что насъ нѣтъ дома!

КЛАРА. И для него насъ никогда не будетъ дома. (*тихо Люціи*). Неправда ли?

ЛЮЦІЯ. О да!... да! Никогда! (*Жакъ уходитъ.*)

—

XX.

ЛЮЦІЯ, КЛАРА, ШАМБЕЛЛАНЪ и ДЮРИВО.

ШАМБЕЛЛАНЪ. Но послушай, какъ это можно!... Я его сегодня пригласилъ... я!

ДЮРИВО. Но я надѣюсь, что по дружбѣ ко мнѣ, ты согласишься насъ избавить отъ его посѣщенiй...

ШАМБЕЛЛАНЪ, (*раздумывая.*) А славный малый!... У насъ были одинакіе вкусы!

ДЮРИВО. (*холодно.*) Да, да... У него были рѣшительно всѣ твои вкусы! всѣ! (*Клара переходитъ направо.*)

ШАМБЕЛЛАНЪ. И ты понимаешь, что эту жертву я приношу только для тебя!...

ДЮРИВО. Небо тебя за нее вознаградитъ!... Но... я думаю... эти 200.000 франковъ, которые мы должны послать... Кому бы ихъ поручить?

КЛАРА. Но... что же можетъ быть проще!... Огюсту Бремону!... Онъ ихъ самъ отвезетъ своему отцу.

ДЮРИВО. (*удивленный.*) Какъ? Такъ ты знала, что это его отецъ... И ты хочешь... О моя добрая Кларочка!...

ШАМБЕЛЛАНЪ. Его добрая Кларочка! послѣ того, что случилось!... О! на его мѣстѣ я бы...

ДЮРИВО. (*тихо, останавливая его.*) Мой другъ, въ подобныхъ случаяхъ... никогда нельзя знать, что ты самъ сдѣлалъ-бы на моемъ мѣстѣ! (*громко*) Пойдемте обѣдать!

—

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, каждое 15-е число.

Годовое изданіе состоитъ изъ *двѣнадцати книжекъ*, отъ 20 до 25 листовъ компактной печати каждая ; при нихъ 12 нумеровъ *Репертуара Русской Сцены*, заключающихъ въ себѣ отъ 16 до 20 новѣйшихъ и лучшихъ пьесъ, играемыхъ на русскихъ театрахъ, и 12-ть, отлично гравированныхъ на стали въ Парижѣ и Лондонѣ , портретовъ и картинокъ , изображающихъ предметы современнаго интереса.

Кромѣ того , подписчики получатъ въ теченіе года ПРЕМІЮ, состоящую изъ музыкальнаго *кипсека*, роскошно изданнаго, цѣною въ 6 руб. сер.

=

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

10 руб., *съ пересылкою* ***11 руб. 50 коп. сер.***

=

Подписка принимается въ *Конторѣ Пантеона*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голландской церкви, въ книжномъ магазинѣ *Ратькова и комп.*

Въ Москвѣ : въ Университетской книжной лавкѣ *И. В. Базунова.*

Иногородные благоволятъ адресоваться въ *Редакцію Пантеона*, на имя издателя *Ѳедора Алексѣевича Кони.*

Редакція отвѣчаетъ *за вѣрную доставку* только тѣхъ экземпляровъ , которые будутъ выписаны изъ *означенныхъ мѣстъ.*

=

Редакція *Пантеона* находится: въ Вознесенскомъ переулкѣ, противъ церкви Вознесенія, въ домѣ Штэкельберга.